Войтиков Сергей
Отечественные спецслужбы и Красная армия. 1917–1921

ПРЕДИСЛОВИЕ

Спецслужбы *(специальные службы)* — неофициальный термин, которым с конца XX в. часто обозначают государственные органы, предназначенные для осуществления преимущественно противозаконной деятельности (как-то: шпионаж, перехват коммуникаций, криптоанализ, диверсии; в странах с тоталитарными и авторитарными политическими режимами — также политический сыск, репрессии и внесудебные расправы) в интересах правительства или главы государства на территории иных стран, а также своей страны.

Отечественные спецслужбы стали одним из самых популярных сюжетов по исторической тематике в последнее время. Однако наибольшее внимание по традиции уделяется созданной 20 декабря 1917 г. на основе Петроградского военно-революционного комитета Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с преступлениями по должности, спекуляции и саботажем (ВЧК) [1], из которых особенно выделяются работы В.К. Виноградова, О.И. Капчинского, А.И. Кокурина, Н.В. Петрова[2], С.В. Леонова, А.Л. Литвина, Д.С. Новоселова[3]. В то же время отечественные спецслужбы представлены и другими организациями.

Созданные в годы Гражданской войны советские спецслужбы стали предшественниками современных Главного разведывательного управления Генерального штаба (ГРУ) и Департамента военной контрразведки ФСБ России (ДВК).

Не желая создавать ***историграфические «святцы»*** (выражение М.А. Молодцыгина), я хотел бы назвать ряд специалистов, труды которых использовались при написании книги: М. Алексеев[4], Н.Д. Егоров[5], С.В. Карпенко[6], В.С. Кириллов[7], В.Я. Кочик[8], В.М. Лурье[9],

---

1 См.: Леонов С.В. История советских спецслужб 1917–1938 гг. в новейшей историографии (1991–2006) // Тр. Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М., 2007. С. 11–63; Литвин А.Л. ВЧК в современной исторической литературе // Архив ВЧК. М., 2007. С. 51–74.

2 Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД— КГБ. 1917–1991: Справочник / Сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003.

3 См., напр.: Виноградов В.К. История формирования архива ВЧК // Архив ВЧК. М., 2007. С. 5—50; Капчинский О.И. Госбезопасность изнутри: Национальный и социальный состав. М., 2005; Леонов С.В. Государственная безопасность Советской Республики в пору Октябрьской революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.) // Государственная безопасность России: История и современность. М., 2007. Цит. по: http://www.chekist.ru/article/1942; Он же. Дзержинский — Троцкий: Кто кого // Родина. 2008. № 12. С. 33–38; Новоселов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 — начале 1919 года // Отечественная история. 2005. № 6. С. 66–77; «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК…» / Публ. Д.С. Новоселова // Военно-исторический журнал. 2006. № 12.С. 51–55.

4 См., напр.: Алексеев М. Как создавалось ГРУ // Секретное досье. 1998. № 2. С. 38–48.

5 Егоров НД. Разведка Красной армии против белой эмиграции (20-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 3. Цит. по: http:// www.nivestnik.ru/2001_ 1 /2.shtml.

6 Карпенко С.В. Разведсводки штабов Красной армии как источник по истории внутренней контрреволюции и интервенции (на примере врангелевщины). Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 20. Л., 1989. С. 63–78.

7 "Кириллов В.С. И.С. Уншлихт — Л.Д. Троцкому: «Агентура За-фронта делает все возможное…». Деятельность отечественной военной разведки накануне и в ходе Советско-польской войны 1920 года// ВИЖ.

А.И. Колпакиди, Д. Прохоров, А. Север[10], (военная разведка); И.И. Васильев[11], Ю.Б. Долгополов[12], А.А. Зданович[13], С.З. Остряков[14] (военная контрразведка); К. Востоков[15], В.Г. Кикнадзе (радиоразведка)[16]. Также привлечены коллективные труды по истории отдельных спецслужб[17].

Новизна исследования. Впервые, с использованием ряда неизвестных ранее документов, проведено комплексное исследование становления и развития отечественных военной разведки и военной контрразведки в годы Гражданской войны; впервые проанализированы организация и деятельность первого советского органа военных разведки, контрразведки и цензуры — Оперативного отдела Наркомвоена; история Курсов разведки и военного контроля, ставших первым органом по подготовке сотрудников спецслужб в Советской России; «дело о шпионстве» одного из отцов-основателей ГРУ Георгия Теодори. На страницах книги рассматриваются: зарождение отечественных спецслужб и подготовка новой генерации их сотрудников *(раздел I);* становление и развитие советских органов военной разведки *(раздел II)* и военной контрразведки *(раздел III).* Основное внимание уделено эволюции организационной структуры и кадрового состава центрального аппарата спецслужб.

Опубликованные источники представлены сборниками документов, трудами разведчиков и контрразведчиков, воспоминаниями советских партийных и военных деятелей, материалами периодической печати.

Особое значение среди опубликованных источников имеют *документальные сборники*

2009. № 9. С. 44–50.

8 Коник В.Я. Советская военная разведка: структура и кадры 1918–1921 годы. Цит. по: www.pseudology.org/Kochik/Statia02.htm

9 Лурье В.М., Коник В.Я. ГРУ: Дела и люди. СПб.—М., 2002.

10 См., напр.: Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. М., 2000; ГРУ; Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. М., 2009.

11 И.И. Васильев в 1973 г. под руководством профессора А.С. Ве-лидова защитил кандидатскую диссертацию «Создание советской военной контрразведки (октябрь 1917 — февраль 1919 гг.)». К сожалению, диссертация была защищена в закрытом порядке и остается недоступной исследователям. Опубликованы лишь фрагменты работы, см., напр.: Васильев И.И. Создание советской военной контрразведки. М., 1973; Он же. Истоки // Военные контрразведчики. М., 1978. С. 25–40.

12 Долгополов Ю.Б. Война без линии фронта. М.: Воениздат, 1981.200 с.

13 Здановин А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920). М., 2005; Он же. Еще раз о «Национальном центре» // Вопросы истории (ВИ). 2009. № 9. С. 94–99; Он же. Организация и становление спецслужб Российского флота // www.fsb.ru/smi/article/zdanovi2.html; Как Л.Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку / публ. А.А. Здановича // Военно-исторический журнал (ВИЖ). 1996. № 3. С. 63–73; № 5. С. 75–82.

14 Остряков С.З. Военные чекисты. М., 1979.

15 Востоков К. Рождение радиоразведки: Она успешно действовала еще в годы Гражданской войны // Независимое военное обозрение. 2000. № 30.

16 См., напр.: Кикнадзе В.Г. Советская радиоразведка на море в годы Гражданской войны в России // ВИ. 2008. № 3.

17 См., напр.: Они руководили ГРУ: Сб. биографических очерков. М., 2005.

— «В.И. Ленин и ВЧК», «Красная книга ВЧК», переписка руководства партии большевиков, протоколы заседаний Реввоенсовета Республики и стенограммы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), «Русская военная эмиграции 20-х—40-х годов», биографический сборник о председателе ВЧК Ф.Э. Дзержинском, «Всероссийский национальный центр», «Архив ВЧК», «Нестор Махно»; сборник документальных публикаций «Неизвестная Россия»[18].

Труды разведчиков и контрразведчиков делятся на два вида.

Первый составляют работы советских военных разведчиков С.С. Турло и И.П. Залдата «Шпионаж», изданная впервые Полномочным представительством ГПУ по Западному краю, и А.И. Кука «Канва агентурной разведки» (последняя, к сожалению, изучена лишь по фрагментам, приведенным в книге С.С. Турло и И.П. Залдата). С.С. Турло и А.И. Кук занимали видные посты, свои теоретические выкладки они сопровождали примерами из военной истории, в частности из истории разведки и контрразведки.

Станислав Степанович Турло (1889–1942) работал в органах ВЧК-ГПУ с 1918 г.: председатель Донской ЧК, инспектор Особого отдела ВЧК, заместитель начальника особого отдела 15-й армии, председатель Ферганской ЧК, начальник контрразведывательного отделения Полномочного представительства ГПУ по Западному краю (до августа 1924 г.), после чего вышел в отставку по болезни. В 1920 г. им была предпринята попытка издания курса лекций «Красная контрразведка», однако весь тираж этой книги был уничтожен[19].

Александр Иванович Кук (1886–1932) был единственным выпускником ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии, надолго оставшимся в советской военной разведке. Родился 6 января 1886 г. Лютеранин, из крестьян Лифляндской губернии. Образование домашнее, военное — общий класс Петроградского пехотного юнкерского училища по 1-му разряду и старший курс 2-й очереди Императорской Николаевской военной академии. Холост. На военную службу вступил на правах вольноопределяющегося 2-го разряда — подпоручик 1-го Сибирского стрелкового полка (с 6 августа 1909), со старшинством (с 15 июня 1908); неоднократно командовал ротой и пулеметной командой, назначен заведующим школой обмундирования (2—20 октября 1911); прикомандирован к полковой канцелярии для врид делопроизводителя по хозяйственной части (3—13 марта, 4—27 апреля 1912), наблюдающий за хозяйством и имуществом команды связи полка (24 мая — 22 июня 1912), врид заведывающего оружием (29 июня — 5 июля 1912); произведен в поручики (15 октября 1912); держал экзамен в Императорскую Николаевскую военную академию (24 июня 1913), убыл в академию (с 18 мая 1914), но вскоре по мобилизации вернулся в полк (17 августа 1914) — врид полкового адъютанта (с 31 декабря 1915), начальник команды связи (с 11 января 1916); офицер для поручений при штабе 4-го армейского корпуса (с 22 февраля 1916), штабс-капитан (22 февраля 1916), в командировке в г. Яссы для упорядочения продвижения частей корпуса (24 октября — 3 ноября 1916); командирован в Императорскую Николаевскую военную академию для продолжения обучения (20 января 1917), окончил подготовительные курсы 2-й очереди (младший класс) и командирован в распоряжение штаба Румынского фронта (29 мая 1917) — и.д. старшего адъютанта штаба (вероятно, начальник разведки, с 10 июня 1917), врид начальника штаба

---

[18] В.И. Ленин и ВЧК: Сб. док. (1917–1922 гг.). М, 1987; Неизвестная Россия. XX в. / Мосгорархив. Т. 1. М., 1992; Красная книга ВЧК / Науч. ред. А.С. Велидов. Т. 1–2. М., 1989; Большевистское руководство. Переписка. Т. 1. М., 1996; Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. 1918–1919 / Сост.: Т.Ф. Каряева и др. М., 1997; Русская военная эмиграции 20-х—40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. М., 1998; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / Сост.: К.А. Абрамян, В.В. Кондрашин, Н.С. Тар-хова и др. М., 2006; Ф.Э. Дзержинский: председатель ВЧК — ОГПУ. 1917–1926 / Сост.: А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007; Архив ВЧК: Сб. док. / Сост.: В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М., 2007; Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Т. 2.

[19] В августе 1938 г. Особым совещанием при НКВД «за принадлежность к контрреволюционной организации» приговорен к 8 годам лишения свободы (Хлобустов О. Рождение отечественной контрразведки // http://www.chekist.ru/article/2021).

30-й пехотной дивизии (с 13 сентября 1917); окончил полный курс двух классов Императорской Николаевской военной академии и переведен в дополнительный класс с правом на ученый знак и причисление к корпусу офицеров Генштаба на основании ст. 34-й «Положения об ускоренной подготовке офицеров в Николаевской военной академии» приказом военного ведомства 1916 г. № 627 (с 3 марта 1918). 27 июня 1918 г. 28-летний офицер, кавалер орденов Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава 3-й и 2-й степеней с мечами и бантами и Святой Анны 3-й и 2-й степеней с мечами и бантами, был назначен начальником разведотделения штаба военного совета Смоленского района Западного участка отрядов Завесы [20]. С этого началась карьера будущего теоретика военной разведки.

Второй вид составляют труды асов шпионажа времен Первой мировой войны — Вальтера Николаи[21], Николая Батюшина[22]и Максимилиана Ронге[23], а также американского разведчика Чарльза Э. Росселя[24]. Эти работы помогают воссоздать исторический контекст описываемых событий.

Воспоминания советских партийных и военных деятелей — С.И. Аралова[25], М.Д. Бонч-Бруевича[26], И.И. Вацетиса[27], С.И. Гусева[28], Л.Д. Троцкого[29] и др. — также содержат

---

[20] РГВА. 488. Оп. 1. Д. 96. Л. 405–405 об.

[21] Николаи В. Тайные силы // Тайные силы: Интеранциональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время / сост., вступ, ст. и общ. ред. В.Ф. Федько. Киев, 2005. С. 9—238.

[22] Батюшин Н.С. У истоков русской контрразведки: Сб. документов и материалов / Вступ, ст. И.И. Васильева, А. А. Здановича; подбор док. и илл. В.К. Былинина. М., 2007.

[23] Роте М. Разведка и контрразведка // Тайные силы: Интеранциональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. Киев, 2005. С. 239–518.

[24] Россель Ч.Э. Разведка и контрразведка // Тайные силы: Интеранциональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. Киев, 2005. С. 519–664.

[25] Аралов С.И. Ленин вел нас к победе: 2-е изд. М., 1989.

Аралов Семен Иванович (1880–1969). Из купцов. В революционном движении с 1903. В старой армии — штабс-капитан — зав. Оперативным отделом МВО — Наркомвоена (янв. — сент. 1918); член РВСР (сент. 1918 — июль 1919) и военком Полевого штаба РВСР (нояб. 1918 — июль 1919); член РВС 12-й армии Каспийско-Кавказского фронта (июнь 1919 — нояб. 1920). — (Сб. РВСР Т 1. С 596).

[26] Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1957.

Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956) — генерал- лейтенант (1915). Сын землемера. Окончил Московский межевой институт (1891), Московское пехотное училище (1892), Академию Генштаба. В царской армии — в штабе КВО (1898–1907); преподаватель тактики Академии Генштаба (с 1907). Участник Первой мировой войны — генерал-квартирмейстер 3-й армии, в штабе Северо-Западного фронта (с сентября 1914); нач. штаба Северного фронта (с августа 1915 по февраль 1916). Во время Февральской революции — член Псковского Совета; Главнокомандующий войсками Северного фронта, участник ликвидации Корниловского мятежа (август — сентябрь 1917). В Красной гвардии с 1917 — нач. штаба Верховного главнокомандующего (с ноября 1917). В Красной армии с 1918 — участник организации обороны Петрограда (с февраля 1918); военный руководитель ВВСР (с 4 марта 1918); нач. Полевого штаба РВСР (с июня 1919); нач. Редакционной военно-исторической комиссии по обобщению опыта войны 1914–1918 (с августа 1919).

[27] РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6.

[28] Гусев С.И. Гражданская война и Красная армия. М.; Л., 1925.

[29] Гусев Сергей Иванович (Драбкин Яков Григорьевич) (1874—1933). Еврей. В социал-демократическом движении с 1896 г. — один из организаторов первых марксистских кружков (с 1896) и член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1896); примыкает к группе «Искра» (с 1900); работая

ценные сведения по истории военной разведки и военной контрразведки, но приведенные в них факты нуждаются в тщательной проверке по архивным документам.

Из *периодики* изучены официальные советские издания — газеты «Правда», «Известия ВЦИК», «Известия Народного комиссариата по военным делам» и «Известия Московского окружного военного комиссариата». В двух последних, что особенно важно, публиковались сведения о структуре и кадрах центрального военного аппарата Советской России и Московского окружного военного комиссариата, в частности интересующие нас.

Неопубликованные источники составили документы 29 фондов двух архивов — Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). В *РГВА* изучены документы следующих фондов: Управление делами Народного комиссариата по военным делам (Ф. 1); Высший военный совет (Ф. 3); Управление делами при наркоме обороны СССР (быв. Управление делами РВСР, Наркомата по военным и морским делам и РВС СССР) (Ф. 4); Секретариат Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики (Ф. 5); Полевой штаб РВСР (Ф. 6); Штаб РККА (Ф. 7); Всероссийское бюро военных комиссаров (Ф. 8); Всероссийский главный штаб (Ф. 11); Главное артиллерийское управление (Ф. 20); Главное управление военновоздушного флота (Ф. 29); Главное военно-ветеринарное управление (Ф. 37); Военно-законодательный совет (Ф. 44); Центральное управление по снабжению армии (Ф. 46); Штаб Западного участка отрядов Завесы (Ф. 488); Редакция сборника «Красная Армия и Флот» (Ф. 612); Штаб Петроградского района обороны и Северного участка отрядов Завесы (Ф. 862); Московский военный округ (Ф. 25883); Ленинградский военный округ (Ф. 25888); Личный фонд Н.И. Подвойского (Ф. 33221); Секретариат председателя РВСР — РВС СССР (Ф. 33987); Секретариат первого заместителя председателя РВСР — РВС СССР (Ф. 33988); Личный фонд И.И. Вацетиса (Ф. 39348); Научный военно-исторический отдел Генерального штаба РККА (Ф. 39352); Коллекция послужных списков и личных дел на командный, начальствующий и политический состав РККА (Ф. 37976); Коллекция документов белогвардейских объединений, соединений, частей и учреждений «Уагіа» (Ф. 40307). В РГАСПИ — Личный фонд В.И. Ленина (Ф. 2); Секретариат В.И. Ленина (Ф. 5); Центральный комитет РКП(б) (Ф. 17); Личный фонд А.Г. Васильева (Ф. 289); Личный фонд Л.Д. Троцкого (Ф. 325); Коллекция документов об оппозиции в ВКП(б) (Ф. 71).

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1917 по 1921 г.

Книга рассчитана на широкий круг любителей отечественной истории и специалистов — историков органов государственной безопасности и Красной армии.

Автор выражает благодарность руководству и сотрудникам ГПИБ, РГАСПИ, РГБ, РГВА, ЦМАМЛС и лично — М.В. Страхову, А.Ю. Клименко, Н.А. Мурзовой, И.Н. Селезневой, А.Д. Силаеву. При составлении биографических справок активно

сотрудником газеты «Донская речь», входит в состав Донского комитета РСДРП, руководит созданием Южнорусского кружка учащихся и главный руководитель «ноябрьской стачки рабочих» (1902); делегат Донского комитета на II съезде РСДРП (1903); после раскола партии на большевиков и меньшевиков один из организаторов Бюро комитетов большинства (с 1903); на большевистской работе в ряде городов Южной России. Участник революции 1905–1907, секретарь МК РСДРП(б) (с начала 1906); делегат IV Стокгольмского съезда партии (1906); арест и ссылка в Тобольскую губернию (1906), бежит в Петербург (1909); на подпольной работе вместе с Я.М. Свердловым (с 1909). Активный участник Октябрьского переворота — член и секретарь ВРК (с октября 1917). В советском военном ведомстве — член Комитета революционной обороны Петрограда (февраль 1918); член РВСР, по совместительству — команд. Московского сектора на правах команд, отдельной армией с непосредственным подчинением Главнокоманд. всеми вооруженными силами Республики (с сентября 1919); комиссар Полевого штаба РВСР; член РВС Юго-Восточного фронта (с декабря 1919); член Реввоенсовета Южного фронта; пом. команд, всеми вооруженными силами на Украине по политической части (с декабря 1920); нач. Политуправления Красной армии и член Реввоенсовета Республики (с 1921). В межвоенный период — секретарь ЦКК ВКП(б) (с 1923); член и один из руководителей реорганизации ЦК РКП РКП; зав. отдела печати ЦК ВКП(б); член Президиума Исполкома Коминтерна (1928–1933) (РГВА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 551 —Личное дело С.И. Гусева в ВОСБ. Л. 1 и сл. Автобиография).

использовались материалы сайта А. Лихотворика «Русская армия в Великой войне», а также сборники документов «Реввоенсовет Республики», «Архив ВЧК» и др.

Автора консультировали по различным вопросам д.и.н. А.А. Зданович, к.и.н. С.В. Карпенко, к.и.н. А.В. Крушельницкий, к.и.н. М.Ю. Моруков и д.и.н. Н.С. Тархова.

Отдельные положения книги публиковались на страницах журналов «Военно-исторический архив» (Оперод Наркомвоена во главе отрядов Красной армии, у истоков советских разведки, контрразведки и военной цензуры. ВИА. 2009. № 4. С. 68–85; № 5. С. 8—15); «Военно-исторический журнал» (Рождение советской военной контрразведки. 2010, статья выйдет в № 3) и «Новый исторический вестник» («Дело о шпионстве» генштабиста Теодори. 2009. № 3. С. 103–117).

Подбор иллюстраций — Е.В. Раменский, к.и.н. В.А. Арцыбашев и С.С. Войтиков.

Раздел I. У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ

Глава 1. «В МАТЕРИАЛАХ… Я.М. СВЕРДЛОВА, В.И. ЛЕНИНА, Л.Д. ТРОЦКОГО»: ОПЕРОД НАРКОМВОЕНА НА ЗАЩИТЕ РЕВОЛЮЦИИ

Октябрь 1917 г. стал рубежом в отечественной истории. Основным театром его стал Петроград, но и в Москве революционные события разворачивались до крайности бурно. Из дневника москвича: «Повреждений… не исчислишь. Они и там, где я их видел (в особенности у Никитских ворот, где разбито и сожжено дотла несколько домов, от которых остались одни полуразрушенные стены. Там все погибло в огне: много живущих… и все добро, все имущество от подвалов до чердаков. И дома многоэтажные, с сотнями квартир.) В Кремле снаряды попали в Успенский собор, в Чудов монастырь, в церковь 12-ти Апостолов, в Малый дворец, и вообще, должно быть, пострадал наш Святой и седой Кремль больше, чем от нашествий иноплеменных. Пишут о многих разрушениях, пожарах, расстрелах» (8 ноября 1917 г.)[30].

11 марта 1918 г. из Петрограда, спасаясь от наступающих г ерманских частей и собственной социальной базы — рабочих, переехал в Москву Совет народных комиссаров. Московский обыватель пометил в дневнике 14 марта: «Царя не обожали, а “обожаемым” все время называли. Буду для краткости Совет нар[одных] ком[иссаров] называть тоже “обожаемым”. Для дебюта в новой столице обожаемый председатель обожаемого совета Ленин выступал вчера в двух заседаниях московских обожаемых советов и везде ему “бурно аплодировали”. Нового он ничего не сказал, но здорово ругнул экс-царя, Керенского и буржуазию. Первого назвал “идиотом”, второго “пустым хвастунишкой”, а буржуазию “бездарной и глупой”, а ее “прихвостней — глупыми”. (Теперь я, по крайней мере, знаю свое политическое лицо: подлый прихвостень бездарной, глупой буржуазии…) Во всех последних речах Ленина, сказанных в Петрограде и здесь (в Москве. — С.5.), одни просьбы “не увлекаться революционной фразой”, т. е. не говорить империалистам, что мы закидываем их шапками, а сделать “передышку”, принять позорный мир и исподволь готовиться сделать немцу отпор революционной силой. Завтра московские газеты должны выйти без объявлений, которые являются теперь монополией “обожаемых” “Известий”…С переездом обожаемых в Москву здесь в спешном порядке, порой в 24 часа, реквизируются особняки, гостиницы, магазины, целые небоскребы, или частью, чтобы разместиться всем “правительственным” учреждениям и служащим в них. Многие семьи буквально выбрасываются на улицу со всем своим скарбом. Что церемониться с бездарными, глупыми и подлыми буржуями! “»[31].

---

[30] Окунев И.U. Дневник москвича. Т. 1. 1917–1920. М., 1997. С. 108.

[31] Окунев Н.П. Указ. соч. Т. 1. С. 159–160. Запись за 14 марта 1918 г.

На фоне развала старой армии, сформирования красногвардейских отрядов и переезда государственного аппарата в Москву стал стремительно развиваться новый орган военного управления, которому был уготовлен поистине революционный взлет.

Первым советским центральным военным органом, отвечавшим за формирование воинских частей и их всестороннее (политическими работниками, картами, снабжением, подарками) обеспечение; осуществлявшим оперативное руководство нарождавшимися частями Красной армии; взявшимся за организацию советских разведки, военной контрразведки и военной цензуры, — стал Оперативный отдел Наркомата по военным делам (Оперод Наркомвоена). Оперод, соединивший в себе функции, условно говоря, Ставки Верховного главнокомандующего, Главного разведывательного управления и Особого отдела ВЧК, до сих пор не стал предметом самостоятельного исследования. В поле зрения историков попадали в лучшем случае отделения Оперода (отделение военного контроля в исследованиях военной контрразведки И.И. Васильева и А. А. Здановича, отделение военной цензуры — П.В. Батулина[32]).

Основным источником об его организации и деятельности, вкладе в удержание большевиками власти в 1918 г. остаются конъюнктурные воспоминания заведующего Оперода Семена Ивановича Аралова, не свободные от характерных для мемуаристики «ошибок памяти» (книга вышла в 1962 г.). Аралов, сломленный в заключении во время репрессий, приписал себе заслуги Оперода, преувеличил вклад В.И. Ленина в организацию Красной армии. К чести Аралова стоит заметить, что он не умолчал о работе в Опероде и роли в строительстве армии левых эсеров и военных специалистов, даже назвал в числе последних фигурантов дела о «заговоре в Полевом штабе Реввоенсовета Республики» генштабистов Николая Николаевича Доможирова[33], Бориса Иннокентьевича Кузнецова[34],

---

[32] Батулин П.В. Военная цензура 1917–1922 гг. // Государственный аппарат России в годы революции и Гражданской войны. М., 1998. С. 60–69.

[33] Доможиров Николай Николаевич — Генштаба капитан (1918). В советском военном ведомстве — начальник штаба Северного фронта (21 октября 1918 — 19 февраля 1919); начальник штаба Западного фронта (19 февраля 1919 — 26 мая 1919).

[34] Кузнецов Борис Иннокентьевич (1889–1957) — Генштаба капитан (причислен 23 марта 1918), комдив (1935), генерал-майор (1940). Образование: Михайловское артиллерийское училище (1910), ускоренные курсы Императорской Николаевской военной академии (1917). На службе в старой армии с июня 1907. Последнее место службы — 27-я артиллерийская бригада. Участие в войнах: Первая мировая война, шптш. Добровольно вступил в Красную гвардию — РККА — пом. главного руководителя обороны Петрограда и подступов к нему; консультант Оперативного отдела Московского окружного комиссариата по военным делам (с февраля 1918); консультант оперативного, затем разведывательного отделения Наркомвоена, по воспоминаниям С.И. Аралова, «занялся исключительно вопросами военной разведки» (Аралов С.И. Указ. соч. С. 38); военный эксперт при делегации Наркомата по военным делам РСФСР для переговоров с германской главной квартирой (август — сентябрь 1918); председатель по исследованию дорог Олонецко-Петрозаводского района (сентябрь 1918); и.д. нач. оперативного Штаба при председателе РВСР Л.Д. Троцком в его поездке на Южный фронт и Петроград (октябрь — ноябрь 1918); нач. разведотделения Полевого штаба РВСР (ноябрь 1918 — декабрь 1919); под следствием в Особом отделе ВЧК (июль — ноябрь 1919), освобожден под подписку о возвращении к месту службы; в распоряжении Всероссийского главного штаба; завуч нижегородских пех. курсов (декабрь 1919 — июнь 1920?); зав. 3-х Казанских пех. курсов (с 24 января 1920). Включен в списки Генштаба РККА от 15 июля 1919 и 07 августа 1920. Нач. штаба 1-й Восточной стр. бригады курсантов; нач. оперативного отделения штаба, и.д. начальника штаба 11-й армии (июнь 1920 — сентябрь 1921); 2-й зам. наркома Народного комиссариата по военным и морским делам Грузинской ССР, пом. наркома по военным и морским делам ЗСФСР (сентябрь 1921 — сентябрь 1922); нач. УВУЗ (сентябрь 1922 — август 1923) и и.д. 1-го пом. нач. штаба (март — август 1923) Отд. Кавказской Армии; нач. штаба (август 1923 — февраль 1927) и зам. (пом.) команд, (май 1925 — февраль 1927) Краснознаменной Кавказской армии; в распоряжении наркома по военным и морским делам (февраль — июнь 1927); военный атташе при полпредстве СССР в Турции (июнь 1927 — октябрь 1929); на преподавательской работе в Военной академии имени М.В. Фрунзе — нач. кафедры военной истории и мировой войны, нач. кафедры военной истории (с октября 1942), нач. кафедры истории военного искусства (с октября 1946). С мая 1947 в отставке. Награды: орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, медали.

Гавриила Яковлевича Кутырева[35] и др.[36]

Лишь в последнее время стали доступны документы арестованного в марте 1919 г. по приказанию заведующего Особым отделом ВЧК (ОО ВЧК) большевика Михаила Сергеевича Кедрова консультанта и фактического создателя и руководителя Оперода Георгия Ивановича Теодори[37], прежде всего — написанный им в Бутырской тюрьме по «предложению» заведующего Оперативным отделением Особого отдела ВЧК Мартына Яновича Лациса[38] «Краткий очерк деятельности Оперод Наркомвоен с 27 мая по 10 ноября 1918 г. (с конца марта по 27 мая 1918 года при Московском] о[кружном] комиссариате)»[39]. Документ дает

---

[35] Кутырев Гавриил Яковлевич (1887—?) — есаул. Образование: Новочеркасское казачье училище (1908), 6-месячные курсы Императорской Николаевской военной академии (1917). Причислен к корпусу Генерального штаба (1918). На службе в старой армии с сентября 1905 — хорунжий 10-го Донского казачьего полка (с июня 1908); на льготе (август 1910 — декабрь 1912); в 14-м Донском казачьем полку (апрель 1912 — январь 1914); на льготе (январь — июль 1914); в 48-м Донском казачьем полку (июль 1914 — январь 1915); ст. адъютант по оперативной части (январь 1916 — июль 1917), нач. (январь — октябрь 1917?) штаба 84-й пех. дивизии. В советском военном ведомстве с 1918 (добровольно) — нач. разведотдела штаба военрука Московского района (март — июль 1918); нач. отделения Оперода Наркомвоена (с августа 1918); нач. отдела Регистрационного управления Полевого штаба РВСР (октябрь 1918 — май 1919); нач. штаба 12-й армии (июнь — август, формально до октября 1919); и.д. нач. штаба 5-й армии (декабрь 1919 — февраль 1920); нач. оперативного управления штаба 5-й армии (февраль — март 1920); нач. военной части Приуральского ВО (март — ноябрь 1920); нач. штаба войск Донской области (ноября 1920); врид. команд, войсками (с декабря 1920), и.о. нач. штаба (с января 1921) Донской области; в распоряжении нач. штаба Отд. Кавказской армии (июнь — август 1921); нач. штаба Батумского укрепрайона (с августа 1921).

[36] Аралов С.И. Указ. соч. С. 38 и др.

[37] Теодори Георгий Иванович (1887–1937) — Генштаба капитан (1918), полковник (1937). Образование: Николаевский кадетский корпус (1904), Михайловское артиллерийское училище (1906), ускоренные курсы Николаевской военной академии (1917). В старой армии с 1904. В советском военном ведомстве с 1918 (добровольно) — нач. отделения оперативного отдела штаба Петроградского района (март — май 1918); отстранен от должности (апрель 1918); консультант Оперативного отдела Наркомвоена (май — октябрь 1918); откомандирован в распоряжение начальника Академии Генерального штаба (с октября 1918); организатор и начальник Курсов разведки и военного контроля (октябрь 1918 — март 1919); организатор Полевого штаба РВСР, поезда Л.Д. Троцкого и Регистрационного управления (октябрь — ноябрь 1918); консультант Регистрационного управления (октябрь 1918 — март 1919) и преподаватель Курсов разведки и военного контроля (октябрь 1918 — февраль 1919); арестован и отсидел в Бутырской тюрье по «подозрению в пособничестве шпионажу» (март 1918 — январь 1921). После освобождения продолжал (с перерывами) службу в РККА — прикомандирован к Штабу РККА (с ноября 1921); гл. инспектор по физической и боевой подготовке УВУЗ РККА, редактор журналов «Военный вестник» и «Красноармеец»; для особых поручений 1 разряда Научно-уставного отдела Штаба РККА (с октября 1926); в распоряжении ГУ РККА (с ноября 1928); нач. военной кафедры Московского нефтяного института; нач. кафедры Гос. центрального института физкультуры (1937). Арестован 16.04.1937. Приговорен к ВМН. Расстрелян. Прах захоронен на территории Донского монастыря г. Москвы. Реабилитирован 19 марта 1957. Участие в войнах: Первая мировая война — в Галиции и на Юго-Западном фронте; Гражданская война.

[38] Лацис Мартын (Мартин) Иванович (наст. — Судрабс Ян Пи-дрикович, Ян Фридрихович) (1888–1938) — советский партийный и государственный деятель. Социальное происхождение: из семьи батрака. Образование: экстерном сдал экзамен на народного учителя. На работе по найму — преподаватель приходского училища. Членство в партиях: РСДРП(б) с 1905. На подпольной работе с 1910. Во время Октябрьского переворота — член Петроградского ВРК (1917). В органах ВЧК — нач. отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией (май — июль 1918); председатель ЧК и военного трибунала 5-й армии Восточного фронта (июль — ноябрь 1918); фактический глава Комиссии по ревизии и реорганизации Военного контроля и армейских чрезвычайных комиссий (ноябрь — декабрь 1918); нач. секретно-оперативного отдела ВЧК (сентябрь 1919 — сентябрь 1920); председатель Всеукраинской ЧК (апрель — сентябрь 1919). В межвоенный период — на хозяйственной работе. Репрессирован. Посмертно реабилитирован. Подр. биографию см.: Архив ВЧК. С. 685–686.

[39] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 77–82 об. ТеодориГ.И. Краткий очерк истории Оперода МВО — Наркомвоен (15 августа 1920 г.)

информацию об организационной истории Оперода и его вкладе в удержание большевиками власти летом 1918 г., когда положение большевиков становилось «критическим» и Лев Троцкий признался германскому послу В. фон Мирбаху: «Мы уже мертвы, но нет еще никого, кто мог бы нас похоронить»[40]. Кроме того, в очерке содержатся сведения об атмосфере советского военного строительства 1918 года, группировках в советском военном руководстве «высшего и среднего звена», неизвестных сторонах военно-организационной деятельности большевистских лидеров (Владимира Ленина, Якова Свердлова и Льва Троцкого). «Краткий очерк…», а также ряд других, неизвестных ранее, документов Российского государственного военного архива и Российского государственного архива социально-политической истории об Опероде и его структурных подразделениях освещают неизвестные ранее страницы советской военной истории. В мемуарах Аралова Теодори даже не упомянут: он был репрессирован в 1937 г. как активный деятель троцкистской оппозиции.

После победы революции в Москве указом Моссовета военным комиссаром Московского военного округа (МВО) назначили большевика Николая Ивановича Муралова[41]; все ответственные посты в округе заняли партийные работники.

Муралов как опытный партийный организатор прекрасно понимал: сделать аппарат военного управления из воздуха невозможно. Он принял решение взять за основу доставшийся победителям дореволюционный московский военный аппарат, располагавшийся на Пречистенке (дома 37 и 39) и бывший очагом московской контрреволюции. По предложению Муралова 14 ноября 1917 г. Совнарком и Наркомвоен утвердили Революционный штаб МВО. В конце января 1918 г. создали Чрезвычайный штаб МВО. Штаб непосредственно подчинялся не Наркомвоену, а Моссовету, т. е. формально не был органом военного ведомства. Из машинописной записки бывшего сотрудника Чрезвычайного штаба МВО о борьбе с контрреволюцией на местах следует, что уже в первые месяцы советской власти штаб осуществлял военное управление подчас в масштабе всей Советской республики, в частности, организовал подавление очагов контрреволюции в Нижнем Новгороде, Калуге; сформировал отряды для ведения Гражданской войны на Юге. В конце января 1918 г. в составе Чрезвычайного штаба организовали «Особый оперативный» (Фронтовой) отдел» (уже тогда будущий Оперод был направлен на ведение Гражданской войны в рамках всей Советской России[42]). 28 февраля в составе Фронтового отдела появился Оперативный подотдел, ведавший до заключения 3 марта Брестского мира созданием и руководством так называемых «партизанских отрядов» — иррегулярных частей, красногвардейских отрядов[43]. Вот как описывал «красногвардейцев» Москвы 10 ноября 1917 г. московский обыватель Н.П. Окунев: «Молодые, плохо одетые люди из тех, которые вечно ищут мест и которые в былые годы жались к Хитрову рынку и составляли собой так называемую “золотую роту”. У них через плечо висели на веревочках винтовки. У некоторых был просто глупый или даже идиотский вид. Возможно, что какая-нибудь сотня или даже несколько сотен вступили в “Красную гвардию” идейно, но громадное большинство по

---

[40] Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина? Казань, 1995. С. 25–26.

[41] Муралов Николай Иванович (1877–1937) — советский государственный и партийный деятель. Членство в партиях: РСДРП(б) с 1903. На партийной работе в Подольске, Москве, Туле. Во время Октябрьского переворота — член Московского ВРК и член Революционного штаба, устанавливал советскую власть в Москве. В советском военном ведомстве — военком Московского ВО (с апреля 1918); член РВС: 3-й армии (февраль — август 1919), отд. группы Восточного фронта (август — сентябрь 1919), по совместительству — член РВС 12-й армии (сентябрь 1919 — июль 1920); член коллегии Наркомзема (с июля 1920).

[42] РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 78. Л. 395–399.

[43] Директивы Главного командования Красной армии (1917–1920). М., 1969. С. 791.

озорству или недоразумению…»[44] 10 апреля Оперативный подотдел Фронтового отдела реорганизовали в Оперативный отдел штаба Московского окружного военного комиссариата (МОВК). С января по апрель 1918 г. «Особый оперативный» отдел Чрезвычайного штаба МВО и преемники его Оперативного подотделения отправили на фронт около 700 тысяч красногвардейцев и красноармейцев, а также и наспех созданных из них же небольших партизанских отрядов для противодействия наступающим частям германской армии и восстаниям, организованным контрреволюционными группами на границе с Украиной, Доном и т. д. У партизанских «отрядиков» было много недостатков, тем более что многие из них организовали левые эсеры, выступавшие в целом против строительства регулярной армии. В тот период и среди большевиков очень незначительная часть партийных работников сознавала необходимость создания массовой регулярной Красной армии. Партизанские отряды, несмотря на все свои недостатки, принесли определенную пользу: в частности, спасли от наступающих германских частей многомиллиардное военное имущество[45]. Естественно, эта работа не осталась незамеченной[46].

В середине апреля 1918 г. руководством военного ведомства, главой которого был Л.Д. Троцкий, было принято решение реорганизовать Оперативный отдел МОВК в Оперативный отдел Наркомвоена (Оперод), выделив С.И. Аралова и часть его сотрудников из Московского окружного военкомата, т. е. изъяв из подчинения Муралова. Уже к 15 апреля один из находившихся на военной работе партийных организаторов Михаил Карпович Тер-Арутюнянц разработал «Проект организации Оперативного отдела при Народном комиссариате по военным делам». Согласно выработанному проекту, Оперод должен был решать следующие задачи: разработка общего плана боевых действий и боевых приказов по фронтам, планов отдельных операций; объединение и координация действий фронтов; урегулирование и контроль за снабжением и финансированием войск; учет вооруженных сил большевиков и их противников; составление сводок боевых действий на фронтах, маневров войск РККА и ее противников, приказаний и планов тогдашнего высшего военного коллегиального органа — Высшего военного совета; разведка и контрразведка. Заведующий отделом должен был регулярно отчитываться перед коллегией Наркомвоена. В составе Оперода «для целесообразного распределения работ» предполагалось выделить 2 подотдела — «внутренних революционных фронтов и внешнего фронта». Первый отдел предлагалось разделить на 3 отделения (оперативное, дежурного генерала, снабжения) и финансовую часть; второй — на 2 отделения (агентурное и общее) и канцелярию[47]. 16 апреля член коллегии Наркомвоена Константин Александрович Механошин подписал мандат Тер-Арутюнянцу на командировку в Оперативный отдел при Московском окружном военкомате (МОВК) «для ознакомления с постановкой дела в отделе и для переговоров по вопросу об объединении Оперативного отдела при МОВК с организуемым Оперативным отделом при Наркомвоене»[48]. Надо полагать, переговоры прошли успешно: более того — реорганизация свелась к обычному переименованию отдела и его переподчинению.

11 мая Московский областной военный комиссариат переименовали в Московский

---

[44] Окунев Н.П. Указ. соч. Т. 1. С. 102.

[45] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 79.

[46] «Эволюция» Чрезвычайного штаба МВО в Оперод Наркомвое-на изложена подр. в статье: Войтиков С.С. Оперод Наркомвоена… // Военно-исторический архив. 2009. № 4. С. 69–72; № 5. С. 8—15.

[47] РГВА. Ф. l.Оп. 2. Д. 165. Л. 1–4. ПроектМ.К. Тер-Арутюнянца был далек от реального Оперода МВО — Наркомвоена.

[48] РГВА. Ф. l.Оп. 1. Д. 351. Л. 105.

окружной военкомат и подчинили Наркомвоену[49]. В тот же день приказом наркома по военным делам Л.Д. Троцкого от 11 мая оформили передачу Оперода из МВО в Наркомвоен. Деятельность Оперода к этому моменту фактически далеко вышла за рамки окружного масштаба, а накопленный за 2 с лишним месяца организационный опыт и установление связи с местами представляли определенную ценность для высшего военного руководства[50]. При этом в самом Опероде творился подлинно революционный хаос. И Семену Аралову нужно было срочно приводить дела в порядок, тем более что нарком Троцкий рьяно взялся за организацию строительства армии и прежде всего ее аппарата[51]. Приказом по военному и морскому ведомству, собственноручно им написанном и введенным в действие по телеграфу, Троцкий объявил 30 мая: «В некоторых управлениях и учреждениях военного ведомства как в центральных, так [и] в окружных и городских наблюдается недопустимая небрежность в деле выполнения отданных распоряжений. Эта неисполнительность принимает открыто преступный характер, особенно когда дело касается спешной мобилизации частей для тех или иных операций. Неряшливость идет рука об руку с контрреволюционным саботажем. Чрезвычайная комиссия уже арестовала вчера ночью несколько десятков военнослужащих, оказавшихся наемниками контрреволюции. По имеющимся у меня сведениям, арестованы еще не все. Предупреждаю, что за всякие проявления неисполнительности, неряшливости, а тем более саботажа виновные будут караться самым суровым образом. Напоминаю, что Москва объявлена Советом народных комиссаров на военном положении. В военном ведомстве военное положение получит вдвойне суровый характер. Приказываю комиссарам, начальникам управлений, отделов, командирам строевых частей строжайшим образом следить за точным, быстрым и добросовестным выполнением отданных приказов и распоряжений. За все упущения первыми ответчиками будут лица, поставленные на руководящие посты. Народный комиссар по военным и морским делам, председатель Высшего военного совета Л. Троцкий»[52]. 8 или 10 мая приглашение Аралова приехать в Москву «переформировать» (вернее, создать) Оперод получил генштабист 1917 г. выпуска Г.И. Теодори[53]. Первоначально он занимает должность консультанта оперативного отделения Оперода, с 16 июля — 1-й консультант Оперативного отделения[54], не позднее 10 сентября — начальник штаба Оперода.

Георгий Иванович родился 18 октября 1887 г. в г. Евпатория, по национальности — грек. Образование получил в Николаевском кадетском корпусе (1904), окончил Михайловское артиллерийское училище (1906). На военной службе находился с 1904 г. (стаж в 1918 г. — 14 лет). Офицер 2-го Финляндского стрелкового артиллерийского дивизиона. Участник войны в Галиции на Юго-Западном фронте, контужен в спину; старший адъютант в Генштабе, капитан.

---

[49] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 118. Л. 104–105. Решение объявлено приказом Наркомвоена № 357 от 12 мая 1918 г. (РГВА. Сб. приказов Наркомвоена за 1918 г.).

[50] РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 5. Обзор работы Оперативного отдела Наркомвоена.

[51] См., напр.: Зимин Я.Г. Создание и развитие органов военного руководства Советского государства в годы Гражданской войны (1917—1920 гг.): Автореф. дис____д-ра ист. наук. М., 1970. 68 с.;Войтиков С. С.

Становление центрального аппарата советского военного ведомства (март — август 1918 г.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С 192–199; Он же. С чего началась история Красной армии // Отечественная история. 2006. № 6. С. 126–133.

[52] РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 391–391 об. Автограф.

[53] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 79.

[54] РГВА. Ф. l.Оп. 2. Д. 59. Л. 1.

По воспоминаниям генерал-лейтенанта А.С. Лукомского, в условиях начавшегося слома старой армии, «в Петрограде в Военном министерстве с первых же дней революции выделилась группа молодых офицеров Генерального штаба (прозванных “младотурками”), которые, желая выделиться и выдвинуться в период революции, начали проповедовать необходимость ломки “старых, отживших и революционных” отношений между офицерами и солдатами; требовали введения всюду комиссаров и комитетов, уничтожения погон и т. д.» [55] При Керенском Теодори прошел 3-месячные подготовительные курсы второй очереди военного времени при Императорской Николаевской военной академии (1917), созданные вследствие нехватки офицеров-генштабистов на фронтах Первой мировой.

После Октябрьского переворота Императорская Николаевская военная академия раскололась на противников и сторонников работы за советскую власть. *Первую* группу составил ряд слушателей (гвардейцы уехали сразу после революции) и профессура — из бывших гвардейцев и конницы. *Вторую* группу составил старший курс, лидирующее место в котором уже тогда занял староста курса Теодори. Староста курса — посредник между профессорско-преподавательским составом академии и слушателями, лицо очень важное[56]. Именно по предложению Теодори, поддержанному начальником академии профессором А.И. Андогским, академия стала на работу с советской властью еще во время контрреволюционного саботажа служащих в Военном министерстве[57]. Андогский потом способствовал переходу Академии Генштаба к белым, что неудивительно: профессора высших военно-учебных заведений утверждались в должности лично императором, притом что офицеров, окончивших полный курс академии, отвозили в Царское Село и представляли императору, а затем они вместе с монархом завтракали в одной из дворцовых зал. По воспоминаниям выпускника 1898 г. генерала А.А. Самойло, «Царь выслушивал фамилию офицера и каждому подавал руку, пристально вглядываясь в глаза, как будто желая прочесть в них что-то»[58]. Естественно, служить новой власти такие генштабисты, мягко говоря, не стремились. На призыв большевиков после вторжения германских частей на территорию Советской России, вспоминал позднее Теодори, откликнулись лишь генералы Д.П. Парский, В.А. Ольдерогге и Ф.А. Подгурский, а из выпуска 1917 г. уже в конце февраля — начале марта 1918 г. 19 генштабистов добровольно отправились на Кавказ, по 11 — на Ямбургский, Лужский, Старорусский и Великолуцкий участки.

Теодори по успеваемости занимал примерно 61 позицию из 233, т. е. закончил академические курсы по 1-му разряду, хотя и не попал на мраморную доску[59]. 12 марта 1918 г. выпускники ускоренных курсов при академии были распределены между Северным (Петроградским) и Западным (Московским) участками Завесы — иррегулярных частей, созданных для противодействия германской оккупации. Лидер выпуска Теодори стал начальником отделения оперативного отдела штаба Северного района Завесы, где сразу же столкнулся со «старыми генштабистами». В частности, Теодори обвинил в измене военного руководителя Северного участка отрядов завесы выдающегося военного инженера генерала Алексея Владимировича Шварца, его начальника штаба генерала Бориса Владимировича

---

[55] Страна гибнет сегодня: Воспоминания. М., 1991. С. 63.

[56] См.: Машкин Н.А. Высшая военная школа Российской империи — начала XX в. М., 1997.

[57] См. подр Крушельницкий А.В. Ликвидация контрреволюционного саботажа в Военном министерстве в первые месяцы Советской власти // Исторический опыт Великого Октября. М., 1986. С. 162–171.

[58] Цит. по: Машкин Н.А. Указ. соч. С. 179.

[59] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 22. Л. 5 об. Дело — «Списки офицеров, окончивших подготовительные курсы военной академии за 1917–1919 гг.».

Геруа (оба «антантовцы», а потому противники «позорного» Брестского мира и сторонники «демократической республики») и начальника оперативного отдела штаба Северного района Филиппа Ивановича Балабина[60]. Через полтора месяца обвинения Теодори подтвердились: все трое, как и ряд «генштабистов из гвардейцев», эмигрировали на Украину к гетману П.П. Скоропадскому.

Ф.И. Балабин на допросе в ОГПУ в 1931 г. показал: *«Я* лично ушел из штаба [Северного района] после неприятности со своим помощником, на почве личных отношений. Мои помощники — офицеры… курсов Генштаба выразили мне порицание за высокомерное обращение, говорили, что за глаза я называю их недоносками и т. д. Условия службы создавались очень тягостные…»[61] Этим помощником и был Теодори. После конфликта с главным руководителем работ 4-го участка Военного строительства Петроградского района Н.И. Флоринским и поддержавшим последнего начальником оперативного отдела штаба Петроградского района Б.А. Бренделем Теодори отстранен от должности распоряжением начальником штаба Петроградского района Б.В. Геруа (29 апреля 1918 г.)[62].

На следующем допросе Балабин охарактеризовал выпуск 1917 г. более подробно. Здесь же он дал предвзятую характеристику выпуску, но, вероятно, достаточно точную характеристику Георгию Ивановичу: «П.А. Мей, Теодори, Колесников и несколько других сотрудников моего оперативного отделения, все молодые генштабисты, окончившие ускоренный курс академии в 1917 году, малознающие (? — *С.В.),* малоопытные, [с] сильно развитым духом критики в отношении старых генштабистов — особенно Теодори, демагогические выпады которого ясно показывали на стремление сделать быструю карьеру; самолюбивый, настойчивый, он являлся безусловным идеологом сплоченной группы своих товарищей, подчеркивал эту сплоченность и, когда считал это нужным, выступал с протестами от сомкнутого фронта своих товарищей-единомышленников. По политическим] убеждениям все они, кажется, примыкали к эсерам»[63]. Следует заметить, что при Временном правительстве такие политические «убеждения» были весьма выгодны, но весной 1918 г. были явным анахронизмом. Генштабисты, занимавшие высокие должности, подчеркивали недостаток опыта выпускников подготовительных курсов и старшего курса академии, причисленных к корпусу офицеров Генштаба еще в сентябре 1917 г. За «аттестованных» таким образом Балабиным генштабистов Тита Степановича Косача и Владимира Федоровича Тарасова вступился Теодори. За это его уволили со службы. Ключевым событием стало состоявшееся 30 апреля 1918 г. заседание причисленных к Генштабу сотрудников Северного участка и Петроградского района Завесы. Собравшиеся решили твердо отстаивать свои права, признав «случай с Теодори» «общим делом»[64]. Так на основе выпуска сложилась группа офицеров, лидером («идеологом», по выражению Балабина) которой стал Теодори. В конечном итоге генштабисты ускоренных курсов отстояли свои права. Начальник оперативного отделения штаба Северного участка и Петроградского района Завесы П. Боровский в мае 1918 г. принял «Инструкцию», в которой возложил обязанности дежурств после окончания занятий в штабе (между прочим, это после 16 часов) на однокурсников Теодори, а ведение дежурств конкретно на П.А. Мея.

---

[60] Там же; Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. М., 2000. С. 328.

[61] Цит. по: Там же. С. 322.

[62] Русская армия в Великой войне: Картотека проекта // www.grwar. ru/persons/persons.html.

[63] Цит. по: Тимченко Я.Ю. Указ. соч. С. 329–330.

[64] Кавтарадзе А. Г. «Советское рабоче-крестьянское правительство… признало необходимым и учреждение…высшего военноучебного заведения» // ВИЖ. 2002. № 10. С. 33. С. 34.

Причисленные с Генштабу наделялись Боровским правом «обращаться ко мне всегда, не исключая случаев, когда я занят переговорами с другими лицами, не подлежащими к составу оперативного отделения». Все столы отделения возглавили однокурсники Теодори: 1 — й — Иван Дмитриевич Чинтулов, 2-й — Павел Алексеевич Мей, 3-й — Константин Хитрово, 4-й — Владимир Юлианович Стульба[65].

Позже, 15 февраля 1919 г., Теодори заявил своему начальнику Семену Аралову, признанному ныне первым руководителем ГРУ: «Я с трудом и большими усилиями сохранил выпуск в феврале и марте 1918 года, спаял его за лето». По его словам, генштабисты ускоренных курсов вступили в конфликт со старыми генштабистами дореволюционных выпусков, но завоевали доверие Главнокомандующего Восточного фронта, с сентября 1918 г. — Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики бывшего подполковника старой армии[66] Иоакима Иоакимовича Вацетиса. В итоге представители выпуска 1917 г. заняли ответственные должности на фронтах, но старому генералитету удалось убрать однокурсников Теодори «из главных управлений» военного ведомства, то есть из центрального военного аппарата[67].

27 мая Теодори прибыл в Москву и был назначен Араловым консультантом Оперода. Все ли было гладко в новорожденном органе военного управления? — Отнюдь нет: на момент приезда Теодори было сформировано лишь Разведывательное отделение (во главе левый эсер Краснов), полусформированы Оперативное отделение (левый эсер Николай Васильевич Мустафин, возглавивший чуть позднее Военно-цензурное отделение), названное в отдельных документах Секретным оперативным отделением[68], и Организационно-учетное отделение (большевик Н.Г. Семенов); кроме того, большевик Сергей Чикколини запланировал формирование Отделения военного контроля[69].

До заключения Брестского мира в оперативном подчинении предка Оперода — «особого оперативного» отдела Чрезвычайного штаба МВО — находился левоэсеровский Центральный штаб партизанских формирований[70]. Заведующим штаба в этот период был бывший гельсингфорсский матрос левый эсер П.И. Шишко. В конце марта или начале апреля 1918 г. центральный штаб переименовали в Особо-разведывательное отделение Оперода. При отделении, вроде бы по поручению Ленина, организовали школу подрывников, где политическую и военную подготовку получали в т. ч. и приезжие партизаны (занятия велись в помещении школы, практические — за городом) [71]. Как утверждает С.И. Аралов, весной 1918 г. Шишко, по поручению Ленина, руководил повстанческой работой в оккупированных областях, партизанские дела вместо него в Опероде вел А.И. Ковригин, которому, несмотря на членство в ПЛСР, Ленин доверял. К воспоминаниям о «доверии» следует относиться критически: Аралов пишет, что Ковригин предложил помощь большевикам в день левоэсеровского выступления, а Теодори свидетельствует в «Кратком очерке…», что налицо

---

65 РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 28. Л. 5. и след.

66 Теоретически в Советской России чины отменили, но в действительности субординация в кастовом военном ведомстве оставалось, поэтому к чинам слово «бывший» не прибавляется.

67 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 204.

68 См., напр.: РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 38. Л. 36.

69 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 20 и след.

70 РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 78. Л. 395–399.

71 Аралов С.И. Указ. соч. С. 43.

в Опероде были только С.И. Аралов, Г.И. Теодори и помощник Аралова Валентин Петрович Павулан[72]. Судя по отчетам и очеркам Г.И. Теодори, консультанты-генштабисты не имели никакого отношения к работе Особо-разведывательного отделения [73], скорее всего, Ковригин подчинялся непосредственно Аралову (и то формально)[74].

Все остальные составляющие Оперода, — свидетельствовал в 1920 г. Г.И. Теодори, — представляли собой «хаос из нескольких тысяч лиц, приходивших питаться и получать деньги» (первый приказ по Опероду Павулан подписал только 20 июля 1918 г.[75]). Из руководства налицо были С.И. Аралов, его помощник В.П. Павулан и заведующий квартирами, хозяйством и довольствием большевик Шешунов; «показывались раза два в сутки с огромным шумом и угрозами» большевики С.В. Чикколини и бывший комиссар Управления начальника штаба Верховного главнокомандующего при Полевом Революционном штабе Александр Федорович Боярский; пару раз в неделю приходил консультант Аралова Генштаба полковник Александ Дмитриевич Тарановский. 28 мая Теодори доложил Аралову: «Собственно говоря, Оперода Наркомвоен нет. Есть лишь две комнаты со столами, на коих грудами лежат нераспечатанные телеграммы, остатки от пищи и человек 15–20 матросов с "их женщинами", разъезжавшие на автомобилях связи. Работать на таких условиях, да еще в чужом помещении (.. у тов. Муралова), невозможно. Тов. Аралов согласился»[76]. Удивляться нечего: **по воспоминаниям Г.А. Соломона (Исецкого), в 1918 г., когда проходило расселение переехавшего из Питера государственного аппарата в Москве, «сильные советского мира устраивали своих любовниц ("содкомы" — содержанки комиссаров), друзей и приятельниц. Так, например, Склянский[77], известный заместитель Троцкого, занимал для трех своих семей в разных этажах "Метрополя" три роскошных апартамента. Другие следовали его примеру, и все лучшие помещения были заняты беспартийной публикой, всевозможными возлюбленными, родственниками, друзьями и приятелями. В этих помещениях шли оргии и пиры»[78]. Ну а раз руководители Советского государства позволяли себе такое, что удивляться на революционный «пролетариат»?**

В Опероде, по свидетельству Теодори, в этот период служили «пайковые» и «подозрительные» служащие, причем некоторые, как Н.В. Мустафин, исчезали, когда надо было ездить на телеграф или дежурить после формального окончания работ (16 часов);

---

72 Ср.: Там же; РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 21; Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы / авт. — сост. Я.В. Леонтьев. Т. 1. М., 2000. С. 761.

73 На это указывает уже тот факт, что ни в одном очерке работы Оперода особо-разведывательное отделение даже не упоминается (См.: РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 7 и след. Теодори Г.И. Указ, соч.; РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 5 и след.).

74 См.: Аралов С.И. Указ. соч. С. 43.

75 РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 35.

76 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 79.

77 Склянский Эфраим Маркович (1892–1925). В социал-демократическом движении с 1913. В советском военном ведомстве с 1917 — товарищ наркома по военным делам, член коллегии Нарком-воена. Во время Гражданской войны принимал деятельное участие в организации и снабжении Красной армии; при приближении фронта к Волге, когда все члены Наркомвоена выехали на фронт, вел всю текущую работу Наркомата; зам. председателя РВСР (сент. 1918–1924). См. подр. биографию: Зимин Я.Г. Склянский Эфраим Маркович // РВС Республики. М., 1991. С. 56–70.

78 Цит. по: Вострышев М.И. Москва сталинская. М., 2008. С. 54.

много было «хозяев и просто безответственных», отменяющих распоряжения С.И. Аралова и Л.Д. Троцкого — большевики С.В. Чикколини, А.Ф. Боярский, П.С. Плотников и даже некий Цабичей, будущий участник военного переворота, организованного полковником М.А. Муравьевым [79] (правда, летом 1918 г. Чикколини «поставил на место» лично нарком Троцкий, отбив, как не без злорадства заметил позднее Теодори, всякое желание отменять распоряжение ответственных руководителей[80]).

Руководство Оперода было «под стать» общей массе «служащих». Один (Аралов) — карьерист, другой (Чикколини) — маньяк. Чтобы не показаться голословным, я приведу некоторые подробности дальнейшей биографии обоих. С.И. Аралов, что характерно, переложил всю свою работу на консультанта Оперода — Г.И. Теодори: последнему с подачи Семена Ивановича постоянно приходилось «прикрывать своей подписью расходы, которые делались различными лицами в Опероде» помимо Теодори; причем Теодори (напоминал генштабист Аралову в декабре 1918 г.) «обходили потому, что знали, что расход незаконен и при мне не пройдет»[81]. С.В. Чикколини в Опероде, в котором он проработал до июля 1918 г., принимал на службу «массу лиц, преимущественно женщин»[82], а в ноябре 1918 г., с согласия В.И. Ленина и Я.М. Свердлова, снят с должности председателя Революционного военного трибунала (РВТ) Южного фронта и предан суду после жалобы членов РВТ: Чикколини, по их заявлению, терроризировал всех сотрудников, не исключая коммунистов. Члены РВТ жаловались, что «сотрудники работают под страхом возможности дикой над ними расправы, вплоть до расстрела, по капризу Чикколини;.. он неоднократно пытался совершить гнусное насилие над честью работающих в трибунале сотрудниц. Без суда и следствия производятся расстрелы, по единоличному приказу Чикколини. Вместо применения целесообразных репрессий Чикколини наводит панику на всех, не исключая коммунистов, вызывая в них справедливое чувство ненависти и злобы к трибуналу… Чикколини довел до невыносимой крайности эксплуатацию сил товарищей сотрудников трибунала, бесцельно расточая их на пустяки вместо направления их для серьезной работы. Работу трибунала Чикколини превратил в мальчишескую игру, невыносимо опасную по своим последствиям…»[83] В «Известиях ВЦИК» позднее уточнялось, что для расстрела

---

[79] Муравьев Михаил Артемьевич (1880–1918) — полковник. Образование: Казанское юнкерское училище. Участие в войнах: Русско-японская война 1904–1905, Первая мировая война. В советском военном ведомстве — нач. обороны Петрограда, команд, советскими войсками в Одессе. На Украине «прославился» безрассудной жестокостью. Особую известность приобрел его приказ от 4 февраля 1918 г. о «беспощадном» уничтожении в занятом Киеве «всех офицеров, юнкеров, гайдамаков, монархистов и всех врагов революции». 23 марта 1918 г. коллегия ВЧК постановила войти в Совнарком с представлением об аресте Муравьева, который «по слухам» находился в Москве. В апреле — мае 1918 г. находился под арестом за злоупотребление властью (Левые эсеры и ВЧК. Казань, 1996. С. 56, 103; Партия левых социалистов-революционеров. Т. 1. М., 2000. С. 803–804). 19 мая 1918 г. ЦК ПЛСР вновь рассматривал вопрос и не нашел возможным разрешить М.А. Муравьеву занимать «какие-либо партийные должности до окончательного решения этого дела»; 24 мая ЦК решил предоставить отдельным членам право на частную защиту М.А. Муравьева (РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 10. Л. 12 об. Автограф М.Л. Сироты). 9 июня ЦК счел основательными доводы о недопущении М.А. Муравьева к партийной работе (Там же. Л. 18 об.), но уже 10 июня изменил свое решение (Там же. Л. 19 об.). 13 июня 1918 г. Муравьев стал Главнокомандующим Восточным фронтом. 10 июля в Симбирске объявил о возобновлении войны с Германией и создании «Поволжской республики». Убит 11 июля 1918 г. при аресте (Левые эсеры и ВЧК. С. 103).

[80] См.: РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 21 и след.

[81] РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 42. В это время Аралов уже был военным комиссаром Полевого штаба Реввоенсовета Республики (ПШ), а Теодори консультантом Регистрационного управления ПШ.

[82] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9А.

[83] РГАСПИ. Ф. 5. On. 1. Д. 2412. Л. 27а—27 б.
Преступная по своей сути деятельность большевика С.В. Чикколини была приостановлена после того, как в

одного из железнодорожников имелись определенные основания, но признавался тот факт, что для расстрела второго нужен был более тяжкий поступок, более того — железнодорожнику Ольховацкому обвинение было вынесено уже после расстрела. В той же газете: «Вспыльчивый, нервный и резкий Чикколини терроризировал и своих сотрудников, отношение же к сотрудникам-женщинам проявлялось в непристойных приставаниях. Врачи, свидетельствовавшие подсудимого, признали его психически вменяемым. В свою защиту подсудимый указал на обстановку своей деятельности, на критический момент, требовавший чрезвычайных мер в борьбе с красновцами. Не было никаких инструкций, которые бы точно определили деятельность [ВРТ], и, в сущности, ему была предоставлена свобода действий. Обвинитель указывал, что своими действиями Чикколини навел панику на всех, вызвал чувство злобы и ненависти к Трибуналу, довел идею Красного террора до абсурда, подрывая тем [самым] авторитет Советской власти. Обвинитель требовал сурового приговора, который поставит точку бессмысленного террора, проводимого единоличным усмотрением. Подсудимый, возражая на обвинение, будто он случайно выброшен на гребень революционной волны, указывает на свое политическое прошлое, на годы скитаний по тюрьмам, и признает себя виновным только в том, что в его поступках было только заблуждение, ошибки, но не злой умысел»[84]. Судьба покарала мерзавца: в 1920 г. он получил свою пулю на фронте.

Примечательно, что по партийному признаку 2 из 5 руководящих кадров структурных подразделений Оперода — левые эсеры, а сам С.И. Аралов до вступления в партию большевиков был меньшевиком-интернационалистом, а до этого — эсером. Столь высокий процент левых эсеров объясняется и вкладом временных попутчиков большевиков во власти в военное строительство.

Уже 28 мая Теодори впервые предложил Аралову проект коренной реорганизации Оперода, но в тот же вечер стало известно о выступлении Чехословацкого корпуса[85], а также выяснился отказ военного руководителя Высшего военного совета генерала М.Д. Бонч-Бруевича от руководства боевыми действиями против чехословаков (это, считал генерал, «внутренний фронт»). Мнение Бонч-Бруевича разделяли и отдельные сотрудники Оперода (например, полковник А.Д. Тарановский), над которыми, по-видимому, у Аралова в этот период не было реальной власти. Аралов предложил Теодори принять руководство операциями против Чехословацкого корпуса, формально вошедшего в вооруженные силы Франции, и помочь «со всем остальным»[86]. Теодори согласился — по свидетельству

начале ноября 1918 г. Чикколини, сообщил член РВСР и нарком путей сообщения В.И. Невский Л.Д. Троцкому, «расстрелял без всякого основания двух железнодорожников». Троцкий вступился за Чикколини: «Чикколини не мог расстреливать, а в качестве председателя трибунала мог, вместе с другими судьями, голосовать за расстрел»; «Чикколини — старый член партии и под Казанью храбро сражался против офицерских батальонов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 4. Л. 96. Телеграмма Л.Д. Троцкого В.И. Невскому от 7 ноября 1918 г., копии направлялись В.И. Ленину и Я.М. Свердлову).

31 января 1919 г. РВТР постановил «отстранить Сергея Чикколини от ответственной работы в советских учреждениях» впредь до особого постановления ЦК РКП(б) и особого разрешения РВСР. Приговор являлся окончательным и не подлежал обсуждению. Подсудимый освобождался из предварительного заключения. Бывший председатель Военно-революционного трибунала обвинялся в «бесполезном и неоправданном» применении красного террора. «Известия ВЦИК» сообщали, что дело Чикколини является «многозначительным в политическом смысле» (Дело Чикколини // Известия ВЦИК. 1919. 4 февраля. № 25. С. 4).

84 Военно-революционный трибунал. Дело Чикколлини // Известия ВЦИК. 1919. 5 февр. № 26. С. 4.

85 Антибольшевистское выступление Чехословацкого корпуса (около 45 тысяч человек, сформирован во время Первой мировой войны на территории России из военнопленных, двигавшихся в эшелонах по Транссибирской магистрали). Началось в мае 1918 г. Чехословацкие войска заняли ряд городов в Поволжье, на Урале и в Сибири, где в мае — августе 1918 г. свергли советскую власть.

86 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 79.

будущего Главнокомандующего Восточным фронтом И.И. Вацетиса, Высший военный совет, «стоявший во главе тогдашнего военного аппарата, оказался совершенно не приспособленным к кипучей и практической работе», и все обязанности этого Совета «исполнял Оперод, а в составе Оперода — Теодори»[87]. Генерал Федор Васильевич Костяев, которого, кстати, уважал и ценил Теодори, высказался менее лестно: к лету 1918 г. «из центра операциями никто не руководил: Высший военный совет потому, что он не ведал внутренними фронтами, а образовавшийся Оперод Наркомвоена не был для того приспособлен»[88].

У Георгия Теодори была идея фикс — Большой Генеральный штаб, т. е. такой Генштаб, который будет играть ключевую роль в политике и влиять на экономику. Попав в Оперод, Теодори начал перетягивать за собой верных однокурсников и соратников и расставлять их на ключевые посты в отделе. Ранее остальных в Опероде оказались Георгий Оттович Маттис (консультант Организационно-учетного отделения с 23 июня по 8 июля, консультант Оперода не позднее чем с 9 июля[89]) и И.Д. Чинтулов (26 июня)[90]. Остальные пришли позднее: консультант Разведывательного отделения Б.И. Кузнецов — не позднее 1 августа[91]. Гавриил Яковлевич Кутырев и Иван Дмитриевич Моденов стали консультантом и помощником консультанта Оперативного отделения 1 августа[92], Тит Степанович Косач — консультантом при Оперативном отделении 7 августа. 15 августа Моденов стал вторым консультантом Оперативного отделения[93]. Владимир Андреевич Срывалин был назначен помощником консультанта Отделения связи 7 сентября[94], В.Ю. Стульба — помощником консультанта Оперативного отделения с 13 августа[95]. Любопытно, что Чинтулов был назначен на основании телеграммы Льва Троцкого от 13 июня № 0729/591. Это свидетельствует о том, что отдельные генштабисты уже попали в поле зрения главы военного ведомства. С 6 по 15 июля консультант Разведывательного отделения Оперода Ю.И. Григорьев находился в командировке «по делам службы в города Российской Советской Федеративной Республики»[96] (непонятно, как можно было организовывать разведку за столь короткий срок). 15 июля откомандировали консультанта Оперода Г.В. Семенова, «находящегося в командировке в Высшей военной инспекции в качестве

---

87 Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 87.

88 Костяев Ф.В. Боевая работа Красной армии // РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 56. Л. 45.

89 РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 27.

90 Там же. Л. 17.

91 Там же. Л. 50.

92 Там же. Л. 49, 56, 57.

93 Там же. Л. 75 об.

94 Там же. Л. 82.

95 Там же. Л. 90, 92.

96 Там же. Л. 25, 34.

сотрудника»[97]. По состоянию на 6 августа заведующими отделениями Оперода были В.П. Павулан, Е.В. Гиршфельд[98], А.Ф. Боярский, Семенов, Пладо и помощник Аралова Гузарский; консультантами Киселев, Максимов, Маттис, Моденов, Теодори[99]. Не позднее 3 октября Е.В. Гиршфельд, Б.И. Кузнецов и Т.С. Косач были отправлены в командировку с Л.Д. Троцким[100]. 24 октября консультанты Отделения связи Г.Я. Кутырев и В.А. Срывалин переводились в Разведывательное отделение на должность консультантов, причем на последнего возлагалось временное исполнение обязанностей консультанта Отделения связи[101].

Летом 1918 г. Теодори добился причисления своих однокурсников к корпусу офицеров Генштаба. По воспоминаниям Иоакима Вацетиса, «молодые академики с охотой пошли на войну, начавшуюся на востоке. Не было поэтому налицо никаких причин отказывать им в переводе в Генеральный штаб. Хлопоты на этот счет взял на себя Теодори. С первых же шагов он встретил сильное сопротивление в лице представителей верхов старого Генерального штаба, сгруппировавшихся около Высшего военного совета и Всероглавштаба. Имея близкое соприкосновение с Военным комиссариатом (Наркомвоеном. — *С.В.),* старики сумели внушить тем, от кого зависело решение вопроса, что выпуск 1917 года — недоучки, что им надо сначала откомандовать ротой, а потом вернуться снова на академическую скамью и написать 3 военно-научных доклада, как это сделали когда-то они — старые генштабисты. Ходатайство Теодори было отклонено. Тогда Теодори обратился ко мне за содействием и просил меня походатайствовать перед Л. Троцким. Я взял у Теодори заготовленный проект приказа о переводе в Генеральный штаб молодых академиков выпуска 1917 года и список этого выпуска и явился к Л. Троцкому. *Я* привел целый ряд мотивов, говоривших в пользу этого революционного выпуска. Л. Троцкий уважил мои доводы и тут же при мне написал приказ о переводе в Генеральный штаб всего выпуска 1917 года. Тов. Теодори отплатил мне тем, что в эту тяжелую для меня минуту (назначения Главнокомандующим Восточным фронтом. — *С.В.)* он откровенно и правдиво обрисовал мне военное положение РСФСР и развернул передо мною всю картину той

---

[97] Там же. Л. 31.

[98] Гиршфельд Евгений Владимирович (1899—?) — член РКП(б) с 1918. Участник Первой мировой войны (непосредственно в боевых действиях участия не принимал). На партийной работе — член бюро фракции РКП(б) Полевого штаба РВСР (август— октябрь 1919); член бюро фракции РВСР и член культпросвета РВСР (март — октябрь 1920); пом. ответственного организатора (сентябрь — ноябрь 1920) и член культпросвета (сентябрь — октябрь 1920) 7 участка Горрайкома; тов. председателя ячейки РВСР и председатель Культпросвета РВСР (с октября 1920). Участник Гражданской войны (непосредственно в боевых действиях участия не принимал). В советском военном ведомстве с 1918 — красноармеец в отряде Союза коммунистической молодежи III Интернационала на Западном фронте (февраль 1918 — март 1919); секретарь (с марта 1918), пом. нач. (с мая 1918) оперативного отделения ОперодаМВО; пом. нач. оперативного отделения (июнь — август 1918), секретарь (август — ноябрь 1918) Оперода Наркомвоен; военком 1 отделения и 1 отдела (ноябрь 1918 — июль 1919), военком Консультантства (июль 1919 — сентябрь 1919), пом. нач., нач. оперативного отдела (сентябрь — декабрь 1919) Регистрационного управления ПШ РВСР; военком радиоотдела (декабрь 1919 — август 1920), военком 1-го отдела и 1-й оперативной части (с августа 1920) Управления связи Красной Армии ПШ РВСР. Брат Александра Владимировича Гиршфельда. Характеристика из циркуляра РКП(б): «Тов. Гирш-фельд является одним из лучших работников из состава военкомов УС КА. Возложенную работу военкома оперативной части УС КА и военкома организационного отдела выполняет отлично, но, как бывший студент высшего учеб[ного] заведения, владеющий 3-мя иностранными языками, более пригоден для работы в Наркоминдел» (РГВА. Ф. 33988. On. 1. Д. 366. Л. 74–75 об.).

[99] РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 49.

[100] Там же. Л. 121.

[101] Там же. Л. 148.

организационно-оперативной галиматьи, которой занимался М.Д. Бонч-Бруевич»[102]. Георгий Иванович и Михаил Дмитриевич и впоследствии с большим удовольствием делились впечатлениями друг о друге.

Эпопея с причислением выпускников ускоренных курсов не закончилась даже после принятия формального решения: 13 августа 1918 г. начальнику штаба Западного участка отрядов Завесы В.Н. Егорьеву был послан следующий запрос: «Приказом по Всероссийскому главному штабу от 27 июня с.г. за № 18 поименованные в прилагаемом при сем списке лица, выпуска из академии 1917 года, были переведены в Генеральный штаб, причем сведения о занимаемых ими должностях были не полны и не точны. В настоящее время составляется проект приказа Народного комиссариата по военным делам о переводе их в Генеральный штаб, а потому крайне необходимо точно установить занимаемые ими теперь должности, почему и прошу срочно сообщить о вышеуказанных лицах следующие сведения: 1) имя и отчество; 2) бывший чин и наименование части, где раньше служил; 3) какую и с какого именно занимает в настоящее время должность и Генерального ли штаба эта должность или нет и 4) краткую записку о службе для включения в общий список лиц Генерального штаба. Указанные выше сведения прошу выслать также и о тех лицах выпуска 1917 г., которые не помещены в прилагаемом при сем списке, но которые в настоящее время состоят на службе при штабе военрука Западного участка отрядов Завесы и в штабах отрядов и дивизий участка. Кроме того, если на ведении Вашем не окажется ныне на службе кого-либо из поименованных в списке лиц (выпуска 1917 г.), то прошу сообщить, когда и куда именно они получили новое назначение»[103]. Аналогичные запросы, без сомнения, были посланы по всей армии. Любопытно, что прошло уже 2 месяца. Дело в том, что автор запроса — начальник Оперативного управления Всероглавштаба Сергей Кузнецов был членом военной организации Всероссийского национального центра и, следовательно, контрреволюционер, всячески препятствовавший скорейшему включению фактической опоры новой власти в военном ведомстве в корпус офицеров Генштаба. При этом отдельных выпускников старшего курса 2-й очереди академии и вовсе забыли включить в списки[104].

Сразу же за принятием решения о причислении выпускников 1917 г. к корпусу офицеров Генштаба на Теодори и его однокурсников фактически «повесили» всю работу, которую должны были выполнять генштабисты в армейских штабах. Эфраиму Склянскому (а заодно и Льву Троцкому) в оперативной телеграмме 21 августа 1918 г. была послана жалоба: «Считаю необходимым обратит[ь] внимание как наркомвоен[а] [на] то, что со штабов участков снимаются только представители моего выпуска. Остальные генштабы почему-то задерживаются [в] центре и на пассивных участках. Считаю это сознательным перекладыванием работы на людей и без того перегруженных и несущих все тяготы боевой и военной политической жизни уже пятый год. Неся ответственность перед выпуском в настоящем и будущем, [я] не могу допустить его изолированности в смысле ответственности и отдыха. Поэтому прошу распоряжения: снимат[ь] целиком штабы одновременно с войсками. Член коллегии выпуска 1917 года Генштаба Теодори»[105].

30 сентября приказом Аралова заведующие отделениями Оперода обязывались обо всех уволенных и принятых на службу лицах докладывать начальнику штаба (так теперь называлась должность Георгия Ивановича) Теодори[106]. А с 4 октября прием сотрудников на

---

[102] РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 179.

[103] РГВА. 488. Оп. 1. Д. 96. Л. 1.

[104] См.: Там же. Л. 4.

[105] РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 40.

[106] РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 120.

работу предписывалось осуществлять не иначе, как по резолюции Теодори, Аралова или Павулана[107]. Фактически с этого момета подбор и расстановка кадров Оперода находились под контролем Теодори.

27 июня 1918 г. всех генштабистов ускоренного выпуска причислили к корпусу офицеров Генерального штаба[108]. К июлю 1918 г. число генштабистов (все — ускоренных курсов) в Опероде увеличилось с двух до десяти[109]. Пришедшие в Оперод военные кадры (условно говоря, «высшей квалификации») сразу взялись за фактическое преобразование этой аморфной структуры Московского окружного военкомата в мощнейший центральный военный орган.

«С 29 мая Оперод реорганизует отделения: оперативное, военного контроля, связи, учетное, передвижения и общее», — говорится в составленном Г.И. Теодори отчете о работе Оперода Наркомвоена (датируется приблизительно октябрем 1918 г.). Кроме того, следствием перегруженности функциями Всероссийского главного штаба (ВГШ), одним из проявлений которого стал кризис издания карт, стало появление в структуре Оперода Топографического отделения[110].

Несмотря на то что *Разведывательное отделение* Оперода было сформировано еще весной 1918 г., масштаб его деятельность приобрела уже при консультанте Г.И. Теодори. Левого эсера Краснова сменил однокурсник Теодори Б.И. Кузнецов. При нем отделение разрослось, что позволило Кузнецову сосредоточиться на вопросах военной разведки. Именно Разведывательное отделение Оперода положило начало формированию войсковой разведки; кроме того, в отделении осуществлялись: агентурная разведка на Украине, на Дону и в Сибири; перехват иностранной военной секретной периодической печати, сводок, книг и документов военного содержания; получение свежих номеров прессы, перевод всех добытых на русский язык источников; сбор сведений от прочих штабов. По итогам тщательного анализа информации составлялись разведывательные сводки и «выводы из данных». Отделение осуществляло контроль над оперативным и разведывательным отделами Всероглавштаба и Высшего военного совета (благодаря чему была вскрыта «подрывная деятельность» Морской регистрационной службы и Регистрационной службы Военно-статистического отдела Оперативного управления Всероглавштаба во главе с полковником Андреем Васильевичем Станиславским, бывшим сотрудником известного российского разведчика генерал-майора Генерального штаба Павла Федоровича Рябикова)[111]. Здесь сразу надо пояснить: Регистрационная служба — в старой армии орган военной контрразведки. Н.С. Батюшин: «Удержать в памяти ту массу лиц, которые проходят в агентурных сведениях по подозрению в военном шпионстве, нет возможности, а потому им ведется учет по системе. Различаются 2 разряда лиц: одни, просто проходящие по шпионским делам, другие же — заподозренные в военном шпионстве. На первых лиц регистрационные карточки делаются белого цвета, а на вторых — красного. В карточки

---

107 Там же. Л. 123.

108 Кавтарадзе АТ. Военные специалисты на службе Республики Советов. М., 1988. С. 199.

109 РГВА. Ф. И. Оп. 5. Д. 122. Л. 408–409.

110 Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 5 об.

111 См.: Аралов С.И. Указ. соч. С. 38; Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920). М., 2005. С. 98; РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 24 и след. Первое было передано в Военный контроль Оперода — виновные расстреляны по суду; проходившие по второму военнослужащие были отпущены на свободу после 6,5 месяца заключения «за недоказанностью обвинения».

заносятся все данные о регистрируемых лицах до их личных примет и адресов включительно, при этом делаются ссылки на номера дел контрразведывательного отделения»[112].

По свидетельству Аралова, В.И. Ленин придавал аппарату Кузнецова «первостепенное значение», требовал «обязательной» присылки печатного материала противника, советовал подробно допрашивать пленных, поручал собирать материалы о снабжении противника, моральном состоянии солдат, политическом настроении населения в районе ТВД[113].

Несмотря на занятость в связи с подавлением выступления Чехословацкого корпуса, в начале лета 1918 г. Оперод перевели в собственное здание на Пречистенку, 37 и 39 — он отделился от Московского окружного военкомата в прямом смысле этого слова. Если первоначально Оперод ютился в двух комнатенках, то теперь в его распоряжении находились 2 огромных здания. Такое переселение не могло состояться без санкции Ленина или

Свердлова: распределением ордеров ведал Моссовет во главе с Львом Борисовичем Каменевым, для которого Аралов авторитетом не был. «Кабинет Теодори, — вспоминал позднее И.И. Вацетис, — располагался в небольшой подслеповатой комнате. На стенах висели карты и схемы с детальным расположением всех вооруженных сил РСФСР, как на фронтах, так и внутри страны»[114]. По итогам новоселья начались срочные работы по организации Оперативного отделения и Отделения связи[115].

Оперативное отделение (заведующие — левый эсер Николай Васильевич Мустафин, затем большевик Евгений Владимирович Гиршфельд) после своего сформирования не только разрабатывало вопросы оперативного характера, но и контролировало деятельность Высшего военного совета по управлению войсками. В отделе находились сведения о ходе боевых действий, реальной численности армии и степени ее материального обеспечения; осуществлялся прием докладов с мест о военном положении, состоянии воинских частей, командного состава и т. п. По итогам составлялись ежедневные сводки для политического руководства, военного и дипломатического ведомств Советской России (непосредственно сводки получали председатель Совнаркома В.И. Ленин; председатель ВЦИК Я.М. Свердлов; председатель Высшего военного совета и нарком по военным делам Л.Д. Троцкий, его заместитель Э.М. Склянский, члены коллегии Наркомвоена К.А. Мехоношин, Н.И. Подвойский и И.И. Юренев (К.К. Кротовский), член Реввоенсовета Восточного фронта П. А. Кобозев, руководители Оперода С.И. Аралов и Г.И. Теодори; руководители НКИД Г.В. Чичерин и Л.М. Карахан). Для Ленина, Свердлова, Троцкого, Склянского, Чичерина и Карахана составлялись также специальные, еженедельные сводки — с выводами Теодори (подписывал сводки С.И. Аралов). Кроме того, Оперативное отделение осуществляло: организацию шифровального дела (ответственный — зав. отделением Е.В. Гиршфельд); ежесуточную запись всех распоряжений наркомвоена Л.Д. Троцкого, С.И. Аралова и Г.И. Теодори по вопросам ведения боевых операций и организации войск. Не ранее июля 1918 г., на основании специального распоряжения Л.Д. Троцкого, в составе Оперативного отделения было создано Подотделение учета и проверки распределения артиллерийского и технического имущества для пресечения «безудержной» раздачи Центральным управлением по снабжению армии, Всероссийской коллегией по вооружению (расформированной, по инициативе Теодори, 13 июля на заседании в Наркомвоене под председательством Л.Д.

---

112 Батюшин Н.С. Указ. соч. С. 202–203.

113 Аралов С.И. Указ. соч. С. 38.

114 РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 178.

115 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 19 об., 20 об.

Троцкого) и комиссиями по снабжению фронтов оружия, броневых машин и боеприпасов [116]. Оперативное отделение Оперода, по состоянию на 16 июля 1918 г., насчитывало 17 сотрудников, в том числе 4-х руководителей (заведующего Н.В. Мустафина, 2-х консультантов и помощника заведующего), 11 служащих и двух посыльных[117]. К 14 октября в отделении служило на 6 человек больше: 5 руководителей (зав. отделением, консультант, 3 помощника заведующего), 15 служащих и 3 посыльных[118]. В процентном отношении увеличение сотрудников только данного отделения Оперода составило 26 %, при этом число руководящих сотрудников возросло на 20 %, специалистов — на 26,6 %, технических сотрудников — на 50 %.

Отделение связи (зав. отделением — большевик А.Ф. Боярский) занималось организацией различных видов связи — почтово-телеграфно-телефонной, радиотелеграфной, технической (мотоциклетки, автомобили и самокатчики) и людской (курьеры и уполномоченные); контролем и наблюдением за связью на всей территории Советской республики, за порядком ее несения в Штабе Высшего военного совета, штабах участков Завесы и штабе единственного на тот момент Восточного фронта. Отделение обслуживало всеми видами связи сам Оперод и организовывало *прямую и секретную* связь с Кремлем, Восточным и Южным фронтами, НКИД и коллегией Наркомвоена и Всероссийским бюро военных комиссаров (Всебюрвоенкомом).

Административно-учетное отделение, «полусформированное», по признанию Теодори, еще весной 1918 г., к осени уже ведало вопросами, связанными с укомплектованием армии командным и рядовым составом, а также лошадьми, осуществляя: учет, регистрацию и пополнение личным составом управлений, учреждений и заведений тыла, армии и округов; учет, регистрацию и составление соображений по всем вопросам пополнения армии лошадьми; составление сведений о численном составе воинских частей, управлений, учреждений и заведений; подготовкой материала для военно-статистических обзоров и описаний военных округов и ТВД. Поскольку функции отделения частично дублировали функции управлений Всероссийского главного штаба — По командному составу и По ремонтированию армии, отделение взялось контролировать деятельность обоих управлений, а также штабов участков Завесы[119].

25 июля 1918 г. приказом по Опероду разграничивалась компетенция отделений Оперативного и Учетного: «§ 1. Все распоряжения по передвижению войск должны исходить исключительно от Оперативного отделения. В случаях если по неотложным обстоятельствам подобного рода распоряжения исходили бы от Учетного и других отделений, то последним принять к неуклонному руководству — об этом немедленно сообщать Оперативному отделению. § 2. Учетному отделению ежедневно к 16 часам представлять мне (С.И. Аралову. — *С.В*.) и копию Оперативному отделению сводки сведений о всех отправляемых за истекшие сутки на разные фронты войсковых частях — как из Москвы, так и из других пунктов по нижеследующей форме[120]. Сведения, требуемые для составления сводки, Учетному отделению получать из отделений Оперативного и По передвижению войск [121]. Приказ не проводился в жизнь, и 17 августа Аралов вновь

---

[116] Там же. Л. 21, 26.

[117] РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 59. Л. 1.

[118] Там же. Л. 2.

[119] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 26.

[120] Форма дана в самом приказе.

[121] РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 38.

подтвердил его «к неуклонному руководству»[122]. Надо полагать, с таким же успехом…

Отделение военного контроля (ОВК), создание которого еще весной 1918 г. входило в планы большевика С.В. Чикколини[123], как и сам Оперод, первоначально формировался без ограничений в штатном расписании. Основным подразделением ОВК стала активная часть, осуществлявшая руководство внутренней агентурой и наружным наблюдением. С лета 1918 г. ОВК занималось организацией контрразведки и наблюдением за личным составом Оперода, Штаба Высшего военного совета и т. п. В первые месяцы своего существования ОВК не имело подчиненных органов на местах[124].

Не позднее 13 июля 1918 г., по поручению В.И. Ленина (так, по крайней мере, пишет С.И. Аралов), при Опероде организовали *бюро [по снабжению] Северо-Кавказского военного округа* (СКВО) во главе с М.К. Тер-Арутюнянцем, организовавшее в т. ч. экстренную помощь Бакинской коммуне [125]. Причины создания бюро изложены в воспоминаниях М.К. Тер-Арутюнянца: в июле 1918 г. «еще не была налажена работа» ряда доставшихся в наследство от Военного министерства управлений военного ведомства (Главном артиллерийском, Главном военно-инженерном и др.): многие «старые военные специалисты», возглавлявшие эти управления, «всякими правдами и неправдами тормозили выполнение наших предписаний», и в ряде случаев приходилось обращаться лично к В.И. Ленину (так, председатель СНК потребовал от начальника ГАУ В.С. Михайлова отправить «в Баку оружие и боеприпасы под угрозой отправки “на Лубянку, к Ф.Э. Дзержинскому”»)[126].

Военно-цензурное отделение (ВЦО, во главе с ушедшим из Оперативного отделения Н.В. Мустафиным) перехватывало донесения противника и сообщения шпионов по телеграфу и почте; контролировало сведения, проникающие из Наркомвоена в печать, и главное — переписку, в т. ч. иностранных граждан (как на территории Советской России, так и за ее пределами); делало еженедельные сводки сведений из печати и вырезки из газет по различным отраслям[127]. Мустафин, его заместитель Пряхин и старший цензор Алмазов, взяв за основу дореволюционные положения и перечни по военной цензуре 1914–1917 гг., разработали «Инструкцию военным цензорам», приложенную к утвержденному 21 июня 1918 г. Л.Д. Троцким и членом коллегии Наркомвоена К.А. Мехоношиным «Положению о военной цензуре газет, журналов и всех произведений печати повременной». Целевым ее назначением, как установил П.В. Батулин, было неформальное обучение цензоров: цензура печати ограничивалась военными вопросами, но «в самом широком объеме» (так говорилось в пункте об обязанности цензоров задерживать подозрительные статьи, корреспонденции и телеграммы); так, в деятельности отделения изначально выявилась тенденция «выходить за

---

[122] Там же. Л. 63.

[123] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 25 об.

[124] Зданович А.А. Указ. соч. С. 105; РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 26, 80 с об. — 81.

[125] С.И. Аралов пишет о создании при Опероде «бюро Северокавказского округа» (Аралов С.И. Указ. соч. С. 40). Название и датировка уточнены по: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 583 (в июле — августе 1918 г. Тер-Арутюнянц — зав. бюро снабжения войск СКВО); Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 632.

[126] Тер-Арутюнянц М.К. В.И. Ленин — военный руководитель в период становления Советской власти // Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3. М., 1969. С. 35. См. также отношение Бюро по снабжению СКВО в Оперод от 22 августа 1918 г. (РГВА. Ф. 33987. On. 1. Д. 28. Л. 66).

[127] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 26.

рамки положения и перечня» — «с лета 1918 г. ВЦО занималось работой, не упоминаемой ни в каких нормативных документах» (снабжало Разведывательное отделение Б.И. Кузнецова и лично Г.И. Теодори непропущенными в печать материалами)[128]. Сбором информации о потенциальных противниках военная цензура не занималась, притом что, как пишет разведчик Н.С. Батюшин, «разведотделение штаба Варшавского военного округа до Первой мировой войны выписывало массу столичных и провинциальных газет на немецком и польском языках», «не говоря уже о военных журналах и книгах. Весь этот материал распределялся между знающими немецкий язык строевыми офицерами округа, которые в свободное от службы время делали выдержки из них на русском языке по заранее установленной программе сбора сведений военно-политического характера о наших противниках». Это привело к созданию, выражаясь современным языком, базы данных по Польше и Германии[129]. Впрочем, с тогдашним аппаратом подобную задачу вряд ли кто-либо мог и замыслить… В Военно-цензурном отделении сменились 3 заведующих. Мустафина сменили Яков Андреевич Грейера и Николай Николаевич Батурин. Судьба последнего достойна романа. Николай Батурин (Замятин) родился 6 (18) декабря 1877 г. на станции Чертково Воронежско-Ростовской ж.д., что на границе Воронежской и Донской области. В 1896–1897 гг. участвовал в местном социал-демократическом кружке молодежи. По окончании Воронежской гимназии в 1898 г. поступил на естественный факультет Петербургского университета, но в следующем году исключен за участие в революционных беспорядках и уехал за границу, учился в Берлинском, Цюрихском и Лейпцигском университетах (естественный отдел философского университета). В Берлине и Цюрихе близко познакомился с некоторыми народовольцами, учился у А.Д. Брейтфуса. В Берлине и Цюрихе собирал нелегальную литературу для транспорта и намеревался устроить тайную типографию в России. Авантюра не удалась: охранка узнала о приготовлениях от близкого к народовольцам провокатора Байтнера, с которым познакомили Батурина. По возвращении в Россию в начале 1901 г. Батурин пробыл некоторое время в Воронеже, где близко сошелся с социал-демократическим кружком, «американцами» (Л. Карповым, А. Любимовым и др.). По рекомендации Карпова брату будущего наркомпроса Луначарского вступил в социал-демократическую организацию Киевского комитета, но вскоре был арестован. Просидев в Киевской тюрьме около года, был выслан предварительно в Вятку, откуда, после оглашения приговора (ссылка в Восточную Сибирь на 3 года) благополучно в январе 1903 г. бежал через Финляндию в Стокгольм, при содействии финляндских буржуазных революционеров. В 1903–1904 гг. находился в эмиграции в Цюрихе и Женеве, участвовал в заграничных кружках содействия партии. В Женеве вместе с В.Д. Бонч-Бруевичем и др. организовал библиотеку и архив ЦК РСДРП, впоследствии слившиеся с Куклинской библиотекой. Осенью 1904 г. нелегально вернулся на родину, работал в Тульском комитете. Зимой 1904/1905 г. переехал на Урал, вступил в Уральский комитет; в январе, вскоре после выпуска прокламации 9 января, был арестован и заключен в Екатеринбургскую тюрьму вплоть до перевода весной в николаевское арестное отделение (на севере Пермской губернии). В июле с рядом товарищей бежал через подкоп, готовившийся 2 недели. Всех пятерых поймали и избили. Через несколько дней выяснилось, что зря бежали: освободили на поруки с согласия прокуратуры, полученного еще до побега. Далее совершеннейший абсурд: снова арестован в Перми — теперь уже по делу о побеге. Освобожден из Екатеринбургской тюрьмы, как указал в анкете, «после амнистии, но больше под давлением собравшейся у екатеринбургской тюрьмы толпы». В день освобождения вступил в Екатеринбургский комитет, в котором в это время работали Я.М. Свердлов, его супруга Клавдия Тимофеевна Новгородцева, «Иван» (Николай Бушев), Сергей Егорович Чуцкаев и

[128] Батулин П.В. Указ. соч. С. 61, 64.

[129] Батюшин Н.С. Указ. соч. С. 146.

др. Между прочим, написал в анкете, «на практике открытой работы был организован маленький “Свердловский университет”, пропагандистские кружки были распущены и слушатели собрались в большую аудиторию в нанятой квартире, читали лекции Чуцкаев, я и др.». В конце зимы 1906 г. переехал в Воронеж, где также работал в комитете; в апреле вступил в Московский комитет, где заведовал пропагандой. В конце лета 1906 г. занялся составлением книги «Очерк истории социал-демократии в России», в основу которой положил лекции в пропагандистских кружках. Осенью 1906 г. был арестован как нелегал и посажен в Бутырку. Весной 1907 г. вышел на свободу и переехал в Питер, работал по составлению «Календаря для всех» (т. е. для рабочих, издательство «Зерно»), тираж которого был конфискован, но до этого распространен в большом количестве среди рабочих (в календаре публиковалась статья В.И. Ленина о Штутгартском международном конгрессе). В конце лета вступил в Петербургский комитет, осенью арестован и отсидел около года. В 1908 г. уехал на Урал — судиться по делу о побеге. На Урале был избран на Парижскую конференцию, по возращении снова работал в Петербургском комитете, а также во фракции Государственной думы. Летом 1909 г. Батурина вызвал в Москву известный партийный работник Виктор Павлович Ногин и передал решение большевистского Центрального комитета кооптировать Батурина в свой состав и предложение работать агентом ЦК. Не повезло: по воспоминаниям Батурина, «соображение, на котором эта кооптация должна была состояться, было арестовано». По возвращении в Питер Батурин продолжал работу во фракции Государственной думы, безуспешно пытаясь войти в контакт с остатками разрушенной организации. Снова арестован как нелегал, отсидел 9 месяцев и этапирован на Урал. Зимой 1910 г. судился как «уголовный» за побег из тюрьмы и проживание по фальшивому паспорту, причем по делу о побеге оправдан, за проживание по фальшивым документам осужден на 3 месяца. По возвращении в Питер был посажен и отбывал срок по старому делу Петербургского комитета. С основанием газеты «Звезда» принимал в ней участие как сотрудник и редактор. С закрытием «Звезды» стал редатором «Правды» (не мытьем, так катаньем), но скоро был арестован. Всю зиму 1912/1913 г. шел по этапу в Черный Яр Астраханской губернии. 300-летие Дома Романовых принесло Батурину незаслуженную амнистию — в конце 1913 г. он выслан по болезни за границу. Лечился в Давосе и Тессинском кантоне в Швейцарии. В начале Первой мировой войны был отрезан от России до 1918 г. С приездом в Швейцарию Советской миссии работал в ней — организатор и заведующий бюро печати, вернулся в Россию по «дипломатическому» паспорту. В 1918–1919 гг., помимо работы военным цензором, член редакции газеты «Правда» (удобное совмещение должностей). Впоследствии — член коллегии Центроархива (с 1922), со времени основания Истпарта перешел на работу в Истпарт; с 1926 г. читал лекции по истории ВКП(б) и ленинизму в Воронежском с.-х. институте. Умер 23 ноября 1927 г. в Ливадии от туберкулеза[130]. Как видим, наибольшее соприкосновение Н.Н. Батурин имел в своей революционной работе с Я.М. Свердловым. И это не случайно.

По свидетельству Г.И. Теодори (подтверждаемому воспоминаниями И.И. Вацетиса), «часто бывал в Опероде» ценивший Теодори Я.М. Свердлов[131]. Здесь Георгий Иванович проболтался: Свердлов был заинтересован в Опероде значительно больше Ленина — фактически через Оперативный отдел Наркомвоена Яков Михайлович получил возможность проводить свою политику в военном ведомстве, тем более что в Опероде было его «карманное отделение». В первых числах августа 1918 г. было закончено формирование *Военнополитического отделения* Оперода, положившего начало политотделам в армиях и фронтах. Во главе встал жесткий большевик, член ВЦИК Александр Григорьевич Васильев (1888–1929) — отделение фактически подчинялось не Аралову и его консультантам, а

---

130 РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 137. Л. 2–5. Автобиография; Л. 6. Биография.

131 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 21 об.\ Аралов С.И. Ленин вел нас к победе. М., 1962. С. 162.

непосредственно Я.М. Свердлову, направившему Васильева в Оперод. В функции отделения входили агитационно-пропагандистская и партийно-политическая работа в армии, «военно-политическая информация советских учреждений, управлений и т. д.». Отделение было призвано помогать Всебюрвоенкому в подборе политических работников и агитаторов на фронт, отправке в войска литературы. В частности, в июле — августе 1918 г. отделение отправило в войска 2,5 тысячи агитаторов. По воспоминаниям Аралова, Васильев и его подчиненные «нередко бывали на фронтах, проверяли политико-массовую работу». По воспоминаниям Теодори, отделение положило «начало политотделам в армиях и на фронтах»[132]. В документах Свердлова отложился ряд поручений Опероду, направленных А.Г. Васильеву[133]. В качестве секретаря ЦК Свердлову приходилось решать и кадровые вопросы в ведомстве Троцкого — так, в удостоверении ЦК РКП(б) он просил оказывать «всяческое содействие» Лесову, командируемому Оперативным отделом Наркомвоена в распоряжение Оршанского военкома «для ответственной партийной работы»[134]. Документ был выдан «на основании личного заявления тов. Васильева»[135].

К октябрю 1918 г. в составе Оперода появились Секретариат и др. отделения.

Секретариат представлял собой личную канцелярию руководства Оперода (заведующего Аралова, его заместителей Чикколини и Павулана, начальника штаба Теодори) — печатал доклады по разрабатываемым Теодори вопросам; организовывал прием и допуск лиц к Аралову; принимал почту и распределял ее по отделениям[136].

Отделение передвижений (фактически — военных сообщений) занималось организацией этапной и транспортной служб в пределах штабов армий, военных сообщений на внутренних линиях для подавления восстаний и Чехословакацкого мятежа; осуществляло контроль над выполнением оперативных перевозок по нарядам Высшего военного совета, штабов Северного, Южного и Западного участков Завесы и т. д., а также обслуживало Оперод, отделы Наркомвоена и Всебюрвоенком по вопросам передвижения и составления маршрутов для командируемых. Отделение также осуществляло контроль, а в исключительных случаях (отделение должно было всегда иметь наготове план наиболее вероятных перевозок и перегруппировок на стратегических направлениях) непосредственно занималось составлением соображений по определению размеров воинского движения и плана воинских перевозок; по улучшению, усилению и развитию путей сообщения в районах армий; соображений по исправлению мостов и иных сооружений в районах армий (например, исправление Сызранского моста у Самары и Сызрано-Златоустовской ж.д.) и их охране[137].

Общее отделение (по сути, Управление делами) занималось финансовыми вопросами и отчетностью по ним, осуществляло продовольственное снабжение агитаторов Оперода и красноармейцев. Отделение состояло из казначейской, бухгалтерской, журнальной,

---

132 Аралов С.И. Указ. соч. С. 37; РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 27, 81; РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 5 об.

133 Телеграмма № 18018 от 17 сентября 1918 г.: «Политическое] отделение Оперативного отдела — т. Васильеву. Прошу выдать суточные за все время командировки тт. Игнатову, Орехову, Акашину и Кириллову из средств отдела. Я. Сверлов (РГВА. Ф. 86. Оп. 1. Д. 35). Л. 23.

134 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 5. Л. 5.

135 Там же. Л. 5 об.

136 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 25.

137 Там же. Л. 26 об.

хозяйственной и комендантской частей, литографии, типографии[138].

Основная трудность в работе Оперативного отдела Наркомвоена, по признанию Теодори, заключалась в том, что с 27 мая по 20 июля (дата словесного утверждения штатов) *«Оперод фактически работал на свой страх [и риск*], *без утверждения в правах и штатах с исключительно мизерным содержанием — ниже ставок всех остальных учреждений»,* а «у ответственных руководителей не было твердо установившегося взгляда на задачи Оперода Наркомвоена: то его считали высшим контрольным органом, то оперативным, то оперативно-организационным, [то] контрольным»[139].

После прибытия в Оперод Георгия Теодори работа в этом органе Наркомвоена стала вестись круглосуточно: было учреждено *особое суточное дежурство* из одного ответственного партийного работника с ответственным «консультантом» — генштабистом; само руководство Оперода — Аралов и Теодори — находилось в Опероде ежедневно с 9 утра до 12 часов вечера, а то и до 2–3 часов ночи.

В июле 1918 г. Г.И. Теодори воспользовался уходом С.В. Чикколини и сократил число «пайковых» служащих до 565 человек, более-менее наладив работу Оперативного отдела[140]. Для сравнения: общая численность служащих центрального военного аппарата Советской России к весне 1918 г. составляла менее 2000 человек[141], к осени — около 3000 без учета Оперода[142].

В мае 1918 г. Оперод находился в состоянии частичной изоляции: не было никакой связи — ни телефонной, ни телеграфной, ни с уполномоченными коммунистами; начальник связи большевик А.Ф. Боярский ездил на Центральный телеграф и из-за одной телеграммы останавливал работу на 3–4 часа, пока ему не давали сразу 4–5 пунктов для прямых переговоров; «аппараты ожидали, пока из народа на железнодорожную] станцию и т. п. придет вызванный комиссар для приема словесного приказания», затем приезжали С.В. Чикколини или Н.В. Мустафин, отменявшие первое распоряжение — «и так без конца». Теодори не сомневался, что в результате передаваемые в присутствии всех служащих распоряжения попадали в руки врагов[143]. В снабжении царила полная неразбериха: поступали требования на оружие от многочисленных лиц с мандатами, которые невозможно было проверить. Учет оружия не велся, расход велся Всероссийской коллегией по организации и формированию Красной армии (Всеросколлегией), а также личными приказаниями члена Всеросколлегии большевика Я.И. Весника, руководящих сотрудников Оперода — большевиков С.В. Чикколини, А.Ф. Боярского, И.С. Плотникова и в отдельных

---

138 Там же. Л. 27.

139 Там же. Л. 23–23 об.

140 Там же. Л. 8 об.

141 Крушельницкий А.В. Об интерпретации одного факта // Государственный учреждения и общественные организации СССР. М., 1991. С. 89.

142 Точнее, не менее 2760 — это численность сотрудников Нарком-воена без учета Высшей военной инспекции, секретариата Н.Н. Подвойского и К. А. Мехоношина, а также формально подчиненных (соответственно) Наркомздраву и Наркомзему Главного военно-санитарного управления и Ветеринарного управления армии — Подсчитано по: РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 138–143 об, 144, 146, 148—148об, 149, 150; Д. 228. Л. 18; Д. 240. Л. 39–41, Л. 42 с об—50; Д. 248. Л. 159; Д. 278. Л. 37 с об—39; Д. 359. Л. 92 с об—96, 103 с об—104, 114 с об—124, 125–131 об; Д. 362. Л. 1—la; Оп. 4. Д. 18. Л. 10—245, 282; Ф. 8. Оп. 1. Д. 265. Л. 39 об—48; Ф. 11. Оп. 5. Д. 51. Л. 2; Ф. 20. Оп. 2. Д. 112. Л. 12 об; Л. 37; Д. 116. Л. 191 об; Ф. 29. Оп. 8. Д. 315. Л. 1 об-40 с об; Ф. 37. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 об—7; Ф. 44. Оп. 2. Д. 24. Л. 77 об—78; Ф. 46. Оп. 1. Д. 51. Л. 32–33 об.

143 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 20.

случаях В.П. Павулана (последний подписывал распоряжения крайне осторожно и лишь в присутствии С.И. Аралова), левого эсера Н.В. Мустафина. Георгию Теодори Советская республика была обязана прекращением преступной раздачи оружия (срочный доклад о недопустимости полного удовлетворения требований Всероскоммегии и Главного артиллерийского управления генштабист подал лично наркому Л.Д. Троцкому). Теодори и Б.И. Кузнецов позднее доложили Троцкому и о «преступном расходе» и расхищении интендантского, вещевого и прочего имущества.

Оперод сразу столкнулся со страшным расходом денег на «мертвые души»: при первом же приказе о выступлении на фронт выяснилось — огромное число красноармейцев-добровольцев существовало только на бумаге; точные сведения о советских войсках и отрядах отсутствовали (доходило до курьезов: точные сведения о 4-й армии представил Л.М. Карахан в виде… французской сводки на французском языке о «большевистских силах» на Востоке)[144].

Однако с разрухой в Оперативном отделе Наркомвоена Теодори сотоварищи сразу справиться не могли. Показательно, что приказ № 1 по Опероду датируется июнем 1918 г. (подписали Аралов и заведующий «делами Канцелярии», в другом документе «заведующий общей канцелярией», в третьем «заведующий делами» Алексей Иванович Иванов)[145] — фактически до прихода в отдел Теодори никаких нормативных документов отдел не издавал. Из дальнейших приказов видно, как дела в Опероде постепенно приводились в порядок. С 26 июня жестко регламентировались служебные командировки; при этом указывалось: «в случае невозвращения в назначенный срок из отпуска» сотрудники подлежат «строгому замечанию и даже увольнению со службы»[146].27 июня приказом № 15 за подписью Аралова и военного консультанта А.Д. Тарановского назначалась ревизионная комиссия в составе партийных работников Моисеенко, Митрофанова и Преображенского «для проверки денежной отчетности по всем отделениям Оперативного отдела». Ревизия должна была проводиться с 27 июня по 1 июля 1918 г.[147] 20 июля В.П. Павулан в приказе по Опероду уточнил: «Комиссии собраться в 2 часа дня 22… июля и о результатах поверки составить акт, который представить мне не позднее 25 июля[148]. Создавались и комиссии для ревизии отдельных структурных подразделений Оперода. 8 августа для «проверки денежной отчетности Разведывательного отделения» С.И. Аралов назначил комиссию под председательством Б.И. Кузнецова в составе членов Е.В. Гиршфельда и Максимова[149]; 15 августа из комиссии ушел Гиршфельд (он стал 2-м секретарем Аралова) [150]°, 17 августа состав комиссии изменился на 100 %: Кузнецова заменил консультант Общего отделения Л.Г. Рейтер, Максимова — Комаров[151]. 15 августа для проверки денежной отчетности и

144 Там же. Л. 20, 79 и др.

145 РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 1, 10 об., 31.

146 Там же. Л. 19.

147 Там же. Л. 20.

148 Там же. Л. 35.

149 Там же. Л. 51.

150 Там же. Л. 62.

151 Там же. Л. 61 об.

кассы создавалась комиссия в составе Л.Г. Рейтера (председатель), генштабиста ускоренного курса капитана

В.И. Максимова и П.С. Плотникова[152]. 23 августа назначили ревизию денежной отчетности Отделения военного контроля — к 31 августа комиссия в составе Рейтера (председатель) и сотрудников отделения Комарова и Менцендорфа доложила, что денежная отчетность «в отличном порядке»[153]. Для проверки Отделения связи впервые в состав комиссии ввели секретаря ОВК большевика латыша Варпа[154]. 10 сентября комиссия проверила денежную отчетность Оперативного отделения — там тоже в целом все сходилось, за исключением деталей, связанных «с неопытностью оставшегося за секретаря сотрудника»[155]. В октябре выяснилось, что денежная отчетность Учетного и Топографического отделений поставлена значительно хуже. По итогам обследования комиссия доложила: тетрадь Учетного отделения «для ведения инвентаря, хотя и находится в порядке, но по ней, как и в прочих отделениях, нельзя судить о правильности занесенного имущества, кроме купленного…»[156]; приходно-расходная книга Топографического отделения ведет учет имущества неправильно, а инвентарная тетрадь отделения «не отвечает своему назначению»[157]. Отдельные недостатки в финансовой отчетности комиссия обнаружила также в Общем и Военно-политическом отделениях[158].

Только 25 июля для рассмотрения штатов при Оперативном отделе Наркомвоена приказом С.И. Аралова назначалась комиссия в составе: В.П. Павулана (председатель), консультантов Г.И. Теодори, Б.И. Кузнецова, И.Д. Чинтулова и всех заведующих отделениями. Последние обязывались к 27 июля представить Павулану проект штата отделений с объяснительной запиской о назначении и работе своего отделения. Дату сбора комиссии определил В.П. Павулан[159].

17 августа Аралов констатировал в приказе по отделу: «§ 1. Сегодня… в 10 час. утра во всех отделениях чрезвычайно мало было служащих, а, как известно, работа должна начинаться в 10 час. утра. Об этом писалось, говорилось и приказывалось, но сотрудники до сего времени не исполняют приказа. Ставлю на вид всем заведывающим отделениями, что подобное отношение к делу в такое трудное время недопустимо, и с 18 августа предлагаю вести регистрацию прибывающих и убывающих; следить за регистрацией — обязанность дежурных, назначаемых по расписанию отделения; § 2. Приказываю всем отделениям представить списки дежурств будничных и праздничных, предварительно усилив их так, чтобы работа в отделениях отнюдь не задерживалась. Списки представлять в Общее отделение на каждый месяц к 1 числу. Дежурство в Оперативном отделении назначаю до 10 час., в Отделении передвижений круглые сутки. В остальных отделениях — до 9 час.

[152] Там же. Л. 66.

[153] Там же. Л. 75 об.

[154] Там же. Л. 77. Вероятно, секретарь ОВК Варп был латышом или эстонцем и пришел вместе с Максом Тракманом.

[155] Там же. Л. 85 об.

[156] Там же. Л. 125 об.

[157] Там же. Л. 133.

[158] Там же. Л. 136.

[159] Там же. Л. 39.

вечера; § 3. Всем отделениям принять к сведению, что кроме воскресных дней все праздники отменяются, а какие дни будут считаться неприсутственными, будет отдано предварительно в приказе по отделу»[160]. 10 сентября Аралов отметил в приказе «случаи чрезмерного, не вызванного делами службы, требования автомобилей». В результате — «машины, прибывающие к требуемому месту, простаивают… ожидая выхода лица, которому подана машина. Некоторые отделения, пользуясь автомобилями, не комбинируют поездки, а на каждый случай просят отдельного наряда, иные требуют наряда по маловажным делам, которые могут быть исполнены другими способами»[161].

А 25 сентября раскрылась в полном объеме *оперативность* работы *Оперативного* отдела: по свидетельству Семена Аралова, «около 18 часов начальником Штаба [Теодори] было послано в Учетное отделение… спешное приказание о командировании [военного] консультанта [отделения Анатолия Николаевича] Виноградова. Дежурный по отделению тов. Щалдыкин, сообщивший сначала по телефону, что знает адрес, направил пакет по неверному адресу», в результате Виноградов получил приказание, лишь придя на работу на следующий день. Аралов приказал «иметь во всех отделениях точные списки адресов сотрудников, которые должны быть известны дежурным, и наладить дело связи таким образом, чтобы каждый сотрудник — и тем более ответственный — мог быть вызван в любое время»[162]. Точные списки сотрудников Оперода автор книги, несмотря на тщательные поиски в фондах РГВА, не обнаружил.

За денежной отчетностью стали пристально следить лишь после выхода приказа по Опероду № 57 от 26 августа 1918 г., которым устанавливалось — все ордера на выдачу сумм проверяют заведующий или консультант Общего отделения (А.И. Иванов и Л.Г. Рейтер), подписывают и направляют бухгалтер С.И. Аралов или В.П. Павулан. Только после этой процедуры казначей обязывался выдать деньги[163].

«Молодые генштабисты» Оперода, привыкшие решать вопросы «в плоскости Советской власти», сразу стали в оппозицию занимавшим ключевые посты в Штабе Высшего военного совета и Всероссийском главном штабе «старым генштабистам». Заявление военного руководителя Высшего военного совета генерала М.Д. Бонч-Бруевича о том, что подавление выступления Чехословацкого корпуса — «внутренний фронт», Г.И. Теодори опротестовал, указав: «есть только один фронт… — борьба со всеми нападающими на Советскую Республику»[164]. Тем не менее в ряде случаев Оперативный отдел Наркомвоена был вынужден заниматься и пресечением разведывательно-подрывной деятельности германцев. 29 июля 1918 г. военный консультант Отделения военного контроля И.Д. Чинтулов доложил С.И. Аралову — 10–12 августа может состояться наступление германских частей. Германцы вели пораженческую агитацию в частях Красной армии и среди латышских стрелков. Руководство Оперода — Аралов и Теодори — переадресовало рапорт Троцкому, за своими подписями. Консультант Оперода пометил: рапорт должен быть

---

[160] Там же. Л. 61.

[161] Там же. Л. 85.

[162] Там же. Л. 115.

[163] Там же. Л. 71–71 об.

[164] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9 и след. Руководство операциями на Самарском, наиболее опасном направлении, Оперод возложил на большевика А.Ф. Мясникова, назначив его в июле 1918 г. командующим Приволжским фронтом, и полковника Н.В. Соллогуба, ставшего в июне начальником штаба Восточного фронта.

уничтожен после прочтения[165].

1 июня 1918 г. Теодори сделал обстоятельный доклад в присутствии члена коллегии Наркомата по морским делам Ф.Ф. Раскольникова, члена ЦК РКП(б) Г.Я. Сокольникова, зам. наркома по иностранным делам Л.М. Карахана и Н.И. Муралова, а 3 июня — наркомвоену Л.Д. Троцкому о переводе части Балтийского флота на Волгу (предложение Теодори было принято, и в результате в середине августа 1918 г. 4 «сокола» приняли деятельное участие в подавлении Выступления Чехословацкого корпуса). Теодори проигнорировал протест большевиков С.В. Чикколини и А.Ф. Боярского (начальников отделений Военного контроля и Связи) и организовал сбор точных данных о боевом составе и численности противостоящих чехословакам красноармейских отрядов, наладил с ними связь и управление. Это позволило разбить разрозненные отряды Чехословацкого корпуса и предотвратить ряд взрывов мостов чехословаками.

Отчасти решимости консультанта Оперода Теодори большевики были обязаны успешной ликвидацией предпринятой в июле 1918 г. М.А. Муравьевым попытки военного переворота: необходимые указания о группировке отрядов дал членам РВС Восточного фронта Г.И. Благонравову и П.А. Кобозеву Аралов под диктовку своего консультанта[166].

Оперод занимался и отправкой на фронт интернациональных отрядов Красной армии (об этом известно из телеграфного распоряжения Л.Д. Троцкого от 18 августа 1918 г.). Известно, что сосредоточение интернациональных отрядов в Перми курировал венгерский социалист Самуэль[167].

Отдел озаботился даже материальным поощрением бойцов Красной армии — в его структуре появилась Комиссия по подаркам[168]. 30 сентября ее переименовали в Особую комиссию по снабжению Красной армии подарками и пособиями, в октябре передали в непосредственное подчинение Реввоенсовета Республики[169].

Фактически Оперод, под руководством видного московского большевика из меньшевиков-интернационалистов С.И. Аралова, умело заручившегося поддержкой своих «консультантов» — молодых генштабистов, становился все более многофункциональным органом. Так, параллельно с Всероссийским главным штабом (Всероглавштабом) Оперод издавал карты (Военно-топографическое отделение); с началом действий против Чехословацкого корпуса Оперод занялся агитацией в войсках (Военно-политическое отделение, отправившее в войска в июле — августе 1918 г. 2,5 тысячи агитаторов); озаботился даже материальным поощрением красноармейцев (Комиссия по подаркам) [170]. В результате Оперод быстро разрастался, а его руководство явно нацеливалось на полную автономность и организационную самодостаточность. Об этом свидетельствует уже перечень отделений Оперода к октябрю 1918 г.: оперативное, разведывательное, военного контроля (контрразведывательное), связи, учетное, передвижения (фактически — военных

---

[165] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 122–122 об. Факт ведения пораженческой агитации и ареста ряда провокаторов среди латышских стрелков сотрудниками Отделения военного контроля в результате специальной операции установлен С.З. Остряковым (Указ. соч. С. 29–32).

[166] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 21.

[167] РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 68. Л. 23.

[168] РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 5 об.

[169] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 200. Л. 81. Пр. председателя РВСР № 903 (комиссия стала «единым центральным органом»).

[170] РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 5 об.

сообщений), «общее» (управление делами), военно-топографическое, военно-политическое, военно-цензурное (!) плюс секретариат и «комиссия по подаркам» (эмбрион Наградного отдела РВСР)[171].

Секретариат был личной канцелярией С.И. Аралова, Г.И. Теодори и заместителей Аралова С.В. Чикколини и В.П. Павулана; в нем печатались доклады по разрабатываемым Теодори вопросам; через Секретариат проходил прием и допуск лиц к Аралову, прием корреспонденции и ее распределение по отделениям (ежедневно в Секретариате дежурили по 1-му консультанту и партийному работнику.

Когда в Опероде осталось 565 сотрудников, необходимых, по мнению руководства отдела, для нормальной работы, высшее военное руководство начало кампанию по направлению засидевшихся в тылу военспецов на фронт. Призвали в основном военных специалистов (в Отделении связи — помощника заведующего и специалиста; в разведывательном — переводчика; в оперативном — столоначальника и уполномоченного; в отделениях Канцелярии и Военного контроля — 4-х специалистов)[172]. На мобилизацию руководство Оперода ответило аппаратными мерами: «для выяснения действительной необходимости оставления на местах прежней службы Оперативного отдела призванных на службу» в РККА 4 июля в составе Оперода появилась комиссия для обсуждения вопроса об оставлении на службе призываемых в ряды Красной армии. Комиссия собралась уже на следующий день и по итогам направила в Наркомвоен просьбу об оставлении на службе в Опероде 18 призванных[173]. О значении, которое придавалось работе комиссии, свидетельствует тот факт, что ее председателем 13 июля стал и без того обремененный многочисленными обязанностями Г.И. Теодори[174]. 13 июля появление комиссии было оформлено приказом Аралова, по которому в состав комиссии входило по одному представителю от каждого отделения (представителей назначали заведующие отделениями). Комиссии предлагалось собраться 18 июля в 10 часов в помещении по усмотрению Теодори[175]. К 17 июля все заведующие отделениями обязывались представить Теодори списки сотрудников[176]. Но и тут возникли сложности — первое заседание комиссии уже 18 июля перенесли на 20-е число: очевидно, списки со всех отделений сотрудники комиссии так и не получили[177]. Дело не обошлось без неприятных сюрпризов. Так, например, 13 июля 1918 г. был взят для отправки на фронт, несмотря на постановление комиссии, служащий Разведывательного отделения Ф.М. Мельничук. Военный консультант отделения Б.И. Кузнецов направил С.И. Аралову записку с просьбой добиться разрешения Опероду «вести переписку законным путем с освобождением от фактического участия во всех формальностях призываемых, за счет непрерывности их работы во 2-м отделении». К ходатайству Кузнецова присоединился Г.И. Теодори. Последний указал, что «срыв

---

[171] РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 5 с об—6.

[172] РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 125. Л. 16. Именной список сотрудников Оперативного отдела Наркомвоен, родившихся в 1896 и 1897 гг. и подлежащих призыву от 22 июня 1918 г.

[173] Там же. Л. 44—45.

[174] См.: Там же. Л. 12,66 и след. 4 июля Г.И. Теодори вошел в комиссию в качестве члена. Точную дату избрания Теодори председателем комиссии установить не удалось.

[175] Там же. Д. 142. Л. 30.

[176] Там же. Л. 32. Приказ № 27 от 16 июля 1918 г.

[177] Там же. Л. 34 об.

работников таких главных отделений, как оперативное], разведывательное], военного контроля, *пагубно* отражается на деле». С пометой Теодори «вполне» согласился Аралов. Не позднее 20 числа Мельничук был «освобожден впредь до рассмотрения [вопроса]»[178]. На данном этапе Аралову удалось «отмазать своих сотрудников», но к осени 1918 г. ситуация изменилась: к 13 сентября в действующую армию призвали 55 сотрудников Оперода, большинство из которых занимало ответственные должности и считалось сотрудниками «совершенно незаменимыми». Их призыв, докладывал С.И. Аралов фактическому руководителю центрального военного аппарата Э.М. Склянскому, приведет «к неминуемому расстройству работы»[179]. Ходатайство Аралова не помогло: несколько позднее Оперод препроводил в мобилизационный отдел военного комиссариата г. Москвы список на 63 человека, в том числе — 1 консультанта (!), 5 столоначальников, 2-х помощников столоначальника[180].

Второе «наступление» на Оперод развернула в августе 1918 г. ВЧК, арестовав сотрудников Военно-цензурного отделения С.Д. Михно, Д.С. Михно, В.С. Михно и А.С. Сумароцкого. 30 августа по приказанию С.И. Аралова зав. Оперативным отделением Е.В. Гиршфельд запросил заведующего Отделения военного контроля М.Г. Тракмана о причинах ареста сотрудников отделения[181]. Кроме того, в октябре 1918 г. Оперод получил из ВЧК сведения о своем арестованном сотруднике Горине: он находился в отделе ВЧК по борьбе с контрреволюцией. С.И. Аралов, к его чести, направил заведующему отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией Н.А. Скрыпнику записку с аттестацией Горина, «независимо от предъявленного ему обвинения, как исключительно честного и преданного делу Революции Товарища»[182].

Несмотря ни на мобилизации служащих центральных военных органов, ни на их аресты ВЧК, Оперод находился летом 1918 г. в зените своей славы, развернув под руководством опытного и амбициозного Теодори строительство советских вооруженных сил. Теодори и Аралов впоследствии вспоминали ужасные условия, в которых приходилось работать. Теодори в этот период «провел исключительно опасную, самую ужасную, тяжелую, полную личных оскорблений, издевательств и нападок жизнь в период постоянных приездов “самозваных”, “кустарных” и настоящих главкомов, комов и других с Дону, Кавказа и Украины»: осторожные большевики С.И. Аралов и С.В. Чикколини «при появлении этих буйных лиц предусмотрительно уходили в секретную комнату»[183]. Рассказ Теодори (за изъятием признания собственной «осторожности») полностью подтверждается в мемуарах С.И. Аралова: «Ежедневно шли сотни телеграмм, приезжали увешанные гранатами, маузерами, пулеметными лентами матросы, солдаты, начальники существующих и несуществующих отрядов, главковерхи, командированные от различных районов. Всех надо было выслушать, просьбы одних удовлетворить, просьбы других отвергнуть, доказать, что у них и отряда-то нет, или есть всего 50 человек, а командир его требует 1000 винтовок. Приходили анархисты, эсеры, ругались и доказывали, что только они и умеют воевать, что они в два счета разбили бы врага, если бы им не мешали это делать. Голова пухла от всех

---

[178] Там же. Д. 125. Л. 12.

[179] Там же. Л. 111. Докладная записка С.И. Аралова Э.М. Склян-скому от 13 сентября 1918 г. № 1187.

[180] Там же. Л. 122.

[181] Там же. Д. 9. Л. 96.

[182] Там же. Л. 203.

[183] См.: РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 22 и след.

этих разговоров, требований, угроз»[184]. Видный большевик и председатель созданного осенью 1918 г. Реввоентрибунала Республики К.Х. Данишевский назвал лето 1918 г. периодом «захвата разными подозрительными отрядиками оружия в целях товарообмена»: Теодори в этот период отобрал документы у «многих лиц, иногда даже с “подлинными” мандатами, направляя их в ВЧК с опасностью для своей жизни» — все это, несмотря на страшные во время послереволюционного хаоса угрозы расстрелами и жалобами партийным бонзам[185].

Летом 1918 г. под решительным нажимом Теодори реорганизовали Оперод и др. отделы Наркомвоена, на данном этапе его заметил член коллегии Наркомвоена, «правая рука» наркомвоена Троцкого хитрый Эфраим Склянский, не принимавший без визы генштабиста «ни одного штата, ни одной ассигновки».

В итоге «число лиц, болтавшихся в Опероде», уменьшилось к моменту переформирования в Полевой штаб Реввоенсовета Республики (т. е. к октябрю — ноябрю 1918 г.) с 9—10 тысяч до «295 человек — вполне надежных, энергичных, честных и работоспособных…». Теодори впоследствии заявил: из людей, препятствовавших нормальной работе отдела, вопреки его ходатайствам, оставили только машинистку В.П. Троицкую, принятую на службу левым эсером Н.В. Мустафиным до прибытия генштабиста в Оперод *(об этом эпизоде см. Раздел Д глава 2).*

В конце июля 1918 г. отдел под руководством Г.И. Теодори начал бессменную (в 1920 г. генштабист признался, что никому в это время не доверял) масштабную работу по направлению в распоряжение Л.Д. Троцкого и Главкома Восточного фронта И.И. Вацетиса войск, снабжения, вооружения и военных специалистов. Теодори также наладил секретную телеграфную связь центрального военного аппарата с действующей армией.

При этом консультант Оперода постоянно контактировал не только со своим шефом (Араловым), но и с Л.Д. Троцким, Н.И. Мурановым, И.И. Вацетисом, Л.М. Караханом и даже председателем ВЦИК Я.М. Свердловым (Теодори заявил позднее, что у него были в этот период «полномочия и *полное доверие* Я.М. Свердлова, Л.Д. Троцкого и С.И. Аралова»). Из «Кратного очерка истории Оперативного отдела…» выясняется также, что ежедневно вечером Аралов и Теодори делали доклад по телефону лично В.И. Ленину! Более того, председатель СНК дважды лично принимал в Кремле доклад от Георгия Ивановича: один раз в присутствии В.Г. Иванова-Кавказского[186], другой раз — в присутствии И.В. Сталина[187]. Даже ненавидевший Теодори сотоварищи генерал М.Д. Бонч-Бруевич признался позднее, что Оперод с его молодыми, энергичными кадрами «живо интересовал Ленина»[188]. Информация «Краткого очерка…» существенно дополняет представления о военно-организационной деятельности В.И. Ленина: в его «Биографической хронике» зафиксировано лишь, что с 24 мая по 7 ноября 1918 г. С.И. Аралов лично получал распоряжения Ленина или непосредственно докладывал председателю Совнаркома 10 раз (24 мая, 1 и 3 июня, 2 июля, 3 июля, 16 августа, не позднее 17 августа, не позднее 19 августа, 22 августа, 7 ноября), один раз (8 июня) — получил распоряжения Ленина в составе делегации

---

184 Аралов С.И. Указ. соч. С. 52.

185 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 22 и след.

186 Иванов (Кавказский) Владимир Георгиевич (1888–1937) — член РСДП(б) с 1907. Участник Гражданской войны в 1917–1921. В 1917–1918 — член Тифлисского комитета РСДРП(б), член краевого совета Кавказской армии, президиума восточной части Центрофлота; нач. военного летучего отряда МВО. С 1921 — на ответственной хозяйственной и военной работе.

187 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 21 об.

188 Зданович А.А. Указ. соч. С. 105.

руководителей военного ведомства[189]. Аралов в воспоминаниях писал, что Ленин, как правило, «звонил по утрам и требовал сообщить обстановку на фронтах» и «нередко (? — С.В.) вызывал с докладом»; по его словам, доклад делался «около карты. Ильич требовал совершенно откровенного и объективного освещения обстановки на фронтах, подробного объяснения причин неудач и поражений. И тут же давал советы, прямые директивы и приказы, за точным исполнением которых он неослабно следил»[190].

Выход из подчинения Н.И. Муралову не помешал Опероду (в лице Г.И. Теодори) руководить, по просьбе самого московского окружного военкома, проведением всех маневров, тактических занятий, военного обучения и артиллерийских стрельб в МВО и рабочих полков. Составленные по просьбе Н.И. Муралова программы для рядовых красноармейцев, учебных команд, команд разведчиков, метателей ручных гранат и т. п. направили в военные формирования Московского и др. военных округов в количестве 10–12 тысяч[191].

Одновременно с организацией боевых действий на Восточном фронте, Г.И. Теодори настоял на проведении под контролем Оперода (непосредственно — начальника Отделения военного контроля большевика М.Г. Тракмана[192]) регистрации генштабистов, состоявшейся 5 сентября 1918 г. Г.И. Теодори подробно описал процесс принятия решения: «Приехав по приглашению в Оперод и рассмотрев диаграмму утечки [лиц] Генерального штаба из [Советской] Республики на Украину, [в] Сибирь и Кубань, тов. Склянский утвердил доклад»[193]. Естественно, «старые кадры» Генштаба (прежде всего начальник Всероссийского главного штаба генерал А. А. Свечин, сумевший разубедить в необходимости регистрации генштабистов даже хитрого Эфраима Склянского) возненавидели за это Теодори. Регистрация остановила незаметную в чрезвычайных условиях «Республики в кольце фронтов», но огромную утечку генштабистов в ряды белых[194]. Со Свечиным как одним из лидеров «старого Генштаба» у Теодори шла настоящая война. О своей гражданской позиции генерал, ничуть не стесняясь, написал в «Автобиографии» 1935 года (!): до марта 1918 г. был «враждебно настроен к Октябрьской революции». В марте он был на совещании в Смольном, после которого и поступил на советскую службу. Когда Свечин занимал должности в Смоленском районе Завесы, он вступил в конфликт с местными коммунистами. Последние, по заявлению генерала, «не выполняли приказов центра, которые я послушно проводил в жизнь. Напряженность этих

---

[189] Подсчитано по: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 482, 506, 511, 524, 596, 599–600; Т. 6. М., 1975. С. 63, 65,69, 87,211.

[190] См.: Аралов С.И. Указ. соч. С. 37, 162.

[191] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 22.

[192] Тракман Макс Густавович — зав. отделением военного контроля Оперативного отдела Наркомвоена (с июля 1918); военком 6-й стр. дивизии 7-й армии (октябрь, декабрь 1918 — январь 1919) и член Совета комиссаров Эстляндской трудовой коммуны; нач. 1-го отдела (отдела военного контроля) Регистрационного управления Полевого штаба РВСР (ноябрь 1918); отпущен для руководства эстонским движением (с дек. 1918); затем на партийной работе (Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 127, 628; РГВА. Ф. 25888. Оп. 1.Д. 27. Л. 27 об.).

[193] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9, 21 об.

[194] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9, 21 об. Теодори заявил в 1920 г.: «Что генералы бежали — полбеды: они бездарны и с малоповоротливыми мозгами, но с ними уходила и весьма ценная боевая молодежь выпусков 13,14,15,16 г[одов] и гвардейская часть 1917 года. Часть последних выпусков и часть профессуры мы уже успели задержать, и теперь они отлично работают».

отношений заставила меня согласиться на предложение Троцкого — принять должность начальника Всероссийского главного штаба. Эта должность занималась мной с марта по ноябрь 1918 г. Я держался по всем вопросам диаметрально противоположного мнения по сравнению с Главнокомандующим Вацетисом. Троцкий всегда поддерживал последнего. Это обстоятельство и убедило меня в безнадежности моей работы и вынудило просить меня заменить другим, более пригодным и покладистым человеком»[195].

2 сентября 1918 г. один высший коллегиальный орган военного руководства (Высший военный совет), параллельно которому работали коллегия Наркомвоен и Оперод, сменил мощнейший Революционный военный совет Республики из партийных работников, который сразу принялся налаживать свой рабочий аппарат и ставить под свой контроль все центральные военные органы. После образования РВСР и зав. Оперодом Аралов, и его консультант Теодори подтвердили, что отдел представляет собой рабочий орган РВСР, передающий его задания для формирования и снабжения Всероглавштабу и Главному начальнику снабжений[196].

После образования РВСР С.И. Аралов и Г.И. Теодори в специальном послании новому высшему органу военного руководства на всякий случай выдвинули весьма сомнительный тезис: Оперод представляет собой рабочий орган РВСР, передающий его задания для формирования и снабжения Всероглавштабу и Главному начальнику снабжений. Оперод характеризовался в документе как орган: наблюдающий за деятельностью Всероглавштаба, передающий распоряжения ВРС (так в тексте назван РВСР. — *С.В.)* и следящий за оперативным выполнением заданий; принимающий «меры для устранения всяких трений, вызванных политическим моментом» в работе Всероглавштаба и ускоряющий его работу; обеспечивающий работу военного управления в случае отказа Всероглавштаба от решения какого-либо вопроса. ВГШ обязывался сообщать Аралову обо всех полученных помимо Оперода заданиях и отвечать на все запросы Оперода[197]. Появление послания не случайно: в начале сентября 1918 г. над Оперативным отделом Наркомвоена, в частности, над ОВК, нависла угроза слияния со Всероссийским главным штабом под эгидой последнего. 11 сентября Теодори заявил высоко ценившему его Главкому И.И. Вацетису: «Я прошу категорически не соглашаться на влитие Оперотдела во Всероссийский главный штаб, ибо это равносильно уничтожению инициативной группы работников, которая растворится в массе саботантов (так в тексте, правильно — «саботажников». — С.5.), а потом нас постепенно рассеют или заарестуют… Особенно остро в случае передачи Оперотдела во Всероссийский главный штаб станет вопрос с Разведывательным, Военным контролем, Оперативным и Учетным отделениями… Если же все интриги и старания отдельных групп увенчаются успехом, то, безусловно, работать во Всероссийском главном штабе мы не будем, дабы не нести нравственную ответственность за тот характер работы, который там идет и будет идти. Предпочитаем тогда уйти в сторону от работы, ибо тогда фактически выяснится, насколько необходима была продуктивная работа отдела, та энергия и способность к творчеству и созидательному труду, которая за эти 2–3 месяца могла уже перейти к исполнению элементарных военных требований»[198]. Более того, 21 сентября

---

[195] РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 23 (Личное дело А.А. Овечина). Л. 17. Автобиография (автограф синими чернилами). Здесь нужен комментарий: И.И. Вацетис стал Главнокомандующим Восточным фронтом (по сути Верховным, т. к. именно на Восточном фронте «решалась судьба революции) в июле 1918 г., причем в этот период сам Троцкий назвал Вацетиса «смехотворной кандидатурой». Следовательно, такая ситуация, скорее всего, создалась в сентябре 1918 г., после создания Революционного военного совета Республики (РВСР, Реввоенсовет Республики).

[196] РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 115.

[197] РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 115.

[198] РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 254 с об—255.

Свечин обратился к Склянскому с жалобой (копию направил однокурснику Теодори начальнику штаба Восточного фронта штабс-капитану Парфению Матвеевичу Майгуру[199]) на Семена Аралова. 18 сентября телеграммой Аралова генштабист Павел Алексеевич Мей назначался начальником штаба Воронежской дивизии. Свечин заявил протест: дескать, назначение состоялось без его «ведома и согласия». Аралов повторил свой приказ о назначении. Свечин апеллировал к Склянскому, «испросив» согласия на отмену повторного приказания Аралова «и наложения взыскания на виновных», предположив: «главная ответственность падает на начальника штаба Оперативного отдела Наркомвоен Теодори». 22 сентября, получив копию обращения Свечина и приказание Склянского «т. Аралову представить объяснения»[200], дипломатичный Семен Иванович чуть ли не единственный раз в жизни позволил себе сорваться. Без всякого вступления: «Народному комиссару по военным делам тов. Склянскому. 1) Назначение в советские учреждения всегда проходили лишь через Опeрод Наркомвоен; 2) Ко мне, как к заведывающему Оперотделом, обращаются с просьбами дать ответственных работников. Генштаба [П.А.] Мей со службы ушел в июле месяце, на учете не состоял и был освобожден, как по ошибке арестованный, моим ходатайством и после этого по просьбе губвоенком[а] Голенко (тоже ответственного политического работника) был назначен в его распоряжение для назначения на должность наштадива; 3) Я являюсь ответственным политическим работником, отвечаю за весь ход работ, не являюсь куклой в чьих-либо руках, а потому указания гражданина Свечина на виновность Генштаба Теодори считаю бестактными и недопустимыми: подпись под телеграммой была моя — Аралова. О назначениях лиц, находящихся в моем ведении или освобожденных под мое поручительство, дам Вам объяснения лично»[201].

Вероятно, с появлением Реввоенсовета Республики связано назначение 12 сентября Араловым «Особой (Специальной) комиссии по расследованию не только отчетности, но и всей постановки дела» в составе председателя В.И. Гайлита (бухгалтер Контрольной комиссии), Л.Г. Рейтера, А.Н. Виноградова (консультант Учетного отделения), Рахманинова и большевика Варп из ОВК[202]. Усилилась и отправка сотрудников Оперода на фронт — 22 сентября Аралов назначил на следующий день комиссию в составе И.Д. Моденова (председатель), В.П. Павулана, А.Г. Васильева и Е.В. Гиршфельда «для выяснения вопроса об оставлении [на] занимаемых должностях сотрудников отдела, подлежащих зачислению в Красную армию по мобилизациям»[203].

Однако концентрацию однокурсников Теодори решили разбавить — во избежание осложнений — сами генштабисты. 16 октября консультант Оперода генштабист 1917 г. выпуска Н.И. Камкин был, как доложил Троцкому Теодори, «по собственному желанию»

---

[199] Майгур Парфений Матвеевич — капитан Генерального штаба. Образование: ускоренный выпуск Николаевской академии Генерального штаба (1918). В советском военном ведомстве с 1918 — по заданию Генерального штаба занимался разработкой штатов и законоположений для Красной армии (с февраля 1918); нач. штаба Восточного фронта (с июля 1918); для особых поручений при Главкоме (с сентября 1918); нач. Штаба РВСР (с октября 1918); [нач. штаба 15-й армии (с января 1919);] нач. штаба Армии Советской Латвии (с января 1919); пом.

нач. штаба охраны железных дорог Республики; нач. отдела, пом. нач. штаба ВНУС.

[200] РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 42. Л. 236.

[201] Там же. Л. 234–234 об.

[202] Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 86.

[203] Там же. Л. 104.

откомандирован к месту прежней службы: в штаб Московской дивизии[204]. Вероятно, выпуск 1917 г. таким образом расставил ряд своих кадров на ключевые посты в армии. Это позволяло решить сразу 2 задачи. С одной стороны, как того и желал Теодори, ставился в «исключительное положение» выпуск 1918 г.; с другой — усыплялась бдительность высшего военно-политического руководства, не желавшего складывания касты в центральном аппарате Наркомвоена.

Положение Теодори в принципе не изменилось и 2 октября, когда на заседании Реввоенсовета Республики в составе Главнокомандующего, 3-х членов совета (И.Н. Смирнова, С.И. Аралова и К.Х. Данишевского), двух генштабистов (Г.И. Теодори и И.Д. Чинтулова) и политкомиссара (М.Г. Тракмана) Оперативного отдела Наркомвоена было принято решение о непосредственном подчинении Оперода со всеми отделениями Реввоенсовету Республики и переименовании отдела в Управление делами (УД) РВСР. В УД РВСР должна была сосредоточиться вся разведка и контрразведка, для чего туда передавались материалы бывшего Высшего военного совета, а также оперативного и военно-статистического отделов ВГШ[205]. Управляющим делами должен был стать член РВСР, бывший зав. Оперода С.И. Аралов, его заместителем — бывший зам. зав. Оперода большевик В.П. Павулан; начальником штаба УД РВСР — генштабист Г.И. Теодори. РВСР предписал бывшему Опероду внести изменения в свои штаты[206].

7 октября 1918 г. Семен Аралов, предчувствуя скорую победу над Всероссийским главным штабом, направил Льву Троцкому штаты Оперативного управления ВГШ, указав в препроводительной, что в нем служит 28 чинов Генерального штаба, а в его Опероде всего 12. Аралов просил вернуть ему двух генштабистов, направленных в командировку, поясняя, что каждому из них «поручена ответственная и сложная работа и отсутствие кого-нибудь вызывает нарушение стройности работы всего Оперода», а в связи с переформированием отдела в Управление делами РВСР «потребуется большая ответственность работы, особенно по разведке и контрразведке». Аралов не преминул напомнить при этом: «налаживание служебного аппарата и деятельности Оперода создавалось с большим трудом в течение 4 месяцев»[207].

Постановление РВСР от 2 октября вызвало большую путаницу. 18 октября ВГШ перевел на его основании Реввоенсовету Республики кредиты на свою военную контрразведку 522 724 руб. и обязался перевести еще 2 371 302 руб. «по утверждении сметы и кассового расходного расписания на второе полугодие 1918 года». Финансовый отдел РВСР (ФИНО), явно не ожидавший прихода денег, 13 ноября запросил ВГШ, «по чьему распоряжению переводится упомянутый кредит Реввоенсовету Республики и на какой предмет»[208]. В ноябре 1918 г. руководство военно-статистического отдела Оперативного управления Всероглавштаба отписало ответ: «Согласно постановления Революционного военного совета Республики от 2 октября с.г., опубликованного в № 132 «Известий Народного комиссариата по военным делам», разведка и контрразведка Всероссийского главного штаба были переданы в Управление [делами] Реввоенсовета Республики, вследствие чего Оперативным управлением было сделано распоряжение о переводе

---

[204] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1.Д. 467. Л. 181. Телеграмма Г.И. Теодори Л.Д. Троцкому № 03799. На документе имеется помета Л.Д. Троцкого о прочтении — «Тр».

[205] Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 48.

[206] РГВА. Ф. 33988. On. 1. Д. 49. Л. 126. Телеграмма РВСР от 4 октября 1918 г. за№ 04014.

[207] РГВА. Ф. 1. On. 1. Д. 359. Л. 132–132 об.

[208] РГВА. Ф. И. Оп. 4. Д. 35. Л. 4^1 об.

кредитов, ассигнуемых по смете Всероссийского главного штаба на разведку и контрразведку Реввоенсовету Республики. В число переведенных кредитов входят также и отпускавшиеся ранее на вышеозначенные цели Высшему военному совету, включившему их особой графой в смету Всероссийского главного штаба и ныне, по указанному постановлению, вошедшему в состав Управления Реввоенсовета Республики»[209].

В реорганизации не сразу разобрался даже Лев Троцкий, написавший Эфраиму Склянскому: «Вацетис, очевидно, тоже осознал необходимость отделения организационной работы от боевой и переименовал штаб Раттеля в Полевой штаб Реввоенсовета[210], подчинив его Главкому и возложив на него, таким образом, боевую работу» (машинописный вариант). Склянский напротив слов «переименовал штаб Раттеля в Полевой штаб Реввоенсовета» пометил: в штаб «Главкома?». Таким образом, в сути реорганизации не разобрался толком даже сидевший на делах Эфраим. От руки Троцкий дописал: «Оперод переименован в Управление [РВСР] с функциями контрразведки, военно-политической роли армии и т. д. Нет, таким образом, органа в Москве, который являлся бы представителем Реввоенсовета и руководил бы текущей работой центрального аппарата»[211]. Речь в документе шла о московской и арзамасской группах Реввоенсовета Республики.

Самое интересное, что в итоге — во изменение постановления РВСР от 2 октября 1918 г. — Управление делами (Управделами) РВСР создали на базе Управления делами Наркомвоена, а на основе Штаба Высшего военного совета и Оперода создали Полевой штаб РВСР. Благодаря работе Г.И. Теодори к моменту переформирования в Полевой штаб Реввоенсовета Республики число сотрудников Оперода сократилось с 9—10 тысяч до 295 человек[212]. Реорганизация положила формальный конец притязаниям Аралова и поддерживавшим его генштабистам ускоренного выпуска 1917 г.

1 ноября вышел приказ о расформировании Оперативного отдела Наркомвоена. Все, кто не хотел покидать Москву и отправляться на место дислокации создаваемого вместе Высшего военного совета и Оперода Полевого штаба — Серпухов, обязывались сообщить об этом через своих начальников Теодори. Канцелярское имущество передавалось первому центральному органу руководства военными разведкой, контрразведкой и цензуры — Регистрационному управлению Полевого штаба РВС Республики (оно оставалось в Москве), кроме большой пишущей машинки Отделения передвижений Оперода — она досталось в итоге Курсам разведки и военного контроля. Регистрационному управлению перешел по наследству и караул Оперода. Здание Оперода на Пречистенке № 37 отводилось РУ, «разведывательный отдел» (так в тексте приказа, вероятно, предполагалось создание разведоргана не в составе РУ) и автобазе Полевого штаба; квартиры 23 и 1 по Пречистенке № 39 отводилось под жилье слушателям Курсов разведки и военного контроля. А.Ф. Боярский уже получил приказ немедленно освободить помещение гаража для Курсов. Ликвидировали дела генштабист В.Ф. Тарасов, большевики В.Ф. Семенов и Е.В. Гиршфельд[213]. Однако пока формировали Полевой штаб и, в частности, его Регистрационное управление, Оперод продолжал свою работу.

Полевой штаб вполне мог возглавить однокурсник Теодори Парфений Майгур: он был

---

209 Там же. Л. 3—3об. Отпуск за подписью начальника общего отделения ВСО ВГШ.

210 Карандашом корреспондент пометил: «Главкома?»

211 РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 128; Сб. РВСР. Т. 1. С. 50.

212 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9 об., 22.

213 РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 157.

начальником штаба у Вацетиса, на Восточном фронте[214]. Не случилось — РВС Республики посчитал, что генштабист ускоренного выпуска недостаточно подготовлен для занятия столь ответственного поста. Но и начальник Штаба Высшего военного совета — РВСР, с которым Оперод был на ножах, не оказался на руководящей работе в новой Ставке. 22 октября 1918 г., сдавая должность Ф.В. Костяеву, начальник Штаба РВСР Н.И. Раттель объявил в приказе по штабу: «В совместной работе с[о] многими из служащих штаба я провел непрерывно с конца февраля с.г. — сначала в должности начальника военных сообщений [Высшего военного совета], позже начальника Штаба Высшего военного совета и, наконец, в должности, сегодня сданной моему преемнику. Почти 8 месяцев, проведенных в непрерывной совместной работе по существу в одном и том же учреждении, сроднили меня с ним, и я с горячим сожалением покидаю дружные ряды тружеников штаба. Отправляясь к месту своей новой службы и выполняя веление сердца, прошу всех служащих штаба принять мою искреннюю признательность и сердечную благодарность за оказанную мне их работою помощь при выполнении моих обязанностей»[215].

5 ноября 7 служащих Оперода были переведены в Военную академию РККА[216].4 ноября приказом по Опероду объявлялось решение о назначении в Полевой штаб 175 сотрудников Оперативного отдела Наркомвоена[217], 5 ноября еще II[218]. Данные, вне всякого сомнения, неполные: в списке нет машинисток В.П. Троицкой и Н.А. Голубович, которые затем сыграют роковую роль как в судьбе Г.И. Теодори, так и всего Полевого штаба Реввоенсовета Республики.

Созданное в январе 1918 г. скромное Особое оперативное отделение фронтового отдела МВО разрослось, попустительством московского большевика с темным политическим прошлом (даже не ясно, к кому все-таки тяготел Аралов — меньшевикам-интернационалистам, эсерам, большевикам?), в огромную махину из 9—10 тысяч служащих, деятельность которой почти сразу вышла за пределы Москвы и Московской области. Перейдя в мае 1918 г. из структуры Московского окрвоенкомата (из подчинения военкому Н.И. Мурадову) в состав Наркомвоена (на первом этапе только формально), Оперод принялся решать такие задачи, которые не решали укомплектованные старыми кадрами военных профессионалов структуры центрального военного аппарата. Весной 1918 г. руководство Оперода явно нацеливалось на полную автономность и организационную самодостаточность. Похоже, столь явное дублирование отделениями Оперода всех основных функций центрального военного аппарата стало на начальном этапе советского военного строительства одним из проявлений общей организационной слабости этого самого центрального аппарата. Только так можно объяснить весьма длительное попустительство «ведомственному сепаратизму» Аралова сотоварищи, конец которому положил мощнейший коллегиальный орган высшего военного руководства — Реввоенсовет Республики. Оперативный отдел Наркомвоена, наряду со Штабом Высшего военного совета, лег в основу Полевого штаба Реввоенсовета Республики, в котором в 1918 г. были сосредоточены центральные военная разведка и военная контрразведка.

Глава 2. «ЕДИНСТВЕННЫЕ В ЕВРОПЕ» КУРСЫ РАЗВЕДКИ И ВОЕННОГО

214 РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 34. Л. 434.

215 РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.

216 Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 164.

217 Там же. Л. 160 об. — 163.

218 Там же. Л. 169.

КОНТРОЛЯ: ПОДГОТОВКА ПРОЛЕТАРСКИХ КАДРОВ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ

Г.И. Теодори в конце 1919 г., перечисляя свои заслуги, прямо заявил: «Особенно тяжелая работа выпала на долю Оперод Наркомвоен при формировании Полевого штаба из бывшего [Штаба] Высшего военного совета и Оперод Наркомвоен.

Надо было *с 16 октября по 11 ноября 1918 г.* (за 24 дня), *ни на секунду не прерывая работ по управлению фронтами* , сформировать Полевой штаб, Управление [делами] Реввоенсовета Республики, Регистрационное управление, Курсы разведки и военного контроля при Реввоенсовете Республики, заново создать военно-цензурный отдел и выделить работников к тов. [Л.Д.] Троцкому. Задачи исключительно трудные, сложные и ответственные даже при нормальных условиях. А ведь их надо было выполнить *при бедности политическими и военными работниками. .. в революционное время и в период военных действий, с особенной силой вспыхнувших на Южном фронте (Краснов).* Тем не менее к 10 ноября были сформированы: 22) *Полевой штаб* , причем организация его, вопреки элементарным военным требованиям и опытам [Первой] мировой и Гражданской войн, видоизменена была… [Ф.В.] Костяевым на свой лад… 23) (сформировано) Регистрационное управление, т. е. положено начало: организации военной агентурной разведки; контрразведке, или военному контролю. Фактически работа началась лишь в последних числах декабря, когда были собраны агенты; разработаны, совместно тт. [Я.А.] Грейером и [Н.Н.] Батуриным, военно-цензурные положения…; 24) К 26 октября закончено формирование единственных в Европе курсов военного контроля и разведки, основателем их — тов. Теодори. Положения, штаты и инструкции одобрены и утверждены тов. Троцким. В основу преподавания и практических работ положен богатый опыт [Первой] мировой и Гражданской войн»[219]. Смысла преувеличивать заслуги в деле организации Красной армии у Теодори не было: корреспондент генштабиста — председатель ВЧК Дзержинский[220] прекрасно знал, какую роль играл Георгий Иванович. Кроме того, в Российском государственном военном архиве (РГВА) мною обнаружены документы, подтверждающие заявления Теодори о его роли в организации Полевого штаба. Из них следует, что генштабист действительно был, по крайней мере, в числе создателей Ставки — именно он составлял первые списки сотрудников и организовывал их отправку в Серпухов, где Полевой штаб первоначально и дислоцировался[221]. К тому же 8 октября 1918 г. член РВСР С.И. Аралов информировал начальника Военной академии А.П. Климовича о том, что консультант Оперода Г.И. Теодори «должен находиться при Штабе впредь до его расформирования»[222]. То обстоятельство, что РУ было сформировано не 5 ноября, а 10-го,

---

219 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 23. В научной, как кажется, литературе, тем не менее, встречаются следующие курьезные заявления: «Теодори не был и не мог быть…создателем Полевого штаба Революционного военного совета Республики (РВСР) (этого не приписывал в рассматриваемых документах даже он сам)…» (Ганин А.В. Дело Г.И. Теодори в 1919–1921 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 10. С. 32). А.В. Ганин поднял по публикации С.С. Войтикова и В.Г. Кикнадзе (Большевики против военспецов-разведчиков… // ВИЖ. 2009. № 1. С. 30 и след.) дело РГВА («рассматриваемый документ») и сделал цитируемое заявление, даже не потрудившись внимательно прочесть текст документа.

220 Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) — член будущей РСДРП(б) с 1895. В органах ВЧК — ГПУ — ОГПУ: председатель (с дек. 1917 по июль 1918, август 1918 — июль 1926), по совместительству — нарком внутренних дел РСФСР — СССР (март 1919 — июль 1923), председатель Главного комитета по всеобщей трудовой повинности (с февр. 1920) и нач. Особого отдела ВЧК (с авг. 1919) (Лубянка. С. 261).

221 См.: РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. Л. 169 и др.

222 РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 9. Л. 195.

подтверждает и доклад начальника управления Реввоенсовету Республики к годовщине существования Регистрационного управления[223].

Курсы разведки и военного контроля заслуживают отдельного рассмотрения. Теодори организовал их для подготовки к работе в Полевом штабе партийных работников (недаром генштабист подчеркивал, что эти Курсы были «уникальными в Европе»). На первый набор попали всего 39 человек (остальных отсеяли, ввиду неясных рекомендаций и мандатов, а также системы протекционизма). Предполагалось, что Курсы подготовят «новую генерацию» военных разведчиков и контрразведчиков[224].

Первоначально комиссаром Курсов разведки и военного контроля был назначен М.Г. Тракман, 4 декабря ввиду его откомандирования в распоряжение ревкома — по просьбе Теодори Аралов назначил комиссаром В.П. Павулана[225].

15 ноября Теодори докладывал, что на Курсы прибыло 30 человек, оставлено в результате вступительных испытаний 19. Таким образом, на Курсы попадали партийные работники с определенным багажом знаний (впрочем, явно не достаточным для работы в разведке и контрразведке). После прибытия других командованных и сдачи ими вступительных экзаменов, 21 ноября 1918 г., состоялось открытие Курсов — 29 слушателей приступили к занятиям. Не обошлось без неприятных сюрпризов: в тот же день Теодори докладывал Вацетису (а также Аралову, Данишевскому, Костяеву и *председателю Всероссийского бюро военных комиссаров Юреневу*) «для сведения и распоряжения» о 4-х отчисленных по малограмотности слушателях Курсов. Они заявили Теодори: «Посмотрим, как вы нас не примете, мы сами хорошо знаем разведку и т. д.». Только то обстоятельство, что все четверо были командированы И.И. Юреневым, заставило Теодори, по его словам, не отправлять их в ОВК для расследования. Теодори назвал такое отношение к учрежденным РВС Республики Курсам «недопустимым»[226]. Естественно, подобная фразеология не могла не покоробить Юренева.

С другой стороны, Теодори действительно сделал все, что мог, чтобы слушатели Курсов смогли стать если не профессиональными разведчиками и контрразведчиками, то, по крайней мере, достаточно грамотными в военном отношении людьми — об этом свидетельствуют прежде всего жалобы командированных на жесткие требования по усвоению обширного материала, предъявляемые дотошным генштабистом.

Лекции на Курсах читались по предметам: «Пехотная разведка», «Тактика» — В.В. Стульба; «Артиллерия», «Служба связи» — И.Д. Чинтулов; «География», «Кавалерийская разведка» — В.И. Максимов; «Администрация» — В.И. Самуйлов; «Артиллерийская разведка», «Инженерная разведка» — В.М. Цейтлин; «Контрразведка» — П.А. Кавтарадзе; «Топография» — Г.О. Маттис; «Военно-топографическая разведка» — зав. Курсами Г.И. Теодори. Одним из основных предметов стала разработанная Владимиром Михайловичем Цейтлиным, кстати, назначенным впоследствии (11 июня 1919 г.) вместо переведенного в распоряжение штаба Южного фронта В.А. Срывалина начальником 1-го отделения 1-го отдела РУ [227], «Агентурная (тайная) разведка». Программа курса: «I. Значение разведки в мирное и военное время. Связь между оперативной и разведывательной работой. Недостаточность одной войсковой разведки. Тайная разведка, необходимость ее и значение.

---

223 Ср.: РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 246.

224 Там же. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 27.

225 Там же. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 69.

226 Там же. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 12; Они руководили ГРУ. С. 32.

227 РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 206.

Краткие сведения по истории шпионажа. Определение понятия шпионства и взгляд на него; II. Вербовка агентов, требования, соблюдаемые при приеме на службу агентов, подготовка агентов. Школы агентов. Агенты резиденты и ходоки. Что должен знать агент-резидент. Меры соблюдения тайны и безопасности разведчика; III. Как проводить разведку агенту. Опрос возвращающихся агентов. Регистрация агентурных сведений. Контроль агентов, пропуск их через наши линии фронта и границу в мирное время. IV. Краткое понятие об организации агентурных сетей в мирное и военное время. Задачи разведки мирного времени. Мобилизация тайной агентуры. V. Организация тайной агентуры и ее задачи в военное время. Способы сношений с агентами. Условная переписка, различные способы. VI. Задачи, поручаемые тайным агентам. 4 вида шпионажа — военный, дипломатический, внутренне-политический и экономический. Способы добывания агентами сведений. IX. Искровая слежка. Сведения из прессы. Работа различных органов агентов в штабах различных инстанций. X. Краткое повторение курса. Разъяснение каких-либо вопросов». Практические занятия по Разведывательной службе штабов вели В.М. Цейтлин и В.В. Стульба [228]. Относительно того, «что должен знать агент-резидент»: в августе 1918 г. Оперативный отдел Высшего военного совета разработал и разослал штабам Завесы «Инструкцию агентам-резидентам», в которой для чайников разъяснялось все, что должен знать агент-резидент. Инструкция состояла из Введения, в котором рассказывалось о цели работы агентов-резидентов, и глав: «Меры соблюдения тайны и безопасности разведчика», «Что нужно разведать разведчику», «Как производить разведку»[229].

5 февраля на Курсах закончилось чтение лекций и начались выпускные экзамены. 12 февраля Георгий Теодори докладывал куратору Курсов Семену Аралову: краткосрочность Курсов и «обширная программа потребовали напряженной работы как преподавательского состава, так и курсантов. Почти каждый день, за небольшими исключениями, начиная с 10 часов утра занятия велись с перерывом в один час до 7 часов вечера»; «выпуск курсов 1-й очереди даст практических, полезных работников, хорошо ознакомившихся с последними требованиями. Переформирование и передача в ВЧК контрразведки заставило 15 слушателей направить в распоряжение фронтов и в Латвию (одного), так как методы работы, рекомендуемые Курсами, не сходятся со “случайными” взглядами лиц, ничего общего с работой контрразведки не имеющих». О выводах из опыта первого выпуска:

1) Неизбежно расширение курса как в области специальной, так и общеобразовательной в военном отношении — «требуется более подробное изучение аэрофотографирования и техники его использования, что влечет за собой введение нового предмета на курсах — *фотограмметрии* . Расширение курса специальной разведки (все виды технической) потребовало дополнительного изучения *военно-инженерного искусства* , предмет какового и вводится в курс наук второго выпуска». В связи с этим необходимо значительное расширение «и курса *военной маскировкщ* последняя по своей идее является видом контрразведывательной деятельности в отношении войсковой разведки и наблюдения противника (земное и воздушное)». Вследствие командирования на Курсы 10 моряков, «программа дополняется новым предметом — курсом *морской разведки»* (Теодори просил добавить в штат Курсов военмора). Желательно изучение *психологии* , для преподавания которой и предпринимаются соответствующие меры. Таким образом, введением новых предметов: *фотограмметрии, военно-инженерного искусства, морской разведки и психологии и расширением курса военной маскировки* — предполагалось достичь полноценного специального образования на Курсах.

2) Ввиду расширения преподавания курсов второй очереди необходимо увеличить время занятия на курсах. Так как лекторов мало и они вынуждены совмещать преподавание с

---

228 Они руководили ГРУ. С. 32–33.

229 См. подр.: РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 128–132 об.

занятием еще нескольких должностей в разных учреждениях, а также в связи с трудностями при проведении вечерних занятий (условия освещения), Теодори предлагал сделать Курсы 4-месячными.

3) Для успешности прохождения Курсов необходимо повысить требования к поступающим, которые «помимо соответствующего общего образования» должны «иметь и достаточное военное, и *абсолютно нетерпимо командирование на курсы малограмотных и даже иногда совсем неграмотных лиц, как это часто наблюдалось до сего времени».* При этом, уточнял Георгий Теодори, «наиболее правильное решение вопроса уже достигнуто — на Курсы разведки и военного контроля направляются выпускники командных курсов»[230].

Теодори заботился и о материальном положении преподавательского состава и слушателей: 5 марта он телеграфировал Аралову, что оклады преподавателей увеличены на 50 % ввиду дороговизны жизни в Москве, и просил увеличить жалование слушателям до 1200 руб., преподавателям — по соответствующей норме[231].

В конце февраля 1919 г. Курсы разведки закончили и получили назначение: Федор Берзин, Всеволод Ружичка, Александр Игнатов, Абрам Тормосин, Иван Толоконников, Венедикт Уснарский — на Западный фронт; Степан Медведев — на Восточный фронт; Сергей Зикс, Василий Зотов — в 3-ю армию; Николай Пашков — в 6-ю армию; Вольдемар Груздуп, бывший летом 1918 г. начальником оперативного отделения штаба Восточного фронта, — в Латвию; Николай Чихиржин — в РУ (с 19 июня — начальник 1-го сухопутно-агентурного отдела). Пятнадцать выпускников Курсов военного контроля направили в распоряжение председателя Особого отдела ВЧК Михаила Кедрова[232], не доверявшего Теодори, а потому критически настроенного по отношению к питомцам генштабиста. Кедров использовал выпускников Курсов военного контроля для наружного наблюдения, на что, небезосновательно, Теодори жаловался Семену Аралову 14 марта. Теодори назвал «такой способ использования ценных работников… недопустимым и противоречащим назначению Курсов»[233]. Фактически РУ не имел ни малейшей возможности влиять на расстановку выращенных на Курсах кадров военных контрразведчиков. Так, в январе 1919 г. командующий войсками Петроградского ВО Б.П. Позерн получил от одного из своих сотрудников, командированных на Курсы, телеграмму: «Борис Павлович! Имею честь Вам сообщить, что 5 сего февраля Курсы кончаются, если я Вам нужен, то прошу немедленно дать телеграмму заведывающему Курсами разведки и военного контроля тов. Теодори о возвращении меня на службу во вверенный Вам округ. В крайнем случае, назначение моего служения целиком зависит от Революционного военного совета Республики и я совершенно затрудняюсь Вам сказать, куда меня могут назначить. С коммунистическим приветом, Ваш покорный слуга Николай Тимофеев». Позерн запросил РУ. Оттуда ответили: Тимофеев окончил только Курсы военного контроля, потому обращаться надо к М.С. Кедрову[234].

27 февраля руководство Главного управления военноучебных заведений докладывало РВС Республики: остается неразрешенным вопрос «о взаимоотношении между слушателями и поставленными над ними старшими начальниками постоянного состава военных академий,

---

230 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 170–170 об.

231 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 224.

232 Они руководили ГРУ. С. 33.

233 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 334.

234 РГВА. 25888. Оп. 1. 63. Л. 196 и след. Б.П. Позерн обратился к Кедрову, тот не отказал в просьбе и направил Н. Тимофеева на службу в Петроградский ВО.

считающимися ныне лицами административной службы». Управление предлагало причислить начальников академии, а также заведующих обучающимися слушателями к строевому составу академии»[235].

14 марта Теодори телеграфировал комиссару Морского Генерального штаба Ларисе Рейснер: из 10 моряков, которых она должна была направить на Курсы разведки, командировано лишь двое, причем одного из них зачислили, но тот не явился и в случае неявки до 18 марта «будет предан суду как за уклонение от боевой службы»[236]. К сожалению, далеко не все «товарищи», командированные на Курсы и даже успешно их окончившие, годились в разведчики и особисты. Как писал в конце своего труда «Тайная военная разведка и борьба с ней» Николай Батюшин, «в предыдущих своих лекциях я старался на примерах объяснить значения активной и пассивной тайных разведок и теоретически обосновать технику их ведения. При этом я далек был от мысли сделать из каждого слушателя курсов искусного руководителя тайной разведки. Как на медицинском факультете, где тоже идет вопрос о жизни человека, необходима более широко поставленная клиническая практика, так и настоятельным дополнением этих лекций должны быть практические занятия по тайной разведке. Но даже это не может дать тех плодов, которые принесет с собой лишь одна жизненная практика, сделав соответствующий отбор…»[237]

Руководящие кадры Курсов разведки и военного контроля

Раздел II. ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

Глава 1. «ТАЙНАЯ РАЗВЕДКА ТРЕБУЕТ МНОГО ВРЕМЕНИ…»: СОЗДАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИСТРАЦИОННОГО (РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО) УПРАВЛЕНИЯ

Осенью 1917 г. высшее военное руководство взяло твердый курс на демобилизацию армии. У руководителей Наркомвоен вплоть до марта 1918 г. отсутствовали даже единство взглядов и понимание способов организации аппарата военного управления. Достаточно отчетливо это проявилось в «саморазоблачительном» по сути послании В.И. Ленину (документ датирован 1 апреля 1918 г, копия направлялась Я.М. Свердлову) лидера коллегии Наркомвоена Н.И. Подвойского. Этот документ излагает совершенно фантастическую «программу» реорганизации центрального военного аппарата в… некое подобие Высшего совета народного хозяйства. Результаты, достигнутые к весне 1918 г., были налицо: аппарата нет, реальных проектов строительства реальной армии нет, сколько-нибудь реальной вооруженной силы — тоже нет. Есть лишь разнобой проектов и мнений: не комиссариат, а дискуссионный клуб по военным вопросам[238].

Разведка Главного управления Генерального штаба

[235] РГВА. Ф. 33987. Оп. 158.

[236] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 233. Копия адресована Аралову.

[237] Батюшин Н.С. Указ. соч. С. 225–226.

[238] РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 65–69 об.; РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 28. Из россыпи.

В начале Первой мировой войны, как пишет Н.С. Батюшин, «весь персонал разведывательного отделения Главного управления Генерального штаба, с генералом Монкевицем во главе, уходит не в Ставку Верховного главнокомандующего, чему надлежало бы быть», а в низшие штабы, «предоставив молодым и совершенно неопытным их заместителям расхлебывать не ими плохо заваренную кашу. Между тем на Главном управлении Генерального штаба лежала чрезвычайно ответственная работа по ведению через военных агентов нейтральных стран тайной разведки в глубоком тылу наших противников… В самой Ставке Верховного главнокомандующего настолько не придают значения делу тайной разведки, что даже не формируют особого разведывательного отделения для общего руководства этим нелегким делом в армиях и для постановки очередных задач Главному управлению Генерального штаба. Этим же обстоятельством надлежит объяснить и полное игнорирование Ставкой радиотелеграфной разведки, когда дело это хорошо было поставлено в подчиненном ей флоте, откуда и можно было бы пересадить его в сухопутную армию. В результате этого небрежения всю Первую мировую войну мы вели почти вслепую, и наша тайная разведка являлась плохим помощником в деле осведомления о противнике оперативной части штабов. Блестящий таким образом опыт тайной разведки мирного времени был сведен почти на нет» во время Первой мировой войны «только благодаря низведению ее опять на роль пасынка, как то было до русско-японской войны, и полному игнорированию опытных ее работников, которых Ставка расценивала как рядовых офицеров Генерального штаба, не используя их специальных познаний и опыта. За все это небрежение в таком важном и ответственном деле, как тайная разведка, мы заплатили потом сотнями тысяч жизней, миллионами денег и даже существованием самого государства»[239].

Во время Февральской революции и Октябрьского переворота центральным разведывательным и контрразведывательным органом вооруженных сил России был отдел генерал-квартирмейстера (с декабря 1917 г. Отдел 2-го генерал-квартирмейстера) ГУ ГШ, который было решено сохранить в ходе сворачивания отдельных частей старого центрального военного аппарата[240]. По мнению исследователя М. Алексеева, решение было связано с тем, что генерал-квартирмейстер Генштаба (руководитель военной контрразведки) генерал Н.М. Потапов еще в июле 1917 г. через тогдашних членов Петросовета и будущих высших военных руководителей М.С. Кедрова и Н.И. Подвойского вошел в контакт с большевиками[241] (по свидетельству Кедрова, «сам предложил свои услуги»[242]). После Октябрьской революции руководящий состав во главе с генерал-майором Генерального штаба П.Ф. Рябиковым в основном оставался на своих местах. Начальником разведчасти был А.В. Станиславский. Отделения разведчасти возглавляли, соответственно: 1-е разведывательное делопроизводство с января 1918 г. — полковник Генерального штаба Н.Н. Шварц; 2-е романское — А.Л. Нолькен; 3-е романское — П.М. Васильев; 5-е австро-венгерское — Преображенский, В.Е. Гарф; 6-е ближневосточное — Ласкин, А.Г. Грундштрем; 7-е средневосточное — вакансия, затем отделение ликвидировано; 8-е дальневосточное — должность была занята в Отделе 1 — го генерал-квартирмейстера, затем К.И. Эзеринг.

Из расчета на заключение большевиками сепаратного Брестского мира 2-й отдел генерал-квартирмейстера выдвинул план реорганизации разведчасти. Предполагалось, что сбор развединформации будет охватывать следующие страны: Германию, Австро-Венгрию,

---

239 Батюшин Н.С. Указ. соч. С. 165.

240 Алексеев М. Указ. соч. С. 38–39; Дамаскин И. Рождение разведки…

241 Там же. С. 58–59.

242 От февраля к Октябрю. М., 1957. С. 174.

Англию, Францию, Италию, Швецию, Японию, Китай, США, государства Ближнего Востока, Финляндию и Польшу. В конце декабря структура ГУ ГШ была изменена — организацию и ведение агентурной разведки за рубежом возложили на Отдел 2-го генерал-квартирмейстера. Большинство российских военных атташе отказались сотрудничать с большевиками — их сменили отдельные опытные сотрудники ГУГШ, которые, оказавшись за границей, также «изменили» советской власти. Это был серьезный удар, тем более что отправку новых кадров за границу затруднял даже новый, более строгий, порядок командирования сотрудников наркоматов (в том числе военного) за границу. Это было реакцией высшего руководства РСФСР на активную эмиграцию и перевод средств буржуазии, проводимые под прикрытием заграничных командировок. Последнее препятствовало «успешному проведению в жизнь валютной политики, борьбе со спекуляцией и наводнением заграничных денежных рынков рублями и падением курса» рубля. 27 августа 1918 г. Наркомат финансов отписал Л.Д. Троцкому, что отдельные наркоматы (в данном случае имеется в виду Наркомвоен) выдают своим служащим, командируемым за границу, а в ряде случаев и частным лицам «разрешения на вывоз рублей или устраивают этим лицам перевод валюты за границу через иностранные консульства или дипломатических курьеров». При этом — без «особого в каждом случае разрешения» Особой канцелярии по кредитной части Наркомата финансов, как того требовал закон. Наркомат финансов просил Троцкого «не отказать сделать соответствующее распоряжение по всем учреждениям… комиссариата, указав на недопустимость выдачи самостоятельных разрешений». Просьба Наркомфина была удовлетворена[243]. Юрьев день, естественно, касался и военных разведчиков.

По позднейшим воспоминаниям одного сотрудников Главного управления Генштаба, «после Октябрьского переворота деятельность штабов вообще замерла, в том числе и разведывательная служба. После подписания Брестского мира, благодаря ликвидации всех штабов, разведывательная служба прекратилась совершенно, и хотя некоторые партизанские отряды и вели разведку, но ее никто не объединял, и сведения пропадали». К концу года ГУГШ перестало высылать деньги на ведение разведки, в результате центральный орган разведки русской армии остался без зарубежного агентурного аппарата (агенты стали отказываться от сотрудничества и переходить на службу к Антанте и американцам) и подчиненных ему разведотделений штабов, фронтов и армий[244].

С марта 1918 г. разведывательное отделение ГУГШ занялось учетом сил германцев по ту сторону демаркационной линии. Главнейшими источниками сведений стали сводки штабов военных руководителей и Оперода Наркомвоена; выводы о присутствии той или иной части на фронте приходилось строить на «крайне неопределенных, сбивчивых и в большинстве случаев указывающих только шифровку на погонах, замеченных у неприятельских солдат», данных агентуры. Принимая во внимание перетасовку оккупационных войск, 3-я часть признавала «настоятельно необходимым, чтобы в каждой сводке, исходящей из штабов военных руководителей и Оперативного отдела [Наркомвоена], по возможности всегда указывалось, к какому времени относится наблюдение агента, и точно разграничивалось бы, какие сведения получены из собственных источников и какие заимствованы из сводок других штабов». Дело в том, что 2-е отделение было лишено возможности разделить источники информации и сопоставить агентурные данные. Также просили о предоставлении еженедельных сводок из всех разведорганов, которых, забежим несколько вперед, развелось более чем достаточно[245].

---

243 РГВА. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 168–168 об.

244 Алексеев М. Указ. соч. С. 38–39; Дамаскин И. Рождение разведки…

245 РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 98. Л. 120 и сл. Доклад начальнику разведывательного отделения Оперативного управления Высшего военного совета на бланке части 3-го обер-квартирмейстера Отдела 2-го

8 мая Главное управление Генерального штаба было формально объединено с рядом центральных военных учреждений (Всероссийской коллегией по организации и формированию РККА, Главным комиссариатом военно-учебных заведений, Управлением по ремонтированию армии) во Всероссийский главный штаб.

В составленном генералом Н.М. Потаповым в 1936 г. «кратком очерке» деятельности Высшего военного совета освещаются обстоятельства, которые непосредственно предшествовали учреждению Всероглавштаба. По словам Потапова, когда «в первой декаде апреля» 1918 г. в коллегии Наркомвоена подняли «вопрос о том, что наряду с Главным штабом, ведающим, главным образом, вопросами комплектования и службы комсостава, нужно иметь еще для военно-оперативной работы Генеральный штаб, раздавались замечания: “Мы ликвидировали генералов, а хотим оставить Генеральный штаб!..”» В результате, заключал автор очерка, решили вместо двух органов создать единый громоздкий аппарат — Всероссийский главный штаб[246]. Нельзя не отметить то обстоятельство, что во главе Всероглавштаба летом 1918 г. встал генерал старой армии Николай Николаевич Стогов — расстрелянный впоследствии как глава Штаба Добровольческой армии Московского района контрреволюционной организации Всероссийский национальный центр.

Всероглавштаб, задуманный как универсальный оперативный и военно-административный орган, действительно оказался тяжеловесным и бюрократическим учреждением. В его составе находилось 6 управлений: Оперативное, По организации армии, Военных сообщений, Военно-топографическое, Военноучебных заведений, По командному составу. При этом ВГШ сосредоточился преимущественно на вопросах формирования частей и соединений РККА, действуя даже на этом сравнительно узком участке работы бюрократически — неспешно[247]. Всероглавштаб по сути представлял собой конгломерат центральных военных органов, работавший до крайности неэффективно: в частности, механически объединенные Главный штаб и ГУ ГШ продолжали полуавтономное существование в составе ВГШ. Военспецы, среди них — руководящие сотрудники военного ведомства (генерал В.Ф. Новицкий и генштабист В.И. Самуйлов), признавались: в управлениях По организации, Оперативном, Военных сообщений и Топографическом была «выражена» деятельность прежнего ГУ ГШ, а в Управлении по командному составу — прежнего Главного штаба. В декабре 1918 г., докладывала руководству комиссия Высшей военной инспекции по обследованию деятельности Всероглавштаба, «вся искусственность» проведенного в мае слияния Главного штаба и ГУ ГШ прослеживалась еще очень четко[248]. Хотя автора декабрьского доклада комиссии генерала В.Е. Борисова сложно признать человеком объективным (он отстаивал идею воссоздания Генерального штаба), громоздкость Всероглавштаба действительно накладывала отпечаток на работу всех структурных подразделений, в частности, отвечающих за разведку и контрразведку. В мае Отдел 2-го генерал-квартирмейстера стал называться Военно-статистическим отделом (ВСО) Оперативного управления, функционировавшегося в составе двух частей — разведчасти и Регистрационной службы (военной контрразведки) до октября 1918 г.[249] Результаты работы

генерал-квартирмейстера ГУГШ.

[246] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 7.

[247] См.: РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 7; Ф. 10. Оп.2.Д.36.Л. 1. Доклад специалиста ВВИ [3. Ющенко] председателю ВВИ Н.И. Подвойскому «о постановке учета в учреждениях военного ведомства» от 3 июня 1918 г.

[248] РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 219; Самуйлов В.И. Современная военная реформа управления // Военное дело. 1918. № 21, 23, 27, 28.

[249] Алексеев М. Указ. соч. С. 38–39.

были крайне низки, хотя Всероглавштаб и приступил к созданию разведки в военных округах Советской России.

Разведка Высшего военного совета

3 марта 1918 г. был создан новый высший военный коллегиальный орган — Высший военный совет, взявшийся за строительство массовой регулярной армии. Естественно, начинать следовало с центрального военного аппарата, разрушенного действиями Подвойского сотоварищи. При этом выяснилось, что в ведении военной разведки единство отсутствует.

17 марта 1918 г. утвердили первый штат Высшего военного совета: военный руководитель; его помощник (со штатом состоящих при них порученцев и лиц административно-технического состава); генерал-квартирмейстер при Высшем военном совете (с двумя помощниками по оперативной части и двумя — по разведке, начальником связи, заведующим иностранными миссиями и топографом); начальник военных сообщений; полевой инспектор артиллерии; полевой инженер при Высшем военном совете; полевой интендант при Высшем военном совете; инспектор санитарной части при Высшем военном совете; отдел по формированию; Канцелярия при Высшем военном совете[250].

На следующий день СНК под председательством В.И. Ленина отклонил предложение Л.Д. Троцкого развернуть Высший военный совет в «военно-политический центр» — «Высший комитет народной обороны» (Л.Д. Троцкий, в случае принятия такого предложения, автоматически превращался в военного диктатора). В решении говорилось: «Признавая необходимым создание Общего комитета народной обороны в качестве политического и делового центра и объединение в нем Морского ведомства и Народного комиссариата по военным делам, вопрос этот отложить обсуждением до более конкретного выяснения»[251].

19 марта ВЦИК уточнил компетенцию Высшего военного совета и внес изменения в его персональный состав. Высший военный совет был поставлен «во главе дела обороны страны»: по замыслу создателей, он должен был стать координирующим и контрольным центром военного и морского ведомств, ведающим кадровой политикой военного ведомства (Высший военный совет должен был «осуществлять систематическое собирание всех сведений о военных… пригодных на должности высшего военного командования»)[252].

Структура Высшего военного совета была изменена 14 мая 1918 г.: отдел по формированию был преобразован в Организационное управление; штат генерал-квартирмейстера переименован в Оперативное управление, вместо должности полевого интенданта введена должность военно-хозяйственного инспектора[253]. 8 июня в штат Морского Генерального штаба включена должность начальника отделения для поддержания постоянной связи между Высшим военным советом и Морским Генеральным штабом[254]. 5 июня управления Высшего военного совета прибыли в Муром. 10 июня 1918 г.

---

[250] Зайончковский В.А. Краткая справка о структуре Высшего военного совета. Рукописный экз. (хранится в отделе публикации архивных документов РГВА).

[251] См.: Войтиков С.С. С чего началась история Красной армии // Отечественная история. 2006. № 6. С. 131 и др.

[252] Постановление о Высшем военном совете. 19 марта 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. С. 569–570.

[253] Зайончковский В.А. Указ. соч.

[254] РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 76.

военный руководитель М.Д. Бонч-Бруевич указал, что работа управлений совета «должна иметь характер, близкий к работе полевого штаба». Наименее рационально, по его мнению, действовало Оперативное управление, в составе которого и находилась военная разведка[255]. 20 июня 1918 г. должность помощника военного руководителя реорганизовали в должность начальника Штаба Высшего военного совета. В подчинение начальника Штаба перешли Оперативное и Организационное управления, начальник военных сообщений и комендант Высшего военного совета. В непосредственное подчинение военного руководителя Высшего военного совета перешли инспектора: хозяйственный, артиллерии, инженеров и санитарный. Они должны были докладывать военному руководителю в присутствии начальника Штаба. Затем вся работа была объединена в штабе Высшего военного совета, в подчинении которого находились все отделы и инспекции[256]. По оценке Управляющего делами Наркомвоена генерала Н.М. Потапова, Штаб Высшего военного совета стал «чисто фронтовой организацией»[257]; по оценке Главкома И.И. Вацетиса — «чисто бумажным учреждением».

10 июля 1918 г. Высший военный совет утвердил ряд необходимых «временных» положений: о начальнике собственного Штаба; начальниках Оперативного и Организационного управлений Штаба; об Управлении военных сообщений; о коменданте Главной квартиры. На практике формирование управлений Высшего военного совета затянулось на месяц — постановление совета объявили приказом Наркомвоен только 18 августа 1918 г.[258]

Начальник Штаба являлся «ближайшим сотрудником военного руководителя Высшего военного совета» и, руководствуясь его указаниями, непосредственно объединял и координировал деятельность всех подразделений Штаба (т. е. управлений — Оперативного, Организационного, военных сообщений, коменданта Главной квартиры). Особенно существенно, что в числе конкретных функций начальника Штаба Высшего военного совета «Положение» предусматривало разработку и передачу центральным управлениям военного ведомства (!) и войскам необходимых распоряжений, обеспечение согласованности их работы[259].

Оперативное управление состояло из Канцелярии, казначейской и журнальной частей. Начальник управления являлся заместителем нач. Штаба «по разработке военных операций». На него возлагалась непосредственная разработка всех оперативных документов, ведение учета боевого состава армии, дислокации, перемещений, действий и снабжения частей и соединений. Кроме того, ему же вменялось руководство сбором и анализом разведывательных данных, организация и финансирование контрразведывательной деятельности, учет генштабистов и организация снабжения воинских частей и учреждений топографическими картами[260].

Организационное управление непосредственно ведало организацией вооруженных сил Республики, формированием войск, их боевой подготовкой, а также назначением высшего комсостава (от начальников дивизий). Кроме того, на это подразделение Штаба намечалось

---

[255] Там же. Д. 5. Л. 2. Пр. по Управлениям Высшего военного совета № 35. Муром. Копия.

[256] РГВА. Историческая справка к описи ф. 3 (Высший военный совет).

[257] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 12. Краткий отчет деятельности Высшего военного совета.

[258] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 359–363 об. Пр. Наркомвоен №709.

[259] Там же. Л. 359–360. Положение о начальнике Штаб Высшего военного совета.

[260] Там же. Л. 360–361. Положение о начальнике Оперативного управления Штаб Высшего военного совета.

возложить организацию деятельности местных военных органов (коих тогда еще не было в РСФСР)[261].

На Управление военных сообщений при Высшем военном совете возлагалось руководство всеми подведомственными учреждениями, управлениями ВОСО Петроградского, Московского и Воронежского округов путей сообщения и военными представителями при управлениях железных дорог и на станциях; планирование (по соглашению с НКПС и ВСНХ) воинских перевозок; организация охраны путей сообщения; координация работы по обеспечению Высшего военного совета связью и транспортом. Начвосо Высшего военного совета непосредственно назначал начальников 3-х округов путей сообщения; составлял задания по развитию, усилению и оборудованию путей сообщения и передавал эти задания в НКПС для исполнения[262].

Коменданту Главной квартиры подчинялись на правах командира полка: охранный взвод; служительские команды и команды курьеров Высшего военного совета; фельдъегеря и прочие войсковые части и команды различного назначения, состоящие при Штабе (за исключением подчиненных одному из начальников управлений). Также в ведении коменданта находились все приданные Высшему военному совету лечебные заведения[263]. При необходимости для удовлетворения нужд Главной квартиры прибегнуть к реквизиции комендант испрашивал надлежащие указания у начальника Штаба.

Согласно утвержденным Высшим военным советом 10 июля 1918 г. положениям, основанием для распорядительной деятельности начальников управлений были распоряжения (протоколы) Высшего военного совета. Сотрудники управлений должны были утверждаться начальником Штаба Высшего военного совета на основании представления начальников управлений[264].

22 июля 1918 г. из личного состава штаба Московского района Высший военный совет постановил сформировать «одну-две инспекции (по формированиям) при Высшем военном совете»[265]. 26 июля 1918 г. были созданы 3 инспекции по формированию при Высшем военном совете, каждая в составе инспектора и двух делопроизводителей[266].

Таким образом, со времени объявления штатов управлений при Высшем военном совете в структуре Совета произошли следующие изменения: введено особое отделение в составе Регистрационной службы (о ней позднее); сформированы 3 инспекции по формированиям при Высшем военном совете; сформирована инспекция путей сообщения при Высшем военном совете. После переезда из Мурома в Москву было увеличено число низших служащих и технического персонала[267].

---

[261] Там же. Л. 361–362. Положение об Организационном управлении Штаб Высшего военного совета.

[262] Там же. Л. 362 об—363. Положение об Управлении военных сообщений при Высшем военном совете от 10 июля 1918 г.

[263] Там же. Л. 363 об. Положение о коменданте Главной квартиры Высшего военного совета от 10 июля 1918 г.

[264] См.: Там же. Л. 359–363 об. Пр. Наркомвоен № 709.

[265] РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 254–254 об. Доклад М.Д. Бонч-Бруевича в Высший военный совет от 22 июля 1918 г. № 3391.

[266] Там же. Д. 4. Л. 8. Пр. Высшего военного совета № 60. 26 июля 1918 г.

[267] Там же. Д. 48. Л. 320–320 об. Сопроводительное письмо к штату Высшего военного совета от 17 августа 1918 г. (№ 4549/1057) военрука Высшего военного совета пленуму Высшего военного совета. На документе имеются подписи М.Д. Бонч-Бруевича, комиссара В.Г. Шарманова, начальника Штаба Н.И. Раттеля,

Полномочия начальника Оперативного управления определялись «Положением о начальнике Оперативного управления Штаба Высшего военного совета», принятым на заседании ВВС 10 июля и опубликованным 18 августа. Начальник Оперупра признавался ближайшим помощником начальника Штаба по разработке военных операций. В его обязанности входило осуществление полномочий.

1. Непосредственное руководство войсками:

— Составление по общим указаниям начальника Штаба планов и расчетов действия высших войсковых соединений, непосредственно подчиненных ВВС;

— Подготовка, своевременная рассылка и проверка получения необходимых для этого распоряжений;

— Обладание полными и точными сведениями о боевом составе армии, расположении войсковых частей, и в целом — о ходе военных действий, а также степени обеспечения армии всеми видами снабжения;

2. Информационное обеспечение:

— Руководство всеми органами Штаба по осуществлению связи и разведки;

— Обработка сведений о неприятеле и обеспечение своевременной их передачи соответствующим полевым управлениям и войскам; расходование на разведку и борьбу со шпионажем в армии суммы по указаниям начальника Штаба;

— Обладание необходимыми сведениями о личном составе чинов Генштаба, занимающих штатные должности на театре военных действий для доклада начальнику Штаба по всем вопросам, связанным с этими специалистами;

3. Должностное положение:

— В случае временного отсутствия, болезни или смерти начальника Штаба начальник Оперативного] управления временно исполняет его обязанности;

— С разрешения начальника Штаба определяет личный состав управления;

4. Хозяйственное обеспечение:

— Определение армейских подрядов и поставок;

— Разрешение расходов из хозяйственных сумм управления на всякую сумму[268].

В составе Оперативного управления Высшего военного совета нас интересует Регистрационная служба. Военный руководитель Высшего военного совета генерал и — по мнению ряда авторитетных партийных бонз — «отъявленный черносотенец» М.Д. Бонч-Бруевич нацелил вспомогательный аппарат Высшего военного совета (в частности, Регистрационную службу) исключительно на борьбу с внешним врагом[269].

Аппарат Высшего военного совета попытался организовать разведку в оккупированных по итогам Брестского мира территориях бывшей Российской империи. Идея организации агентурной разведки на базе партизанского движения оказалась весьма удачной: партизаны давали ценные сведения о германских частях. Помощником начальника Оперативного управления Высшего военного совета по разведке первоначально стал полковник Генерального штаба А.Н. Ковалевский, затем полковник Генерального штаба Б.М. Шапошников[270]. Ковалевский был профессиональным контрразведчиком: он занимал

начальника Организационного управления К.И. Бесядовского.

[268] Сб. приказов Наркомвоен за 1918 г. Приказ № 709 и Положение о начальнике Оперативного управления Штаба Высшего военного совета.

[269] См., напр.: Там же. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 21 об.

[270] Алексеев М. Указ. соч. С. 38.

Шапошников Борис Михайлович (1882–1945) — Маршал Советского Союза (1940), профессор (1935). В РККА с 1918 г. Образование: Московское юнкерское пехотное училище (1903), Императорскую Николаевскую военную академию (1910). Участник Первой мировой войны. В период Гражданской и советско-польской войн — пом. нач. Оперативного управления Штаба Высшего военного совета (с мая 1918); нач. разведывательного

должность начальника отделения военного контроля Штаба Западного фронта вплоть до 5 марта 1918 г., когда начальник штаба генерал В.Н. Егорьев подписал приказ «о расформировании и ликвидации всех отделений военного контроля Западного фронта»[271]. В управлении генерал-квартирмейстера во главе с Б.М. Шапошниковым создали разведчасть. Ковалевский в мае 1918 г перебрался на юг и возглавил мобилизационное управление штаба Северо-Кавказского военного округа, где его и Носовича арестовал член ЦК РКП(б) И.В. Сталин, выступавший против постановки военспецов на ответственные военные посты. Троцкий настоял на освобождении профессионалов — Ковалевского назначили начальником оперативно-разведывательного управления штаба Южного фронта. Однако Носович бежал к белым, а Ковалевского впоследствии арестовали и расстреляли[272]. Естественно, особого доверия к разведке Высшего военного совета после этого у партийных работников быть не могло.

Верный своей установке противодействовать германским частям в случае возобновления наступления, Бонч-Бруевич наладил контакт с французской военной миссией: 10 июня 1918 г. Шапошников препроводил в разведывательное отделение штаба военного руководителя Западного участка отрядов Завесы переведенные на русский язык материалы, поступившие от французской военной миссии. При этом Борис Михайлович уточнил: «Кроме разведывательных] сводок, в которых сообщаются находящиеся у французов разного рода данные, препровождаются также изложенные в виде ряда вопросов сведения, нуждающиеся в проверке; такие сводки препровождаются для проверки и дополнения имеющимися у Вас данными, а в случае нужды и для выяснения их дополнительной специальной разведкой (посылкой агентов). Благоволите ответы на вопросы, находящиеся в таких сводках, присылать почтой» по специальной форме[273]. Примечательно, что проверить предлагалось сводки о данных по состоянию на 20 мая (переведены 23, 26, 7 мая; 1 июня). Похоже, французская военная миссия (Бонч-Бруевич?) не торопилась с предоставлением сведений. При этом разведка Высшего военного совета подробно проинструктировала разведотделение, какие именно сведения надлежит проверить разведке Завесы. Приказание было исполнено[274]. В июле Оперативное управление Штаба Высшего военного совета неоднократно просило провести агентурным путем проверку полученных штабом данных[275].

13 июня Бонч-Бруевич разослал военным руководителям Завесы и военных округов телеграмму: «Военнопленные и перебежчики опрашиваются в штабах отрядов районов участков Завесы или лицами, ведающими разведкой, или особым лицом, ведающим опросом. Каждая инстанция опрашивает лишь по тем вопросам, которые имеют значение. Пленные или перебежчики для ускорения [дела] не посылаются пешком, а им представляются

отдела Полевого штаба РВСР (с сентября 1918); ст. пом. заведующего особым делопроизводством военного отдела Высшей военной инспекции (с ноября 1918); 1-й пом. нач. штаба наркома по военным и морским делам Украины (с марта 1919); нач. разведывательного отдела (с августа 1919), нач. Оперативного управления (с октября 1919) Полевого штаба РВСР. В дальнейшем — 1-й пом. нач. Штаба РККА (с февраля 1921), одновременно военный эксперт советской делегации на Лозаннской конференции в Швейцарии (ноябрь 1922); пом. нач. (с апреля 1924), врид начальника (с сентября 1024) Штаба РККА.

[271] РГВА. Ф. 488. On. 1. Д. 24. Л. 13.

[272] Алексеев М. Указ. соч. С. Ъ%\Дамаскин И. Рождение разведки…

[273] РГВА. Ф. 488. On. 1. Д. 28. Л. 137–137 об.

[274] См.: Там же. Л. 148 и след.

[275] РГВА. Ф. 488. On. 1. Д. 28. Л. 149 и след.

перевозочные средства. Воспрещается отбирать у пленных деньги, ценные предметы, ордена, семейные карточки и всякие войсковые знаки (погоны, петлицы). Личные знаки должны оставаться у пленных и перебежчиков. Первый опрос пленного производится в штабе отряда, причем тут же у него отбираются бумаги, карты, переписка, записная солдатская книжка и прочее. При опросе предлагаются примерно следующие вопросы, по которым составляется допросный лист: 1) какой части (полк, батальон, рота), национальность, вероисповедание, возраст;

2) обстоятельства пленения (когда, где, добровольно или нет);

3) откуда прибыла часть (когда кого сменил, кого видел по пути к позиции); 4) ближайшие задачи противника на данном участке (наступление, оборона, наступление); 5) подробности расположения — фланги, резервы, соседи; 6) подробности оборонительных сооружений (пулеметы, минометы и прочее); 7) имя и фамилию (фамилию, как показывает опыт, лучше спрашивать в конце опроса). По окончании опроса пленный или перебежчик вместе с опросным листом и документами направляется в штаб района или участка, где проверяются данные опроса в штабе отряда и предлагаются вопросы: 1) сведения о соседях и ближайших резервах на участке района; 2) пехотная позиция (устройства окопов, ходы сообщения, опорные пункты, искусственные препятствия, склады огнестрельных припасов и т. д.); 3) артиллерия (группа артиллерии тяжелой и легкой, места батарей, направления стрельбы, есть ли химические снаряды, порядок службы на наблюдательных пунктах, укрытия и ложные батареи); 4) инженерная часть, производимая по укреплению позиции работа, минные работы; 5) состав роты по списку и налицо (состав штаба дивизии и корпуса, начальствующие лица); 7) тыл (места штабов, пути сообщения, резервы, парки, склады, тыловые позиции); 8) порядок службы и внутренний быт в боевых службах и резервах. В разведывательном отделении штаба участка Завесы, если пленный раньше был в штате района, производится подробный опрос: проверяются данные предыдущих вопросов и дополнительно выясняются: 1) вопросы организации армии и командный состав; 2) состав частей по возрастным классам и порядок пополнения состава запасных частей и рекрутских депо; 3) переброска войск (сроки и маршруты переброски, кто сменил и кого сменили части пленного и т. д.); 4) обучение и быт войск; 5) вооружение, новые технические средства; 6) вопросы оперативного характера (намерения и планы противника, признаки сосредоточения); 7) устройства тыла, сети путей, почтовые конторы и прочее; 8) вопросы внутреннего состояния государства (политические, экономические, моральные и пр.). Подробный опросный лист доставляется из штаба участка Завесы в Высший военный совет: более важные сведения помещаются в телеграфной сводке, остальные — в недельной. Опрос пленных лучше всего производить поодиночке, показать при опросе свою осведомленность, и тогда можно получить ценные данные»[276].

15 июня Бонч-Бруевич телеграфировал (на этот раз *исключительно* военным руководителям Завесы) разъяснения: «Одной из важных данных для разведки» являются сведения, доставляемые как «различного рода перебежчиками, так и… агентами тайной разведки. Под документами следует подразумевать всякого рода инструкции, приказы противника, планы, карты, зольдбухи, записные книжки, различные дневники, письма и прочее. Изучение содержания документов и корреспонденции дает очень ценные данные о группировке, переброске частей, о призыве, потерях и внутреннем состоянии стран. Изучение почтовой корреспонденции от пленных дает возможность по штемпелям установить часть, которая отправляет корреспонденции, и ту, к которой принадлежит адресат, номер полевой почтовой конторы, может дать указание на местонахождение данной части; кроме того, адрес часто дает сведения о вновь сформированной части. Пленные должны быть тщательно обысканы при их пленении, и все [их] документы тотчас же вместе с пленным направляются в штаб отряда Из штаба отряда документ, также без изучения,

---

[276] РГВА. Ф. 488. On. 1. Д. 28. Л. 47-^19а.

отправляется в штаб района или участка, где нет районов Завесы. В штабах участков Завесы в их разведывательных отделениях производится уже разбор и детальное изучение документов и корреспонденции, т. к. таковое изучение требует хорошего знания организации армии противника и его языка. Указанным же порядком производится сбор и отправление документов, взятых с убитых, захваченных в окопах или штабах противника и доставленных агентами, причем обязательно оговаривать точно, где и когда взяты документы. Строго воспрещается оставлять что-либо на память из документов и корреспонденции. Данные штаб участка (где нет участка, то района) предоставляет вместе с подлинными документами в Высший военный совет, [в] Оперативное управление, и помещает в сводки — телеграфные и недельные. Образец ведомости разбора корреспонденции и документов будут высланы дополнительно. Прошу распоряжение изложенное принять к руководству»[277]. В тот же день Бонч-Бруевич в дополнение телеграфировал тем же адресатам: «Бежавшие из плена и возвращающиеся из такового наши солдаты могут дать ценные сведения о противнике и особенно о его тыле. Опрос бежавших из плена должен производиться так же, как и военнопленных: необходимо при опросе точно устанавливать маршрут их побега и место перехода позиции противника, так как этим можно воспользоваться при пропуске наших агентов. Опрос производится вначале в штабе отряда, причем выясняется: 1) какой части, имя и фамилия; 2) когда попал в плен; 3) где находился в плену; 4) когда убежал; 5) маршрут побега и где прошел позицию противника; 6) какие части противника заметил на первой линии и в ближайшем тылу. Вместе с опросным листом бежавший из плена направляется в штаб участка или района, где снова проверяются все предложенные в штабе отряда вопросы и затем дополняются: 1) какие части противника расположены в ближайшем тылу и где расположена артиллерия; 2) каков порядок службы частей противника на передовой линии; 3) какие тыловые войска и учреждения расположены в ближайшем тылу; 5) каково настроение войск противника по личным наблюдениям и по словам местных жителей; 6) какое настроение жителей ближайшего тыла. По окончании опроса бежавший вместе со своими опросными листами препровождается в штаб участка Завесы, если раньше был в штабе района, где ему производится уже подробный опрос, причем предварительно проверяются сведения предыдущих двух опросов, затем дополняются: 1) какие части, штабы и учреждения и склады расположены в тылу — ближайшем и глубоком; 2) не видел ли перевозки войск по железной дороге или передвижения войск по грунтовым дорогам; 3) какие части охраняли пленного; 4) где и что (так в тексте, правильно: «кем». — *С.В* .) работал пленный, порядок содержания и довольствия в плену; 5) настроения населения в оккупированных областях и Германии; 6) настроение населения политическое. Опросный лист предоставляется в Высший военный совет…»[278]

Михаил Бонч-Бруевич неслучайно дал столь подробные указания: как пишет Николай Батюшин, «умело веденный допрос пленных, особенно взятых на широком фронте, является одним из надежнейших средств тайной разведки, так как показания одних пленных перекрестной и очной ставкой могут быть проверены показаниями других пленных, а главное — подтверждены захваченными материалами, т. е. средствами уже документальной разведки. Это, впрочем, можно отчасти достигнуть умелым опросом пленных и перебежчиков, особенно перед намечающимися противником операциями большого размера»[279].

20 июня военный руководитель штаба Северного участка и Петроградского района Завесы Д.П. Парский и военный комиссар Л.М. Глезаров в докладе Бонч-Бруевичу об

---

[277] Там же. Л. 50–52.

[278] Там же. Л. 67–69.

[279] Батюшин Н.С. Указ. соч. С. 135–136.

организации обороны Петрограда на случай ожидавшегося возобновления германского наступления писали в том числе: «8. Приняты все меры к возможному усилению тайной разведки для выяснения намерений противника, причем организация эта поставлена в трудные условия, т. к. проникновение в полосу, занимаемую противником, особенно на северном, важнейшем, направлении, встречает серьезное противодействие (финны); кроме того, денежный отпуск на средства разведки крайне недостаточен. На месячную потребность для нужд разведки и контрразведки отпущено всего лишь 25 000. Считаясь с тем, что противником в районе участка прекрасно организована деятельность шпионажа и противодействие разведке, успешная активная работа в этой отрасли выполнима только при широком отпуске денежных средств. Я просил на разведку на месяц 40 000 рублей, на контрразведку— 75 000. Отпущено на ту и другую лишь 25 000р.; при такой ничтожной сумме на положительную организацию работы рассчитывать невозможно, особенно при современной дороговизне…»[280] Таким образом, на постановку разведки в Завесе денег катастрофически не хватало.

20 июля 1918 г. начальник Штаба (аппарата) Высшего военного совета генерал Николай Иосифович Раттэль телеграфировал военному руководителю Беломорского ВО А.А. Самойло, военным руководителям штабов Северного и Западного участков отрядов Завесы — Д.П. Парскому и В.Н. Егорьеву — приказание: «О проведенных расходах на разведку и Регистрационную службу (военную контрразведку. — С.*В.)* за истекший месяц прошу доносить в Высший военный совет к 10 числу следующего месяца»[281].

27 июля 1918 г. Штаб Высшего военного совета телеграфировал военному руководителю Западного участка отрядов Завесы В.Н. Егорьеву: «Ввиду представленного в Народный комиссариат по военным делам на утверждение нового Положения об организации разведки и ввиду того что последним ведение разведки в оккупированных областях, а также в Финляндии и Польше возложено на Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам, полосы разведки органам войсковой Завесы могут быть сокращены и будут таковы:

а) Беломорский военный округ — берег Ледовитого океана до бывшей государственной границы с Норвегией, по последней до Ботанического залива, линией *Улеаборг, Куопио и Повенец* — все пункты до округа включительно;

б) Северный участок Завесы—*Повенец* исключительно, *Куопио* исключительно, С. *Михель, Тавастгус, Ганго, Балтийский порт* , побережье Рижского залива до *[Шлов]* включительно, *Митава, Повенец, Двинск, Освея* — все перечисленные выше пункты, за исключением Повенец, *Куопио* включительно для участка и далее демаркационная линия от Освеи до Повенец;

в) Западный участок Завесы — *Освея, Краславка, Двинск* (исключительно), *Поневеж* (исключительно), *[Ландворовк], Лида, Барановичи, ст. Лунинец, р. Припять, Мозырь, ст. Фастов, ст. Цветково, ст. Знаменка, ст. Пятихатка, ст. Синельниково, ст. Лозовая, Чугуев, Короча* — все пункты, за исключением Двинска и Поневежа, включительно — для Западного участка Завесы, а далее демаркационная линия от *Короча* до *Освеи;*

Воронежский район Завесы — *Короча* (исключительно), *Харьков* (исключительно), *Лозовая* (исключительно), *ст. Синельниково* (исключительно), *ст. Чаплино* (включительно), *Мариуполь* (включительно), далее по берегу Азовского моря до *Ростова на Дону* (включительно), *Новочеркасск* (включительно), *ст. Усть-Белокалитвенская* , линия железной дороги *Ростов — Воронеж* до *Журавки* (включительно) и далее демаркационная линия *Журавки — Корона* ;

---

280 РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 661. Л. 85.

281 РГВА. Ф. 488. On. 1. Д. 28. Л. 72.

г) [282] Северо-Кавказский округ — *ст. Поворино* (включительно), *Журавка* (исключительно), линия железной дороги *Воронеж — Ростов* от Журавки до *ст. Усть-Белокалитвенская* (исключительно), побережье *Азовского* и *Черного* морей до Поти (включительно) и далее по линии *Кутаис — Тифлис* , устье р. Куры *включительно.*

О распределении задач и полос разведки между подчиненными Вам штабами прошу донести в Высший военный совет»[283].

31 июля Ратгэль написал Егорьеву: «Одним из органов на местах по ведению агентурной разведки являются *агенты-резиденты* , насаждаемые как в тылу противника, так и *в своем тылу* , если бы ход операций заставил наши части отходить вглубь страны. Насаждение агентов-резидентов в своем тылу должно быть сделано *заблаговременно* , дабы при развитии операций иметь на местах уже подготовленных надежных людей и заранее налаженную с ними связь. Ввиду вышеизложенного прошу распоряжения *немедленно* приступить к насаждению и подготовке *агентов-резидентов* в Вашем тылу, сообразуясь с нашими оперативными соображениями на случай отхода». Раттэль просил уведомить о схеме насаждения агентов-резидентов «с указанием деталей»[284]. Как видим, не прошло и четырех месяцев, как Штаб Высшего военного совета озаботился вопросами агентурной разведки. Ответ последовал только 21 августа: «В случае наступления противника, согласно плана обороны, все отряды Западного участка отрядов Завесы отходят на линию: Торжок — Ржев — Вязьма — Сухиничи — Горбачев — Ефремов, где должна собраться вновь сформированная в тылу армия. Таким образом, пространство, ограниченное настоящей демаркационной линией и линией предполагаемой для обороны, будет нуждаться в освещении всех действий противника, его намерений, его передвижений и т. д.». Егорьев предлагал «заблаговременно» расположить агентов-резидентов в пунктах: Великие Луки — Невель — Витебск — Орша — Смоленск — Рославль — Брянск — Курск — Орел. Кроме того, 8 августа Высший военный совет распорядился подготовить опытных агентов-ходоков. Егорьев предложил подготовить хотя по одному агенту-ходоку на каждый пункт и просил выделить ему деньги на жалованье девяти агентам-резидентам по 600 руб., ходокам — по 500 руб.[285] Принимая во внимание инфляцию (в 1918 г. пятьсот или шестьсот рублей — это были копейки), говорить об эффективности «агентурной разведки» при таких «зряплатах» агентам просто смешно.

Как показывают доклады М.Д. Бонч-Бруевича, Н.И. Раттэля и Оперативного управления (в случае с разведкой — помощника начальника Б.М. Шапошникова) коллегии Высшего военного совета, штаб предоставлял высшему военному руководству оперативную информацию о положении на границе с немцами и положении в оккупированных областях бывшей Российской империи. Однако положение разведки Высшего военного совета оставляло желать лучшего.

Разведывательное отделение Оперода Наркомвоена насаждало агентурную сеть в районах сосредоточения германских войск на захваченной ими территории, а также в районах сосредоточения и развертывания войск Антанты, США и Японии на территории России *(см. Раздел I, главу* 1)[286].

Весной 1918 г. на волне всеобщего хаоса ***разведотдел штаба Московского ВО*** , без

---

[282] Сохранена нумерация документа.

[283] РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 113–113 об.

[284] Там же. Л. 123–123 об.

[285] Там же. Л. 124.

[286] Алексеев М. Указ. соч. С. 39.

согласования с центром, взялся за ведение разведки в районе: на севере — Великие Луки, Шавли, Двинск, Поланген; на западе — по линии Шавли, Ковно, Белосток, Брест-Литовск; на юге — жел. дор. Пинск,

Мозырь, Гомель (все эти пункты включительно). В задачи отдела входило: наблюдение за «всякого рода» вооруженными силами в указанном районе, наблюдение за ж.-д. перевозками войск, изучение системы военного управления, дисциплины и внутренней жизни войск Антанты, взаимоотношений национальных войск и германских и отношение к ним местного населения; наблюдение за настроением широких слоев населения и политических партий. К 10 июня 1918 г. (докладывал Штаб МВО) отдел систематизировал «полученный от высших соседних штабов материал, касающийся расположения противника (германских частей. — *С.В.)* в оккупированной полосе»; перевел «много французских и немецких документов»[287].

Таким образом, к лету 1918 г. в Советской России насчитывалось 3 центральных органа военной разведки и «примкнувший к ним» разведотдел штаба МВО. При этом Военно-статистический отдел Оперативного управления Всероглавштаба не имел средств для ведения агентурно-разведывательной деятельности и занимался аналитической работой, составляя общие разведсводки по всему фронту на основании данных, полученных от штабов войсковых Завес, Оперода Наркомвоена, штаба военного руководителя Московского района и французской военной миссии, имевшей собственную агентуру[288]. Параллелизм в работе органов военной разведки был неприемлем.

Координация работы органов военной разведки

5—7 июля проходило общероссийское совещание развед- и контрразведывательных органов Красной армии. Оно фактически представляло собой банальный дележ бюджетных средств между существующими органами военной разведки и военной контрразведки. В результате работы совещание приняло «Общее положение о разведывательной и контрразведывательной службе», четко разграничившее предметы ведения 3-х центральных органов[289]. В состав комиссии входили: от Всероглавштаба — начальник Оперативного управления С.А. Кузнецов (председатель), врид начальника ВСО А.В. Станиславский и его сотрудники (врид начальника разведчасти А.Л. Нолькен, начальник разведотделения Н.Н. Шварц, врид начальника Регистрационной службы А.А. Чернявский); от Высшего военного совета — помощник начальника Оперативного управления по разведке Б.М. Шапошников; от Оперода — заведующий Отделением военного контроля М.Г. Тракман и консультанты Б.И. Кузнецов и И.Д. Чинтулов; от штаба МВО — начальник Оперативного управления В.М. Цейтлин; от штаба Ярославского ВО — Н.Н. Гурко-Омельяновский, от штаба Северного участка и Петроградского района Завесы — начальник разведотделения В.В. Салов, начальник Регистрационной службы В.Ф. Гредингер; от Морского Генерального штаба — начальник Регистрационной службы А.И. Левицкий; от ВЧК — Я.Г. Блюмкин. Последний принял участие только в одном заседании[290]. Высшему военному совету поручалось организовать и вести разведку в районе демаркационной линии, создавать агентурную разведку штабов войсковой Завесы; Опероду Наркомвоена — организация разведки против потенциальных противников Советской России, а также разведка в оккупированных

---

287 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 118. Л. 129.

288 Алексеев М. Указ. соч. С. 39.

289 Алексеев М. Указ. соч. С. 41.

290 Лурье В.М., Кочик В.Я. Указ. соч. С. 13.

германскими войсками областях Украины, Польши, Курляндии, Лифляндии, Эстляндии, Финляндии и Закавказье[291]. Положение не сразу вступило в силу: еще 26 июля начальник Оперативного управления Штаба Высшего военного совета Н.А. Сулейман[292], направляя В.Н. Егорьеву «Общее положение…», указал: «проект представлен на утверждение [Троцкого] и впредь до этого сообщается лишь для сведения»[293]. Троцкий документ утвердил.

Общее положение о военной разведке и военной контрразведке Наркомата по военным делам РСФСР

5 июля 1918 г.

Секретно

Резолюция народного комиссара по военным делам: «Утверждается. Л. Троцкий».

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

О РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ И КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЕ

Глава I. О РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЕ

Ст. 1.

Руководство всей разведкою в смысле разграничения районов деятельности различных органов разведки и постановки задач принадлежит Всероссийскому главному штабу.

ПРИМЕЧАНИЕ 1-е: Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам, кроме того, исполняет задания коллегии народных комиссаров по военным делам.

ПРИМЕЧАНИЕ 2-е: Разведывательные задачи для органов войсковой Завесы определяются Высшим военным советом.

Ст. 2.

Всероссийский главный штаб ведает:

а) заграничною агентурною разведкою как в мирное время, так и в период мобилизации и во время войны;

б) разработкою после окончания работ общего мирного конгресса всех вопросов, связанных с «мобилизацией» разведки, обеспечивающей ее непрерывность с объявлением войны, и соответствие заграничной агентурной сети военным коалициям держав;

в) разграничением районов разведки и постановкою разведывательных задач всем органам, ведущим разведку на территории Российской Республики, и общим руководством этою работою в соответствии со ст. 1-й и примечаниями 1-ми 2-м той же статьи, и

г) окончательною разработкою и систематизированием сведений, добытых нашими разведывательными органами.

В целях систематизирования всех данных, добытых разведкою, и подведения им итогов

---

291 Алексеев М. Указ. соч. С. 41.

292 Сулейман Николай Александрович (1878—?) — генерал-майор; преподаватель ВВУЗ РККА по военной администрации (1927). Украинец. Из мещан. Образование: кадетское юнкерское училище (1899), Николаевская академия Генерального штаба по 1 разряду (1910). Членство в партиях: Беспартийный. В старой армии с 1896 (офицер с 1900). Во время Октябрьского переворота — инспектор снабжений при нач. Штаба Верховного главнокомандующего. В Революционном комитете обороны Петрограда. В РККА с 1918. В советском военном ведомстве — пом. военного руководителя (нач. штаба) ВВСР (с марта 1918); преподаватель тактики и стратегии, по совместительству — нештатный ст. руководитель Генерального штаба РККА (с августа 1918); вел специальный лекционный курс военно-инженерной маскировки в Высшей школе военной маскировки (с января 1919), по совместительству — ст. руководитель практических занятий по топографии Академии Генерального штаба РККА (с апреля 1920); штатный преподаватель (с ноября 1920), заведующий обучающимися слушателями (с апреля 1921), гл. руководитель групповыми лекциями (с января 1922) Академии Генерального штаба РККА.

293 РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 152.

Высший военный совет, Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам и штабы округов сообщают Всероссийскому главному штабу в обработанном виде добытые ими сведения.

ПРИМЕЧАНИЕ: Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам находится в тесной связи со Всероссийским главным штабом, Высшим военным советом, военными руководителями и военными округами.

Ст. 3.

Высший военный совет посредством подчиненных ему органов разведки ведает разведкою в районе демаркационной линии и районе, примыкающем к последней; границы этого района определяются в зависимости от стратегической обстановки.

Ст. 4.

Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам:

а) исполняет задания коллегии Народного комиссариата по военным делам;

б) ведет учет и организует разведку, согласно особых указаний коллегии Народного комиссариата по военным делам, против всех сил, которые в данный момент грозят Российской Республике;

в) организует и ведет разведку в оккупированных областях, в Украине, Польше, Курляндии, Лифляндии, Эстляндии и Закавказье, и

г) о всех могущих оказаться у него данных о неправильном характере деятельности или неправильном расходовании кредитов со стороны какого-либо органа разведки или контрразведки, за исключением органов, непосредственно ему подчиненных, сообщает Всероссийскому главному штабу или Высшему военному совету, по принадлежности, с[о] своим заключением о принятии тех или иных мер для устранения обнаруженных упущений или об изменении этим органам отпускаемых на разведку и контрразведку средств.

Глава II. О КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЕ

Ст. 1.

Общая задача военной контрразведки состоит в изучении системы и методов действия органов иностранной военной разведки и в обнаружении, обследовании и пресечении деятельности иностранных военных шпионов, а также организаций и лиц, деятельность коих, преследуя военные интересы иностранных государств, направляется во вред военным интересам России и состоящих с ней в союзе держав.

Ст. 2.

Расследование всякого рода иной преступной деятельности в задачу военной контрразведки не входит.

Если при производстве расследований по делам, указанным в ст. 1, обнаружатся данные, относящиеся к преступлениям иного рода, — то все такие данные, без дальнейшей разработки их чинами контрразведки, немедленно передаются последними в распоряжение подлежащих судебных или административных органов.

Ст. 3.

Руководящими органами сухопутной военной контрразведки в настоящее время являются:

а) Всероссийский главный штаб;

б) Высший военный совет и

в) Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам.

Ст. 4.

Органами, ведающими активной контрразведкой, являются:

а) Регистрационная служба Всероссийского главного штаба;

б) Отделы и отделения регистрационной службы штабов военных округов;

в) Отделения Регистрационной службы при Высшем военном совете и штабах участков и районов войсковой Завесы, и

г) Отделение военного контроля при Оперативном отделе Народного комиссариата по военным делам и могущие учреждаться последним особые подчиненные ему органы на

местах.

Ст. 5.

Никакие иные учреждения не вправе вести военную контрразведку на территории Российской Республики, и все могущие поступать в эти учреждения данные по иностранному шпионажу должны ими немедленно передаваться в распоряжение подлежащего органа военной контрразведки.

Ст. 6.

По общему руководству и направлению деятельности всех подведомственных им органов военной контрразведки Всероссийской главный штаб, Высший военный совет и Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам состоят между собою в непосредственной взаимной связи.

Ст. 7.

Всероссийский главный штаб непосредственно руководит деятельностью органов Регистрационной службы Всероссийского главного штаба и штабов военных округов, а также ведает собиранием, регистрацией, обработкой и систематизацией материалов по военной контрразведке, добываемых всеми контрразведывательными органами, для чего последние представляют в Регистрационную службу Всероссийского главного штаба все обнаруживаемые ими данные по иностранному шпионажу.

Ст. 8.

Высший военный совет непосредственно руководит деятельностью всех контрразведывательных органов штабов участков и районов войсковой Завесы.

Ст. 9.

Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам непосредственно руководит деятельностью состоящего при нем Отделения военного контроля и особых образуемых им органов на местах.

Кроме того, в отдельных случаях, по особым непосредственным распоряжением народных комиссаров по военным делам, Оперативный отдел поручает органам контрразведки штабов подлежащих военных округов выполнение особых задач по контрразведке в пределах их ведения, определенных ст. 1 настоящего положения, причем такие поручения передаются Оперативным отделом через Всероссийский главный штаб, а в экстренных случаях могут направляться и непосредственно в подлежащий окружной штаб с одновременным оповещением о том Главного штаба.

Ст. 10.

Каждый контрразведывательный орган самостоятельно ведет контрразведку исключительно в пределах подведомственного ему района, определяемого для отделов регистрационной службы штабов округов — территориальными границами округа, а для районов и участков войсковой Завесы — по указаниям Высшего военного совета, в соответствии со стратегической обстановкой.

Разграничение районов и задач для контрразведывательных органов участков Завесы и входящих в районе Завесы штабов округов производится, с представления подлежащих военных руководителей, Высшим военным советом по соглашению с[о] Всероссийским главным штабом.

Ст. 11.

Особое отделение Регистрационной службы Всероссийского главного штаба, не имея ограниченной территории для своей деятельности, ведет контрразведку за границей, ведает противодействию иностранному шпионажу в российских центральных учреждениях ведомств военного и иностранных дел и наблюдением и обследованием шпионской деятельности иностранных посольств, миссий и других официальных представителей иностранных государств при центральных учреждениях в России, а также разработкой отдельных шпионских дел на всем пространстве государства, по особым поручениям начальника Оперативного управления Всероссийского главного штаба. Посему другие органы контрразведки указанных задач самостоятельно не выполняют, а все могущие

оказаться в их распоряжении данные, относящиеся к проявлению шпионажа со стороны иностранных посольств и миссий, а также в наших центральных учреждениях ведомств военного и иностранных дел — передают на распоряжение Особого отделения Регистрационной службы Всероссийского главного штаба.

Ст. 12.

Отделение военного контроля при Оперативном отделе Народного комиссариата по военным делам, не имея ограниченной территории в своей деятельности, в изъятие из правил ст. 1 и 2, ведет по непосредственным указаниям Оперативного отдела активное противодействие разведке тех вооруженных сил, которые в данный момент угрожают Российской Советской Республике, ведает охраной от посягательств шпионов всех центральных советских учреждений, за исключением учреждений ведомств военного, морского и иностранных дел, и выполняет особые поручения по непосредственным заданиям Народного комиссариата по военным делам.

В *случае* необходимости, в отдельных местностях разграничить районы и задачи органов военного контроля Оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам, с одной стороны, и органов регистрационной службы Всероссийского главного штаба и штабов округов или участков Завесы, с другой стороны, Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам входит в особые соглашения с[о] Всероссийским главным штабом и Высшим военным советом по принадлежности.

Ст. 13.

Если при расследовании какого-либо дела по контрразведке представляет необходимость произвести отдельные действия (наблюдения, установку, осмотр, допрос, обыск, арест и т. д.) на территории, подведомственной другому контрразведывательному органу, — то таковые действия выполняются этим последним органом по получении требования о том от органа, в производстве коего находится означенное дело.

Глава III. О КРЕДИТАХ, АССИГНУЕМЫХ НА РАЗВЕДКУ И КОНТРРАЗВЕДКУ

Ст. 1.

Исчисление и истребование кредитов на разведку и контрразведку для Всероссийского главного штаба и для штабов военных округов и отпуск этих кредитов штабам военных округов и органам, непосредственно подчиненным Всероссийскому главному штабу, сосредоточиваются во Всероссийском главном штабе.

Ст. 2.

Исчисление и истребование кредитов на разведку и контрразведку для Оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам и отпуск этих кредитов органам, непосредственно ему подчиненным, сосредоточивается в Оперативном отделе Народного комиссариата по военным делам.

Ст. 3.

Исчисление и истребование кредитов на разведку и контрразведку для Высшего военного совета и штабов войсковой Завесы и отпуск этих кредитов штабам войсковой Завесы органам, подчиненным Высшему военному совету, сосредоточивается в Высшем военном совете. Исчисленная смета расходов на разведку и контрразведку сообщается Всероссийскому главному штабу для сведения.

Ст. 4.

Кредиты на разведку и контрразведку ассигнуются в размере 3-месячной потребности.

Отпуск денег на разведку и контрразведку на иные сроки производится согласно особых указаний коллегии народных комиссаров по военным делам.

Подлинный подписали: председатель комиссии Кузнецов; члены — Станиславский, Чернявский, Цейтлин, Кузнецов, Салов, Тракман, Нолькен, Чирниговский, Сопел[1], Гредингер, Шапошников, Гурко-Омельяновский, Шварц.

Верно:

Начальник разведывательного отделения Всероссийского главного штаба Шварц[294]».

19 августа Сулейман предложил установить связь с пограничными округами, привлеченными к разведывательной работе[295].

30 августа Егорьев имел весьма содержательную беседу по прямому проводу с Б.М. Шапошниковым:

— Тов. Шапошников? Здесь, у аппарата? Я Егорьев. Чем кончился вопрос об усилении средств [на] тайную разведку, который (очевидно, Н.И. Раттэль. — *С.В.)* должен был быт[ь] поднят [на] заседании Высвоенсовета [во] вторник (3 сентября 1918 г., когда Высший военный совет был уже формально упразднен. — С.5.)?

— Честь имею кланяться. Вопрос решен в положительном смысле и наложена резолюция Оперод Наркомвоен выдать впред[ь] до отпуска Военно-законодательным советом, а последнему ускорить отпуск. Резолюция вчера по телефону мною передана заведующему разведывательным отделением Оперод Наркомвоендел (Б.И. Кузнецову. — С.5.), почтой послана туда же в Военно-законодательный совет. Расход исчислен согласно представляемой Вами смете 165 000.

— Значит, можно послать за деньгами в Оперативный отдел Наркомвоен?

— Я полагаю, что через день-два-три такая посылка возможна, если у них есть деньги.

— Благодарю Вас, больше ничего. Егорьев.

— Имею честь кланяться. Шапошников[296].

Надо полагать, что к августу положение с деньгами несколько улучшилось.

30 августа коллегия Наркомвоена разрешила Всероссийскому главному штабу созвать совещание начальников разведотделений штабов военных округов и полевых штабов для выяснения следующих вопросов: «1) законченность организации разведывательных отделений; 2) постановка агентурной разведки, ее план, выполнение плана, условие работы, стоимость разведки; 3) планы работы, выполненные штабами по изучению вооруженных сил Четверного союза, военной системы и военно-экономической областей; 4) взаимоотношение по разведке жизни новых пограничных штабов округов и штабов Завесы; 5) что могут дать в настоящее время по разведке штабы округов и штабы Завесы;

6) мероприятия, необходимые для улучшения постановки агентурной разведки». Совещание было назначено на 9—12 сентября. Оно проходило под эгидой Военно-статистического отдела Оперативного управления Всероглавштаба (Молчановка, 20). Приказ был циркулярно разослан всем адресатам — «начальникам разведок… Ярославского, Московского, Орловского округов; Северного и Западного участков, Смоленского района и группы Пехлеванова»[297]. Сказывалась общая разруха: новый начальник ВСО А.Г. Грундштрем предупредил: «Ввиду трудности найти в Москве соответствующие помещения, командируемые должны захватить с собой походные кровати». Руководство ВСО просило командировать начальников разведотделений «с таким расчетом, чтобы они могли получить накануне совещания, 8 сентября, в

---

294 РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 127–127 об., 134–136 об. Заверенная машинописная копия. Опубл. в извлечениях, без контрольносправочных сведений: Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: Дела и люди. СПб.—М., 2002. С. 13–15. Полностью публикуется впервые.

Шварц Николай Николаевич — врид начальника разведывательной части ВГШ.

295 РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 163.

296 РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 159.

297 РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 162.

Военно-статистическом управлении Программу совещания»[298]. Совещание проходило с 9 по 11 сентября. «Программа работ совещания представителей разведывательных отделений» (автограф простым карандашом) отложилась в фонде Штаба Западного участка отрядов Завесы. Приведем ее полностью:

«I. Положение разведывательных отделений (штабов участков Завесы. — *С.В.)* и штабов [военных] округов в смысле законченности их организации.

1. Личный состав разведывательных отделений, время пребывания его в должности:

а) начальники отделений, время пребывания их в этой должности;

б) делопроизводители, подготовленность последних к работе по разведке.

2. Обеспеченность разведывательных отделений разного рода справочными и руководящими материалами.

II. Агентурная разведка штабов [военных] округов.

1. Основной план организации агентурной разведки (агентурная сеть, ее задачи).

2. Выполнение плана в данный момент:

а) порядок вербовки агентов;

б) характеристики контингента округов;

в) современная агентурная сеть, ее стоимость;

г) условия работы для агентурной разведки.

3. Порядок дальнейшего развития агентурной сети согласно основного плана.

III. Агентурная разведка штабов Завесы.

1. Условия работы.

2. Вербовка агентов.

3. Характеристика контингента агентуры.

4. Современная агентурная сеть и ее стоимость.

5. Взгляды на будущее в отношении развития агентурной сети.

IV. Работы по разведке, выполняемые и выполненные штатами [военных] округов и Завесы.

1. Изучение вооруженных сил Четверного союза.

2. Изучение пограничными округами областей.

а) Система военного управления: 1) учреждения; 2) личный состав главнейших учреждений;

б) Вооруженные силы;

в) Военно-экономическое положение области;

г) Роль иностранного элемента в военной жизни области;

з) Оценка источников и добытых материалов по разведке.

V. Взаимоотношения в деле агентурной разведки штабов военных округов и штабов Завесы.

VI. Что могут дать в деле разведки штабы [военных] округов и отряды Завесы.

1. Глубина зоны разведки.

2. Размах агентурной сети.

3. Характер и объем задач по разведке.

VII. Мероприятия, необходимые для улучшения постановки агентурной разведки в данное время, и пожелания на будущее»[299].

Совещание констатировало плачевное состояние агентурной разведки Красной армии. Выяснилось, что штабы Ярославского и Московского военного округов еще не приступили к организации работы по разведке (сведения о штабе МВО, кстати, весьма сомнительны), в

---

298 РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 160–161.

299 РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 144–144 об.

штабе Орловского военного округа разведотделение создали и даже направили двух (!) агентов-резидентов — в Харьков и Екатеринослав; процесс формирования разведорганов и штабов Завесы также находился в зачаточном состоянии. Неукомплектованность объясняли отсутствием преданных советской власти специалистов-разведчиков[300]. При этом на Западном участке отрядов Завесы к сентябрю уже существовала агентурная сеть из 20 агентов-резидентов, 6 из которых имели помощников. Они наблюдали за обстановкой в южной части Финляндии, Эстонии и Латвии, а также за воинскими перевозками противника по важнейшим ж.-д. магистралям: Рига — Двинск — Витебск — Смоленск, Варшава — Вильно — Двинск — Псков. Профессионалами их нельзя назвать при самом большом желании, но за неимением лучшего и это было значительным шагом вперед[301].

4 октября начальник Штаба РВСР бывший генерал Николай Иосифович Раттэль направил в военные советы участков Завесы инструкцию: «В целях однообразия ведения отчетности в расходовании денежных, поступающих в дело разведки, сумм, прошу распоряжение о заведении всеми органами, ведущими разведкой, приходно-расходного журнала и ведомости оправдательных документов по прилагаемым при сем формам. Кроме того, для документов и переписки надлежит в каждом разведывательном отделении завести особое секретное дело, к которому подлинные документы приобщаются по утверждении произведенного месячного расхода. Расчет расхода утверждается в дивизиях и армиях начальниками штабов и во фронте начальником оперативного отдела. О ежемесячном расходовании ассигнованных на разведку сумм должны быть представляемы в порядке подчиненности сведения. В этих сведениях должны помещаться выписки месячных итогов из приходно-расходного журнала и остаток, если таковой был, от предыдущего месяца. Сведения должны представляться с таким расчетом, чтоб они поступали в Революционный военный совет Республики 10 числа следующего за отчетный месяц»[302]. Не прошло и ста лет, как додумались наладить в армии *отчетность* по расходам на разведку.

Регистрационное (развед) управление (РУ) — первый центральный орган советской военной разведки

14 октября 1918 г. РВС Республики объявил приказ № 94, 3-й пункт которого предписывал «руководство всеми органами военного контроля и агентурной разведкой сосредоточить в ведении Полевого штаба РВСР». Из ведения ВСО изъяли агентурную разведку, и в отделе остались лишь региональные обрабатывающие отделения. На ВСО возлагались: 1) *изучение* вооруженных сил, военно-экономической мощи, планов обороны и внешней политики иностранных государств; 2) составление описаний и справочников военно-статистического характера по иностранным государствам; издание важнейших наставлений и обзоров по вопросам военно-экономической жизни иностранных государств; 3) подготовка «всех данных военно-статистического характера, в коих может встретиться надобность нашим военным представителям на будущих международных совещаниях по ликвидации текущей войны»[303].

2 ноября Аралов и военком Оперативного управления Полевого штаба Александр Владимирович Гиршфельд[304] телеграфировали начальнику штаба Смоленского района

---

300 Колпакиди А., Север А. Указ. соч. С. 68.

301 Там же. С. 68–69.

302 См. подр.: РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28.

303 Цит. по: Колпакиди А.И., Прохоров Д. Рождение советской военной разведки (1917–1921 гг.).

304 Гиршфельд А.В. (1897–1962). Уроженец г. Юрьев Эстляндской губернии. Из семьи врача. Образование:

Западного участка отрядов Завесы Александру Васильевичу Новикову: «В телеграмме за № 125 указывается, что схема и боевое расписание высылаются почтой. Категорически напоминаю, что столь секретные бумаги должны пересылаться [с] нарочными»[305]. Как видим, дело налаживалось очень постепенно.

5 ноября Реввоенсовет Республики постановил создать в составе Полевого штаба *Регистрационное управление (РУ)* в качестве центрального органа военной разведки[306], что отмечается ныне как День военной разведки. К 10 ноября Регистрационное управление было сформировано в составе 3-х отделов: агентурного (разведка), военно-контрольного (военная контрразведка) и военно-цензурного (на базе военно-цензурного отделения Оперода, задачи которого распространили на всю территорию Советской России) [307]. Деятельность управления началась лишь в последних числах декабря 1918 г., когда были собраны агенты и разработаны военно-цензурные положения[308]. РУ на первых порах работало безобразно: 23 февраля 1919 г. начальник управления и комиссар Полевого штаба Семен Аралов указал в приказе: «За последнее время наблюдается нарушение установленного внутреннего распорядка работы управления, и (что особенно прискорбно) виновниками такого нарушения являются очень часто и приходящие в управление по делам службы… коммунисты, а также и некоторые сотрудники управления. Считаю необходимым указать, что высокое звание коммуниста в особенности обязывает быть исполнительным и аккуратным в порученной работе. В секретные комнаты заходят безответственные сотрудники, ходят толпой, производят шум. Многие лица до сих пор проникают в помещение управления без пропусков, некоторые сотрудники приводят своих знакомых, не имеющих никакого касательства к работе управления. При замечании по этому поводу отвечают, что это мой знакомый, и т. д. Обращая внимание тт. сотрудников на вышеуказанное, предупреждаю, что я, не считаясь ни с принадлежностью к партии, ни с занимаемой должностью, буду без всякого снисхождения увольнять виновных от службы и предавать суду Революционного трибунала всех лиц, не соблюдающих внутреннего распорядка и хода работы в управлении, установленного моими приказами»[309].

Если уж в центре творилось такое, то в подчиненных РУ органах военной разведки также не могло быть порядка. Как пишет исследователь В.Я. Кочик, в связи с тяжелым положением на местах секретные сотрудники РУ «фиксировали состояние дел не только по ту, но и по эту сторону фронта». Так, многочисленные донесения агентов побудили его руководство обратиться к высшему командованию РККА: «Из опросов агентов выяснено, что в поездах и на станциях жел. дор. Великороссии красноармейцами и лицами низшего

гимназия в Москве (1905). Членство в партиях — РКП(б) с 1918. В советском военном ведомстве — зав. оперативным отделением Оперод Наркомвоен (1918); военный комиссар Оперативного управления Полевого штаба (1918–1910); комиссар роты, начальник штаба ударной группы (в составе 25-й и 49-й дивизий на Восточном фронте в 1919); нач. отделения Регистрационного управления Полевого штаба (1920); военком Инспекции пехоты РККА (1924–1926). С.И. Аралов: «В Опероде работали два брата Гиршфельды, Александр и Евгений (отец их, популярный врач в старой Москве, был большевиком, помогал партии в московском подполье). Оба брата проявляли всегда большую энергию, действовали самозабвенно» (Аралов С.И. Указ. соч. С 38).

305 РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 188.

306 Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 96.

307 См.: РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 80 и сл.

308 См.: Там же. Л. 25 и сл.

309 Там же. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1. Л. 14.

командного состава очень открыто высказываются сведения военного характера о местонахождениях штабов, частей войск на фронте и в тылу; называются участки фронта, кои занимаются теми или иными частями. Агентами во многих случаях указывается на явное злоупотребление своей осведомленностью чинов действующей армии и тыловых частей. В последнее время на Курском вокзале в Москве один из агентов отдела (№ 63) часто замечал спорящие группы красноармейцев в присутствии штатской публики, из состава которой некоторые лица задавали вопросы спорящим группам с явной целью детального выяснения частей войск и их местонахождения. О вышеизложенном сообщается для принятия зависящих мер. Консультант Теодори, комиссар Павулан. 24 декабря 1918 г.». Через несколько дней последовал секретный приказ Главкома И.И. Вацетиса о недопустимости подобного положения. Позднее генштабист 1917 г. выпуска А.И. Кук констатировал: в Гражданскую войну «откровенность и болтливость на фронте процветали»[310].

У истоков *Агентурного отдела* (во главе стоял капитан ускоренных курсов Генштаба В.Ф. Тарасов, с 9 ноября его обязанности исполнял капитан ускоренных курсов Генштаба Г.Я. Кутырев[311]) стоял сам создатель РУ Г.И. Теодори. О масштабе деятельности управления можно составить представление по названию разделов «разведывательной сводки № 1576-Р/54».

Всего на двух страницах машинописи: «УКРАИНА: Организация украинской армии, Учреждения по воинской дисциплине, Дисциплинарный устав, Юнкерские училища, Кредиты по военному ведомству, Новый германский комендант г. Киева; ДОН — Приказы ген. Краснова, Призыв казаков, Разжалование ген. Болховитинова[312]; ЯПОНИЯ — Большая военная программа» (название разделов)[313]. Как видим, особо похвастать подписавшим документ начальнику Управления РВСР Аралову, начальнику штаба Теодори и заведующему 2-м (разведывательным) отделением Краснову пока было нечем. Но Георгий Иванович с энергией взялся за организацию агентурной разведки.

Самой важной функцией Агентурного отдела Теодори считал распределение задач по агентуре между фронтами армий и тыловыми военными округами, распределение средств и норм расхода на них; определение районов агентуры для военных округов (в мирное время) и фронтов (в военное время); руководство наиболее слабыми из них; разработка штатов для всех инстанций агентуры[314]. 7 декабря Теодори и Павулан телеграфировали в штаб Восточного фронта: «Суммы, отпущенные на агентурную разведку, распределите по своему усмотрению между штабом фронта и армиями с присылкой [в] Регистрационное управление… порядка распределения сумм и сметы их расхода по каждой армии»[315]. Отдел должен был командировать военных агентов в нейтральные страны, не связывая их работу с

---

310 Цит. по: Кочик В.Я. Советская военная разведка: структура и кадры.

311 Колпакиди А., Прохоров Д. Указ. соч. Т. 2. С. 71, 219 и сл.

312 Генерал-майор Болховитинов Леонид Митрофанович был в 1918 г. принят в РККА, где, числясь при Высшем военном совете, находился на Северном Кавказе. В августе 1918 при занятии Екате-ринодара частями Добровольческой армии пробрался в город, где проживала его семья, и был арестован. Предан военно-полевому суду Добровольческой армии, который приговорил его к смертной казни. Генерал А.И. Деникин заменил приговор суда разжалованием в рядовые, в качестве которого генерал служил в частях Дроздовской дивизии около года. За отличия в боях был восстановлен Деникиным в чине (www.grwar.ru/persons/persons.html?id=380).

313 РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 25. Л.541–542 об.

314 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 28.

315 РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 202.

работой советской агентуры. Агентурный отдел был призван собирать и анализировать для Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики и Полевого штаба сведения, необходимые для ведения операций; организовывать систематическое изучение состояния вооруженных сил Белой армии, враждебных групп и стран (условия их комплектования, мобилизации, сосредоточения, плана перевозок и снабжения; сведения об их общественной жизни, внешней и внутренней политике, торговле, промышленности, финансах, общественном мнении, экономических и политических планах и задачах), а также прессы, военных изданий, уставов, инструкций и т. п. иностранных государств. Агентурный отдел должен был организовывать агентурную разведку по всем указанным вопросам, о войсках, тыле и перевозках войск противника, их настроении, боевом и численном составе и т. п.; о планах и предстоящих боевых задачах, проникновение в штабы войсковых соединений различных состава и назначения; о состоянии путей сообщения, транспортной и этапной службах и т. п. В задачи отдела входил также анализ сведений, полученных от Морской регистрационной службы. По всем вопросам Агентурный отдел составлял еженедельные сводки с выводами из них. В экстренных случаях при получении важных и срочных сведений отдел немедленно сообщал их в подлиннике главному командованию с указанием источника получения, степени достоверности и т. п. В отделе печатались описания районов боевых действий, предполагалось, что раз в год будет осуществляться полное обновление сведений. В функции отдела входили также: печатание и перевод иностранных военных книг, инструкций и наставлений; печатание и рассылка инструкций для всех штабов фронтов, армий и дивизий — для агентов, агентурных пунктов и по агентурной разведке; всех сведений и новых способов и приемов изучения и разведки во всех областях жизни противника[316].

Все агенты Регистрационного управления были провалены: их принимали не на конспиративных квартирах, а в самом управлении, притом что среди агентов было как минимум 2 шпиона. Известный советской военной разведке под именем Бирзе латышский полковник А.И. Эрдман, один из руководителей савинковского «Союза защиты Родины и свободы», под видом лидера поддерживающих советскую власть анархистов втерся в доверие к Ф.Э. Дзержинскому и был назначен в РУ «представителем ВЧК». Бирзе использовал документы и деньги РУ для своей контрреволюционной деятельности. Если верить письму, направленному Бирзе Дзержинскому в 1920-е гг., именно он спровоцировал в июле 1918 г. попытку военного переворота, предпринятую в июле 1918 г. Главнокомандующим Восточным фронтом М.А. Муравьевым, способствовал расколу между большевиками и левыми эсерами, а затем и внутри самих большевиков, всячески запугивая «левых коммунистов» и левых эсеров германской угрозой и т. д. При этом следует заметить, что в письме много откровенных ошибок, начиная с того, что Оперативный отдел Наркомвоена упорно именуется «Оперативным отделом Троцкого». Человек действительно осведомленный не мог не быть в курсе, что Оперативный отдел к Л.Д. Троцкому особого отношения не имел и тогда уж скорее должен был называться «Оперативным отделом Свердлова». К тому же заявление Бирзе о том, что он и еще один шпион Ф. Бредис, ведя разведку против германцев, травили и пугали большевиков, намеренно преувеличивая германскую угрозу[317], уж точно не выдерживает никакой критики. Оперод сосредоточил свои усилия на борьбе с внутренним врагом, разведкой против германцев занимались преимущественно Михаил Бонч-Бруевич и его Штаб Высшего военного совета. Ряд громких заявлений Бирзе-Эрдмана также весьма сомнителен. Не исключено, что прав был Ф.Э. Дзержинский, охарактеризовавший полученное послание как «бред сумасшедшего»,

---

316 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 28.

317 См.: Колпакиди А., Север А. Указ. соч. С 85.

отягченный «манией величия»[318]. Кроме Бирзе, славу провокатора стяжал венгр-инженер Сатке, который появился в январе 1919 г. в Особом отделе 5-й армии как представитель подпольной организации, якобы подготовившей восстание на Экибастузских копях; доложил в Москве о положении в Сибири, был с благословения РУ переправлен за линию фронта и канул в Лету[319].

Оперативное управление Полевого штаба осенью 1918 г. выглядело следующим образом: управление инспектора радиотелеграфа действующей армии и шесть отделений: оперативное; общее; разведывательное; военно-топографическое; морское оперативное; связи. Последнее, в свою очередь, состояло из телеграфно-телефонного отделения; трех частей: автомобильной, общей журнальной; штаба и мастерской. Оно занималось сбором общих сведений о боевой численности фронтов, армий, отдельных отрядов, флота и флотилий; сбором, хранением и разработкой сведений о вооруженных силах противника, сбором данных о расположении, действиях и обеспеченности высших войсковых соединений, подчиненных Главкому. Управление руководило постановкой службы в действующей армии, ведало обеспечением действующей армии военно-топографическими картами.

В результате реорганизаций октября — ноября 1918 г. разведотделение Оперативного управления Высшего военного совета стало разведотделением Оперативного управления Полевого штаба РВСР. В его функции входило ведение войсковой (тактической) разведкой, в Оперативном управлении Всероссийского главного штаба осталась информационная служба[320].

Естественно, потребовалось время, чтобы Агентурный отдел РУ и разведывательное отделение Оперативного управления Полевого штаба РВСР стали работать согласованно. Уже 22 ноября Аралов распорядился в телеграмме: «Кроме Оперативного управления Полевого штаба… разведывательные сводки также направлять [в] Регистрационное управление» [321] . Руководство Оперативного управления Полевого штаба вошло с ходатайством в РВС Республики о распоряжении «средствами агентуры получить прессу Антанты, которую по обработке в нашем штабе присылать [в] разведывательное отделение Полевого штаба» только 31 декабря 1918 г.[322] Оба руководящих органа военной разведки примерно до ареста Теодори в марте 1919 г. должны были работать: начальник разведотделения Борис Иннокентьевич Кузнецов был однокурсником Георгия Ивановича.

О работе разведотделения Оперативного управления Полевого штаба можно судить по его сводкам. В «Разведывательной сводке № 8505/р. по данным к 15 декабря 1918 года», подписанной Б.И. Кузнецовым, указано 40 адресатов сводок: председатель Совета Обороны (Ленин), председатель РВС Республики (Троцкий), Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики (Вацетис), начальник Полевого штаба Реввоенсовета Республики (Костяев), военком Полевого штаба (Аралов), член РВСР (Данишевский), начальник Регистрационного управления Полевого штаба (Аралов), начальник Оперативного управления Полевого штаба, начальник Оперативного управления Всероссийского главного штаба, председатель Высшей военной инспекции (Н.И. Подвойский), нарком по

---

[318] См.: Колпакиди А., Север А. Указ. соч. С. 75.

[319] См.: Колпакиди А.И., Прохоров Д. Рождение советской военной разведки (1917–1921 гг.)

[320] Они руководили ГРУ. С. 23. В книге ошибочно установлена принадлежность радиоразведки: в ноябре 1918 г. Управления связи РККА еще не было создано.

[321] РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 197.

[322] РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 173.

иностранным делам Г.В. Чичерин, заведующий связью с Морским Генеральным штабом; полпред Туркестанской Республики Косматое; Реввоенсоветы Северного, Западного, Южного и Восточного фронтов; штаб 7-й армии (фактически Г.Е. Зиновьеву); Московскому, Ярославскому, Орловскому, Приволжскому, Уральскому окружным военкоматам; В.А. Антонову-Овсеенко, Штабу войск ВЧК; начальнику Морских сил; в Резервную армию В.П. Глаголеву; военным комиссарам [Е.] В. Гиршфельду и А.Г. Васильеву; сотрудникам Полевого штаба — начальнику разведывательного отделения (Б.И. Кузнецову), его помощнику, начальнику общего отделения И.Д. Моденову, «для дел разведывательного отделения», «для дел Оперативного управления] Пол[евого] шт[аба]». При этом из прилагаемого к данной сводке листа рассылки следует, что один экземпляр ушел Ленину, три Аралову, а Троцкому не отправили ни одного[323]. Логика в рассылке не прослеживается: первый раздел «Положение в Западной Европе», другие разделы содержат сведения о военной интервенции — при этом сводку не послали в НКИД Г.В. Чичерину; детально характеризуется обстановка на фронтах, а председатель РВСР, начальник и комиссар Полевого штаба и Реввоенсоветы фронтов ее не получают. Зато в различных подразделениях Полевого штаба остались 12 экземпляров. Фактически получается, что информация есть, а до тех, кому она необходима, она не доходит. В данном контексте можно заподозрить Кузнецова сотоварищи в стремлении к «утаиванию» информации» (головотяпству?).

Военнопленные с фронтов стали важным источником информации не только для войсковой разведки, но и для внешнеполитического ведомства Советской России — 7 декабря Аралов телеграфировал в действующую армию: «всех забранных в плен англичан, американцев, итальянцев после допроса во фронтах и армиях направить в Москву — Наркомат иностранных дел, во 2-й Дом Советов Рейнштейну»[324]. Б.И. Рейнштейн был советником Ленина по международным экономическим вопросам.

Агентурный отдел РУ и Оперативное управление ВГШ работали совершенно независимо друг от друга. И здесь сказывался «личный фактор»: как уже говорилось, Георгий Теодори и его однокурсники — «молодые генштабисты» — были на ножах со «старым Генштабом», а потому ненавидели руководство Всероссийского главного штаба и не поддерживали с ними никакой связи[325].

9 января 1919 г. РВС Республики в секретном приказе № 34 уточнил схему организации агентурной разведки на фронте: «В целях объединения ведения и организации тайной (агентурной) разведки в действующей армии РВСР постановил: 1) Штабам военных округов Московского, Ярославского, Западного, Уральского и Приволжского передать все органы агентурной разведки и кредит на них в соответствующие штабы фронта или армии; 2) Штабам Петроградского и Орловского военных округов продолжать вести агентурную разведку впредь до особого распоряжения; 3) Для согласования и общего руководства ведения агентурной разведкой подчинить агентуру штабов фронтов и входящих в их состав армий (через штабы фронтов) Регистрационному управлению Полевого штаба РВСР; 4) Кредит на ведение агентурной разведки штабов фронтов и округов (не входящих в состав армий) испрашивать через Регистрационное управление»[326].

Так как Семен Аралов постоянно находился в Серпухове — место дислокации Полевого штаба РВСР — в Москве, на Пречистенке, «на делах» специальной телеграммой с 23 февраля 1919 г. оставлялись его заместитель Валентин Павулан и консультанты Гавриил

---

323 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 58. Л. 139 об—140.

324 РГВА. 488. On. 1. Д. 28. Л. 205.

325 См., напр.: РГВА. Ф. 37976. On. 1. Д. 23 (Личное дело А.А. Све-чина). Л. 17.

326 Они руководили ГРУ. С. 23–24.

Кутырев и Георгий Теодори[327]. Телеграмма закрепила уже сложившееся на практике положение.

Большими успехами военная разведка похвастать не могла. Коммунисты, направленные на работу в РУ, не сумели составить надежный костяк ни сотрудников разведки, ни агентов — один по простоте душевной повесил на двери квартиры табличку: «Агент Полевого штаба», генштабистам — однокурсникам Георгия Теодори — попросту не доверяли. Уровень подготовки «зеленой молодежи» академии Генштаба (термин генерала М.Д. Бонч-Бруевича) к ведению агентурной работы был крайне невысок — вербовка агентов происходила без соблюдения конспирации, что не давало возможности сомневаться: вся агентура — под колпаком вражеской контрразведки.

Личный состав 89 агентов по состоянию на 15 февраля 1919 г. оценивается следующим образом. «Национальный состав агентов иллюстрируют основные направления шпионской деятельности разведывательного отделения: 39 латышей и эстонцев, 11 русских, 11 белорусов, 6 финнов, 6 малороссов, 1 немец, 2 венгра, 7 евреев и 6 поляков. По подданству — 81 «русский», 5 финляндских, 1 польский, 2 бывших украинских. По партийной принадлежности — 59 коммунисты, 17 сочувствующие, 3 левых эсера, 10 беспартийных. Образовательный уровень агентов оставлял желать лучшего: только 12 имели высшее образование, 21 законченное и незаконченное среднее, познания 66 ограничивались начальным. По роду прежней деятельности — 1 тайный военный агент старой армии, 4 бывших по службе по тайной военной разведке в новой армии, 2 журналиста, 9 бухгалтеров, 19 приказчиков, 11 техников, 43 рабочих всяких специальностей. Таким образом, только 5 человек были профессиональными разведчиками. По затратам на содержание: 1 получал 9000 руб. в месяц, 20 от 1500 до 4000 руб., 51 от 900 до 1500; 17 работали «без определенного жалования»[328].

Аралов, очевидно, запросил В.А. Срывалина о цели доклада. 26 февраля Срывалин просил начальника отдела Б.И. Кузнецова телеграфировать Аралову, что доклад он написал по приказанию Кузнецова «и только на его имя, а начальник отдела имеет право и должен знать не только номера агентов, но и фамилии их». Кузнецов написал в тот же день: «Совершенно согласен» и направил С.И. Аралову[329].

9 февраля 1919 г.[330] приступили и к формированию в структуре РУ Морского разведывательного отделения (МРО), военным комиссаром первоначально назначили жену Ф.Ф. Раскольника Ларису Рейснер — будущего автора поэмы о Льве Троцком «Свияжск». Сформирование МРО превратилось в оперетту: Рейснер прислала Теодори 30 революционных матросов, причем сказала их вожаку Карягину, что он будет ведать агентурой отделения (любопытно было бы предположить, каких результатов добилась бы агентура МРО под руководством столь компетентного лица). Кроме того, Рейснер прислала Теодори «разведчиков, чтобы принять их сверх штата». Такие поступки для весьма раскрепощенной «леди» Совнаркома были нормой: В.Б. Шкловский вспоминал позднее, что в 1918 г. он вернулся в Петроград «с каким-то фантастическим мандатом» за подписью Ларисы Рейснер — тогдашнего комиссара Морского Генерального штаба[331]. 4 марта Теодори с ведома Павулана просил Аралова «срочно указать Л. Рейснер, что отделение

---

[327] РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1. Л. 16.

[328] Кочик В.Я. Указ, соч.; РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 196.

[329] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 228.

[330] Там же. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1. Л. 18.

[331] См.: Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 181 и др.

сформировано и присылка партиями разведчиков, ничего общего не имеющих с агентурой, ставит ее (Рейснер. — *С.В* .) в ложное положение, а нас в трагическом смысле продовольствия и увольнения присланных»[332].

МРО было сформировано к 14 марта 1919 г. Начальником отделения стал военный моряк Михаил Осипович Дунин-Барковский, его помощником бывший военный консультант ОВК генштабист И.Д. Чинтулов, комиссаром А.Б. Елисеев; Г.И. Теодори пристроил в отделение машинисткой сестру Елену Ивановну[333]. 16 марта помощником начальника отделения назначили Андрея Андреевича Деливрона. МРО словно нарочно подбирало кадры, априорно подозрительные для значительной части партийных работников: Дунин-Барковский был начальником отдела иностранных сношений Морской регистрационной службы, находился под следствием по делу «Окерлунда», в результате которого в апреле 1919 г. двоих расстреляли за шпионаж в пользу Антанты, двоих заключили в концентрационный лагерь до окончания Гражданской войны[334].

В начале 1919 г. чекисты перетянули из ведомства Троцкого военную контрразведку *(См. Раздел III, глава 2),* и Регистрационное управление постепенно сосредоточилось на разведывательной деятельности. А 22 марта был арестован создатель Регистрационного управления Теодори. Его дело стало знаковым в отношениях современного ГРУ и Департамента военной контрразведки ФСБ России.

Глава 2. «ОБВИНЕНИЕ НАДО СОЗДАТЬ», ИЛИ «ДЕЛО О ШПИОНСТВЕ» ОТЦА-ОСНОВАТЕЛЯ ГРУ ГЕОРГИЯ ТЕОДОРИ

Легендарный глава германской разведки Вальтер Николаи «считал, что использовать женщин в тайной службе разведки можно только в исключительных случаях… прежде всего в качестве связных: «они могли в своем доме организовать политический салон и предоставить его в распоряжение службы разведки… А для непосредственного выяснения политических, экономических и военных вопросов женщины мало подходят из-за отсутствия у большинства из них необходимого образования»[335]. Американский разведчик Чарльз Э. Россель и вовсе предупреждал будущих шпионов: «Избегайте женщин как заразы. С помощью женщин было поймано больше хороших работников различных разведок, чем какими-либо другими средствами. Не доверяйте женщинам, когда вы работаете на территории противника. Имея дело с женщинами, никогда не забывайте взятую на себя роль»[336]. Насколько был субъективен Россель, сказать трудно, особенно принимая во внимание тот факт, что именно женщина погубила отца-основателя современного Главного разведывательного управления Георгия Теодори. В становлении взаимоотношений советских военной разведки и военной контрразведки этот эпизод играет ключевую роль.

Известный историк спецслужб А.А. Зданович, рассматривая дело «Ставка» (о заговоре в Полевом штабе Реввоенсовета Республики, июль 1919 г.), считает, что изучение его «следовало бы начать, как минимум, с января 1919 г. Тогда по подозрению в шпионаже Особый отдел ВЧК арестовал машинистку Полевого штаба Валентину Троицкую, которая на следствии показала, что в штаб ее устроил… Георгий Теодори, с которым ее связывали

---

332 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 226.

333 РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 82.

334 Зданович А.А. Организация и становление спецслужб Российского флота.

335 Цит. по: ТаратутаЖ.В., Зданович А.А. Таинственный шеф Мата Харри. М., 2000. С. 175.

336 Россель Ч.Э. Указ. соч. С. 534.

близкие отношения»[337]. И заявления об устройстве в штаб, и «близкие отношения» Теодори и Троицкой оказалось затруднительно проверить и в 1919 году, теперь это уже почти невозможно. Зданович предположил, что Ленин «уже во второй половине апреля 1919-го хотел использовать дело Теодори в развивающем конфликте с Троцким…» Он оставил за рамками статьи рассмотрение «шпионского дела» генштабиста Теодори. При этом, указав на политический характер содержания генштабиста под стражей, А.А. Зданович отметил все же: «Объективные основания для ареста (задержания)… были, о чем письменно проинформировали Главнокомандующего, правда, спустя два месяца» [338]. Почему же Особый отдел ВЧК так долго хранил молчание? Этот вопрос куда более сложный, чем вопрос о причине ареста.

9 октября 1918 г. *Реввоенсовет Республики* счел «целесообразным откомандировать генштаба Г.И. Теодори в распоряжение начальника Военной академии Генштаба генерал-майора А.П. Климовича для исполнения обязанностей преподавателя по курсу полевой артиллерии». В то же время начальнику Штаба РВСР Николаю Иосифовичу Раттэлю было отправлено поручение «подыскать подходящее лицо» для организации и руководства курсов контрразведки, агентуры и разведки и представить кандидатуру на утверждение РВСР[339]. Новое назначение Теодори означало опалу (проштрафившихся и неугодных офицеров в годы Гражданской войны нередко отсылали на преподавание). Как мы уже знаем, генштабиста удалили ненадолго, более того — вернули уже 16 октября[340]. Но извлек ли Теодори урок из своей опалы? Понял ли, сколь непрочно его положение на службе большевикам? Похоже, что нет.

Нападки на него и его соратников не закончились: в начале декабря 1918 г. генштабист жаловался на притеснения со стороны военкомов лично председателю президиума ВЦИК Я.М. Свердлову, а 12 декабря направил ему официальную записку с протестом против нападок большевиков на военспецов, «организующих разведку» «для ознакомления и доклада В.И. Ленину. Между прочим, заседание, бывшее в военном контроле, выяснило недопустимость взглядов, выраженных тт. [А.Г] Васильевым, Самойловым и [Г.И.] Бруно, особенно со стороны т. Васильева, в отношении специалистов, организующих разведку. Эти взгляды, уместные для личной демагогии и в начале революции, сейчас вредны. Вредны потому, что они отбивают у коммунистов охоту учиться…, а у специалистов —…веру в необходимость работы, веру в ее продуктивность»[341]. Докладная неслучайно направлялась Свердлову: все три комиссара были членами ВЦИК, причем А.Г. Васильев был прямо направлен Яковом Михайиловичем еще в Оперод Наркомвоена. Разбирательства с такими людьми всегда проводились с оглядкой на их хозяина: так, 8 марта 1919 г. Распорядительное заседание Революционного военного трибунала Республики в составе заместителя предаседателя С.И. Аралова, членов А.Я. Анскина и Г.К. Голенко, заслушав дело председателя Особого отдела Южного фронта члена ВЦИК Г.И. Бруно, постановило: «Утвердить постановление военного следователя Пешехонова о предании Бруно суду трибунала и назначении следствия по делу, но, ввиду того что Бруно состоит членом ВЦИК, послать копию постановления военного следователя председателю ВЦИК тов. Свердлову с

---

337 Зданович А.А. Был ли заговор в Полевом штабе? // Родина. 2009. № 5. С. 92–93.

338 Там же. С. 93.

339 Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. М., 1997. С. 65–66.

340 Большевики против военспецов-разведчиков, или Филиал белогвардейских разведок в деле Г.И. Теодори / публ. Войтикова С.С., Кикнадзе В.Г. И ВИЖ. 2009. № 1. С. 33.

341 Там же.

просьбой дать свое согласие на привлечение Бруно к суду трибунала»[342]. Даже имея доказательства вины большевика, аккуратный Семен Иванович предпочел перестраховаться. Отважный генштабист на свой страх и риск апеллировал напрямую к одному из высших большевистских руководителей.

3 декабря он упрекал Аралова: хотя вся агентурная работа «вне России» сосредоточена в Агентурном отделе Регистрационного управления, некоторые сводки Аралов передает в Отдел военного контроля РУ (ОВК), то есть военной контрразведке. В случае недоверия Аралова к своим так называемым «консультантам» из генштабистов Теодори просил, по крайней мере, посылать все задания для заграничной разведки заместителю начальника РУ большевику Валентину Петровичу Павулану.

Хотя Аралов ценил Теодори и его однокурсников, он не мог не критиковать их за постановку агентурной разведки. Об одной из сводок Семен Иванович прямо заметил Теодори: заключенные в ней сведения имеют весьма скромную ценность[343].

24 декабря Теодори сообщил «для сведения» начальнику Регистрационного управления Аралову приказы, подписанные днем раньше Троцким, об изменении штатов Регистрационного управления, т. е. изменении структуры центрального органа руководства военной разведкой, военной контрразведкой и военной цензурой[344]. Действие через голову руководства для Теодори стало нормой.

В конце 1918 г. назрела катастрофа: заведующим Особым отделом ВЧК (новым руководителем военной контрразведки) стал Михаил Сергеевич Кедров. После Октябрьского переворота Теодори предложил услуги своего курса Николаевской Императорской военной академии тогдашнему руководству военного ведомства, в частности, состоялось его знакомство с Кедровым. К идеям Георгия Ивановича по привлечению офицеров в армию, улучшению их материального положения и условий службы Михаил Сергеевич отнесся с «недовольством и недоверием»[345]. Летом 1918 г. Теодори имел прямой конфликт с Кедровым: он негативно отозвался о действиях его ближайшего помощника Александра Владимировича Эйдука[346].

Взрывной характер Теодори и его жесткая позиция осенью — зимой 1918 г. в вопросе о ведомственной принадлежности военной контрразведки сделали Георгия Ивановича личным врагом Кедрова. А иметь *такого* врага была опасно. Кедров начал свою революционную карьеру в 1899 г. в Северном рабочем союзе, затем РСДРП — РСДРП(б); неоднократно арестовывался и подвергался высылке. В 1905 г. авантюрист Кедров по заданию большевистского ЦК пытался организовать подкоп под таганскую тюрьму для освобождения ряда цекистов. В 1906-м Кедров организовывал в Твери концерты для сбора денег в парткассу: он был (так, по крайней мере, считали большевики) виртуозным пианистом; осенью открыл издательство «Зерно», предназначенное для печатания нелегальной литературы; с 1907 г. издавал произведения Ленина в России, за что и отсидел 3 года в одиночной камере. В 1912 г. Кедров эмигрировал в Швейцарию, где в следующем году

---

[342] РГВА. Ф. 24380. Оп. 2. Д. 20. Л. 44.

[343] 5 декабря 1918 г. ОВК разъяснил, что в еженедельной сводке от 29 ноября допущена неточность и к тому же сведения сообщены не агентом отдела, а случайным, не заслуживающим доверия лицом — вернувшимся из Крыма и с Украины партийным работником (РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 60, 65).

[344] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 108.

[345] РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 7 и след.

[346] С 5 июня по 6 августа 1918 г. Эйдук не покладая рук трудился в составе Советской ревизии, возглавляемой Кедровым, в Вологде.

познакомился с Лениным. В марте 1916 г. Ильич выяснял через Г.Е. Зиновьева дату выезда Михаила Сергеевича в Россию из Швейцарии — вероятно, последний отправился на Родину по личному заданию вождя большевиков. Относительно взаимоотношений Кедрова с Лениным в этот период, пожалуй, стоит процитировать запись из биохроники последнего: «Чиновник для особых поручений в донесении из Парижа в Департамент полиции сообщает об отъезде из Лондона в Петроград или Москву проживавшего в Лозанне М.С. Кедрова, видного социал-демократа и личного друга Ленина. В донесении указывается на возможность получения Кедровым специальных партийных поручений от Ленина». В 1916 г. вернувшийся на Родину Кедров был направлен врачом на персидский фронт, где после Февральской революции создал первый в Закавказье большевистский Совет рабочих и солдатских депутатов (в Шерифханском районе) и стал его председателем. Октябрьская революция застала Кедрова в Омске, где он добился своего избрания председателем местного Совета рабочих и солдатских депутатов. В июне 1917 г. с Персидского фронта Кедров явился непосредственно к Ленину. В Октябрьской революции Кедров играл важную роль, будучи членом Военной организации при Петроградском комитете РСДРП(б). В руководстве Наркомвоена Кедров занимал пост заместителя наркома по демобилизации армии[347] вплоть до марта 1918 г., позднее был членом коллегии Наркомвоена, участвовал в разгрузке Архангельского порта с его многомиллиардным имуществом, чуть было не угодил и на разгрузку Вологодского порта, где бы его и убили, но от предложения Ильича, по его собственному предложению, «отбоярился». В декабре Кедров возглавил военную контрразведку и привел в нее свою команду. Ответственным работником он решил назначить уже известного Теодори члена коллегии ВЧК Александра Владимировича Эйдука. Познакомимся и мы с этой поистине революционной персоналией. О деятельности Эйдука в годы Гражданской войны рассказывали такие кошмары:

«Эйдуку было поручено принять один сдавшийся на фронте белогвардейский отряд. Выстроив сдавшихся, он велел офицерам выйти из рядов и выстроиться отдельно от солдат. К солдатам он обратился с приветствием. Повернувшись затем к офицерам, он сказал:

— Эй вы, проклятые белогвардейцы!.. Вы знаете меня… Нет? Ну, так узнайте… Я Эйдук! Ха-ха-ха, слыхали?! Ну вот, это и есть тот самый Эйдук, смотрите на меня! Х-а-р-а-ш-е-не-к-о смотрите… Сволочь, белогвардейцы (непечатная ругань)!.. Так вот, запомните: если чуть что, — у меня один разговор… Вот видите этот маузер (он потряс громадным маузером) — это у меня весь разговор с вами (непечатная ругань), и конец!.. Этим маузером я собственноручно перестрелял таких же, как вы, белогвардейцев, сотни, тысячи, десятки тысяч…

И тут же, свирепо набросившись на ближайшего офицера и буравя его бешеным взглядом своих налившихся кровью глаз, он схватил его за плечо, сорвал с него погоны и, все более и более свирепея, стал топтать их ногами.

— Эй вы (непечатная ругань) сволочи белогвардейцы!! Долой ваши погоны, чтобы я их не видел больше!!! Срывайте… Живо у меня, а не то… ха-ха-ха, вот мой маузер!..

И для того чтобы ещё больше терроризировать этих сдавшихся и безоружных людей, он приставил к голове одного из них свой маузер и как сумасшедший стал орать:

— Только пикни, сволочь белогвардейская (непечатная ругань), и конец!.. Ааа, не нравится? Ну, так вот помни… У меня жалости к вам нет!..

Об ужасных подвигах Эйдука даже привычные люди говорили с нескрываемым отвращением»[348]. А.В. Эйдук считался злодеем даже среди большевистских руководителей — известно, что Центральному комитету РКП(б) в 1919 г. политическое руководство 6-й

---

[347] См.: Войтиков С.С. Во главе советского военного ведомства // Военно-исторический архив. 2008. № 11. С. 34–35.

[348] Исецкий-Соломон Г.А. Среди красных вождей. Цит. по: www. pseudology.org/razbory/Solomon/index.htm

армией жаловалось на Эйдука, применявшего «недопустимые формы расследования» и вторгавшегося «в интимную жизнь» коммунистов[349].

Теодори, узнав о том, что своим заместителем Кедров предполагает назначить Эйдука, просил Аралова не допустить такого знакового для кадровой политики большевиков в военном ведомстве назначения. Аралов дал Теодори честное слово, что Эйдук не займет ответственного поста в Особом отделе.

Однако 21 января 1919 г. Теодори доложили, что, уехав в Петроград, Кедров оставил Эйдука «за себя». Теодори, негодуя, счел для себя допустимым потребовать от Аралова отчета, с его «ли ведома и согласия это сделано». Для Аралова на документе сотрудник Особого отдела ВЧК С.М. Постнов, направленный в Серпухов обеспечивать безопасность Полевого штаба, сделал помету: «С[емен] Щванович]! Тон последних телеграмм Теодори к Вам крайне вызывающий. Мое, [товарищ], мнение, что телеграмма такого тона должна оставаться без ответа»[350]. Вместо того чтобы аккуратно попытаться убедить Аралова вмешаться, Теодори нанес ему оскорбление.

Испортились отношения Теодори и с его непосредственным начальником — заместителем Аралова Валентином Павуланом. Правда, 22 февраля Павулан и Теодори телеграфировали Аралову: «Между нами все вопросы улажены»[351]. Но обманывался на этот счет, вероятно, один Теодори.

В начале 1919 г. Теодори получил заказанную им же докладную записку своего однокурсника Ивана Дмитриевича Чинтулова Аралову. И на ее основании составил текст предписания Аралова Кедрову — с резким осуждением игнорирования Кедровым военных консультантов. Составленный Теодори текст Аралов подписать отказался[352]. Не зря он в запале написал Склянскому: я «не являюсь куклой в чьих-либо руках»…

И именно в такой момент Особый отдел ВЧК арестовал машинистку Валентину Троицкую. Основания для ее ареста были вескими. Большевик А.А. Антонов, направленный Лениным для анализа обстановки в Полевом штабе, докладывал 12 января 1919 г.: «В Полевом штабе служит некая аристократка по происхождению, кажется, родственница бывш. графа Витте — Троицкая. Она в большой дружбе с генштабистами, в то же время льнет к комиссарам, стараясь подействовать на них как женщина; в последнем качестве она чрезмерно доступна, вообще производит впечатление опустившейся, пьет и своих гостей угощает спиртом. Однако во время своих любовных похождений она проявляет большой интерес к политике и давно уже на сильнейшем подозрении и у политических работников, и контрразведки… Подруга Троицкой, тоже штабная сотрудница — [Нина Андреевна] Голубович — во время любовного свидания с одним комиссаром просила у него шифр. Улика несомненная…»[353] Следует заметить, что женский шпионаж в годы Гражданской войны процветал. Советские военные разведчики С.С. Турло и И.П. Залдат вспоминали: «В силу исторических условий Советское правительство было вынуждено работать вместе с бывшей буржуазией. Приходилось иметь в качестве военспецов в штабах и на командных должностях своих вчерашних врагов, выступавших против рабочих на баррикадах; приходилось их содержать в советских учреждениях в качестве специалистов, технических руководителей и исполнителей. Эти люди перешли на службу в силу сложившихся

---

349 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8192. Л. 1–1 об. Телеграфная лента с пометой В.И. Ленина «Вернуть обратно».

350 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 134.

351 Там же. Л. 212.

352 Там же. Л. 107–108.

353 Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 108.

обстоятельств, чтобы получать жалованье и паек, а отчасти и для того, чтобы заняться хищением и брать взятки. Враги Советской] России имеют постоянных людей, сочувствующих им до такой степени, что пойдут и на шпионаж. Все, что делается против большевиков, считается хорошим, в выборе средств не стесняются: против большевиков все средства хороши… Тогда (в годы Гражданской войны. — *С.В.)* шпионажем занимались все. Занимались и буржуазия, и интеллигенция, и офицерство, и ученые. Занимались шпионажем офицеры Генштаба, и просто разные командиры. Доходило то того, что люди из "благородного общества", "хорошо воспитанные" родители в целях этой "священной миссии" благословляли своих детей 15–16 лет на разврат… Однажды поймали княжну шестнадцати лет, которая оказалась шпионкой. На допросе она гордо заявила, что "одних ответственных работников человек 20 имела". Таков был один из способов работы: женщине "иметь ответственного работника", чтобы получать от него сведения. Красивая, нежная, девочка приходила к нему, очень веселая, и удовлетворяла некоторые его страсти. Он перед ней не стеснялся, а общался, как с интересной женщиной, даже не подозревая, что сделался невольно шпионом»[354].

Аресты в Полевом штабе продолжились. 20 января Теодори докладывал Аралову: арестованы сотрудники Полевого штаба сестры Добровольские, Федоров, произведен обыск у Лорченкова. Теодори, по сути, обвинял Аралова: «Все сделано по Вашей телеграмме. Ни Павулана, ни меня не предупредили. Между тем именно я вам, возражая против назначения Троицкой и Голубович в Полевой штаб, передал опасения… о Троицкой. Весь характер и обстановку арестов, произведенных Кедровым, считаю недопустимым. Во всяком случае, как мне и не хотелось этого думать, но арест Добровольских производит на меня впечатление какого-то личного выпада, личной мести по моему адресу, ибо за их честность я ручался и ручаюсь»[355]. Теодори столкнулся с руководителем советской контрразведки Михаилом Кедровым еще летом 1918 г.

Аралов телеграфно передал для Кедрова, что он «сомневается в возможности фигурирования арестованных сестер Добровольских в качестве обвиняемых по данному делу и потому считает безусловно необходимым при отсутствии обличающих улик их освободить»[356].

9 февраля арестовали одного из немногих генштабистов дореволюционной академии, которого ценили выпускники ускоренных курсов, — Владимира Ивановича Селивачева. В тот же день Кедров обещал Аралову, «если не будет новых данных, освободить его». 13 февраля, невзирая на ручательство Аралова, Рязанова, Павулана и 15-ти генштабистов ускоренного выпуска, Селивачева не освободили. По мнению Теодори, не освободил, «вернее, Эйдук», а не Кедров. 13 февраля Теодори поехал к Кедрову «под давлением телеграммы, полученной от представителей всего выпуска с фронта с просьбой освободить Селивачева». Ссылаясь на коллективное давление однокурсников, он, в принципе в соответствии с военными нормами, от себя лично потребовал освобождения Селивачева. При этом все же нарушил субординацию: обращаться к Кедрову должен был Аралов.

Что произошло далее, Теодори описал в рапорте Аралову: «Кедров обещал, ввиду неполучения новых данных, к вечеру Селивачева освободить. В это время зашел Эйдук и в резком, недопустимом тоне заявил мне, что он поступит так, как знает. Селивачев невинен… Держат его только потому, что Эйдук помнит о моем отрицательном отношении к его работе в Вологде. Это и несправедливо и вредно, ибо вносит раздражение среди работников

---

[354] Турло С. С., Залдат И.П. Шпионаж // Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924 / Вступ, ст. А.А. Здановича. М., 2007. С. 532–533.

[355] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 302.

[356] Там же. Л. 312 об.

выпуска 1917 года, уже 15 месяцев в подавляющем числе работающих даже идейно. В числе ходатайствующих за арестованного Селивачева из выпуска 1917 года — Теодори, начальник штаба Северного фронта Николай Николаевич Доможиров, начальник штаба Южного фронта Василий Федорович Тарасов, начальник штаба Армии Советской Латвии Парфений Матвеевич Майгур, начальник оперативного отдела Восточного фронта Иван Наумович Полозов, начальник оперативного отдела Западного фронта Барановский и другие ответственные сотрудники Полевого штаба и штабов фронтов и армий».

Теодори просил Аралова принять меры к «разумному использованию» Эйдуком его «неограниченных полномочий» и оградить генштабистов 1917 г. от творимых чекистами «из-за “личных” усмотрений и счетов» издевательств[357].

14 февраля Аралов почти по-товарищески посоветовал Теодори не вставать в позу по отношению к Особому отделу ВЧК и его руководству[358]. Но генштабист, будучи «самым жестким оппонентом чекистского ведомства, конкретно Дзержинского и будущего начальника Особого отдела при ВЧК М. Кедрова, в вопросе о стрительстве военной контрразведки, ее организационного вхождения в структуру управления либо органов госбезопасности»[359], на совет Аралова отреагировал резко: «Ваше пожелание надо направить в сторону тех, кто нас трогает»[360]. Для большевиков уже одной этой угрозы вполне хватало для ареста. Тем более что тринадцатилетний военспец отличался независимостью, резкой прямотой и импульсивностью. А порой — неумеренной гордыней. Те, кто испытали эти его качества на себе, воспринимали их обычно как неуживчивость и бестактность, а то и просто грубость. 19 февраля он телеграфировал Семену Аралову: «Тамбовские кавалерийские курсы командного состава предложено перевести [в] Москву. Региструпр доводит до Вашего сведения, что этот олух, не допуская мысли, чтобы из плодородного, богатого конским составом района курсы переводились в голодную Москву, где фуража совершенно нет. Нецелесообразность перевода курсов бросается [в глаза] особенно тепер[ь], когда на Южном фронте успех и Тамбову никакой опасности не угрожает»[361]. Подобные факты в биографии Георгия Теодори не редкость.

20 февраля приказом по Полевому штабу РВСР за подписями Костяева и Аралова «консультанта Регистрационного управления Генерального штаба Г.И. Теодори числить в командировке в Полевой штаб (в Серпухов. — *С.В.)* для урегулирования вопросов в выпуске сводок агентурного и разведывательного отделений с исполнением своих прямых обязанностей по заведыванию Курсами разведки и направления работ Регистрационного управления»[362]. 1 марта Теодори и Павулан были командированы в Литву, Латвию, на Северный и другие фронты для выполнения особых заданий РВСР по агентурной разведке[363]. В первых числах марта Теодори и Павулан отправились в командировку в Латвию «для урегулирования агентурной разведки в республиках».

Теодори предчувствовал вторую опалу, но телеграфное поздравление Аралова 12 марта

---

357 Там же. Д. 3. Л. 202–204.

358 Там же. Л. 206.

359 Цит. статья: Зданович А.А. Был ли заговор в Полевом штабе? С. 93.

360 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 205–206.

361 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 174.

362 РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 66.

363 Кочик В.Я. Советская военная разведка.

со второй годовщиной выпуска из академии Генштаба развеяло его опасения.

Однако именно в этот день было принято решение об отставке Теодори. Аралов не зря впоследствии стал дипломатом.

22 марта Теодори узнал о решении и о том, что его оговорил начальник Полевого штаба генерал Федор Костяев[364] — личность для однокурсников Теодори роковая: его показания сыграли немалую роль в деле о заговоре в Полевом штабе[365]. Вероятно, генштабисту был особенно неприятен донос Костяева: летом 1918 г. Теодори вступался за арестованного в Петрограде по приказу видного большевика Л.М. Глезарова генерала (благодарность, очевидно, была в меньшей степени свойственна генштабистам дореволюционных выпусков, нежели ускоренному курсу 1917 г.).

22 марта Теодори направил Аралову обвинение в том, что тот не предупредил об опасности: «Почему вы открыто не сказали о ссылке? Ведь я устроил бы все свои дела, взял хотя бы белья с собой и по-человечески уехал бы. Или же Вы сомневались в том, что я уйду?» И вместо того, чтобы постараться сгладить, смягчить ситуацию, ослабить напряженность в отношениях, он вызовом закончил: «Оставляю за собой право просить» Главкома Вацетиса и председателя РВСР Троцкого «о назначении в Латвию ко мне тех из моих сотрудников, которые выразят желание, и тех военспецов, кои являются излишними в других учреждениях»[366]. Сам сунул голову в петлю — в тот же день в Двинске, по зашифрованному телеграфному распоряжению Кедрова, Теодори арестовали[367].

Около 23 марта арестованный Теодори, благодаря своему однокурснику, начальнику штаба Армии Советской Латвии,

Парфению Мургуру получил возможность переговорить по прямому проводу с Араловым:

«— У аппарата т. Аралов? Здравствуйте, Семен Иванович. Прошу ответить на следующие вопросы: За что арестован?

— Теодори? За что арестован — не знаю.

— Тронута ли моя жена, сестра?

— Вчера вернулся из Москвы, жена и сестра Ваши были вполне здоровы и не тронуты.

— С Вашего ведомства произведен арест или нет?

— Я был предупрежден, что возможен Ваш арест.

— Сегодня меня вышлют [в Москву] или нет?

— О пересылке в Москву не знаю, думаю, что это будет сделано в ближайшее время.

— Павулан уехал сегодня утром, он знал, что я болен уже с Вильно, поэтому мы старались закончись] всю работу, чтобы я мог вернуться. Знает ли о моем аресте Троцкий и по выпуску [академии Генштаба 1917 года]?

— Троцкого в Москве нет уже целую неделю, и потому, вероятно, не знал; что же касается выпуска, то сведения получены только сейчас о Вашем аресте.

— Поручились бы Вы за меня или нет?

— Если поднимется вопрос о поручительстве и будет возможен — возьму на поруки.

— Не связана ли была моя поездка и задержка в Двинске с арестом?

— Нет.

— Прошу за прошлую работу оградить жену и сестру, как единственных близких мне лиц, от обысков, арестов и дерганий;

---

364 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 254

365 См.: Зданович А. А. Был ли заговор в Полевом штабе? С. 94.

366 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 254–255 об.

367 См.: Там же. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 27 и сл.

— Хорошо. Не волнуйтесь, думаю, что все обойдется благополучно и больше спокойствия. Возможно, что здесь недоразумение. Аралов.

— Спокойно и хладнокровно ко всему отношу[сь], так как результат моей работы налицо, Вы лично уверены ли в моей работе? Сегодня меня хотят отправить в Москву. Просил бы избавить от этой процедуры здесь, ведь все меня знают и я никуда не уйду. Если же нужен для допроса, то просил бы в Москве держать на Знаменке в Особом отделе на Вашем учете. Не пострадали ли другие невинные лица по выпуску? Я кончил. После меня задает вопросы Майгур.

— В случае отправления Теодори в Москву прошу мне указат[ь], на кого я должен возложить работу, порученную Вами Теодори, — спросил П.М. Майгур.

— Майгур? Сейчас переговорю с Главком и отвечу. Знаете ли Вы, в Венгрии произошла революция, и она объявлена Советской Республикой. Образован Совнарком, назначен Комкомин, назначен Бела Кун и предлагает нам союз обороны и наступления против врагов рабочих и крестьян, — ответил С.И. Аралов.

— Все? Спасибо за известия (вероятно, Теодори была в момент ареста особенно интересна информация о революции в Венгрии. — *С.В.).* Ждем ответа на наши вопросы. Майгур и Теодори»[368].

Вряд ли известия из Венгрии взволновали Теодори больше известий из Москвы. Формально он был арестован. Но не взят под стражу — явно благодаря покровительству своего сокурсника. Но самое поразительное: судя по вопросу, который Майгур задал Аралову, он продолжал заниматься своей работой — организацией разведки Армии Советской Латвии.

Более того: с присущим ему напором стал настаивать на своей невиновности как на чем-то само собой разумеющемся, кинулся заступаться за свою семью — оградить ее от ареста[369].

Парфений Майгур первым вступился за Теодори, телеграфировав Вацетису: «Как старый Ваш работник я должен… сказать, что за Теодори стоит весь выпуск 1917 года и подобный арест старого члена коллегии» выпуска (таким революционным словом окрестила себя каста выпускников Академии Генштаба 1917 года) нанесет «большой удар работе выпуска с Советской властью»[370].

Теодори отправили в Москву только 24 марта, о чем Майгур с согласия своего военного комиссара уведомил Аралова и Троцкого[371]. Его гостеприимно приняла Бутырка.

С начала апреля до середины декабря его допрашивали шесть раз. Допрашивал в основном сам Кедров, один раз — вместе со заведующим следственным отделением Особого отдела Владимиром Дмитриевичем Фельдманом, который формально вел дело Теодори (в ряде случаев допросы велись в присутствии следователя Фогеля). Только на последнем допросе — вел его опять сам Кедров, примерно 16 июня, — генштабисту-разведчику предъявили обвинение: пособничество шпионажу. Тогда же, видимо, Теодори и услышал от Кедрова: машинистка Троицкая расстреляна как шпионка. Только 11 июня — два с половиной месяца спустя! — Фогель запросил Аралова о совершенно секретном письме Отдела военного контроля (военной контрразведки) от 7 декабря 1918 г. за № 01556 и решению по нему, «а также говорил ли гр. Теодори о том, что гр. Троицкая — шпионка и что

---

368 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 313–314.

369 Там же. Л. 314.

370 Цит. по: Зданович А.А. Указ. соч. С. 93.

371 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 241.

необходимо ее уволить»[372]. К сожалению, письмо военных контрразведчиков мне в Российском государственном военном архиве выявить не удалось, но, очевидно, что речь в документе (если он действительно был) шла об обвинении Теодори Троицкой в шпионаже.

Так или иначе, очень похоже, что Теодори в послании Ф.Э. Дзержинскому соврал, что хотел избавиться от Троицкой как от креатуры С.В. Чикколини: Троицкая и Голубович, две шпионки, во время реорганизации Оперода отправились в Полевой штаб (в Серпухов) первым эшелоном. Приказание об отправлении подписал «Начальник Штаба ТЕОДОРИ»[373]. Это так же верно, как и то обстоятельство, что вряд ли Теодори, оставаясь в Москве, отправил в Серпухов женщину, с которой его связывали «особые отношения».

Глава австрийско-венгерской разведки в годы Первой мировой войны Максимилиан Ронге вспоминал впоследствии одно «очень интересное дело, связанное с двумя подозрительными женщинами, задержанными передовыми постами… и переданными нам… Русские наступали. Мы были завалены работой, и русские стали для нас неприятной обузой. Допрос их часто прерывался. Они переходили из рук в руки. Обе женщины, из коих особенно одна, применяли женское искусство очарования в отношении допрашивающих, хорошо умели маскировать обстоятельства, при которых они были арестованы. И в действительности так и остался невыясненным вопрос, имели ли мы перед собой обнаруженный арестом женщин факт связи с противником одного из офицеров разведывательной службы, или же перед нами был искусный шахматный ход контрразведки противника, предпринятый с целью скопрометировать этого очень способного и энергичного офицера»[374]. К сожалению, в 1919 г. особистам подобные мысли в голову не пришли и они явно не торопились с выяснением причастности Теодори к «шпионскому делу»: показания, данные против него уже расстрелянной (!) В.П. Троицкой, были единственным основанием обвинения в пособничестве белогвардейцам. (Вообще, заметим попутно, роль «машинисток» в советском государственном строительстве как-то обходится стеснительным молчанием. Совершенно незаслуженно.)

Однокурсники Теодори, как только узнали о его аресте, сразу начали борьбу за освобождение генштабиста. Ими не только офицерская честь двигала, но и опасения: завтра и они могут оказаться перед новой властью без вины виноватыми. Точнее — виноватыми в своем «классово чуждом» происхождении и, пускай и неполном (с точки зрения старых генштабистов дореволюционных выпусков), высшем военном образовании, так остро бьющим в нос «большевикам-товарищам».

Слухи об аресте разлетелись со скоростью молнии. Уже 25 марта сотрудник Наркомвоена Н.М. Готовицкий передал для Троцкого в его поезд телеграмму, полученную из Полевого штаба от 29 однокурсников Теодори с просьбой об освобождении арестованных Г.И. Теодори и В.В. Хрулева: «Сегодня до сведения выпуска 1917 г. дошло известие об аресте консультанта Региструпа Генштаба *Теодори* и *начсвязи Вост[очного] фронта* Генштаба *Хрулева* . Не будучи знаком с причинами ареста, выпуск до сего времени не числил за генштабами Теодори (являющимся одним из представителей выпуска) и Хрулевым каких-либо компрометирующих данных, а потому полагает, что в названном аресте возможна или ошибка, или *провокация.* Будучи призван на ответственную работу по строительству Красной армии и проработавши по своей специальности с самого начала создания таковой, выпуск позволяет себе обратиться к Вам и просит распоряжения о спешном разборе дела и впредь до окончания последнего *освобождений Генштаба Теодори и Хрулева на поруки* подписавшихся *представителей выпуска под настоящей просьбой;*

---

[372] Там же. Д. 11. Л. 328.

[373] РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142.Л. 169.

[374] Ронге М. Указ. соч. С. 353.

мотивами взятия на поруки Теодори и Хрулева является желание , с одной стороны, сохранить работника и в без того редких рядах Генштаба, с другой стороны, предупредить — в случае отсутствия состава преступления [от] незаслуженного отбывания наказания, хотя бы и под временным арестом, что обычно крайне вредно отзывается на авторитете ответственных работников, одним [и] из которых являются Теодори и Хрулев, отражаясь вредно в дальнейшей их службе при не вполне установившемся доверии к специалистам, полагая, что выпуск, имея за собой нравственное право обратить Ваше внимание на изложенный вопрос, ходатайствует *об удовлетворении настоящей просьбы* »[375]. Курсивом в документе выделены слова, подчеркнутые во время прочтения Л.Д. Троцким.

Дело В.В. Хрулева рассмотрел Реввоентрибунал Восточного фронта уже на следующий день, однако РВТР затребовал дело «на заключение». По итогам Реввоентрибунал Республики сообщил Реввоенсовету Республики, что «находит возможным применить досрочное освобождение по отношению к б[ывшему] начсвязи штаба Востфронта Хрулева и восстановление его прав, которых он был лишен приговором Реввоентрибунала Востфронта ввиду того что наказание явно не соответствует совершенному им преступлению, так как главные виновники наказаны только объявлением выговора»[376]. Адресование документа в РВСР указывает на запрос из высшего военного органа. Очевидно, о Теодори такой запрос не делался.

26 марта трое сокурсников Теодори из штаба Южного фронта (!) отправили другому члену «коллегии выпуска», начальнику разведывательного отделения Оперативного управления Полевого штаба Борису Иннокентьевичу Кузнецову, для начальника Полевого штаба Костяева телеграмму следующего содержания: «Не допускаем мысли, что предъявленное ему (Теодори. — *С.В.)* обвинение имеет основание — настаиваем на немедленном расследовании, согласны взять на поруки». Заручившись готовностью однокурсников, занимающих ответственные посты в Полевом штабе (в Серпухове), настаивать на освобождении Теодори, генштабисты 1917 г. предложили сделать то же самое коллегам, служившим в Регистрационном управлении в Москве. Отправили телеграмму начальнику Агентурного отдела Регистрационного управления генштабисту 1917 г. Георгию Яковлевичу Кутыреву. Копию переслали «для сведения товарищам Ленину, Троцкому, Кедрову»[377].

Дважды (24 марта и 17 апреля) 36 выпускников академии Генштаба 1917 г. отправляли телеграфом прошения о рассмотрении дела Теодори непосредственно председателю Совнаркома (!) Владимиру Ленину. Если первое обращение действительно можно назвать — с некоторой натяжкой — ходатайством, то второе (от 17 апреля), под личиной готовности исключить из корпуса офицеров Генштаба Теодори в случае подтверждения обвинения, фактически содержало предупреждение: отказ может осложнить и без того непростые отношения с военными комиссарами. Фактически 36 человек, занимавших важные посты в Полевом штабе, а также во фронтовых и армейских штабах, сознательно пошли с точки зрения уставных отношений на серьезнейшее их нарушение. Во-первых, в нарушение субординации они подали заявление «через головы» трех (!) непосредственных начальников — Костяева, Вацетиса и Троцкого. Они подали его напрямую Ленину, ибо прекрасно понимали: дальше Костяева она не пройдет, а сам бывший генерал, опасаясь за собственную участь, вероятно, отдаст их за нее под суд. Во-вторых, их заявление было коллективным, а подавать «коллективки» строжайше запрещено в вооруженных силах со времен Петра

---

375 Большевики против военспецов-разведчиков…С. 33.

376 РГВА. Ф. 24380. Оп. 2. Д. 20. Л. 52.

377 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 253.

Великого и до наших дней. Ленин направил телеграмму «на отзыв» Склянскому[378]. Скорее всего, он хотел этим жестом показать Эфраиму, что творится в его ведомстве.

В общем, молодые генштабисты 1917 г. пошли ва-банк. Ленин, однако, был не из тех людей, которые поддаются ультиматумам. А как раз из тех, кто умеет не торопиться, выждать самый подходящий момент для мстительного ответа на ультиматум.

Вацетис еще за лето 1918 г. сработался с «зеленой молодежью», генштабистами 1917 г., и вполне разделял их негодование и опасения. Уверенный в неоценимости своих заслуг перед большевистским Совнаркомом за вклад в подавление мятежа левых эсеров, Иоаким Вацетис решил вступиться за своих сотрудников. Аралов крайне нуждался в помощи Теодори. Но на этот раз, не желая портить отношения с Кедровым, решил от греха подальше устраниться, выждать, как провернется дело. Если во время первой опалы Теодори в начале октября 1918 г. ему достаточно было как следует нажать на заместителя наркома по военным делам Эфраима Склянского, то теперь дело нужно было иметь с «другом Ленина» Михаилом Кедровым. Удовольствие весьма сомнительное для бывшего меньшевика-интернационалиста и революционера с 1903 г.

18 апреля Вацетис в докладе, посланном Ленину из Серпухова в Кремль, живописал о нехватке командного состава, о «перегрузке лиц генерального штаба, особенно на фронте», о бестактности к «генштабам» со стороны приставленных к ним комиссаров, о регулярных арестах генштабистов. Политических комиссаров Вацетис сравнил с «жандармами старого режима, повышение которых находилось в сильной степени в зависимости от того, сколько удастся раскрыть заговоров против самодержавного строя». На «деле Теодори» остановился особо: «внезапный и совершенно ни для кого не понятный арест» консультанта Регистрационного управления, по его словам, «произвел ошеломляющее впечатление на весь генштаб». Особо подчеркнул: Эйдук, помощник Кедрова, в разговоре с ним проболтался: «никакого обвинения против Теодори нет», это «обвинение надо создать». Вацетис ходатайствовал перед Лениным не только о скорейшем освобождении Теодори, но и о применении репрессий к Кедрову — «самовольно», без соблюдения установленных РВСР приказов, распорядившемуся арестовать Теодори[379].

17 апреля аналогичный «ленинскому» доклад выпуск направил Л.Д. Троцкому. (№ 112/17)[380]: «По уполномочению выпуска 1917 года Генерального штаба: доклад подписали: Евгений Иванович Исаев, Иван Дмитриевич Моденов, Борис Иннокентьевич Кузнецов, Александр Кузьмич Малышев[381], Виноградов, Тит Степанович Косач, Юршевский, Маттис, Срывалин, Цейтлин, Максимов, Дубинин, Самуйлов, Семен Васильевич Пирог, Доможиров, Евгений Владимирович Сысоев, Владимир Ефимович Стасевич, Борис Николаевич Скворцов, Тарасов, Николай Иванович Кадников, Каранович, Михаил Афанасьевич Дулов[382], Майгур, Кук, Петров, Иван Наумович Полозов, Александр Федорович Васильев, Иван Алексеевич Бардинский, Павел Александрович Захаров, Павел

---

[378] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9325. Л. 1.

[379] Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 86–88, 90.

[380] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 226.

[381] Малышев Александр Кузьмич (Козьмич) — капитан Генерального штаба. Образование: ускоренный выпуск Николаевской академии Генерального штаба (1918). В советском военном ведомстве — нач. разведывательного отделения штаба Северного фронта; для поручений при начальнике Штаба РВСР (с 22 октября 1918) (РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 57. Пр. по ПШ№ 36 от 25 октября 1918).

[382] Дулов — до 1917 г. командир 13-го гренадерского астраханского полка; начальник оперативного отдела Военного совета Западного участка отрядов Завесы (лето 1918) (РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 38. Л. 6).

Маркович Стрыхарь, Николай Иванович Шило[383], Эдуард Карлович Лус, Николай Васильевич Яковский. […] Настоящий доклад передан по адресам: председателю совета обороны Ленину, Главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики Вацетису, председателю Военного трибунала Республики Аралову, начальнику Полевого штаба Революционного военного совета Республики Костяеву»[384].

Это был явный перебор: партийное прошлое делало Кедрова более неуязвимым, как драконья кровь Зигфрида, а Хаген, роль которого только в 1941 г. исполнит Лаврентий Берия, в 1919 г. не мог появиться на исторической сцене. Своим докладом Ленину Вацетис только подлил масла в огонь: он замахнулся на «святое».

Ленин филиппики Главкома явно не оценил, но время и нервы молодые генштабисты, на удивление, потратили не зря. 21 апреля им был выдан мандат за подписями Вацетиса, Аралова и Костяева, которым Особому отделу ВЧК предлагалось «оказать полное содействие для получения всех данных дела»[385].

Таким образом, предъявив ультиматум В.И. Ленину в телеграмме, выпуск постфактум представил аналогичные телеграмме доклады по всем инстанциям в порядке «субординации» — Л.Д. Троцкому, И.И. Вацетису, С.И. Аралову (как председателю РВТР) и Ф.В. Костяеву. Ленин отправил свою телеграмму Склянскому на отзыв, Вацетис решил вступиться за своих сотрудников; Аралов не счел нужным ему мешать. По итогам действий генштабисты получили мандат за подписями Вацетиса, Аралова и Костяева, в котором не был прописан один из основных пунктов — представить уголовное дело Г.И. Теодори (оно ныне находится в ЦА ФСБ и не выдается исследователям). В мандате предлагается «оказать полное содействия для получения всех *данных* (курсив мой. — *С.В.)* дела»[386]. Вопреки мандату, подписанному в т. ч. и официальным куратором Особого отдела ВЧК по линии РВСР Семеном Араловым, Михаил Кедров, когда 23 апреля к нему на прием пришли легаты выпуска Евгений Исаев, Гавриил Кутырев и Борис Кузнецов, отказался от совместного допроса Теодори. Сослался на то, что «некоторые детали может знать только» Ленин. Эта фраза нуждается в пояснении. Прямого указания на *распоряжение председателя СНК* разрешить генштабистам совместный с Кедровым допрос Георгия Теодори в документах нет. Равно нет и сведений о прямом указании Ленина о содержании Теодори под арестом. Скорее всего, Кедров сказал им примерно: «Я один из старейших партийных работников, и право требовать от меня отчет имеет только основатель партии».

Но суть предъявленных Теодори обвинений Кедров все же изложил: связь его со шпионкой Валентиной Троицкой, то есть причастность к шпионажу, и причастность к объединенной офицерской белогвардейской организации, одним из руководителей которой являлся бывший генерал Николай Николаевич Стогов, с которым Теодори якобы был связан. Генштабистам-ходатаям сразу стало очевидно: первое обвинение скорее можно квалифицировать как злоупотребление служебным положением. Они заявили об этом Кедрову, и тот с ними в целом согласился. Основное обвинение — в причастности к белогвардейской организации — они сочли безосновательным даже с точки зрения формальной логики. Да, он посещал Селивачева и Стогова. Селивачева Теодори ценил, но бывшего генерала Стогова просто не выносил. Их разногласия летом 1918 г. всем известны, а сам Стогов считал Теодори «недоноском» академии Генштаба. Кедров отвечал на вопросы генштабистов, по их впечатлению, «неуверенно». По ходу разговора Кедров как бы между

---

[383] Шило Николай Иванович — летом 1918 г. врид начальника штаба Петрозаводской дивизии.

[384] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 224–225 об.

[385] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 227.

[386] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 228.

прочим поинтересовался, как поддерживается связь между выпускниками академии Генштаба 1917 г. Вероятно, для выяснения именно этого вопроса Кедров и пошел на встречу с искателями правды. Наконец, Кедров добил бы любого военного юриста заявлением: у него есть *надежда* , «что недели через две эти данные, группируясь в деле, могут в целом дать полное конкретное обвинение».

На следующий день следователь по делу Теодори В.Д. Фельдман выдал генштабистам-ходатаям справку, в которой указаны оба обвинения.

Вряд ли однокурсники Теодори поняли все недосказанности Кедрова. Но, возможно, им пришла в голову та же догадка, что приходит теперь и нам: Кедров сознательно «наводил тень на плетень», в действительности собирая факты по делу не о белогвардейском заговоре, а о группе давления военспецов внутри Полевого штаба. Если заданный между прочим вопрос о порядке поддержания связи между выпускниками академии Генштаба 1917 г. действительно был основным, его действия понятны и логичны. Более того — оправданы: уничтожение потенциальных Бонапартов было «святой» обязанностью коммуниста и главы военной контрразведки. К тому же интересующие сведения Кедров добыл: 3 генштабиста честно признались: «связь наша держится исключительно персональная, обходя те штабы, где нет членов выпуска 1917 года, и поддерживая в целях отстаивания исключительно служебных и материальных интересов выпуска». По наблюдениям генштабистов, «тов. Кедров был удовлетворен»[387]. И это неудивительно! Не до конца ясно только, по своей инициативе Кедров действовал или четко выполнял «заказ» Ильича.

Все-таки Аралову Теодори был нужен: для работы, для налаживания военной разведки. В мае 1919 г. он телеграфировал председателю Реввоентрибунала Республики Карлу Христиановичу Данишевскому. Предложил вполне разумный выход из положения: «Предлагаю дело… Теодори, арестованного по подозрению в шпионстве, потребовать в РВТрибунал Республики (как управлению], подчиненному РВСР) из Особого отдела[388]. Отказ. 22 мая Кедров передал для Аралова: «Теодори ни в коем случае не может быть освобожден, а Алексеева приговорена к полугоду принудительных работ без заключения в лагерь, т. к. в деле имеется ряд конкреций, хотя и не имеющих значения прямых улик (обрывки секретных телеграмм при обыске), но дающие достаточно оснований к воспрещению Алексеевой занимать должности в советских военных учреждениях и привлечению, как нетрудового элемента, к принудительным работам»[389].20 июня А.В. Эйдук телеграфировал А.И. Окулову, что Алексееву приговорили к 6 месяцам принудительных работ и он внес дело на пересмотр ВЧК; по делу Теодори следствие заканчивается, по делам Селивачева и Никольского — продолжается; дела Защука нет[390].

Тюрьма не пошла Теодори на пользу: ослаб, ухудшилось зрение, давала о себе знать контузия, заработанная на фронте в годы Первой мировой войны. Все же режим его содержания был относительно мягким. Ему создали условия для работы. То ли по собственной инициативе, то ли и по предложениям Особого отдела — как тут откажешься? — он писал военнотеоретические и военно-исторические труды. Некоторые были даже напечатаны в журнале «Военное дело».

30 декабря, накануне прихода Нового, 1920 года, Теодори направил «слезницу» Дзержинскому: «Из-за болтовни только одной служащей-шантажистки, задержанной, к тому же, на службе по мягкости тов. Аралова и доброте гражданина] Костяева — и притом в

---

387 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 224–225 об; Зданович А.А. Указ, соч. С. 95.

388 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 289. Датируется по окружающим документам.

389 РГВА. Ф.6. Оп. 10. Д. И. Л. 271.

390 Там же. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 326.

Полевом штабе, а не в Регистрационном] управлении?..»[391]. Оговорка Теодори «в Полевом штабе, а не в Регистрационном управлении» не случайна: Троицкая с ноября 1918 г. служила в Серпухове, Теодори — в Москве. Какая у них с этого времени вообще могла быть интимная связь?

Гордыни и независимости у Теодори поубавилось. Но не способности к анализу ситуации. Он прекрасно понимал: выдвинутое против него обвинение и подлинная причина его содержания в тюрьме — разные вещи. А насчет доносов — похоже, в заключении у него открылся дар предвидения: 1937-й уже был не за горами…

Выпустили его лишь в январе 1921 г. без права занятия должностей в РККА[392], хотя, несмотря на запрет, Теодори состоял впоследствии на второстепенных должностях в Штабе РККА. По свидетельству Балабина, где-то в 1927 г. или в 1928-м Теодори сказал ему: «Бутырская тюрьма не сломила моей твердости»[393].

…Его твердость пригодилась ему еще не раз, но в 1937-м не спасла. Две дошедшие до нас фотографии Георгия Ивановича — 1919 и 1937 гг. — выдают эволюцию личности. С фотографии 1919 г. на нас смотрит очень уверенный в себе офицер с подкрученными усами. С фотографии 1937 г. — бритый наголо арестант с потрясающим взглядом: «Видал с таких, как вы, видал и страшнее… Я знаю, что на этот раз мне не выбраться, и весьма сожалею, что подорвал свое здоровье на службе не тем». Отчаяния, кстати, на этой фотографии нет: фронтовой офицер, прошедший Первую мировую бойню, насмотревшийся на Эйдуков, Кедровых и прочие кошмары революционной Москвы, привык смотреть в лицо опасности. Фатализм этой фотографии поражает воображение. Начальник кафедры Государственного центрального института физкультуры, он был арестован 16 апреля. До 50-летия не дожил. Осудили его и расстреляли по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной террористической организации» и «подготовке теракта». Тело закопали на территории Донского монастыря.

Георгия Ивановича Теодори, одного из основателей ГРУ, реабилитировали 19 марта 1957 г.

«Наполеоны могли быть только в наполеоновские времена. Вечная ему память!»[394]

Глава 3. «АГЕНТУРНАЯ СЕТЬ ОХВАТЫВАЕТ ПОЛЬШУ, ЛИТВУ, ЛАТВИЮ, БЕЛОРУССИЮ И ДАЖЕ ГЕРМАНИЮ»: ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА К КОНЦУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Чистка разведки и новый курс руководства РУ

Под руководством генштабистов 1917 г. агентурная разведка, несмотря ни на что, достигла определенных успехов: так, в конце февраля 1919 г., по свидетельству В.И. Штейнингера, она добыла «разработанный финским штабом план предполагаемого наступления на Петроград»[395]. Вместе с тем советским разведчикам упорно мешала деятельность местных органов военной контрразведки. Так, 14 апреля 1919 г. с искренним

---

391 Большевики против военспецов-разведчиков… С. 34.

392 Колпакиди А., Прохоров Д. Указ. соч. С. 89.

393 Цит. по: Тинченко Я.Ю. Указ. соч. С. 329–330.

394 Окунев Н.П. Указ. соч. Т. 2. С. 14.

395 Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 234.

желанием исправить положение отделение пограничной ЧК Особого отдела Петроградской ЧК обратилось к коменданту г. Петрограда В.С. Шатову[396]: «Особый отдел губЧК, препровождая при сем копию вопроса Белоостровской участковой пограничной чрезвычайной комиссии, просит дать разъяснение. Со своей стороны, предлагает сделать соответствующие распоряжения о регистрации разведчиков. Предложение вызвано тем, что сплошь и рядом посылаемым разведчикам приходится отбыть известный срок ареста, которому они подвергаются со стороны пограничных ЧК, как участковых, так и пунктовых, во время переправы на сторону Финляндии, а в особенности оттуда. И до наведения соответствующих справок им приходится сидеть под арестом», что задерживает передачу «сведений, порой имеющих колоссальное значение»[397]. К сожалению, подобная сознательность была свойственна далеко не всем местным органам военной контрразведки. И Особому отделу ВЧК также — дело Теодори могло расцениваться как пролог к чистке военной разведке. И в данном контексте вряд ли было совпадением ходатайство 25 мая начальника Агентурного отдела Гавриила Кутырева перед начальником Полевого штаба Федором Костяевым ввиду «крайне расстроенного» состояния здоровья, а также усиленной работы, связанной с большой ответственностью, «что отражается также на здоровье», о переводе на «какую-либо административную должность»[398]. Вероятно, это была попытка самоустраниться, дабы избежать участи Георгия Ивановича, тем более что в управлении все еще было много бардака. Из приказа РУ № 36 от 28 мая 1919 г.: «Мною замечено, что, вопреки приказа по Регистрационному управлению от 24 февраля с[его] г[ода] за № 18, в некоторых отделах и отделениях Регистрационного управления в праздничные дни сотрудники являются на службу не только в половинном составе, часто отделы совершенно пустуют и вместо должного состава сотрудников в них можно застать только одних дежурных. Считая подобное поведение совершенно недопустимым, предлагаю всем начальникам отделов и отделений, под их личной ответственностью, на будущее время строго придерживаться их всеми сотрудниками. Заместитель начальника управления Павулан, врид консультанта Кутырев»[399].

11 июня Центральный комитет РКП(б), обсудив вопрос об укреплении военной разведки, еще раз подчеркнул, что РУ должно сосредоточить свои усилия на ведении разведки. Угроза чистки витала в воздухе с весны. Военный комиссар Полевого штаба Семен Аралов, способствовавший освобождению арестованных особистами офицеров, против которых не было выдвинуто обвинение[400], в борьбе со шпионажем в Ставке принял самое активное участие: так, 27 марта он просил руководителя военной контрразведки Михаила Кедрова командировать в Серпухов сотрудника Особого отдела Сергея Лопашева «для следственной работы» с разъяснением: «Нужен срочно»[401].

---

[396] Шатов Владимир Сергеевич — анархист-индивидуалист; член Комитета революционной обороны Петрограда (1918); комендант г. Петрограда (1919); нач. 6-й дивизии. Награды: орден Красного Знамени «за молодецкое взятие Красного села» (Пр. РВСР по личному составу № 308 от 13 ноября 1919 г.: РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 90. Л. 476. Типографский экз.).

[397] См.: РГВА. Ф. 25888. Оп. 1. Д. 99. Л. 75. Л. 1.

[398] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 313. Телеграмму принял генштабист А.К. Малышев. Ф.В. Костяев направил телеграмму с прошением С.И. Аралову.

[399] РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1. Л. 33–33 об.

[400] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 131–132. Так, отпущенный в январе 1919 г. военный специалист Н. Мовчин выразил С. Аралову «сердечную благодарность» за помощь: его освободили «безо всяких обязательств».

[401] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 185.

16 июня большевистский ЦК принял решение о чистке и фильтрации сотрудников Полевого штаба Реввоенсовета Республики и одновременно отставке Семена Аралова с поста военного комиссара Полевого штаба и главы военной разведки. Подводя итог деятельности Аралова в Опероде и Регистрационном управлении, попытаемся дать его психологический портрет. На первый взгляд, совершенно безликая фигура, что накладывает отпечаток на все биографии первого руководителя ГРУ. В них можно найти набор фактов, но ни намека на личность. При внимательной работе с документами впечатление меняется. Основным фактором, определявшим поведение Семена Ивановича, было его партийное прошлое. В революционное движение он подался еще в 1903 г., т. е. к 1918/1919 гг. партийный стаж был солидным, 15–16 лет. Принял участие в московских событиях Первой русской революции, даже отмечен впоследствии в воспоминаниях других участников. Однако, будучи до июля 1917 г. меньшевиком-интернационалистом (если не эсером?), в ленинской партии он мог довольствоваться в лучшем случае вторыми ролями — и то за счет важности Оперода в воюющей стране. Пока Троцкий осенью 1918 г. не стал сдерживать амбиции руководства Оперода, Аралов тихо и спокойно гнул свою линию. Взорвался, вероятно, за все время работы в военном ведомстве, один только раз. Как мы уже знаем, когда Эфраим Склянский отдал распоряжение перевести генштабиста Павла Мея и задумал, поддавшись навету контрреволюционера Николая Стогова, убрать из Оперода правую руку Аралова Георгия Теодори, Семен Иванович решение о переводе Мея отменил. В ответ на требование «т. Аралову представить объяснения» жестко указал Склянскому его место. В данном случае Аралов мог позволить себе такую роскошь: партийный стаж «хитрого Эфраима» (выражение историка М.А. Молодцыгина) весьма сомнительно отсчитывается с 1912 г. В действительности есть все основания полагать, что в РСДРП(б) Склянский вступил только в 1917 г., на волне работы армейских комитетов, ставших чуть ли единственной опорой в действующей армии ее тогдашнего «Верховного главнокомандующего» прапорщика Николая Крыленко. В сравнении с Араловым Склянский был в партии нулем и заставлял с собой считаться только благодаря высокой должности, занятой с подачи Ленина. Когда Аралова поставили курировать Михаила Кедрова — соратника и «друга Ленина», — Семен Иванович блестяще выбрал линию поведения. Особый отдел ВЧК был наделен с подачи Свердлова правом решать оперативные вопросы без совета с кем-либо, а потому Аралов действовал в отношении страдавшего манией величия Кедрова крайне обходительно. Гнев ни разу не вызвал, что позволило вернуть под свое поручительство в военное ведомство — в частности, в военную разведку — целый ряд арестованных специалистов (не всегда, кстати, безгрешных перед советской властью).

По решению ЦК Аралов передал свои дела новому члену РВСР — ненавистнику Троцкого и его курса Сергею Гусеву. Всем было понятно, что назначение Гусева — первый шаг к чистке. Многие военные работники из партийных бонз ополчились против Главкома Вацетиса. Видный деятель РКП(б) Михаил Михайлович Лашевич демонстративно просил освободить его от обязанностей члена РВС Восточного фронта: «Вацетис продолжает издеваться над [командующим войсками Восточного фронта] [С.С.] Каменевым (бедным-несчастным. — *С.В.).* Своими придирками личного характера он не дает работать. Обстановка создается такая, что я не могу работать…»[402]

19 июня оформили реорганизацию Регистрационного управления: утвердили новый штат РУ и впервые приняли «Положение» о нем, согласно которому РУ представлял собой «центральный орган тайной агентурной разведки» в составе 3-х отделов: 1-го — сухопутного агентурного, 2-го — морского агентурного, 3-го — военно-цензурного. Регистрационное управление выводилось из структуры Полевого штаба и подчинялось непосредственно высшему органу военного руководства Советской России — Революционному военному совету Республики (РВСР); начальником управления ставился член РВСР, обязанности

[402] РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 145. Л. 141. См. также: Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке.

которого в Москве нес его заместитель; отделы и входящие в их состав отделения должны были возглавлять *исключительно* партийные работники.

В это время структура РУ выглядела следующим образом: Агентурный (сухопутный) отдел состоял из 4-х отделений: Северное охватывало скандинавские страны, Финляндию, Прибалтику, Мурман и Архангельский район; Западное — Литву, Польшу, Галицию, Румынию, Германию и государства на территории бывшей Австро-Венгрии; Ближневосточное — балканские страны, Турцию, Кавказ, Туркестан, Афганистан и Индию; Дальневосточное — Сибирь, Китай, Японию. Начальник агентурного отдела в соответствии с Положением осуществлял общее руководство работой подчиненных ему отделений; разрабатывал при содействии Консультантства план агентурной и резидентской сети, принимая энергичные меры для насаждения последней на местах, и старался войти в связь со всеми парторганизациями, занимавшимися разведывательноподрывной деятельностью в оккупированных областях и на других занятых противником территориях; вел общий учет и осуществлял регистрацию агентов-ходоков и резидентов всего отдела. Задания он получал от заместителя начальника РУ или непосредственно из Консультантства, распределял по секторам и «зорко» следил за тем, чтобы эти задания «правильно были бы переданы начальникам отделений или инструкторами агентам»; поступающие донесения начальник отдела «немедленно» передавал в Консультантство «для оценки и разработки». Кроме того, для привлечения к агентурной деятельности «возможно большего числа партийных работников» начальник Агентурного отдела обязывался поддерживать «самую тесную связь» с парторганизациями в центре и на местах. Для проверки работы агентов и резидентов периодически начальник отдела обязывался командировать на местах «особых контролеров и инспекторов». Для выполнения всех вышеперечисленных функции начальнику отдела полагалось «особое лицо для поручений, являющееся его ближайшим помощником, и 5 уполномоченных для связи с партийными организациями в центре и на местах»[403].

Руководящие кадры Регистрационного управления (по сост. на июнь — август 1919 г.)

Чистка началась в начале июля. Первым пострадали Главком Вацетис, с которым Гусев был на ножах еще в декабре 1918 г., и несколько его ближайших сотрудников. 1-й заместитель заведующего Особым отделом ВЧК Иван Павлуновский[404] в докладе Ленину связал воедино дело Теодори и дело о заговоре в Полевом штабе. «Оказывается», еще в Петрограде, то есть до мая 1918 г., они состояли в «различных белогвардейских организациях союзнической ориентации». Генштабисты Доможиров и Кузнецов совместно с Теодори и Хрулевым входили в состав организации с генштабистом Борисом Поляковым[405]во главе. Исаев же «участвовал в какой-то (! — *С.В.)* организации, в которой состояла Кузьмина-Караваева, находившаяся в связи с Поляковской организацией»[406]. Здесь нужно четко отделить действительных шпионов от мнимых: Б.П. Поляков действительно

403 Кириллов В. С. Указ. соч. С. 44; Колпакиди А., Прохоров Д. Указ, соч. Т. 2. С. 219 и сл.; Коник В.Я. Советская военная разведка.

404 Павлуновский Иван Петрович (1887–1940) — офицер военного времени; в ВРК при Ставке Верховного Главнокомандующего; в Красной гвардии, Красной армии; 1-й зам. зав. Особым отделом ВЧК (с 18 августа 1919).

405 Поляков Борис Петрович — полковник Генерального штаба. В советском военном ведомстве — преподаватель Академии Генерального штаба; по заданию Генерального штаба руководил разработкой штатов и законоположений для Красной армии (с февраля 1918).

406 РГАСПИ. Ф. 2. On. 1. Д. 12317. Л. 8–9.

занимался разведывательным обеспечением наступательных операций белых. Впоследствии — 6 октября 1920 г. — известный российский разведчик действительный статский советник В.Г. Орлов, докладывая о создании разведывательной резидентуры штаба генерала П.Н. Врангеля в Польше и установлении контактов с секретными службами, писал: «Достигнуто полное соглашение с полковником Генерального штаба Б.П. Поляковым, начальником штаба графа Палена, который будет давать в Севастополь все материалы, добываемые им той большой разведывательной сетью, которая у него *уже* (курсив мой. — *С.В*.) готова»[407].

В это же время началась чистка разведки. Новому начальнику Полевого штаба М.Д. Бонч-Бруевичу даже пришлось ходатайствовать о срочном освобождении (в «случае возможности») двух арестованных генштабистов — начальника разведывательного отделения Б.И. Кузнецова и помощника начальника оперативного отделения В.К. Токаревского «вследствие обширности и сложности работ»[408]. И это несмотря на то что ранее Бонч-Бруевич сам сговорился с Дзержинским о сокращении числа сотрудников Полевого штаба в 4 раза[409]. Теперь критикан был вынужден самостоятельно налаживать разведку. 14 июля он, в частности, отписал в РУ В.П. Павулану и в штаб Южного фронта: «С начала отступления наших войск на Южном фронте и до настоящего момента агентура не дала Полевому штабу никаких известий о том, что происходит в тылу противника, какие производятся новые формирования, в чем заключаются новые организационные данные армии противника, какие перегруппировки намечают и производит противник в тылу армии, каково отношение населения к власти Деникина и результаты мобилизации…» Генерал ставил перед разведкой фронта четкие задачи, необходимые для планирования военных операций[410]. Несомненно, это свидетельство продолжающегося бардака в РУ. В итоге на посту начальника разведотделения Оперативного управления Полевого штаба Кузнецова сменил Б.М. Шапошников (в конце 1919 г. Шапошников сдал должность подполковнику Генерального штаба Константину Юльевичу Берендсу, который возглавлял войсковую разведку до конца Гражданской войны)[411].

Руководящие кадры Оперативного управления Полевого штаба РВС Республики (по сост. на сентябрь 1919 г.)

В РГВА отложился очерк подчиненного Бориса Михайловича о его работе начальником разведотделения, а затем и начальником Оперативного управления Полевого штаба, написанный в ноябре 1937 г. бывшим сотрудником штаба, научным сотрудником военно-исторического отдела Штаба РККА А.В. Пановым. Статья имеет ярко выраженную направленность, она и писалась для характеристики Шапошникова как кандидата в депутаты Верховного Совета СССР от Щелковского избирательного округа[412]. Тем не менее это одно из немногих воспоминаний о деятельности Шапошникова в Полевом штабе — Штабе РККА, написанное лицом весьма сведущим: Панов работал «под руководством» Шапошникова в 1919–1925 гг. Приводим документ полностью:

«Борис Михайлович Шапошников в Полевом штабе Реввоенсовета Республики в годы

---

407 Русская военная эмиграции 20-х—40-х годов. Т. 1. С. 188.

408 РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 145. Л. 786.

409 См.: Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 128.

410 РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 127. Л. 7.

411 Колпакиди А., Север А. Указ. соч. С. 109; РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 13 об.

412 РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 11. Л. 39.

Гражданской войны (Воспоминания очевидца).

Осенью 1919 г. деникинщина[413] яростно рвалась к Москве. В Полевом штабе Реввоенсовета Республики, как и во всей стране, этот критический период борьбы переживался с большой напряженностью. Особенно это касалось Оперативного управления. Здесь концентрировались все данные обстановки на фронтах. Отсюда исходили директивы, направляющие боевую работу Рабоче-крестьянской Красной армии. Обстановка требовала от операторов исключительной бдительности, непрерывной, неослабной работы днем и ночью и такого подъема энергии, который отвечал бы героической борьбе Красной армии на фронте. А между тем этого-то и не было в оперативном аппарате, работавшем бюрократически равнодушно, с неизменным средним напряжением, независимым от положения на фронте[414].

Но вот появился в Оперативном управлении Борис Михайлович Шапошников. Он прибыл из Инспекции тов. Подвойского, где долго томился в ожидании назначения на оперативную работу[415]. И сразу, с первых же дней его участия в делах, почувствовалась свежая струя интереса, живости и задора, пришедшая с ним.

Борис Михайлович вначале был назначен на должность начальника разведывательного отделения в Оперативном управлении. Но его кипучая энергия и глубокое проникновение в события на фронтах вскоре дали ему фактически ведущую роль среди всех других ответственных работников управления. Не было ни одного доклада главнокомандованию, на котором Борис Михайлович не высказал бы оригинальных, смелых предположений по организации разгрома белых. И понятно, что в самый короткий срок ему поручается уже ведение всей оперативной работы в качестве начальника управления.

Необыкновенно общительный, внимательный ко всем без исключения подчиненным, он умел находить в каждом сотруднике полезные для дел особенности и указать пути к их лучшему использованию. В работе он сам служил лучшим примером для всех. Его кипучая энергия, казалось, не имела границ. В продолжение рабочего дня (этот день насчитывал не меньше 17–18 часов[416]) Борис Михайлович с неизменно оживленным видом выносил на себе всю сложность оперативной работы, вначале — налаживая ее стройность и полезность, а в дальнейшем — повышая ее производительность.

Вот мы видим его принимающим доклады об обстановке на фронтах. Сухо и угрюмо (с ложной строгостью) излагались прежде события на этих докладах, ограничивая их перечислением официальных данных. Не то было у Бориса Михайловича. Здесь от докладчика требовалась работа оперативной мысли; нужна была обработка полученных данных. Доклады нередко сопровождались обменом мнений, к чему всегда побуждал Борис Михайлович. Отсюда необычайно возрос интерес к делу со всеми его положительными последствиями.

Новые требования, оживленные личным примером начальника, быстро сказались на

---

[413] Деникин Антон Иванович (1872–1947) — генерал-лейтенант (1916). В старой армии — нач. штаба Верховного главнокомандующего (1917), главнокомандующий Западным и Юго-Западным фронтами. Один из руководителей Белого движения — главнокомандующий Добровольческой армией (1918), «Вооруженными силами Юга России» (1919) и «Верховный правитель Российского государства» (с января 1920). В эмиграции с апреля 1920.

[414] Данное утверждение подтверждается источниками. См., напр.: Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 85 и след.

[415] В 1918 г. Б.М. Шапошников действительно работал в военном отделе Высшей военной инспекции, председателем которой был Н.И. Подвойский. Только сведений о том, что он «томился», в документах нет и быть не может.

[416] Как видим, Б.М. Шапошников «унаследовал» график Г.И. Теодори.

всех делах управления. Цель, смысл происходившего получили новую окраску. Оперативная работа закипела. Стало как будто теплее в больших холодных комнатах (было не более 6 градусов тепла). И только слышилось: “Борис Михайлович ожидает…”, “Надо сейчас подготовить Борису Михайловичу карту…” и т. д. А сам он, приняв доклады, уже пишет проекты директив фронтам и многочисленные указания разным органам РККА по вопросам и боевого использования Красной армии, и пополнения, и снабжения.

Затем или длительные его личные доклады главнокомандованию, которое весьма ретиво оберегало свои мнения по стратегическим и оперативным вопросам и обыкновенно нетерпимо относилось к чужим взглядам на дело вождения войск и не допускало докладчиков их высказывать. Трудно было ему в эти часы. Сколько раз, бывало, приходилось ему горячо отстаивать свои проекты и изменять их под давлением троцкистского главнокомандования.

Вместе с тем Борису Михайловичу приходилось бороться и за правильную постановку оперативной работы в Полевом штабе, где главнокомандование ограничивало задачу Оперативного управления сбором и хранением данных обстановки, навязывая этому органу совершенно пассивную роль.

Надо отметить, что никакие препятствия не остановили Бориса Михайловича, и ему всецело принадлежит честь значительного улучшения оперативной работы, что в огромной степени влияло на победы Красной армии над врагом.

До него операторы держались замкнуто, в официальных границах работы. И несмотря на величайшую потребность освещения в печати текущих событий Гражданской войны, никто из них не выступал. И здесь Борис Михайлович своим примером сдвинул с мертвой точки это дело. В конце рабочего дня (вернее — ночи) мы часто видели его за составлением очередного обзора событий — то для военного журнала, то для газеты; или, наконец, он дает интервью корреспондентам “Правды” или “Известий [ВЦИК]”. Побуждая к этому же сотрудников Оперупра, он достиг того, что в газетах стали появляться периодические обзоры положения на фронтах Гражданской войны.

Тяжелые были тогда бытовые условия в Москве[417]. Обыкновенно, закончив свой трудовой день в 4 часа утра, Борис Михайлович возвращался в свою холодную комнату и сам колол дрова и топил печку (а иногда и дров не было). А через 4–5 часов, после “завтрака” из кусочка хлеба с напитком, он уже снова в служебном кабинете. И никто никогда не слышал от него даже намека на какие-либо неудобства и недостатки личной жизни. Наоборот, его всегда видели только веселым, оживленно отзывчивым на каждое явление окружающей обстановки. Рядом с ним забывали о себе и его ближайшие сотрудники, к которым он в то же время относился всегда заботливо и стремился помогать в их нуждах.

Таков его первоначальный период служения на пользу своего социалистического отечества.

Трудовой путь его весьма ответственен и разнообразен и неизменно знаменуется высокими показателями и беспредельной преданностью Социалистической Родине. И несмотря на то, что деятельность Б.М. Шапошникова протекала в тяжелых условиях тогдашнего троцкистского руководства армейским аппаратом, среди лиц, оказавшихся предателями и изменниками Родины, он, честный боец и командир Красной армии, сумел преодолеть все трудности в боевой работе. Таким он остался до сих пор, ибо в деле служения трудовому народу, в деле защиты своего отечества от врагов — высшим и единственным руководителем его деятельности была и остается партия Ленина — Сталина.

За него, одного из крупнейших организаторов побед Красной армии, орденоносца, командарма 1-го ранга и начальника Генерального штаба РККА, мы с чувством полного удовлетворения подаем свои голоса.

---

[417] См.: Окунев Н.П. Указ. соч. Т. 1–2.

А. Панов»[418].

Мы сознательно оставили фрагменты о борьбе с «троцкистским руководством»: они свидетельствуют о нейтральной позиции начальника войсковой разведки и основного управления Красной Ставки в 1919 г. Б.М. Шапошникова характеризует уже то обстоятельство, что его положительная характеристика была составлена в разгар чисток армии и уже после «февральскомартовского пленума» ЦК ВКП(б) 1937 г. Вероятно, А.В. Панов, зная Шапошникова, был уверен в том, что репрессии обойдут этого видного военного деятеля стороной. Само по себе это является ценным свидетельством политического портрета Маршала Советского Союза. Наряду с тем что, в отличие от генштабистов 1917 г., на которых опирался Иоаким Вацетис, Шапошников был выпускником дореволюционной академии Генштаба и разведчиком-профессионалом, в совокупности показывают, что выбор Михаила Бонч-Бруевича в 1919 г. был очевиден.

Тем временем июльские аресты в «контрреволюционной организации Полевого штаба», а главное, настрой Гусева, привели к созданию и специальной комиссии для проведения чистки разведорганов. До своего назначения военным комиссаром Полевого штаба Гусев сидел на Московской партийной организации, курировавшей штаб по политической линии. Там он заметил подходящий для фильтрации разведорганов кадр — сотрудника Особого отдела при МЧК Тимофея Самсонова (Бабия). Дело в том, что оперативные и достоверные сводки о настроениях в частях Московского гарнизона и центральном военном аппарате Особый отдел при МЧК направлял не только в ВЧК, но и для сведения московской партийной организации.

Тимофей Петрович Самсонов родился 9 мая 1888 г. в с. Михайляны Бричанского уезда Бессарабской губернии в семье крестьянина-бедняка. Образование получил среднее — учился в Хотинском реальном училище. Работал батраком, в хозяйстве отца. В 1906 г. вступил в РСДРП, но в том же году стал анархистом-коммунистом, организовал летучий отряд «Разрушай и Созидай». Правда, по части созидания отряд Самсонова как-то особенно не преуспел, зато прославился эксами и поджогами помещичьих землевладений на Хотинщине и в Каменец-Подольском районе. Самсонов неоднократно подвергался аресту. Находясь в ссылке во Владивостоке, Самсонов бежал в 1914 г. в Китай, перебрался в Японию, откуда уехал в Индию, Алжир и Испанию. Из Испании уехал в Англию, вступил в профсоюз транспортных рабочих и принял участие в организации «Союза русских моряков»; за выступление в апреле 1917 г. на митинге был осужден в Великобритании на каторгу, замененную высылкой на Родину. Вернулся аккурат в октябре 1917 г., но был в Архангельске арестован и отправлен на Урал. В Челябинске был председателем биржи труда и членом Совета рабочих и солдатских депутатов. В июле 1918 г. стал председателем чрезвычайной следственной комиссии по делам, порочащим звание членов совета, и инструктором военного контроля 3-й армии[419]. В 1918 году Тимофея Самсонова направили на сформированные Георгием Теодори Курсы военного контроля, но затем распоряжением Семена Аралова с подачи Теодори откомандировали, но направили… в армейскую контрразведку. 3 февраля 1919 г. Теодори доложил Аралову: «Согласно Вашего распоряжения для выполнения особого поручения [я] был командирован в 3-ю армию наш[им] агент[ом]. Командарм 3-й направил агента военконтролю 3-й армии. Начальник отдела тов. [Т.П.] Самсонов… не пропустил агента, вернувшегося в Москву, вместо того чтобы запросить нас по телеграфу. Таким образом, кроме огромных расходов непроизвольно пропавших, не исполнено важное поручение. Прошу о немедленном предании тов. Самсонова суду Военнореволюционного трибунала Республики за явно недопустимое

---

418 РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 11. Л. 40–43.

419 См. подр. биографические сведения: Архив ВЧК. С. 702—703.

личное отношение к важным вопросам. Кроме того, прошу выяснить, как тов. Самсонов, откомандированный от Курсов за непригодностью, которая теперь подтвердилась и на серьезном деле, мог занимать ответственный пост заведующего] контрольным пунктом» (в данном случае из осторожности Теодори подписал телеграмму и у В.П. Павулана)[420]. Тимофей Самсонов в военной контрразведке 3-й армии надолго не задержался, тем более что в феврале 1919 г. он официально вступил в партию большевиков. В мае 1919 г. Самсонов был направлен на работу в Особый отдел при МЧК, в котором, вместе с известной чекисткой Эльзой Яковлевной Грундман[421], блестяще поставил агентурную работу. Сергей Гусев направил Тимофея Самсонова, которого староста ускоренного выпуска академии Генштаба 1917 г. предложил предать суду, на работу в центральный аппарат военной разведки, где однокурсники Теодори продолжали работать. Поскольку ни один из них не специализировался до революции на организации разведки, Самсонов считал генштабистов 1917 г. непрофессионалами. Действительно, у него самого, как человека с длительным опытом нелегальной работы, опыта было значительно больше. С назначением Самсонова временно исполняющим должность заместителя начальника Регистрационного управления было подготовлено решающее наступление на военных специалистов.

1 сентября Тимофей Самсонов составил «Объяснительную записку» для политического противника Льва Троцкого и его курса на активное привлечение «золотопогонников» — Сергея Гусева, в которой обосновывал необходимость ликвидации Консультантства.

Кадры Консультантства РУ

По словам Самсонова, работавшие в нем генштабисты (их было трое) могут «свободно» снабжать информацией противника[422]. Самсонов считал, что партийцы, работавшие с военспецами, успели уже приобрести достаточный «технический опыт», а задания консультанты могут разрабатывать, находясь в составе Разведотделения Оперативного управления Полевого штаба, занимавшегося войсковой разведкой. Гусев, ознакомившись с запиской Самсонова, наложил резолюцию: «Это вполне совпадает с моими прежними предположениями. Я жду только решения Оргбюро по этому вопросу, чтобы подписать приказ»[423]. Авторитетный партийный работник из эмигрантской элиты Гусев провел решение о чистке через Оргбюро ЦК РКП(б).

Тимофей Самсонов решил подстраховаться и организовал инициативу по чистке военных специалистов «снизу». По его предложению начальник Канцелярии РУ Николай Назаренко-Соколовский представил ему 9 сентября доклад с соображениями по поводу «начала реорганизации» РУ. Из него следует, что наибольшее беспокойство у большевиков — руководителей структурных подразделений управления — вызывала работа с важнейшей информации людей беспартийных, главным образом военных специалистов: «Регистрационное управление по роду своей деятельности выполняет почти абсолютно секретную работу, выражающуюся в личной и письменной форме. Судя по роду работы, казалось бы, что большая часть сотрудников, особенно ответственных, а также

---

[420] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 151–152.

[421] На счету Э.Я. Грундман за годы Гражданской войны раскрытие крупной растраты денег, выделенных на вооружение армии, задержание и арест группы диверсантов, затоплявших угольные шахты, руководство подавлением мятежа махновцев в 1-м запасном полку, пресечение попытки передать красный бронепоезд анархистам.

[422] РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 344. Данные на 5 сентября 1919 г.

[423] Они руководили ГРУ. С. 41–42.

непосредственных исполнителей секретных поручений и переписки должны быть людьми партийными, причем не просто коммунистами, а коммунистами основательными, с хорошим стажем и рекомендациями. На самом же деле в Региструпре многие ответственные должности занимаются людьми "аполитичными", как они сами себя определяют. Ясно без комментарий, что "аполитичным" людям занимать ответственные посты в таком учреждении как Региструпр — безусловно нельзя, на ответственных постах должны быть, безусловно, "политичные" товарищи (коммунисты, конечно), на которых можно было бы спокойно полагаться. О младшем служебном персонале говорить совершенно не приходится, т. к. таковой, за исключением 1-го отдела, почти поголовно состоит из лиц беспартийных, а между тем через руки младших служащих — журналистов, письмоводителей, делопроизводителей и машинистов — проходит часто очень важная, совершенно секретная переписка. По-моему, это крупнейшая, совершенно недопустимая аномалия, которую необходимо устранить — немедленно»[424]. Вероятно, аналогичные доклады, находящиеся в русле представлений Самсонова и Гусева и не лишенные, заметим, логики, по предложению Самсонова представили и начальники остальных подразделений разведки.

11 сентября 1919 г. Самсонов предложил Гусеву новый вариант чистки РУ — менее радикальный. В нем Консультацию

предлагалось уничтожить постепенно[425]. «Скорбный труд» Самсонова не пропал: приказом РВСР от 16 сентября Институт Консультантства при РУ упразднялся, личный состав передавался в распоряжение Полевого штаба «для немедленного назначения на фронт»[426]. Кроме того, специальная комиссия из ответственных партийных работников провела чистку созданных Теодори Курсов разведки и военного контроля[427]. Всего в это время в Москве служило 123 генштабиста, из них 26 во Всероссийском главном штабе (4 руководителя, 19 в Организационном управлении, 8 в Главном управлении военно-учебных заведений, 5 в Комиссии по разработке уставов, 5 в Военно-топографическом управлении, 3 в Мобилизационном управлении, 3 в Управлении всеобщего военного обучения, 1 в Управлении по командному составу); 9 в комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. при ВГШ; 16 в Центральном управлении военных сообщений при Полевом штабе; 7 в Высшей военной инспекции, 6 в Управлении делами Наркомвоена; по одному в Высшей аттестационной комиссии, Центральном управлении по снабжению армии, Главном управлении пограничных войск; четверо преподавали на Курсах разведки и военного контроля, 9 в Академии Генерального штаба РККА. Двое служили не в военном ведомстве[428]. Всех четырех преподавателей из разведки убрали. Для «Уникальных в

---

424 РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 144. Л. 8.

425 Аппарат РУ, дескать, несмотря на долгое присутствие Консультации, имел «кричащие» недостатки, о чем Самсонов обязался доложить в специальном докладе. Самсонов заявил, что работавшие «долгое время рядом с военспецами» большевики уже научились самостоятельно составлять разведывательные сводки. Признавая, что партийные работники не смогут «детально и всесторонне» разработать задания разведки, Самсонов предложил Консультацию сократить и временно (пока она себя окончательно не изживет) передать в разведывательный отдел Полевого штаба. По плану Самсонова, Консультация будет разрабатывать задания и передавать их в укомплектованный исключительно большевиками РК; последний, проверив и дополнив задания, будет передавать их на исполнение в агентурный отдел; добытый агентурный материал будет разрабатываться только большевиками (в обход Консультации) (См.: Большевики против военспецов-разведчиков… С. 34 след.).

426 Колпакиди А., Прохоров Д. Указ. соч. Т. 1. С. 88.

427 РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 246 с об. И след.

428 РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 123. Л. 78–81 об. Данные на 23 июня 1919 г.

Европе» Курсов наступили несчастливые времена.

В результате неэффективность работы военной разведки в целом была списана на беспартийных военных специалистов — разведчиков. По указанию ЦК РКП(б) разведка окончательно превратилась в «классово-чистый» орган, ее организация и ведение доверялись только коммунистам, занявшим почти все руководящие посты в РУ. Кроме того, около 50 % курсантов разведки исключили по политическим соображениям; удалили сомнительные элементы из периферийных органов и агентурной сети[429].

По новому штату комсостав РУ выглядел следующим образом: заместитель начальника Управления — В.П. Павулан, для поручений при нем — Д.Р. Ипполитов, начальник Агентурного (сухопутного) отдела — Н.М. Чихиржин (Назаров), для поручений при нем — В.К. Вальтер, места начальников всех четырех отделений были вакантны; Морской разведывательный отдел возглавлял А.А. Деливрон, Отдел военной цензуры — Я. А. Грейер, старшим консультантом Консультантства оставался до ареста МЧК в 20-х числах сентября В.Г. Зиверт, шифрами ведали В.А. Панин и П.Б. Озолин. Начальники отделений 1-го отдела были назначены в июле — сентябре 1919 г., ими стали соответственно В.Х. Груздуп, Р.Я. Кальнин, Е.Л. Соколов, Г.П. Михайленко[430].

27 сентября Сергей Гусев доложил на заседании РВСР (присутствовали Лев Троцкий и Иосиф Сталин) вопрос о военной цензуре. РВС принял решение о реорганизации военноцензурного отдела РУ и поручил Гусеву «представить конкретные предложения», в том числе о порядке ее подчинения[431]. 8 октября РВСР надавил на Гусева, явно не торопившегося с проведением решения совета в жизнь: «РВСР постановляет создать комиссию в составе С.И. Гусева, представителей Полевого штаба, Политуправления, Регистрационного управления и Управления делами РВСР. Задача комиссии — рассмотрение вопросов о том, к какому из учреждений военного ведомства должна быть причислена военная цензура. Срок работы комиссии до понедельника»[432]. Объяснение простое: военная цензура не справлялась со своими обязанностями. 13 октября по уже не первому докладу помощника комиссара Полевого штаба и члена РВСР Карла Данишевского «О порядке опубликования оперативных сводок» РВСР постановил: «Полевой штаб ежедневно в 14 часов вырабатывает оперативные сводки для печати. *Примечание* : Никакие полевые учреждения, в том числе и политотделы, кроме Полевого штаба, не имеют права доставлять самостоятельные оперативные сведения РОСТу. Цель этой сводки дать информацию о ходе военных действий за определенное число (обычно минувшие сутки). Сводка должна быть составлена в таких выражениях, чтобы содержание ее, давая общее положение об изменениях на фронте, не содержала бы указаний, облегчающих противнику возможность делать те или другие выводы относительно силы и расположения наших частей, наших оперативных намерений и тенденциозно использовать их в целях искусственного поднятия духа собственных войск. Для… информации районов, удаленных от центра и связанных радиостанциями, составлять особые радиосводки. Ввиду того, что радиосводки перехватываются нашим противником, содержание их должно носить еще более общий характер и еще более строго контролироваться под указанным выше углом зрения. Обычные радиосводки должны составляться не менее 3-х раз в неделю, по возможности ежедневно. Соблюдение указанных выше правил при составлении сводок возлагается на личную ответственность К.Х. Данишевского (и без того, кстати,

---

429 Алексеев М. Как создавалось ГРУ // Секретное досье. 1998. № 2. С. 44.

430 Коник В.Я. Указ. соч.

431 Сб. РВСР.Т. 1. С. 412.

432 Сб. РВСР.Т. 1.С. 429.

перегруженного многочисленными обязанностями. — *С.В.)* и начальника Полевого штаба»[433]. Появление такого решения высшего военного органа осенью 1919 г. наглядно иллюстрирует «эффективность» работы ОВЦ РУ. А тут, как на грех, активизировалась советская пресса. Руководство РОСТа поставило перед военным ведомством вопрос о передачи из Полевого штаба секретных сведений вновь созданному отделу особой информации РОСТа, в задачу которого входило ознакомление центральных советских учреждений и ответственных советских и партийных работников о внутренних и внешних событиях, не подлежащих оглашению в печати. 9 октября Данишевский составил доклад Реввоенсовету, в котором отметил параллелизм в деятельности отдела с другими органами военного и гражданского ведомств и заявил, что отделу РОСТа нельзя доверить секретную информацию. РВСР, естественно, также решил отбояриться от более чем сомнительного предложения РОСТа и решил секретные сведения в его отдел особой информации не давать, а доклад Данишевского разослать «для ознакомления» в Президиум ВЦИК, СНК РСФСР и ЦК РКП(б) [434]. Наконец, 27 октября С.И. Гусев в очередной раз доложил Реввоенсовету вопрос о военной цензуре, на этот раз вместе с заместителем начальника Политуправления РВСР Х.Г. Раковским. По итогам обсуждения РВСР постановил: «Отдел военной цензуры изъять из ведения Регистрационного управления и считать самостоятельным отделом, подчиненным комиссару Полевого штаба (самому Гусеву. — *С.В* .). С.И. Гусеву образовать комиссию из начальника отдела военной цензуры, представителей Особого отдела ВЧК, Полевого штаба и Политуправления для рассмотрения в 7-дневный срок вопроса о возможности распределения функций военной цензуры между отделом военной цензуры и Особым отделом. Начальником отдела военной цензуры назначается Н.Н. Батурин»[435], кстати, фактически возглавивший ОВЦ еще в феврале. К счастью, военную цензуру особисты не получили: 31 октября Сергей Гусев наконец доложил заключение комиссии — РВСР постановил: «Утвердить решение комиссии об оставлении цензуры почтовых отправлений в ведении Реввоенсовета Республики»[436]. Проколы, впрочем, продолжались: 28 ноября на заседании РВСР в том числе выступили Л.Д. Троцкий (!) «О цензуре» и С.С. Каменев «О задержке телеграммы военной цензурой». По первому вопросу РВСР постановил: «Полевому штабу озаботиться об исправлении проекта приказа, касающегося освещения боевой деятельности Красной армии, с привлечением к этому делу начальника военной цензуры Н.Н. Батурина». По второму — «Ввиду заявления об имеющихся фактах, когда военная цензура задерживала срочные военные телеграммы на целые сутки, поручается Д.И. Курскому расследовать вопрос и принять меры к устранению этого явления. Доклад Реввоенсовету Республики [представить] в 4-дневный срок»[437].

Июльская чистка военной разведки не многим улучшила постановку дела. По списку в Регистрационном управлении при РВСР на 5 сентября 1919 г. служило 179 человек, на Курсах разведки и военного контроля (один из которых — Г.И. Теодори, — между прочим, точно в это время находился в Бутырской тюрьме) — 50[438].

---

[433] Сб. РВСР. Т. 1. С. 430–431.

[434] Сб. РВСР. Т. 1. С. 431, 435–436.

[435] Сб. РВСР.Т. 1.С. 455.

[436] Сб. РВСР.Т. 1. С. 461.

[437] Сб. РВСР.Т. 1.С. 501.

[438] Подсчитано по: РГВА. Ф. 6. On. 1. Д. 6. Л. 343–347 об.

Налаживание системы разведорганов Красной армии

Итак, в 1919 г. по итогам «чистки» на ответственных должностях в РУ не осталось военных специалистов. Партийные работники начали активно решать вопрос об организации стройной системы разведорганов[439].

К середине июля 1919 г. РУ отправило подчиненным органам руководящие указания, утвержденные приказом РВСР. Агентурой фронта должен был руководить комиссар разведывательного отделения штаба фронта. Он непосредственно подчинялся одному из членов РВС штаба фронта, на которого был возложен общий контроль над работой агентурной разведки. Задачами разведки штаба фронта являлись добывание сведений о новых формированиях противника, его ресурсах, вооружении и боевой технике; планах главного командования и высшего военно-политического руководства; направлениях военных перебросок; подготовке к крупным операциям и местах сосредоточения оперативных резервов[440].

В октябре 1919 г. Тимофей Самсонов фактически возглавил Регистрационное управление[441]. К чести его нужно отметить, что анархист полностью оправдал ожидания Гусева, в частности поставил на должную высоту работу с агентурой: кадры агентов тщательно профильтровал, к разведывательной работе привлек зарубежные партийные организации, обязал встречи с агентурой проводить на конспиративных квартирах. Оценка РУ как органа преимущественно «военно-информационного» не означало отказ от ведения разведывательно-диверсионной работы на территории противника. Для этого РУ привлекло зарубежные партийные бюро следующих организаций: Донской, Украинской, Еврейско-коммунистической и частично Финской, Урало-Сибирской и Мусульманской. Зарубежные партийные организации вели «работу разрешения и революционизирования тыла неприятеля». К началу ноября шли переговоры о постановке агентурного дела в Польше и Прибалтике. РУ начало переговоры с ЦК РКП(б), НКИД, III Интернационалом и Особым отделом ВЧК с целью объединения разведдеятельности и максимального использования добытой информации. При этом Особые отделы как в центре, так и на местах продолжали «не только не обслуживать разведку, но и тормозить ее работу. Арестовывали и месяцами держали в тюрьмах наших агентов при переходе ими фронта, не обращая внимания на документы, выданные Регистрационным управлением». Некоторое улучшение положения объясняется, очевидно, как созданием системы органов военной контрразведки ко второй половине 1919-го г., так и работой Тимофея Самсонова в Особом отделе при МЧК — для чекистов он не был чужаком. Между тем, продолжал нарушаться «главный… закон — это длительная несменяемость… ответственных руководителей»; к тому же центр пока не мог справиться с «сепаратизмом местных отделений агентурной разведки». Основной проблемой оставалась «невыясненность взаимоотношений агентурной разведки со штабами и др. военными организациями». К годовщине военной разведки Т.П. Самсонов представил доклад, в котором предлагал установить точное место агентурной разведки в системе органов военного управления и созвать совещание сотрудников агентурной разведки с приглашением представителей ЦК РКП(б), РВСР и зарубежных партийных организаций[442].

---

[439] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 64. Л. 2.

[440] Кириллов В. С. Указ. соч. С. 44.

[441] Реввоенсовет Республики. Протоколы Т. 1. С. 623.

[442] РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 246 с об. и след. Разведке давали материалы и национальные отделы ЦК РКП(б): так, например, зарубежная организация при эстонском отделе агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) составляло для РУ суточные сводки сведений зарубежной и иностранной прессы, по крайней мере, с января 1920 г. (См.: Там же. Ф. 6. Оп. 3. Д. 45. Л. 1 и след.).

Ходатайство Самсонова частично удовлетворили: 8 декабря 1919 г. Регистрационным управлением было созвано «совещание работников агентурной разведки». В задачи совещания входила разработка штатов разведорганов фронтов и армий.

«Протоколы и доклады совещания работников агентурной разведки, созванного Регистрационным управлением на

8-е декабря 1919 года в г. Москве

Москва
8—11 декабря 1919 г.
8 декабря 1919 г.
Первый день совещания (Первое заседание — дневное).

В 12 часов 30 минут врид заместителя начальника Регистрационного управления тов. Самсонов, обращаясь [к] съехавшимся делегатам совещания, говорит, что совещание должно носить деловой характер по важнейшим и животрепещущим вопросам агентурной разведки. С таким именно требованием подходит к совещанию Регистрационное управление. После продолжительных прений, в которых выступавшими тов[арищи]: от Запфронта, 7-й армии, 10-й армии и другими предлагается порядок дня совещания изменить, поставив в первую очередь доклад Регистрационного управления и после уже заслушать доклады с мест. Порядок дня голосуется и принимается 18-ю голосами при 13 против, в том виде, в каком его предложило Регистрационное управление.

Порядок дня совещания:

1. Доклады с мест;
2. Доклад Регистрационного управления;
3. Организационный вопрос;
4. Текущие дела.

После утверждения порядка дня совещание переходит к рассмотрению регламента, который без прений принимается 17-ю голосами при 12-ти против.

Члены президиума занимают свои места. Председателем совещания тов. САМСОНОВ, тов. председателя ИППОЛИТОВ и БРУНО, секретари: тов. АНДРЕЕВА, БУЦЕВИЧ, ПОЖАРОВ и НАЗАРОВ.

По запросу делегатов совещания оглашается список участников совещания с решающими голосами.

От Регистрационного управления: САМСОНОВ, ИППОЛИТОВ, АНДРЕЕВА, СОКОЛОВ, ГРУЗДУП, ГОРБУНОВ, ПОКРОВСКАЯ, ВАЛЬТЕР, ЕФРЕМОВ, ПОЖАРОВ.

От фронтов и армий: Юговостфронта, Туркфронта, 11-й армии, 10-й армии, 9-й армии, 12-й армии, 16-й армии, Юж-фронта, Запфронта, 7-й армии, Петроградского и Кронштадтского пунктов, 6-й армии, 15-й армии, 14-й армии, 4-й армии, Северн[ого] пункта.

Представители от зарубежных организаций РКП.

Председательствующий тов. САМСОНОВ, объявляя совещание открытым, обращается к делегатам с краткой вступительной речью: “Не буду распространяться о важности значения агентурной разведки, укажу лишь, что когда мне пришлось приступить к работе в качестве врид зам. начальника Регистрационного управления, то работы такового не было видно, было одно название учреждения. О существовании главного органа агентурной разведки не знали армии.

С целью наметить вехи агентурной разведки созвано совещание. До сих пор агентурная разведка была поставлена весьма плохо: было много сепаратизма и партизанщины. В каждой из армий агентурная разведка велась совершенно независимо от центроргана, приспособляясь к пониманию ее руководителями задач разведки, а потому пестрела

сепаратизмом и отсебятиной, были дивизии, ведущие работу фронта, и наоборот. Ранее совещания созвать нельзя было, так как начальники Региструпа были лишь номинально — по названию. Кроме того, в центральном аппарате нужно было предварительно произвести чистку, в частности удалить военспецов. Теперь военспецов в Регистрационном управлении нет, ЦК РКП и РВСР обратили серьезное внимание на агентурную разведку вообще и Регистрационное] управление] в частности; в связи с этим и созывается настоящее совещание".

Заканчивая свою речь, тов. САМСОНОВ говорит, что в дальнейшем агентурная разведка должна быть классовой, вот почему Регистрационное] управление] производит равнение на РКП, с каковой целью и приглашены представители Зарубежн[ого] бюро РКП. Совещание носит совещательный характер и все его решения будут направлены в РКП и РВСР для утверждения.

После речи тов. САМСОНОВА объявляется перерыв до 4-х часов дня.

Первый день совещания (второе заседание — вечернее)

Заседание возобновляется в 16 ч[ас] 30 мин Доклады с мест:

Делают доклады:

Председательствующий тов[арищ] открывает заседание. Слово предоставляется представителю 4-й армии Турк-фронта.

Представитель от Туркфронта.

Представитель от 10-й армии. В 8 часов вечера объявляется перерыв до 9 часов.

Заседание возобновляется в 9 часов 30 минут: Представитель от 8-й армии,

Представитель от 12-й армии,

Представитель от Южфронта,

От Украинской зарубежной организации[443],

ОТ ДОНБЮРО,

Представитель ОТ 14-й АРМИИ.

В 10 ч[ас] 30 м[ин] заседание закрывается.

9-го декабря 1919 г. Второй день совещания

Заседание возобновляется в 11 час. 30 мин. дня Доклад представителя от 16-й армии.

Представитель от 15-й армии: В денежной отчетности была большая неразбериха, теперь лучше: раньше, ввиду наплыва членов партии, особой вербовки не велось. Осенью стало хуже и были посланы вербовщики в тыл. Вербовать в тылу, однако, воспретили, [а] в прифронтовой полосе нет подходящих людей. Войсковые части также не дают людей для этой цели. Требуется анкета и ручательство 2-х товарищей]. Особого договора нет. Снабжение документами поставлено довольно хорошо. Оклады максимум 5000 и минимум 3000. Существует премия от 500 руб. до 1000 руб. за хорошо выполненные задания. Плохо с одеждой. На местах гражданские организации не способствуют снабжению одеждой. При прохождении от линии фронта до штаба дивизии, т. е. приблизительно около 50 верст, тратится 3 дня. От дивизии до армии гораздо быстрее. Агентурная сеть охватывает Польшу, Литву, Латвию, Белоруссию и даже Германию. Границы схемы дала сама жизнь. Район армии разбит на 3 подрайона по числу дивизий. Агенты сдают материал в эти дивизионные пункты. Газет поступает довольно много.

Представитель от 7-й армии.

---

[443] 11 мая 1920 г. и.д. начальника Региструпа В.Х. Ауссен направил письмо в ЦК КП(б)У (копии — ЦК РКП(б) и Маркусу), в котором констатировал выполнение взятых обязательств всеми органами, кроме ЦК КП(б)У. ЦК Компартии Украины «не только не вело никакой осведомительной работы в прилегающих странах, Галиции, Южной Польше, Бессарабии, с которыми у него имеются старые связи и где при желании это было бы чрезвычайно легко сделать, но даже не выполнило той скромной задачи, на него возложенной, по устройству запасной сети на случай отхода нашей армии и занятия части территории неприятелем». Более того, ЦК КП(б)У отказало в содействии 2-м сотрудникам Региструпа, командированным на Украину, и крайне осложнило работу по насаждению агентурной сети на занятой Красной армией территории и в тылу Рады (РГАСПИ. Ф. 17. On. 109. Д. 64. Л. 10–10 об. Заверенная машинописная копия).

Представитель от Запфронта.

Представитель от ЛАТБЮРО.

Представитель от ФИНБЮРО.

Представитель от Северного фронта.

Докладчиком выступает тов. САМСОНОВ . Докладчик говорит, что работы в Регистрационном управлении до его прихода не было: было все, что угодно, но не дело, приходилось создать заново центр[альный] аппарат Регистрационного управления РВСР, на что ушло много сил и энергии и, в общем, эта работа еще не закончена. Иллюстрируя сказанное, тов. САМСОНОВ читает свои доклады, поданные в ЦК РКП и Ревв[оен] с[овет] Респ[ублики] и выписки из докладов консультантов, на которых подробно останавливается. Заканчивая свой доклад, тов. Самсонов говорит, что, судя по докладам с мест, можно вполне понять и представить работу Регистрационных] управлений], так как это почти фотографический снимок работы Регистрационного управления в прошлом — вернее, его бездеятельности. Принимая все это во внимание, Совещание не должно предъявлять преувеличенные требования к Регистрационному] управлению], а, обратив внимание на пробелы в его прошлой работе, использовать свой опыт и приложить все усилия к более правильной и целесообразной постановке дела агентурной разведки. Тов. САМСОНОВ находит, что поэтому задача Совещания не нападки на Региструп, так как тех лиц, к которым они относятся, к тому же и нет, а деловая и трезвая работа, обмен мнениями и опытом в агентурной работе, и потому в дебатах предлагает не разбрасываться по мелочам.

Председательствующий БРУНО предлагает затронутые в докладе тов. САМСОНОВА организационные вопросы не подвергать теперь обсуждению, а когда Совещание перейдет к рассмотрению организационного вопроса.

Тов[арищ] от Запфронта задает вопрос о шагах, предпринятых Регистрационным] управлением] для организационной связи с армиями во всероссийском масштабе и затем о постановке информации и т. д.

Тов. САМСОНОВ говорит, что заданные вопросы относятся к начальникам отделов.

Тов[арищ] от Юговостфронта запрашивает о штатах для армий и фронтов.

Тов. ИППОЛИТОВ отвечает, что имеется проект штатов для центрального агентурного органа, а для фронтов и армий таковых штатов не выработано и выработка их является задачей настоящего Совещания.

В 6 час объявляется перерыв до 9 часов.

Заседание возобновляется в 8 часов 40 минут.

С докладами о работе Регистрационного] управления] по его отделам выступают начальники отделов:

Тов. Соколов. Начальник оперативного отдела говорит, что взамен консультации созданы оперативный и информационный отделы. При начале работы связи с фронтами не было. Связь с собственной агентурной сетью была слабая. Были запрошены все фронты о представлении схем своих работ, но до сих пор схем не представили: Южфронт, Юговостфронт и Востфронт. Представленные же схемы не удовлетворительны и составлены часто по схеме зарубежных бюро (это, например, видно в схеме Запфронта по Финляндии). Давались задания, но ответы на них поступали скудно (контрольный журнал это свидетельствует). Ввиду недостатка агентурных работников решено систематизировать и согласовать работу: для этого и составлены зоны, т. к. иначе армии зарываются вглубь противника и не знают нередко, что творится на самом фронте.

Упреки Запфронта о заданиях будто бы сверхмеры не верны, а инцидент с Салониками — фантастичен, т. к. из Оперода Региструпа такового задания не исходило.

В дальнейшем резидентуры будут распределены по зонам и глубокий тыл должен отойти к Региструпу. Задания, выполняемые агентами-ходоками, объясняются бедностью людьми. В иностранные государства посланы люди, но пока результатов нет. В зарубежными организациями установлена тесная связь, даются задания, и они также выполняют работу в пределах бывшей Российской империи наряду с фронтами. С Полевым

штабом связь тесная, представители Оперода Регистрационного] управления] присутствуют на докладах Оперода Штаба. Делаются выводы и указания Штабом, которые ложатся в основу даваемым фронтом заданий по агентуре.

Следующим заслушивается доклад начальника] сухопутного агентурного отдела тов. Вальтера.

Заменивший председательствующего тов. Бруно — тов. Ипполитов для дополнения доклада о работе морского отдела предоставляет слово начальнику Кронштадтского пункта.

От отдела прессы доклад делает тов. ПОКРОВСКАЯ: В задачи отдела входит извлечение ценного материала в военном и политическо-экономическом отношении из газет армейских, иностранных, русских, белогвардейских и советских. Ежедневно поступает несколько десятков номеров иностранных газет. Доставка газет тормозится общими условиями, фронта же дают старые газеты. Причина всему этому коренится в распылении между разными учреждениями и задержки на местах получаемых газет. Задержка происходит в дивизиях, армиях и фронтах — таким образом, происходит использование в трехчетырех местах, причем всюду выбирался материал, к данной армии не относящийся: делается, следовательно, лишняя работа (параллельная). Далее тов. ПОКРОВСКАЯ подробно останавливается на способах выборки, распределения и группировки сведений о сводках и т. д. Кроме еженедельных сводок в последнее время составляются ежедневные.

Товарищи спрашивают, куда деваются использованные и неиспользованные газеты и есть ли связь с Политуправлением Реввоенсовета Республики.

Тов. Покровская, отвечая, указывает, что соответствующая связь с Политуправлением установлена, туда отсылаются всевозможные воззвания и прокламации. Газеты же, по использовании в отделе прессы, направляются в «Правду» с просьбой их обратного возврата и хранения в архиве.

От информационного отдела — тов. ГРУЗДУП:

В информационном отделе сосредоточивается весь поступающий агентурный материал и используется для оперативного отдела Полевого штаба. Для того чтобы выполнить эти требования, необходимо знание об армиях противника и т. д.

Военспецы относились к этому материалу — добытому кровью, спустя рукава. Была масса работников, которые, однако, ничего не делали в общем и целом, так что много материала оставалось неиспользованным. Не было связи с разведотделом Полевого штаба. Был параллелизм в работе с последним. Много сведений агентуры в сводку разведотдела и вовсе не впадала. Кроме того, материал получался в сыром виде: не было дат, источника и достоверности получаемых сведений. В настоящее время, после очищения от военспецов, работа приобрела другой характер: получаемые сведения систематизируются. Докладчик подчеркивает, что в докладах с мест не отмечено об использовании получаемых сведений, и считает необходимым, чтобы за этим следил Региструпр.

Тов[арищ] от Запфронта спрашивает, имеется ли связь с оперативным отделом и почему нет инструкций. Тов. ГРУЗДУП: контакт имеется: в оперативном отделе ведется специальный журнал, в котором отмечается исполнение задания.

От инструкторско-организационного отдела — тов. ГОРБУНОВ:

Останавливаясь на работе отдела, [Горбунов] говорит, что таковой находится в стадии организации. Затем, определяя вкратце задачи отдела, читает несколько резолюций по вербовке, контролированию и проверке агентов путем разбивки завербованных на несколько кружков, по способности и доверию к ним, где и производится их обучение и инструктирование.

Затем совещание переходит к обсуждению докладов — с мест и Регистрационного управления. Прения открываются речью тов. от Запфронта: по докладам с мест мало что можно сказать, в Регистрационном управлении было не лучше. На местах не чувствовалось его руководства, не было планомерности в работе агентурной разведки, чем и объясняется разброд на местах. Кроме того, надо обратить серьезное внимание на более планомерное снабжение деньгами и одеждой. Региструпр, давая задания, должен предоставить и

соответствующую обстановку для их выполнения. Присоединяясь к докладу тов. САМСОНОВА о недостатке работников и о неудачных решениях июльского совещания, которые подлежат изменению, тов. МАРКУС говорит о необходимости в дальнейшем упорядочения снабжения документами. Нужно, чтобы Региструпр действительно подтянулся и не работал только внутри *своих*[2] стен, а обратил внимание на должное руководство работой фронтов и армий.

Слово предоставляется тов[арищу] *представителю от 7-й армии* :

Отмечает ненормальное положение Регионупра по отношению к зарубежным организациям: они должны быть подчинены армии, аппаратом применительно к дивизионным отделениям. Положение, занятое Региструпром [к] зарубежным организациям, порождает параллелизм и кустарничество в работе.

По его мнению, в работе Региструпра масса ошибок, работники Региструпра не уясняют задач агентурной работы и не сохраняют должной конспирации. Заканчивая свою речь, полную выводов по адресу Региструпа, тов. КАРПОВ делает выводы о необходимости для дальнейшей строгой централизации и планомерности в агентурной работе. Подчиненность агентуры армии фронтов должна быть горизонтальная Реввоенсовету и вертикальная Региструпру. За Региструпром остается лишь общее руководство и инструктирование.

Выступивший после *тов[арищ] от Финбюро* выражает удивление на развязанность тов[арища] представителя от 7 армии по отношению к Финской зарубежной организации, которую тот рассматривает как подчиненную армии.

Из докладов с мест вытекает необходимость классовой разведки, и курс, взятый Регистрационным управлением, есть правильный, так как он имеет основой пролетарский коммунистический принцип. Говорившие здесь, что в течение 2-х месяцев Региструпром ничего не сделано и имеются громадные недостатки в работе, *что такие же недостатки имеются на местах** — может быть, в гораздо большем размере. Нужно признать, что задачи, стоявшие перед Региструпром, огромны и посильная работа им произведена. Что касается до зарубежных организаций, то их ни в коем случае нельзя подчинять и заменять ими армейскую или даже дивизионную агентуру. От этого странно[го] и недопустимо[го] воззрения нужно отказаться. Нападки тов. КАРПОВА на зарубежные организации и Региструп совершенно непонятны.

Слово предоставляется *тов[арищу] от Латбюро* :

Тов[арищ], останавливаясь на докладах, указывает на некоторые недостатки, могущие послужить уроками для будущего. Он подчеркивает, что главный недостаток агентурной работы минувшего периода — это что работники Региструпра не стремились узнать, что творится в армиях и на фронтах, не дали им рамок их работы и т. д. Что же касается по централизации агентурной работы, то она, по его мнению, нежелательна. Тов[арищ] от Юговостфронта отмечает, что бичевать надо взаимно друг друга, так как недостатки везде есть. Не нужно витать в воздухе, надо обратить серьезное внимание на фронты и армии, заняться разрешением наболевших вопросов о снабжении деньгами, одеждой; выработать штаты для фронтов, армий и дивизий.

Представитель Южфронта:

Верно, что Регионуп проявил себя лишь месяц-два тому назад. Есть масса шероховатостей; задания бесконтрольны; очевидно, Оперод хромает: слишком много в мелочах, ненужной конспирации и т. д. Что же касается до доводов тов. КАРПОВА, то они несерьезны: это больше придирки. Вопросы денежные и с одеждой очень существенны. Если поставить принцип централизации снабжения одеждой, то через 1–2 месяца очистятся все магазины Москвы, с чем, конечно, не согласится Московский совет и его органы снабжения. Упорядочения снабжен™ одеждой можно добиться изданием соответствующего приказа. В агентурной работе центр тяжести нельзя перенести на зарубежные организации, так как только одна Финская организация наиболее крепкая, все же прочие слабы, поэтому можно только зарубежные организации использовать[3] в качестве способных к агентурной работе.

В заключение тов. БРУНО предлагает избрать комиссию для выработки различного рода резолюций и пожеланий Совещания.

Следующим говорит тов. Самсонов : Работа начинается наново из ничего.

Далее он подчеркивает, что тов. Соколов, на которого нападали, много сделал по сравнению с прошлым. Что касается до зарубежных организаций, то равнение на них есть пожелание не только Региструпра, но и ЦК РКП. Выдвигаемые здесь денежные вопросы посильно могут быть устранены. Тяжесть работы Региструпра велика, ведь он теперь ломает общие организационные принципы старой агентуры, непригодные в обстановке Гражданской войны. Уже одно равнение на зарубежные организации даст много: некоторые их них работают в масштабе армий и даже фронтов, выполняя задания Региструпра; нельзя сказать, что Региструпр не руководил работой: задания и соответствующие распоряжения фронтам давались.

Красной нитью всех докладов проходит отсутствие согласованности и единства методов в работе агентурной разведки, отсутствие знаний, опыта и т. д.

Ранее опытные и умелые товарищи устраивались, как умели, и каждый действовал, как ему казалось лучше. Цель и задача Совещания состоит в том, чтобы не ограничиваться нападками, выяснить и зафиксировать весь опыт. Неправда, что будто всю агентуру хотят передать зарубежным организациям. С каждой организацией будет заключен договор постольку-поскольку, т. е. в зависимости от их готовности к работе и не больше.

Заканчивая свое слово, т. Самсонов вносит пожелание, чтобы дальнейшее течение Совещания было деловым, и вносит предложение выбрать тройку для выработки резолюций.

Прения по докладам окончены. Совещание признает желательным по докладам с мест и по докладу Регистрационного управления и начальников отделов вынести соответствующие резолюции и вытекающие пожелания. Вносится предложение избрать комиссию для выработки резолюций.

Заседание заканчивается в 10 часов 45 минут вечера.

Третий день совещания . 10 декабря

Заседание открывается в 11 часов 50 минут дня.

Председательствующий тов. БРУНО, открывая заседание, говорит, что прения по докладам с мест и Регистрационного управления окончены. Ввиду того, что на последнем заседании была признана Совещанием желательность вынесения определенных резолюций как выводов из докладов, предлагает огласить имеющиеся резолюции.

Слово для оглашения резолюции и ее мотивировки предоставляется тов. ИКОННИКОВУ, который, в кратких словах суммируя сущность всех докладов, констатирует отсутствие общего плана работы, ее несогласованность; констатирует также сильный недостаток в технических средствах и мало-мальски подготовленных работников. Как вывод из всех докладов ясно вытекает необходимость в строительстве работы по агентуре классового принципа. Что же касается Регисгрупа, то он действительно не проявил себя при военспецах — теперь не то:

Совещание должно констатировать ту громадную работу, которая им произведена. В заключении тов[арищ] от Донбюро читает свою резолюцию.

Тов[арищ] от 10-й армии высказывается против выражения благодарности и упоминания о громадной работе, проделанной Регисгрупом.

Тов[арищ] соглашается на соответствующее исправление резолюции.

Тов[арищ] от 7-й армии оглашает резолюцию от инициативной группы, в которой говорится об отсутствии инициативы со стороны Регистрационного управления в деле строительства агентурной разведки.

Тов[арищ] от Запфронта оглашает свою резолюцию и настаивает на ее голосовании.

Тов[арищ] от 7-й армии, указывая, что в резолюции тов[арища] от Запфронта затрагиваются вопросы чисто организационного свойства, предлагает товарищу] вопросы организационные выбросить и слить в одну со своей.

Тов[арищ] от Юговостфронта вносит предложение о выборе редакционной комиссии

для согласования внесенных резолюций и выработки одной общей.

Голосованием 16-ю голосами при 8-ми за предложение тов. СТОЛЯРОВА отклоняется.

Внесенные резолюции ставятся на голосование, тов. МАРКУС свою резолюцию снимает.

Голосуются без обсуждения резолюции товарищей от Донбюро и 7-й армии, причем резолюция тов[арища] — представителя] от Донбюро с поправкой товарища] — представителя] от 10-й армии принимается при 17 за и 12 воздержавшихся.

Резолюция тов[арища] от 7-й армии отклоняется 12 голосами при 2 за и 11 воздержавшихся.

После принятия резолюции Совещание переходит к заслушанию доклада по организационному вопросу.

Слово для доклада предоставляется тов. САМСОНОВУ , который сообщает, что начальник] Полевого штаба РВСР ЛЕБЕДЕВ, изъявивший готовность выступить в организационном вопросе с некоторыми пожеланиями о целях и задачах агентурной разведки и желательной постановки агентурной разведки, утром быть не может, а придет лишь в 10 часов вечера.

Продолжая свой доклад, тов. САМСОНОВ делает краткий обзор целей и задач агентурной разведки и ссылается, что по указанию ЦК РКП Региструп вводит классовый партийный характер и [в] агентурную разведку. Эти принципы и должны лечь в основу организационной работы Совещания. Методы же работы агентурной разведки и способы связи с центром могут быть самые разнообразные.

По окончании доклада тов. САМСОНОВА с мест раздаются голоса с вопросами: “Будет ли общий доклад по организационному вопросу?”, на который председательствующий тов. БРУНО отвечает, что общего доклада не будет, а Регистрационное управление предлагает заслушать в качестве докладчиков по организационному вопросу начальников] отделов Региструпа.

Тов. ИППОЛИТОВ отвечает на запрос о штатах, что штатов для агентурных отделов фронтов и армий Регистрационном управлением не вырабатывалось и разработка их всецело предоставляется Совещанию. Как проект штатов могут послужить штаты, выработанные тов. БРУНО для агентуры Южфронта. Совещание постановляет: заслушать доклад по организационному вопросу по частям в виде докладов начальников] отделов отдельно по каждой отрасли работы.

Слово для доклада предоставляется нач[альнику] оперативного отдела тов. СОКОЛОВУ, который говорит, что внесение зон необходимо для целесообразности работы, так как сохранит необходимую экономию сил и избавит от разбросанности. Зоны могут быть и несколько произвольны, и дело Совещания — выработать их. Он отмечает, что задания фронтовых и армейских агентурных организаций превышают зоны (это видно из представленных схем резиденций[4]).

У Региструпа пока слаба своя сеть.

Дальше тов. СОКОЛОВ читает свою резолюцию (см. приложение) и поясняет ее примерами. Резолюция суммирует опыт работы фронтов и армий.

Задания Оперода вырабатываются по указанию Оперода Полевого штаба, с которым имеется постоянная связь путем представительства Регистрационного управления на оперативных заседаниях Полевого штаба РВСР. То же самое необходимо установить и на местах. Большинство заданий не выполняются в срок. В целях контроля выполнения заданий Оперодом Региструпа ведется особый журнал, в котором отмечаются сроки дачи и выполнения задания. До сих пор (благодаря слабости связи с фронтами и неутверждения новых штатов Регистрационного управления) работа Оперода тормозится.

Тов[арищ] — представ[итель] от 13 армии задает вопрос о связи агентуры армейской с зарубежными организациями.

Тов. СОКОЛОВ отвечает, что таковая — с зарубежными] организациями] — и должна быть установлена путем передачи последними необходимых сведений армейским агентурам.

С докладом по инструкторско-организационному отделу выступает тов. ГОРБУНОВ, излагая вкратце задачи отдела, останавливается на вербовке, учете и подготовке агентов. Вновь выдвигая кружки как форму проверки и подготовки агентов, тов. ГОРБУНОВ читает на этот предмет тезисы. По окончании доклада докладчику задаются вопросы товарищами о том, могут ли вербовать фронта самостоятельно, для кого вербует Региструп, возможны ли переброски агентов, порядок прохождения в кружках агентов и методы их подготовки.

Тов. ГОРБУНОВ отвечает на вопросы: вербовка может производиться и на местах, но все завербованные должны состоять на учете в вербовочном отделе. При Регистрационном управлении учреждаются вербовочный отдел, который одновременно снабжает и фронты завербованными. Переброски агентов возможны в исключительных случаях — по соглашению с фронтами, если не хватит резерва Региструпа. Агенты по завербований разбиваются по несколько кружков — примерно на 3: в первом (более широком) — малонадежные, требующие обследования, где цели им не указываются; во втором — надежные, которым вполне можно верить. Окончательная подготовка на работу производится в третьем кружке (более узком), путем кружкового инструктирования и устройства специальной школы.

Тов[арищ] — представитель] от 7-й армии находит, что подобного рода «кружковщина» не может гарантировать сохранение конспирации в работе.

Тов[арищ] — представ [итель] от Финбюро предлагает вопросы, как дискуссию в открытом виде, прекратить.

Принимается предложение ограничиться самыми необходимыми существенными вопросами. В заключение тов. ГОРБУНОВ читает тезисы о школе обучения и подготовки.

Следующим заслушивается доклад начальника] информационного отдела тов. ГРУЗДУПА:

Роль информации громадна, так как она дает результаты работы агентуре. Методы ее: ясно, без недомолвок, осветить все, полностью использовать материал. Не было общих методов; материал обрабатывался не всегда своими работниками, а часто военспецами в разведке, не будучи использован целиком. Сведения должны разбиваться на то, что нужно для местных нужд и что надо в кратчайшее время отправить высшим инстанциям и соседям. Недопустимо смешение агентурного материала с допросом пленных и т. д., но такой материал необходим для проверки и перекрыти[я] работы агентуры. Переходя далее к технике обработки и порядку использования агентурного материала, тов. ГРУЗДУП читает резолюцию-инструкцию и правила направления и обработки агентурного материала. В телеграфных сводках и донесениях нужно избегать лишних слов, применяясь к военной терминологии, чтобы не загружать телеграфа.

Тов[арищ] — представ[итель] от 16 армии спрашивает, когда нужно подавать периодические сводки, какой срок должен быть установлен.

Тов. ГРУЗДУП указывает: ежедневные сводки подаются дивизиями и армиями вверх по инстанциям; недельные [и] двухнедельные — фронтами и Региструпром; и месячные Региструпром.

С докладом о правильном использовании иностранной и зарубежной прессы выступает тов. ПОКРОВСКАЯ и оглашает на этот предмет тезисы, отвечая на вопросы, задаваемые с мест.

В 2 часа 30 минут объявляется перерыв до 4-х часов вечера.

20/III 9 [час] 30 [мин]

Отрываются прения по организационному вопросу речью тов[арища] представителя от Запфронта. Тов[арищ] указывает на то, что агентурная разведка должна разделяться на активную и информационную; фактически не верно, т. к. нельзя увлекаться активностью, отбрасывая ее целесообразность[5].

Далее товарищ, останавливаясь на положении об агентурной разведке, принятом 19 июля с.г., предлагает ее[6] изменить, т. к. в этом положении первых пунктов проводится разделение войсковой и агентурной разведки, которая в последующих пунктах

стушевывается.

Необходимо изменить также существующие штаты, т. к. они неудовлетворительные. Живая жизненная потребность говорит за то, что штаты должны быть увеличены почти вдвое. Что же касается настояния тов. СОКОЛОВА о том, чтобы строго соблюдались зоны обследования, то, возможно, что теоретически это может быть правильно, но фактически это невыполнимо по многим соображениям, ибо мы находимся не во время войны империалистической, а во время войны гражданской, когда строгое соблюдение зон невозможно. Тот взгляд, который переводится Регистрационным управлением относительно перенесения центра тяжести разведки на зарубежные организации, неверен, потому что зарубежные организации к восприятию агентурной разведки не приспособлены. Будучи не в курсе тех требований, которые предъявляются к разведке армиями, они могут дать массу обывательных[7] сведений, которые с точки зрения военных организаций стоят нуль.

Финляндия тому не может служить примером, так как с ней войны нет и переход границы легче. На ЦК РКП ссылаться нельзя, так как, не зная ближе дела, ЦК РКП может иметь неправильное суждение. Что же касается вербовки и инструктирования агентов тем пунктом, который устанавливает в своем положении т. ГОРБУНОВ (кружками, группами, путем мобилизации), — невозможен, так как здесь необходим подбор чисто индивидуальный.

Порядок передачи и использования прессы неверен: армия и фронт должны иметь сведения не только военные, но и учитывать политическую ситуацию. Старое положение должно быть переработано. Дивизионные отделения не должны быть прикреплены к дивизиям, а территориально к месту расположения.

Тов[арищ] представитель от 16-й армии категорически возражает против точного установления зон агентурной разведки, так как считает, что подобное распределение зон было уместно во время империалистической войны, теперь же (во время войны гражданской) это не может быть применено, ибо опыт кавалерийских налетов противника, затем частые переброски его частей заставляют точное соблюдение зон.

Поэтому установление зон должно быть отброшено, как отжившее, в сторону. Журналы задания ведутся, их устанавливать не следует. Ежедневных и еженедельных агентурных сводок не должно быть, а должны быть ежемесячные с приложением схем, которые и доставляются Регистрационному управлению. Пресса не должна быть изъята из ведения и использования армий и фронтов: она необходима для ориентирования в политической обстановке армии противника. Что же касается вербовки и инструктирования группами и кружками, то это невозможно, ибо это нарушает всякую конспирацию.

Тов[арищ] представитель от 16-й армии: План вербовки Регистрационного управления неудачен: он разглашает конспирацию всей работы. Принцип же классовой разведки верен и он наиболее правилен в условиях гражданской войны. Минувшие факты говорят за то, что если кадеты были шпионами Деникина и др., то мы, в свою очередь, должны направить все усилия в борьбе только усилиями пролетарского класса.

Относительно зон необходимо установление их с определением точного района тыла противника, иначе разведка дивизии и армии не может дать осязательных результатов для своих военных органов, которые требуют быстрого исполнения.

Зарубежные организации должны быть вполне автономны и выполнять задания, не связывая их никакими условиями тех органов, которые они обслуживают; должна быть взаимная информация.

Тов[арищ] представитель [от] Юговостфронта : Зоны, предлагаемые Регистрационным управлением, могут быть и должны быть, но не трафаретные, а условные. Вербовка практически неприемлема в той форме, в какой ее предлагает Региструп. Для работы нужны новые штаты, и они должны быть выработаны здесь: без штатов нельзя уехать из Москвы.

Тов[арищ] представитель от 10 армии : Мы съехались разрешить наболевшие вопросы. Здесь после высказанных положений участниками совещания должна быть

выбрана общая комиссия из представителей совещания и Регистрационного управления для согласования высказанных положений, выводов из них и выработки проектов.

Агентура, как таковая, не должна быть оторвана от войсковых организаций (прежде всего местных штабов), а должна быть теснейшим образом использована последними. Ясно, что в деле агентурной разведки присутствие военспецов недопустимо, но результаты агентурной разведки должны быть в первую очередь использованы соответствующими военными организациями. Опыт работы в агентурной разведке, отмеченный в докладах с мест, говорит, что так дальше работать невозможно, ибо партизанщина и кустарничество дальше нетерпимы. Это наблюдается не только в работе, но и в разнообразии названий Разведывательных], Информационных] и др. отделов; они должны носить одно название — Регистрационных и иметь строгую централизацию.

Совещание должно разрешить вопрос о штатах и окладах на местах для фронтов и армий. Надо также обратить внимание на установление точной и тесной координации с зарубежными организациями, [а] также установление порядка и формы отчетности в работе, личном составе и деньгах. Тот порядок снабжения деньгами, который практиковался до сих пор, нетерпим, так как при существующем субсидировании РВС армии, агентурная разведка прежде всего исключительно отчитывается перед ними.

Тов[арищ] представитель от Латбюро , присоединяясь к выводам, высказанным представителем от Запфронта, подтверждает необходимость установления территориальности для дивизионных агентур и для резидентур.

По мнению оратора, выступавшие товарищи не возражают против установления зон вообще, но против их трафаретности и верстового измерения. В остальном тов[арищ] подтверждает соображения, высказанные предшествующими товарищами, настаивая на упорядочении снабжения одеждой и деньгами армейских и фронтовых агентурных отдел[ов] из центра.

Тов[арищ] представитель от 7-й армии жалуется, что Оперод Региструпа дает слишком много заданий: так, напр[имер], в самую горячую минуту наступления Юденича их было получено целых 6. Необходимо, чтобы наблюдающий член Реввоенсовета был в курсе работы. В армиях необходимы следующие отделы: оперативно-вербовочный, административно-хозяйственный и информационно-хозяйственная часть. Что касается до привлечения к агентуре партийных организаций, то нужна сугубая осторожность, чтобы не провалить чисто партийной работы. Что касается спешной отсылки прессы в Региструп, то это невозможно, так как Реввоенсовет интересуется международной политикой и требует от разведки обработки в армиях и газетного материала в этом смысле.

После речи тов[арища] от 7-й армии прения прекращаются. Избирается редакционная комиссия для обработки всех резолюций и материалов из 5 лиц: 3-х от фронта и 2-х от Региструпа.

От фронта избираются товарищи представители Запфронта, Юговостфронта и 10 армии. От Региструпа избираются тов. Ипполитов и Буцевич[8].

Объявляется перерыв.

Заседание возобновляется в 10 час 45 мин при присутствии начальника Полевого штаба тов. Лебедева.

Слово для доклада предоставляется тов. Лебедеву : Разведка разделяется на войсковую и агентурную. Грань эта в центре, здесь, проходит довольно резко, но на местах сравнительно более стушевывается. Цели агентурной разведки — дать оперативным органам нужные сведения о военной мощи, ресурсах, политически-экономических фактах и т. д., и намерениях той или иной страны — например, ПОЛЬШИ.

В частности, о Польше важно знать: 1-е — военную политику в отношении Советской России; 2-е — к белым правительствам (Деникина, Юденича); 3-е — к Германии, Чехославии[9] и т. д.; 4-е — из кого состоит армия, роды войск по оружию, полевых запасных и т. д. частей; 5-е — его ресурсы в людях и т. д., как проходит мобилизация, система пополнения, призванные уже возрасты, меры вербовки добровольцев, 6-е — группировку

сил по театру военной линии и внутри страны. В этом смысле особенно важно наблюдение за переброской войск — особенно с одного фронта на другой. Такая же приблизительно задача ставится Региструпу и относительно несмежных с нами государств и по всему миру. У фронтов задания суживаются до изучения близлежащих государств. У армий сужение идет еще дальше и в ширину, и в глубину: напр[имер], в Западном фронте против Польши интересуются исключительно частями и населением этого участка. Агентура дивизий зависит от участка, занимаемого дивизией фронта. На пассивных участках фронта, на активных участках при ширине 10–30 вер[ст] агентурной разведки почти нет (ближайшие, обширные, нерасчлененные задачи имеют результатом ответы фельетонного характера — по газетам и слухам, и притом запоздалые). Необходимо умело расчленить задачи на массу мелких заданий, и притом так, чтобы по получении ответов на эти задания (с некоторым неизбежным пробелом) можно было бы по сведению результатов получить требуемую картину общего положения. Не менее тщательно надо наладить связь с курьерами, так как запоздалые сведения не нужны. Ввиду того, что по обе стороны фронта говорят или по-русски, или на легко доступных языках и переход относительно нетруден, условия для агентурной разведки, по сравнению с позиционной войной, с чужими странами гораздо легче. Деникину гораздо легче работать, так как его осведомляет интеллигенция, работающая у нас, тогда как Советская Россия по необходимости в посылке идейных работников опирается на иные слои. В идеале Полевой штаб дает задания (через Региструп) лишь фронтам, те армиям и т. д. На практике ввиду недостатка сведущих работников приходится контролировать выполнение заданий на местах и через инстанцию. В особенности необходимо требовать представления по инстанциям подлинных документов. Далее тов. Лебедев отвечает на ряд вопросов о прессе, о взаимоотношениях военной и агентурной разведки и т. д.

Собрание закрывается в 12 час вечера.

Четвертый день совещания . 11 декабря

Заседание открывается в 5 час вечера, после окончании работы Комисси[и].

Докладчик в Комиссии — тов[арищ] представитель от Запфронта — оглашает резолюцию по организационному вопросу, выработанную без прений 14 голосами при 3-х воздержавшихся.

Секретариату Совещания предоставляется право внести редакционные поправки. Резолюция о связи агентурной разведки с войсковой принимается после прений единогласно с поправками тов[арища] представителя от Донбюро — о выпуске слов “абсолютно” и в конце о срочности заданий. Далее заслушивается проект о переименовании всех агентурных отделов на фронте в соответствующие регистрационные — принимается единогласно. Заслушивается положение по Регистрационному управлению фронта и принимается большинством против одного со следующими поправками: в параграфе 4 опускается “во всех отношениях”, в параграфе 9 опускается “копия Региструпу”. Далее заслушивается Положение о Регистрационном отделе армии и Регистрационном отделении дивизии и принимается единогласно.

Далее заканчиваются штаты фронта и после предложения тов[арища] представителя от 12 армии о их сокращении принимаются в целом 10 голосами против 4-х. Поправки товарища] от 12 армии и тов[арища] от 8-й отклоняются. Затем заслушиваются: штаты армии и принимаются 10 голосами против 3-х; и штаты дивизий, которые принимаются единогласно. Далее заслушивается резолюция по оперативной части и принимается единогласно. Резолюция о прессе, против которой высказываются тов[арищ] от Запфронта и за тов. Буцевич, принимается 11 голосами против 3-х. Тов. Груздуп зачитывает[10] резолюцию по информации, которая и принимается единогласно. Далее заслушивается инструкция по обработке материалов и принимается единогласно. Далее 17-ю голосами против 2-х принимается предложение посылать 2 раза в месяц схемы расположения противника и его баз. Товарищем] от Донбюро вносится резолюция об утверждении Совещанием соглашения с зарубежными организациями, которое принимается всеми

голосами против одного.

Совещание закрывается в 6 час 30 мин пением Интернационала»[444].

Итак, РУ расписалось в том, что работа и к декабрю 1919 г. велась несогласованно с разведотделением Оперативного управления Полевого штаба РВСР. Меры по координации работы предложил начальник Полевого штаба П.П. Лебедев[445]. Предлагалось распределить резидентуры по зонам, глубокий тыл отдать РУ. Делегаты отмечали отсутствие нормального финансирования и явно недостаточное количество агентов. При этом выяснилось, что агентурная разведка достигла уже значительных результатов, в частности, агентурная сеть только 15-й армии охватывала «Польшу, Литву, Латвию, Белоруссию и даже Германию». Общим местом выступлений была критика РУ и особенно начальника Агентурного отдела В.Н. Соколова. Самсонов попробовал было вступиться за подчиненного, но на собравшихся его выступление впечатления не произвело. По итогам все агентурные отделы на фронте были переименованы в Регистрационные. Совещание задачу выполнило: были выработаны и приняты Положения о

Регистрационном управлении фронта, о Регистрационном отделе армии и Регистрационном отделении дивизии. Кроме того, были приняты штаты Регистрационного управления фронта и ряд инструкций, необходимых для нормальной организации агентурной разведки, в том числе «Инструкцию о взаимоотношениях Региструпра Полевого штаба РВСР с зарубежными бюро РКП(б)». В соответствии с Инструкцией зарубежные партийные бюро, работавшие под руководством ЦК РКП(б), обязывались выполнять задания РУ, вербовать людей для его зарубежной работы, переправлять добытые сведения и материалы в Советскую Россию; РУ — содействовать вербовке сотрудников для зарубежных бюро, снабжать эти бюро деньгами, документами, техническими средствами и инструкциями, допускать представителей зарубежных бюро на свои съезды и совещания по разведке с правом решающего голоса. В целом можно констатировать, что совещание поставленные задачи выполнило.

Впрочем, 19 мая 1920 г. заместитель начальника РУ Одоевский жаловался в большевистский ЦК на представителя Центрального бюро еврейских коммунистических секций Диманштейна, который, получив 500 тысяч рублей на работу по заданиям РУ, за полгода не выполнил ни одного из полученных заданий и не представил, вопреки неоднократным обращениям РУ, отчета о расходовании средств[446].

При этом к 1920 г., как установил исследователь С.В. Карпенко, сложилась эффективная система органов войсковой разведки. Разведотделы Полевого штаба и фронтовых штабов действовали весьма успешно. Ежедневные разведсводки Полевого штаба предназначались для правительства и РВС Республики. В них обобщались самые важные и достоверные сведения по всем фронтам и территориям противника[447].

---

[444] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 64. Л. 2–6 об. Машинописный текст с правкой.

[445] Лебедев Павел Павлович (1872–1933) — генерал-майор (1915). Русский (уроженец г. Чебоксары). Социальное происхождение: Из дворян. Образование: Александровское военное училище (1892), Николаевская академия Генерального штаба (1900). В старой армии с 1897. В советском военном ведомстве с 1918 (добровольно) — нач. Мобилизационного управления ВГШ (с апреля 1918), по совместительству — председатель Комиссии для рассмотрения заявлений ведомств об оставлении на своих местах службы более 10 % работников из числа подлежащих призыву офицеров (с 24 декабря 1918); нач. штаба (с апреля 1919), команд, (июль 1919) Восточного фронта; нач. Полевого штаба РВСР (с ноября 1919), находился в ряде служебных командировок (сентябрь 1919); нач. Штаба РККА и нач. Академии Генерального РККА (с февраля 1921).

[446] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Он. 109. Д. 64. Л. 15 и др.

[447] См. подр.: Карпенко С.В. Разведсводки штабов Красной армии… С. 71.

Разведка Красной армии изучала практически все стороны жизни тыла белогвардейцев и интервентов: состояние сельского хозяйства, промышленности, транспорта, финансов, торговли и продовольственного дела, материальное и политико-правовое положение всех слоев населения, их политические настроения и социальная активность, проведение мобилизаций и реквизиций, формирование, пополнение и снабжение войск, политическая, военная и материальная помощь белым со стороны стран Антанты, взаимоотношения между различными слоями противника. Все эти факторы имели решающее значения в деле боеспособности вооруженных сил противника, поэтому без их изучения было невозможно осуществлять планирование и оперативное руководство.

Тыл противника изучался с помощью войсковой разведки, опроса пленных и перебежчиков, агентурной разведки, изучения трофейных документов и газет, а также технических средств — авиации и пеленгаторных станций радиотелеграфа.

Руководство всеми видами разведки было сосредоточено в одних руках: войсковая, агентурная, авиационная и радиоразведка подчинялись соответствующим воинским начальникам. На уровне полков — бригад — дивизий начальники разведорганов не являлись непосредственными руководителями этих средств разведки и занимались лишь анализом и систематизацией получаемой информации. Поэтому различные звенья разведки действовали разобщенно, поступление сведений нередко носило бессистемный, случайный характер. В разведорганах ощущалась острая нехватка специалистов. Только в штабах армий, фронтов и Полевом штабе работали бывшие офицеры, окончившие Императорскую Николаевскую военную академию и имевшие подготовку в организации разведки, обработке и анализе развединформации.

Несовершенство организации и нехватка профессионалов затрудняли проведение широкомасштабных и целенаправленных разведопераций с использованием всех средств разведки и имели следствием ошибки при анализе развединформации и отдельные неточности в выяснении тех или иных вопросов о противнике[448].

Разведсводки сохранились достаточно полно вследствие своего многократного копирования и широкой рассылки. Поток разведсводок шел не только снизу вверх, но и сверху вниз по прямой подчиненности штабов, и по «горизонтали» — в штабы соседних дивизий, армий и фронтов. Штабы дивизий рассылали свои разведсводки в штаб армии и штабы соседних дивизий; штабы армий — в штаб фронта, штабы соседних армий и штабы подчиненных дивизий. В процессе прохождения развединформации снизу вверх нередко выделялась ее суть, а многие детали, не имевшие значения на военных разведчиков, опускались[449].

В 1919 г. для организации разведывательно-подрывной деятельности в РУ появилась группа бывших эсеровских боевиков — профессиональных подпольщиков, среди которых выделялись племянник Столыпина Алексей Михайлович Устинов, Афанасий Семенович Северов-Одоевский и Яков Моисеевич Фишман[450].

Бесчисленные реорганизации

На повестку дня РУ встал новый вопрос — финансовый. РУ остро ощущало нехватку денежных средств «на ведение разведывательной деятельности, — отмечает военный историк В.С. Кириллов. — Смета агентурного отдела… постатейно рассматривалась и

---

448 См. подр.: Карпенко С.В. Разведсводки штабов Красной армии… С. 65–66.

449 См. подр.: Карпенко С.В. Разведсводки штабов Красной армии… С. 73–74.

450 Колпакиди А., Север А. Указ. соч. С. 109.

утверждалась на заседаниях валютной комиссии Политбюро ЦК РКП(б) [451]. Сменяли друг друга начальники РУ (Д.И. Курский[452], Г.Л. Пятаков, В.Х. Ауссем) и его Агентурного отдела (В.Г. Зиверт с июня 1919 г., Н.М. Чихиржин с июня же 1919 г., В.К. Вальтер с декабря 1919 г, В.Н. Соколов с января 1920 г., А.П. Аппен с апреля 1920 г., Я.К. Берзин с декабря 1920 г.) [453], регулярно докладывавшие руководству РККА о бедственном положении центрального органа военной разведки и самой разведки и безуспешно требовавшие денег; утверждавшие новые Положения о РУ и проводившие связанные с ними реорганизации. Но недостаток специальной подготовки и безденежье сводили результаты работы к минимуму.

1 января 1920 г. при новом начальнике РУ видном большевике Г.Л. Пятакове (январь — февраль 1920 г.) вошли в действие новый Штат и Положение о Регистрационном управлении. В сборнике биографий «Они руководили ГРУ» дается следующая оценка документа: «“Положение” представляло собой документ все еще военного времени». В общем виде задачи РУ были формулированы следующим образом: «Выяснение военных, политических, дипломатических и экономических планов и намерений стран, враждебно действующих против Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и нейтральных государств, а также и отдельных групп и классов, могущих нанести тот или иной вред Республике». Задания РУ получал от РВС Республики и Полевого штаба. РВСР назначал начальника РУ и «через одного из своих членов» осуществлял «непосредственное наблюдение за деятельностью» управления. Устанавливалась следующая структура РУ: 4 отдела (мобилизационный, оперативный, информационный и хозяйственно-финансовый) и комендантская часть. «Мобилизационный отдел (цитируется сборник «Они руководили ГРУ») привлекал сотрудников “для работы по тайной разведке”, занимался их обучением и разрабатывал для них инструкции и указания. Оперативный — составлял общий и частный планы агентурных сетей, распределял задания между местными органами Региструпра и отдельными агентами, снабжал агентов всем необходимым для работы, опрашивал возвращающихся из-за рубежа людей и оценивал их сведения. Информационный обрабатывал и сводил все данные, получаемые от оперативного отдела и из зарубежной прессы и документов, издавал разного рода сводки, обозрения и т. п.; в его функции входило также “сообщение представителям советской печати различных сведений из добытых Региструпром материалов, по утверждению начальником Региступра”»[454].

В марте 1920 г. РУ умудрилось проигнорировать совещания по рассмотрению

---

[451] Кириллов В.С. Указ. соч. С. 45.

[452] Курский Дмитрий Иванович (1874–1932) — советский государственный и партийный деятель. Образование: юридический факультет Московского университета (1900). В революционном движении — с конца XIX в., редактировал нелегальные социал-демократические газеты. Членство в партиях: РСДРП(б) с 1904. На партийной работе — член Бутырского райкома, участник Декабрьского вооруженного восстания в Москве (1905); член областного бюро Московской организации большевиков (1906); член Московского областного бюро ЦК РСДРП (с 1907). В старой армии с 1914, вел революционную агитацию среди солдат. Во время Февральской революции — председатель Совета солдатских депутатов 4-й армии на Румынском фронте; делегат I Всероссийского съезда Советов (июнь 1917). Во время Октябрьского переворота — член ВРК в Одессе (октябрь 1917). На советской работе — нарком юстиции РСФСР, первый советской генеральный прокурор (1917–1928); член Президиума ВЦИК (с 1921) — Президиума ЦИК СССР (с 1923); председатель Центральный ревизионной комиссии ВКП(б) (1924–1927); посол СССР в Италии (1928–1932). В советском военном ведомстве — комиссар при командующем всеми морскими силами Республикии, управляющий делами Наркомата по морским делам (с августа 1919); член Революционного военного совета Республики (декабрь 1919 — январь 1921); военный комиссар Полевого штаба РВСР (декабрь 1919–1920). Член ЦКК ВКП(б), избран XV Съездом (1927) (СВЭ. Т 4. М., 1977. С. 539–540; Реввоенсовет Республики. Т. 1. С. 610).

[453] Коник В.Я. Советская военная разведка.

[454] Они руководили ГРУ. С. 58.

«Наставления по организации разведывательной службы в Рабоче-крестьянской Красной армии», на которых присутствовали: начальник разведчасти Оперативного управления Полевого штаба К.Ю. Берендс, его помощник Краснов; помощники начальников регистрационных отделений 6-й армии Манютет, Западного фронта Попов, Юго-Западного фронта Медель; представители Управления инспекторов артиллерии, Управления авиадарма, СКА и СКАРАДИО [455] . Если неявка представителя Кавказского фронта еще как-то объяснима, то неявка представителя РУ не свидетельствует о высоком уровне контроля со стороны центрального руководящего органа за происходящим в разведке.

Владимир Христианович Ауссем, член революционного движения с 1899 г., командир 2-й Украинской советской дивизии, в армии не служил, если не считать краткосрочного пребывания в кадетском корпусе в Киеве после Февральской революции.

С 25 декабря 1919 г. Ауссем — в центральном аппарате военной разведки начальником 2-го отделения 1-го отдела «с прикомандированием к Управлению». В январе 1920 г. Ауссем помощник, затем и заместитетель начальника РУ. За его подписью объявлены Положение и штат регистрационных отделений штабов армий, ставших «органом, ведущим тайную агентурную разведку и руководящим таковой в дивизиях и контролирующим ее». С 14 февраля Ауссем возглавил РУ и объявил его штат, по которому предусматривалось 4 отдела — мобилизационный, оперативный (агентурный), информационный и хозяйственнофинансовый.

Изменение ситуации на фронтах повлекло за собой изменение «вектора» советской военной разведки. В апреле 1920 г. Ауссем докладывал, что разведка в тылу белогвардейских войск «на окраинах» отпадает или функции РУ сокращаются до минимума одновременно с очищением этих стран. На первое место выходит разведка в странах Западной Европы, Японии и Америки, для чего «в первую очередь может использоваться и огромная численно русская эмиграция». Ауссем добивался выделения Регистрационному управлению хотя бы 10–20 «ответственных лиц» из дореволюционной эмиграции, которым можно было бы доверить, к примеру, связи III Интернационала. Член Оргбюро ЦК Л.П. Серебряков наложил резолюцию: «Уч[етно] — распределительному] отд[елу]. Предоставить тов. Ауссему необходимых] работников] загр[аницей] и знающих языки» [456] . Но в результате приказа члена РВС ЮгоЗападного фронта И.В. Сталина об отозвании начальника Регистрационного управления фронта Ф.М. Маркуса [457], вопреки протесту руководства военной разведки, разразился скандал — 10 июня Ауссем сложил с себя «ответственность за дальнейшую постановку дела агентурной разведки и возможные сюрпризы на фронте» [458].

20 июня 1920 г. вышел приказ РВСР № 1391/238, объявивший о ликвидации РУ и изменении структуры Полевого штаба, в частности, о реорганизации Оперативного управления ПШ в Оперативно-разведывательный отдел с разведывательной частью в нем. Общая структура управлений Полевого штаба выглядила теперь следующим образом:

I. Оперативно-разведывательный отдел в составе частей: 1) Оперативной; 2) Разведывательной; 3) Учетной, состоящей, в свою очередь, из отделений: 1-го (учет всех воинских частей), 2-го (учет численности всех воинских частей), 3-го (учет численности

---

[455] См.: РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 9. Л. 43 и след.

[456] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 64. Л. 19–19 об.

[457] Маркус Фриц Матвеевич (1890–1938) — советский военный разведчик. Член РКП(б) с 1917 г. Руководитель группы агентурной разведки штаба Латышской армии (март — май 1919), военком и начальник агентурной разведки штаба Западного и Юго-Западного фронтов (май 1919 — ноябрь 1920). В дальнейшем — на партийной работе на Урале, в Сибири, Закавказье. Репрессирован (биографию составил В.С. Кириллов).

[458] Они руководили ГРУ. С. 69–70.

Запармии, Трудармии и ТАОНа[459]), 4-го (учет численности войск Всероглавштаба и частей особого назначения); Топографического;

II. Отдел связи, состоящий из: 1) Канцелярии; 2) Экспедиционно-журнального отделения; 3) Телефонно-электро-монтерного отделения; 4) Телеграфной конторы; 5) Рабочей телеграфной колонны; 6) Радиостанции; 7) Отдельной автомобильной команды;

III. Учетно-регистрационный отдел: 1) Информационное отделение; 2) Отделение по укомплектованию;

Информационно-исторический отдел: 1) Информационное отделение; 2) Историческое отделение; 3) Общее отделение[460].

По мнению исследователя Н.Д. Егорова, приказ положил конец РУ: «К концу Гражданской войны в Красной армии сложилась стройная система органов военной разведки, которые входили в состав подразделений штабов, ведавших оперативными вопросами, и включали разведывательную часть в составе

Полевого штаба Реввоенсовета Республики, разведывательные отделения в составе штабов фронтов, армий, других оперативных объединений, разведывательные подразделения или лиц, ответственных за разведку, в составе штабов воинских соединений и частей. В центральном, фронтовом и армейском подчинении создавались специальные технические части, целью которых было получение разведывательной информации (приемные радиостанции, разведывательные авиационные отряды и т. п.). Тактическая (войсковая) разведка велась силами стрелковых и кавалерийских частей и подразделений»[461]. Система, весьма вероятно, была стройной. И Регистрационное управление формально могли упразднить, но на деле «ликвидация» управления несколько затянулась.

В августе 1920 г. (формально — 11 июля[462]) очередным руководителем советской военной разведки был назначен латыш Ян Давидович Ленцман. Родился 17 ноября 1881 г. в Курляндии в семье крестьянина-батрака. Образование получил, мягко говоря, весьма скромное: ЦПШ. Зато гигантский стаж в революционном движении — с 1898 г., в Социал-демократической партии Латышского края (СДПЛК) с 1899 г., член ЦК РСДРП с 1907 г., член Бакинского комитета РСДРП (1908–1911), член Рижского комитета СДПЛК (1911), член ЦК СДПЛК (1914–1915). Неоднократно подвергался репрессиям за революционную деятельность. С 1906 г. — в эмиграции, проживал в Швейцарии. Существенно повысил культурный уровень. Делегат Лондонского съезда РСДРП, 2-го съезда СДПЛК, избран членом ЦК. В 1917 г. — член Президиума ВЦИК, на подпольной работе в Риге, 1 января 1918 г. арестован немцами и заключен в концлагерь Фридрихсгоф, где сидел до апреля. Вернулся в Советскую Россию — начальник политотдела военкомата г. Москвы (июнь — июль 1918), председатель Ярославского губернского ревкома (июль — сентябрь 1918); инструктор ЦК РКП(б) (с октября 1918;) нарком внутренних дел и заместитель председателя СНК Латвийской Советской Республики (с декабря 1918); член РВС Армии Советской Латвии (апрель — май 1919), член РВС и начальник политотдела 15-й армии (апрель 1919 — февраль 1920); председатель заграничного бюро ЦК Компартии Латвии, в городах Великие Луки и во Пскове (с июня 1919 г.). Любопытно, что в июле 1920 г. Ленцман был назначен одновременно начальником РУ и членом Президиума ВЧК. Вероятно, предполагалось, что это поможет наладить взаимодействие военных разведки и контрразведки и упростит получение Регистрационным управлением средств на ведение

[459] ТАОН — тяжелая артиллерия особого назначения.

[460] Егоров Н.Д. Указ, соч.; Сб. секретных приказов РВСР за 1920 г. Приказ РВСР № 1391/238.

[461] Егоров Н.Д. Указ. соч.

[462] Они руководили ГРУ. С. 71; Колпакиди А., Прохоров Д. Указ, соч. Т. 2. С. 221 и др.

заграничной работы (сметы утверждались ВЧК).

Ленцман оказался прагматиком, ценившим беспартийных специалистов. Отказавшись от их использования в работе, связанной с заграничными коммунистическими организациями, новый начальник РУ признал возможность работы военспецов «при отсутствии соответствующих коммунистов» в не справлявшемся со своей работой информационном отделе[463]. Летом 1920 г. Реввоенсовет Республики учредил институт военных представителей РСФСР в странах, с которыми республика заключила мирные договоры и установила диломатические отношения. 3 июня РВСР утвердил инструкцию военным представителям РСФСР за границей. В обязанности военных представителей включались задачи по военной разведке[464].

«В связи с открывающейся возможностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республике посылать в другие государства, с которыми… заключен мир или достигнуто какое-либо политическое соглашение, дипломатические миссии или представительства и вместе с тем военных представителей, и в целях объединить подбор кандидатов на должности военных представителей в одних руках» 16 августа 1920 г. заместитель председателя РВС Республики Эфраим Склянский приказал подбор и расстановку военных представителей при официальных миссиях «в каждом отдельном случае производить Регистрационному управлению Полевого штаба РВСР» с утверждения РВСР и согласия НКИД. Назначение «полуофициальных-неофициальных представителей» РУ также обязывалось производить по соглашению с НКИД. Списки кандидатов на вышеуказанные должности должны были представлять начальник Всероссийского главного штаба и Академии Генштаба РККА. 28 августа приказом РВСР был объявлен штат военного представительства за границей, состоявший из 7 человек. 6 сентября РВСР объявил приказом Положение о военном представительстве за границей, согласно которому военные представители назначались РВСР по представлению Полевого штаба и по согласованию с НКИД. Они входили в состав дипломатической миссии РСФСР, их задачей было обслуживание военных задач обороны Советской России за границей. Денежные средства для военных представителей должны были ассигновываться по сметам Полевого штаба, но вследствие отсутствия точного курса валюты и колебания цен, оклады на содержание и отпуск средств на текущие расходы разрешалось временно определять уполномоченным дипломатических миссий на местах[465].

К осени 1920 г. намечалась очередная реорганизация Регистрационного управления. Для этого при ЦК была сформирована специальная Комиссия. В сентябре Ленцман и начальник Оперативного отдела РУ А.П. Аппен направили в Комиссию по организации РУ проект нового штата, отметив: «изменение в штатах не есть ломка аппарата управления в целом, а лишь те частные изменения, которые… необходимо внести»[466]. Ленцман и Аппен разъясняли: «Первым самым крупным изменением в новых штатах намечено расформирование Мобилизационного отдела и сформирование Организационного отдела; вторым изменением явилась реорганизация Общей канцелярии в Общий отдел. Расформирование Мобилизационного отдела безусловно было вызвано жизненным опытом, ибо мобилизация агентов не тем отделом, который фактически их отправляет, вызывала всегда массу недоразумений, и наиболее целесообразным найдено, как мобилизацию-вербовку, так общее и персональное инструктирование, а равно и самую

---

463 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 64. Л. 40–41.

464 Колпакиди А., Север А. Указ. соч. С. 124.

465 Сб. РВСР. Т. 2. С. 124–125.

466 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 64. Л. 40.

отправку за рубеж агента передать в одни руки — в Оперативный отдел. Но в связи с увеличивающейся работой Оперативного отдела и необходимостью отделить работу управления и руководства местными органами от работы по непосредственной секретной агентуре необходимо сформировать новый Организационный отдел, задачей которого является руководство работой подчиненных Региструпру местных органов и инспекции работы последних. Реорганизация… Общей канцелярии в Общий отдел вызывана тем, что целый ряд необходимых для всех отделов подсобных учреждений, как, например: типография, комендатура, инфровальщики находились до сих пор в подчинении разных отделов, что безусловно плохо отражалось и тормозило работу. Поэтому Общему отделу подчинены все те отделения, которые являются общими и необходимыми для всех отделов Региструпра. Далее штат увеличен в Оперативном и Сводочном отделениях — они были разбиты на секторы, ибо при сколько-нибудь удовлетворительной постановке работы необходимо сводку сведений и вырабатывание новых заданий специализировать по отдельным отраслям или группам стран, так как отдельное лицо всей Европой или даже миром ведать не может. Затем введена в штаты комендантская команда в количестве 16 человек. Команда необходима для охраны здания Региструпра, ибо ежедневно меняющийся караул, посылаемый ВОХРом, этой задачи удовлетворительно исполнить не может ввиду полного незнакомства его со зданием. Необходимо заметить, что при таком меняющемся карауле также страдает конспирация. Кроме того, в представленных штатах увеличен транспорт на один легковой автомобиль и одну мотоциклетку, ибо работа показала, что без поревозочных средств, имея в виду сэкономить время и назначая свидания с агентами в Регистрационном управлении, мы рискуем провалить агентуру»[467]. Судя по последнему замечанию, старания Самсонова пропали даром. Всего штатом предусматривалось 360 сотрудников, большая часть из которых — технический персонал[468].

Уже в сентябре 1920 г. новые «Положение» и штат РУ были утверждены. РУ признавалось «…самостоятельным органом стратегической агентурной разведки глубокого типа и центральным органом управления подведомственных ему органов агентурной разведки штабов округов, фронтов и отдельных действующих армий, не входящих в состав фронтовых войсковых соединений». Задание РУ получал от РВСР непосредственно или через военного комиссара Полевого штаба, что в сущности для ситуации 1920 г. было одно и то же (военный комиссар штаба — член РВСР Сергей Гусев). В составе РУ находилось 5 отделов: Оперативный, Информационный, Общий, Организационный, Хозяйственно-финансовый[469].

3 сентября 1920 г. отдел военной цензуры был выделен в самостоятельное Управление военной цензуры во главе с Н.Н. Батуриным[470].

Ко 2 октября разведке, в частности, удалось добыть сведения о планах французского военно-морского командования принять активное участие в операциях против портов и открытых городов на Черноморском побережье. Это позволило Реввоенсовету Республики принять ряд превентивных мер[471].

30 октября Ленцман направил рапорт в ЦК РКП(б) с предложениями по реорганизации агентуры РУ. Управлению он просил предоставить следующие полномочия: 1) назначать

---

[467] Там же. 25–25 об.

[468] Там же. Л. 26–28 об.

[469] См. подр.: Лурье В.М., Коник В.Я. Указ. соч. С. 32–33.

[470] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 98. Л. 808. Пр. РВСР по л/с № 427 от 3.08.1920

[471] См.: Сб. РВСР. Т. 2. С. 138.

военных представителей РСФСР во всех странах; 2) включать во все дипломатические миссии, делегации и представительства своих представителей для связи с местными организациями и Москвой и более быстрого налаживания работы[472].

В конце 1920 г. советская военная разведка успешно действовала более чем в 15 важнейших государствах, причем особенно эффективно — в Прибалтике, Польше и на Балканах[473].

5 февраля 1921 г. Ленцман направил докладную записку о работе РУ с предложениями по реорганизации агентурной разведки заместителю Троцкого Эфраиму Склянскому, копии — в ЦК РКП(б) и Феликсу Дзержинскому. Документ дает исчерпывающие сведения о работе РУ, его фронтовых и армейских органов. Ленцман доложил, что, приступив к исполнению своих обязанностей, он нашел РУ «в разваленном виде»: как сам аппарат управления, так и его местные органы (регистрационные отделы, регистроды), наспех созданные во время боевых операций на фронтах, совершенно не соответствовали своему назначению. Регистрационное управление его сотрудники прозвали «Региструп — мертвый труп»: два его основных отдела — оперативный (добывающий материал) и информационный (обрабатывающий материал) — находились «в самом жалком положении»; собственной агентуры у РУ не было, а потому «оперотделу… нечем было оперировать, а в информационном] отделе на обработке материалов, например, сидели совершенно незнакомый с военным делом человек и женщина, могущая исполнить роль журналистки»[474]. Многие из местных регистродов вследствие неквалифицированности кадров оказались «совершенно неработоспособны, а многие вели кустарническую работу, руководствуясь старыми, допотопными принципами разведки царских времен». Затишье на фронтах позволило Я.Д. Ленцману начать тотальную проверку местных органов РУ («проверить и подытожить их деятельность, выяснить объем и работоспособность созданных агентур»). Проверка на момент составления докладной еще не окончилась, но уже было ясно: «результаты самые плачевные» — при огромном количестве армейских и фронтовых регистрационных (разведывательных) отделов, при огромной затрате денег и посылки большого числа людей РУ и его местные органы получают «самые скудные сведения» о неприятельской армии; имеющиеся сведения добыты главным образом войсковой разведкой и путем опроса пленных и перебежчиков, а дорогостоящая агентура «почти все время молчит»[475]. Ряд регистрационных отделов (например, регистрационные отделы 4-й стрелковой дивизии 15-й армии, 2 представителя РВС 15-й армии, Регииструпровская группа «МАКСС» в Витебске, а впоследствии и Загранбюро ЦК Латвии) работали параллельно друг другу и др. советским и партийным организациям[476]. Величину израсходованных сумм РУ установить не мог: многие регистроды, как показала проверка, финансировались не только РУ, но и Реввоенсоветами фронтов и армий, субсидии которых «отпускались в виде бриллиантов, ценностей и т. д.». К чести Ленцмана стоит заметить, что он начал коренную

---

472 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 64. Л. 40. В докладе предлагались и др. меры.

473 Так как агентурная разведка по-прежнему работала в отрыве от войсковой разведки и радиоразведки, в 1920-е гг. один из преподавателей Академии Генерального штаба РККА С. Савицкий, подводя итоги Гражданской войны, отметил «несогласованность действий агентурной и войсковой разведки. В то время когда Гражданская война придавала большое значение агентуре, последняя, будучи несогласованна с войсковой в едином аппарате, не смогла дать соответствующих удовлетворительных результатов».

474 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 64. Л. 42, 43.

475 Там же. Л. 42.

476 Там же. Л. 42–42 об.

ревизию и реорганизацию регистродов Кавказского, Южного и Юго-Западного фронтов (реорганизацию Южного и Юго-Западного к февралю 1921 г. он закончил), ликвидацию многих армейских аппаратов и проверку закордонной агентуры. Резиденты-наблюдатели на неприятельской территории назначались местными регистродами из «первых попавшихся» людей — в агенты пролезало много авантюристов и уголовников, которые, «получив средства, после перехода фронта или стали провокаторами, или спекулировали, пьянствовали и безобразничали, меньше всего думая о разведке»; состав гласных сотрудников во многих регистродах был не лучше состава агентов, «пьянство, разгильдяйство и преступления» стали обычным явлением «многих регистродов армий и дивизий»[477]. Начальник РУ с согласия Эфраима Склянского начал замену «количественно большой, но качественно плохой массы агентов» на резидентов-организаторов из «отборных морально и политически проверенных и достаточно подготовленных одиночек», в задачу которых ставится создание агентурной сети из местных жителей, главным образом — из работников местных партийных организаций. К февралю 1921 г. «новые, небольшие аппараты (например, в Литве, Латвии, Эстонии, Германии)» стали давать «несравненно более ценные материалы, чем старые громоздкие организации».

Ленцман начал подготовку «нескольких хороших резидентов-организаторов для западноевропейских государств и Турции, которая в последнее время приобретает особый для нас интерес», причем перебросить их, как намечал Ленцман в декабре 1920 или январе 1921 г., он не смог «вследствие бюрократизма и невероятной волокиты некоторых учреждений, от коих зависит снабжение Региструпра необходимыми средствами». Это выпад в адрес комиссии, сформированной при Оргбюро ЦК РКП(б) и около 3-х недель «решавшей и перерешавшей» вопрос об утверждении разработанной Ленцманом еще в первых числах декабря 1920 г. и одобренной Ф.Э. Дзержинским сметы на второе полугодие 1921 г. в размере 293 000 фунтов стерлингов. Ленцману с трудом удалось через ВЧК получить иностранной валюты на 1364 фунта стерлингов (на эту сумму, докладывал Ленцман, не могла существовать даже одна резидентура в течение месяца). При очередном обращении к одному из членов созданной Оргбюро ЦК РКП(б) комиссии выяснилось, что «предположенные миссией к отпуску 2 000 000 золотом еще не представлены на утверждение ЦК, а взаимообразно в счет сметы иностранную валюту получить нельзя, так как ее здесь нет — этим самым ставится крест на все шаги по реорганизации агентурной разведки и… прекращается… сама разведка на несколько месяцев»[478], таким образом, с огромными трудностями созданные агентуры в Германии, Литве, Латвии, частично в Польше и в др. государствах должны разваливаться. РУ было вынуждено также отказаться от посылки в разные государства (например, Персию, Италию и Финляндию) дипломатических и торговых миссий[479]. И это притом, что, как писал А.И. Кук, хотя советской военной разведке «неизвестны секретные фонды Франции на 1921 г., но субсидирование Стокгольмского французского бюро тайной разведки 15 млн франков достаточно убедительно само по себе. Секретные расходы Франции также довольно рельефно характеризуются единовременным ассигнованием 45 млн франков ежемесячно — на поддержку российской контрреволюции»[480].

Ленцман писал, что он в безвыходном положении: приглашенные для агентурной работы сотрудники все приписывают плохой постановке работы, бюрократизму и

---

[477] Там же. Л. 42 об—43.

[478] Там же. Л. 44.

[479] Там же. Л. 44 об—45.

[480] Цит. по: Турло С.С., Зсигдат КП. Указ. соч. С. 416–417.

канцелярщине в РУ; «начальники отделов, видя всю бесцельность такой работы, чуть ли не ежедневно подают рапорта об увольнении, ссылаясь на невозможность дальше работать»; двое подготовленных для организации агентурной разведки в Турции разведчиков наотрез отказались дальше ждать средств и ушли на другую работу. Это привело к откладыванию в «долгий ящик» организации резидентуры в Турции.

Ленцман докладывал о невозможности своевременно предоставлять информацию Полевому штабу, просил Э.М. Склянского срочно обеспечить управление денежными средствами или освободить его от занимаемой должности[481].

Примечательна резолюция на копии докладной, поступившей в ЦК РКП(б) — «[И.В.] Сталину для комиссии, образованной Оргбюро, по Региструпу. 10/11. [Л.П.] С[еребряков]». Вопрос о комиссии решался Комиссией ОБ под председательством Иосифа Сталина.

Разведка Красной армии против белогвардейцев

Схватка спецслужб развернулась преимущественно на фронтах. В годы Гражданской войны борьба между советской военной разведкой и белогвардейской контрразведкой на Юге России велась с переменным успехом и носила эпизодический характер: обе спецслужбы еще не успели, что называется, «встать на ноги». Однако укрепление боеспособности Красной армии, ее победы расширили потенциал Красной разведки, а поражения Русской армии и сужение ее территории сковывали действия врангелевской контрразведки. На Южном фронте и против интервентов в районе Черного моря удачно действовали разведчики Ф.П. Гайдаров и Елена Феррари-Голубовская. На Дальнем Востоке, в Китае и Маньчжурии вели разведывательную работу Х.И. Салнынь, ЛЯ. Бурлаков и В.В. Бердникова. Уже в конце Гражданской войны молодой советский разведчик В.В. Давыдов, начальник разведывательного пункта Туркестанского фронта, организовал дерзкую операцию по похищению атамана Дутова из его штаба, находящегося на китайской территории. Хотя похищение не удалось и Дутова пришлось убить, эта операция сорвала готовящийся поход белоказаков на территорию Советской России. В тылу колчаковских войск в Иркутске хорошо поработал на благо «мировой революции» Дмитрий Киселев, 4 раза переходивший линию фронта, доставлявший красным ценные сведения и удостаивавшийся аудиенции у самого Ленина[482]. С другой стороны, по воспоминаниям Станислава Турло, и «Белый шпионаж во время Гражданской войны главным образом начинал свою работу с фронта»[483].

Разведка Красной армии против Польши

27 апреля 1923 г. на заседании РВСР Степан Данилов заметил: «Последнее время секретные сведения из Петрограда и Украины просачиваются за границу; осведомленность наших врагов только немного отстает». Ему вторил М.В. Фрунзе, у которого были «сведения, что из Штаба РККА секретные сведения попадают за границу». Сам он, «например, сведения о приказах» получал сначала «из Польши, а потом только из Москвы»[484]. Война спецслужб России и Польши активно развернулась в 1919 г.

---

481 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 64. Л. 44 об—45.

482 Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918–1922 гг. М., 2008. С. 287; Колпакиди А., Север А. Указ, соч. С. 118.

483 Турло С.С., Залдат КП. Указ. соч. С. 533.

484 Сб. РВСР. Т. 2. С. 335.

10 декабря 1919 г. на совещании работников агентурной разведки начальник Полевого штаба Павел Лебедев четко определил, что именно необходимо знать оперативным органам РККА о Польше: «1-е — военную политику в отношении Советской России, 2-е — к белым правительствам (Деникина, Юденича), 3-е — к Германии, Чехославии (Чехословакии. — *С.В.)* и т. д.; 4-е — из кого состоит армия, роды войск по оружию, полевых запасных и т. д. частей, 5-е — его ресурсы в людях и т. д., как проходит мобилизация, система пополнения, призванные уже возрасты, меры вербовки добровольцев, 6-е — группировку сил по театру военной линии и внутри страны. В этом смысле особенно важно наблюдение за переброской войск — особенно с одного фронта на другой. Такая же приблизительно задача ставится Региструпу и относительно несмежных с нами государств и по всему миру».

Особое внимание было уделено агентурному отделению разведоргана штаба Западного фронта: его начальником и военным комиссаром назначили опытного военного разведчика Фрица Матвеевича Маркуса. Общее руководство агентурным отделением осуществлялось членом РВС фронта и уполномоченным РУ Иосифом Станиславовичем Уншлихтом[485]. Результатом организационных мероприятий, проведенных штабом Западного фронта, стало создание агентурной сети в тылу польской армии, уже к декабрю 1919 г. насчитывавшей 64 агента[486]. В личном фонде В.И. Ленина отложился январский доклад 1920 г. «Положение в Польше», направленный председателем Совнаркома Уншлихтом и заведующим информацией Бортновским. Разделы доклада: «I. МИНИСТЕРСКИЙ КРИЗИС: “Работник” о старом правительстве; “Работник” о кризисе; Людовцы о кризисе; Большинство в Сейме; Людовцы о большинстве; позиция Н.Д. (Национальный Людовский союз); Позиция людовцев; Программа большинства; Аграрный вопрос; Новый кабинет. И. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: Польша и Деникин; “Курьер Поранный” о сплоченном противоболыпевистском фронте”; “Курьер Поранный” об изменении положения на польском фронте; Положение на Галицийском фронте; Восточная Галиция; О границах с Силезией; Литва и Польша; III. ФИНАНСЫ: Что сделал Билинский (министр финансов, консерватор), Денежный рынок; г. Скульский (президент) о финансах; Долги Польши (суммы долга Англии, Франции, Америке, Италии и Голландии на основании английского журнала “Экономист”); IV. ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: Цены на продукты; Город и деревня; Секвестр; Недостаток сахару и угля. V. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ И РЕПРЕССИИ: Настроения рабочих и крестьян; Забастовки [и] правительство; Репрессии. VI. ПОЛЬСКАЯ АРМИЯ: Общая характеристика частей и настроений в них; Дезертирство; Взаимоотношения между солдатами и офицерами; Революционные выступления;

---

485 Уншлихт Иосиф Станиславович (1879, Млава Плоцкой губернии, в совр. Польше — 1938) — один из создателей органов государственной безопасности. Поляк. По специальности: Электротехник. Образование: Высшие технические курсы в г. Варшаве. В партиях:

Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (с 1900), РСДРП (с 1906), большевик. На государственной, военной и партийной работе: член Петроградского совета (апрель 1917); член Петроградского военно-революционного комитета (октябрь 1917); член коллегии ВЧК (декабрь 1917); воевал с немцами под Псковом (начало 1918); председатель Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (апрель 1918—январь 1919); нарком по военным делам Литовско-Белорусской ССР, член Президиума ЦК КП Литвы и Белоруссии (с февраля 1919); заместитель председателя Совета обороны Литовско-Белорусской ССР (апрель 1919). В межвоенный период — зам. председателя ВЧК — ГПУ, по его предложению было создано специальное бюро по ведению активной разведки — дезинформации противника (с апреля 1921); член РВСР и Начальник снабжений РККА (с осени 1923); член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б) (с 1924); кандидат в члены ЦК ВКП(б) (с 1925); зам. председателя РВС СССР и зам. наркома по военным и морским делам СССР (февраль 1925 — июнь 1930) и председатель Осоавиахим СССР (с января 1927); начальник Главного управления Гражданского флота (1933–1935); секретарь Союзного Совета ЦИК СССР (с февраля 1935). Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован, восстановлен в партии (1956). Участие в войнах: Первая мировая война, против Германии (начало 1918); советско-польская война — член РВС 16-й армии и Западного фронта и член Революционного Комитета Польши. Подр. биографию см.: Архив ВЧК. С. 707.

486 Кириллов В.С. Указ. соч. С. 44.

Мобилизация»[487]. Разведка Юго-Западного фронта установила, что польское правительство заключило лишь экономический союз с Деникиным, снижение революционного движения и аресты польских коммунистов, которые не давали оснований особенно рассчитывать на поддержку экспорта революции в Польше. Общий вывод: польская армия плохо подготовлена к зимней кампании: отсутствовали теплое обмундирование и обувь[488]. Кроме того, была установлена возможность «усиленного действия польско-литовско-латышских войск против Советской России»[489]. Из доклада следует, что основным источником информации об экономике, внешней и внутренней политике для разведки Юго-Западного фронта были газеты, хотя в частях польского фронта активно действовала советская агентура.

Из докладов агентуры следовало: тремя «наиболее видными группами польской армии», оперировавшими против советских войск на Западном фронте, были: «1) Собственно легионеры;

2) Познанские части; 3) Белорусско-Литовские части». Наиболее боеспособными частями признавались Познанские: они были лучше обмундированы и состояли в подавляющем большинстве из добровольцев. Немногим уступали Познанским частям по своему положению и настроению Белорусско-Литовские части, даже несмотря на то, что процент мобилизованных был достаточно высоким. Легионеры (1-я, 3-я и 8-я дивизии легионеров) состояли в большинстве из мобилизованных и «после некоторого соприкосновения с Красной армией» поддавались в известной степени пораженческой агитации. Ее советские военные разведки вели посредством литературы на польском языке, подбрасываемой в польские части. Уншлихт и Бортновский с удовлетворением отмечали: литературу поляки читали «с большой охотой»[490]. Общее состояние польской армии разведчики характеризовали следующим образом: «вообще было бы рискованно говорить, что польская армия разложилась, однако признаки разложения заметны»[491]: помимо чтения нашей литературы отмечались повсеместные пьянство и грабеж во фронтовых частях, «невероятные» воровство и взяточничество польских офицеров и военных чиновников, достаточно масштабное дезертирство из прифронтовой полосы (в Вильно и Минске тюрьмы оказались переполнены, приходилось направлять арестованных в варшавские тюрьмы); падение дисциплины, несмотря на суровые меры по борьбе с ней; по непроверенным разведкой данным, в Минске и Вильно офицеров, которые в отличие от солдат были «великолепно одеты, в теплых шинелях», заставили снять погоны[492].

В целом сведения разведки были точны, подробны, хорошо структурированы. К докладу Уншлихт и Бортновский приложили «Конспект важнейших событий в Польше по декабрь 1919 г.», в котором в конспективном виде изложены: состав и политика Сейма; разногласия во власти по поводу внешней политики; финансовое положение (признавалось катастрофическим); промышленность (отмечен ее кризис и работа фабрик «только на военные нужды»); забастовочное движение (объяло, по сведениям военной разведки, всю Польшу) и октябрьские демонстрации «на почве голода и безработицы».

---

[487] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12529. Л. 2—19.

[488] Там же. Л. 14.

[489] Там же. Л. 9.

[490] Там же. Л. 15–16.

[491] Там же. Л. 16.

[492] Там же. Л. 16–18.

В секретариате Ленина велось специальное делопроизводство, в которое направлялись сведения о Польше, в частности добытые советской военной разведкой[493].

Ленин имел возможность сопоставить сведения советской военной разведки со сведениями, добытыми политотделами. Так, 22 января 1920 г. заведующий политотдела Западного фронта старый большевик Кирилл Иванович Шутко доложил Ленину: «Неудачи на среднем участке нашего фронта продолжаются. Обнаруживающаяся активность поляков на правом фланге Юго-Зап[адного] фронта, по-видимому, будет подкреплена и на нашем левом фланге, как говорят довольно достоверные сведения нашей разведки и политической агентуры…мы не ослабляем своей работы (тому объективные доказательства в виде газет, получаемых из-за фронта в большом количестве и свидетельствах товарищей], переходящих оттуда, о значительном распространении нашей литературы)». Примечательно, что старый большевик Шутко обращался напрямую к Ленину, а не к Троцкому — главе военного ведомства, распорядился переадресовать доклад, «дорогой» сердцу Кирилла Ивановича, Владимир Ильич[494].

В мае 1920 г. Уншлихту удалось организовать разведывательно-подрывную работу в тылу польских войск, используя левых эсеров Белоруссии[495].

Центральная советская разведка в польской кампании в целом также оказалась на высоте положения. Об этом свидетельствуют, в частности, крайне подробные агентурные сводки о положении в Польше за 1920 г., отложившиеся в фонде Штаба РККА[496].

Сразу после начала советско-польской войны советская военная разведка выяснила позицию по вопросу о войне Латвии. Для этого военным представителем делегации по мирным переговорам РСФСР с Латвией был назначен глава советской войсковой разведки К.Ю. Берендс. 27 мая 1920 г. он докладывал начальнику Полевого штаба П.П. Лебедеву свои соображения, «вытекающие в связи с данными по разведке» из «впечатлений», которые» были у Берендса до работы в составе делегации. Берендс характеризовал настрой делегации как, на первый взгляд, «вполне миролюбивый». Из заявлений латвийской мирной делегации следовало, что Латвия «никоим образом не желает быть втянутой в войну ни на стороне России, ни на стороне Польши». Однако данные разведки показывали степень искренности латвийской мирной делегации, получавшей указания от своего правительства, во всей красе. По словам Берендса,

«1) Договор о перемирии не соблюдался с момента его подписания и не соблюдается до сих пор. Активные боевые действия со стороны латвийских войск продолжают иметь место на всем Латвийском фронте, причем ныне занимаемое латвийскими войсками положение сильно уклонилось к востоку по сравнению с линией фронта 1 февраля 1920 г., которое они обязаны были занять в течение 10 дней с тем, чтобы далее не продвигаться. Несмотря на это, продвижение продолжается и ныне.

2) Казалось бы, что, ведя мирные переговоры и стремясь к миру, Латвийская армия не требует увеличения в своем боевом составе. Между тем наблюдается весьма энергичное формирование новых частей. Недавно сформирована 4-я дивизия, теперь формируется 5-я дивизия.

3) Согласно секретного договора о перемирии, Латвийское командование не имеет права перегруппировывать свои части, создавая угрозу стратегическому положению

---

493 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12529. Л. 19. Помета Ленина датирована сотрудниками РГАСПИ — не ранее 13 января 1920 г.

494 РГАСПИ. Ф. 2. Он. 1. Д. 12641. Л. 1–1 об.

495 РГАСПИ. Ф. 17. Он. 3. Д. 74. Л. 1 об.

496 См., напр.: РГВА. Ф. 7. Он. 2. Д. 725.

Российских войск.

Между тем за последнее время в Дриссенский район переброшена из района Либавы — Митавы 4-я Земгальская дивизия, выдвижение коей на фронт дало возможность вывести в резерв 1-ю Курземскую дивизию в полном составе.

По имеющимся сведениям, в г. Дриссу прибыл Штаб 3-й Латгальской дивизии, которая якобы сменена 1-й Курземской дивизией. Эти сведения дают основание полагать, что еще одна латвийская дивизия переброшена к правому флангу Латвийского фронта в Дриссенский район. Вызывается ли эта мера боязнью за свой правый фланг, ввиду близости к нему района боевых действий русско-польских войск, или другими соображениями, сказать трудно, но, во всяком случае, мера эта, нарушая условия договора о перемирии, помимо обеспечения нейтралитета может преследовать и другую цель.

4) При обсуждении в мирной конференции вопроса о границе вполне определенно выяснилось влияние Польши на Латвию и недоверие к России. В то время создалось впечатление о существовании особого соглашения (военной конвенции) между Польшей и Латвией.

5) Продвижение русских войск на Западном фронте против поляков сильно изменило стретегическое положение и на Латвийском фронте. Уступное положение Латвийских войск по отношению к нашим наступающим войскам чрезвычайно выигрышно для Латвии.

6) Сведения о сосредоточении крупных польских сил (до 8 пех[отных] дивизий) на Полоцк[о] — Виленском направлении может повлиять на успех нашего наступления в этом направлении.

7) Известно, что Латвия принимала участие в Варшавской конференции, и возможно, что она, подобно Румынии, заключила с Польшей особое соглашение. По некоторым данным, Румыния обязалась при наступлении Российских войск на Юго-Западном фронте против поляков нанести удар в левый фланг нашим войскам.

В случае наступления русских, Румыния должна очистить Бессарабию, с тем чтобы, сосредоточив свои войска на Румынской границе, перейти затем в общее контрнаступление.

Подобно Румынии Латвия, возможно, готовится к удару в правый фланг Российских войск, наступающих против поляков на Западном фронте. Момент для такого контрудара может совпасть с моментом перехода в контрнаступление сосредоточенных сил (8 дивизий) поляков, или последовать после поворота военного счастья в сторону Польши с целью извлечь возможную для Латвии выгоду, или, наконец, отвлечь часть сил на себя для спасения Польши. Какова бы ни была подкладка, фланговый удар Латвийских войск даже двумя дивизиями может иметь роковое последствие для нашего наступления на правом фланге Западного фронта.

Не исключена возможность, считаясь с психологией малых государств и народов, что при неуспехе Польши Латвия, несмотря на существующие соглашения и [ряд] обязательств перед Польшей, таковых не выполнит вовсе из-за опасений потерять то, что она уже имеет. Но та же психология подсказывает полную вероятность, при успехе на стороне Польши, стремления Латвии не упустить случая извлечь все возможные выгоды, ссылаясь на то, что принятые на себя Латвией обязательства перед Польшей блестяще ею выполнены.

Положение, в общем, весьма серьезно и, на мой взгляд, миролюбию Латвии доверять нельзя.

Нужна известная страховка с нашей стороны на случай нарушения Латвией секретного договора о перемирии уже в крупном масштабе, которое может иметь более глубокие последствия, чем те нарушения, которые делались до сих пор, но с той же целью извлечения от России возможно больших выгод. Нужно думать, что Антанта препятствовать этому не будет, а Польша, вероятно, принимает все меры, чтобы мирные переговоры с Латвией послужили бы надежной маской для проведения в жизнь заранее выработанного общего плана совместных действий Польши с Румынией, Финляндией и Латвией». Доклад был направлен наверх, строго по инстанциям: начальник Оперативного управления Полевого штаба — начальник ПШ — Главком — заместитель председателя РВСР — председатель

РВСР — председатель СНК. Ленин, ознакомившись, пометил: «Секретное, вернуть тов. *Троцкому»*[497]. Представляется странным, что в состав делегации включается генштабист из органа руководства войсковой разведкой, а не агентурной (т. е. не из РУ). Не исключено, что в вопросах военной разведки направление докладов строго по иерархической лестнице не было целесообразным.

Разведчик П.Р. Акимов внедрился в органы польской контрразведки. Другой разведчик, Я.П. Горлов — в главный штаб польской армии. В результате их успешной деятельности чекистами была вскрыта польская агентурная сеть в полосе Западного фронта, командование РККА получило важнейшие сведения о составе и дислокации польских войск. Советская военная разведка имела источники осведомления в центральных штабах, правительственных кругах и контрразведке Эстонии, добыла планы выступления против РСФСР Латвии и Эстонии, сведения о подписании направленных против нас секретных договоров Венгрии и Франции[498].

Характеризуя координацию органов военной разведки в ходе советско-польской войны, военный историк В.С. Кириллов приходит к следующему выводу: «Несмотря на трудности, связанные с войной, отсутствием опыта организации и ведения агентурной разведки, особенно на территории иностранного государства, а также с острой нехваткой подготовленных кадров и необходимых финансовых средств», РУ в 1920 г. «вел интенсивный поиск оптимальных организационно-штатных решений в создании центральных и периферийных разведывательных органов, вырабатывал принципы и методы ведения разведывательной деятельности, добывал силами своей агентуры необходимые сведения о составе и дислокации частей польской армии»[499].

Руководство ВЧК, однако, считало в июле — августе 1920 г. иначе: Ф.Э. Дзержинский писал начальнику штаба Западного фронта Н.Н. Шварцу: «Считаю состояние политической разведки не на высоте. Постоянной связи с партийными организациями нет. Все осведомление, кроме нерегулярных частных и партийных сведений, черпается из газет[ных] материалов. *Польревком считает необходимым создание при нем политической разведки* , для чего нужно срочное откомандирование ответственных партийных специалистов»[500]. 13 августа Дзержинский отписал самому И.С. Уншлихту: «Ввиду соприкосновения и близости германской границы и политической важности этого необходимо при Польском ревкоме иметь разведывательную политическую агентуру. Просим прислать для этого людей и аппарат самым ускоренным темпом»[501].

Однако агентурная разведка по-прежнему работала в отрыве от войсковой разведки и радиоразведки: в 1920-е гг. один из преподавателей Академии Генерального штаба РККА С. Савицкий, подводя итоги Гражданской войны, отметил «несогласованность действий агентурной и войсковой разведки. В то время когда Гражданская война придавала большое значение агентуре, последняя, будучи несогласованна с войсковой в едином аппарате, не смогла дать соответствующих удовлетворительных результатов»[502].

---

497 РГАСПИ. Ф. 2. Он. 1. Д. 26163. Л. 1–3.

498 Кирмель Н.С. Указ. соч. С. 287.

499 Кириллов В.С. Указ. соч. С. 59.

500 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 201.

501 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 203.

502 Они руководили ГРУ. С. 23.

От РУ к Разведотделу Штаба РККА (1921–1922 гг.)

Как отмечалось в официальной Справке Управления делами НКВМ по истории организации центрального аппарата военного управления в 1917–1928 гг., «к 1921 г. разбухание центрального [военного] аппарата достигло своего предела. В середине года штаты центральных управлений достигли 11 тысяч человек, не считая приданных к ним для обслуживания 9000 красноармейцев и рабочих. В связи с прекращением борьбы на внешних фронтах и переходом к мирному строительству вооруженных сил было приступлено к реорганизации центрального [военного] аппарата. В связи с прекращением борьбы на внешних фронтах и переходом к мирному строительству вооруженных сил, было приступлено к реорганизации центрального [военного] аппарата». Основной реорганизацией стало слияние 14 февраля 1921 г. Полевого штаба и Всероссийского главного штаба в единый Штаб РККА[503]. Логическим завершением процесса организационной эволюции Регистрационного управления стала реорганизация РУ в Разведывательное управление Штаба РККА, затянувшаяся, по старой наркомвоеновской традиции, до лета 1921 г. К моменту реорганизации в составе РУ находились Разведывательное управление и 4 отдела — войсковой разведки, информационный, агентурный и радиоинформационный[504]. 15 апреля Ленцман на основании распоряжения Э.М. Склянского сдал дела своему помощнику и направился «в Петроград на новую должность начальника Петроградского торгового порта»[505].

Реорганизация осложнялась очередным переездом: 18 апреля 1921 г. новый глава советской военной разведки врид начальника РУ Арвид Янович Зейбот докладывал зам. председателя ВЧК И.С. Уншлихту и помощнику комиссара Штаба РККА А.И. Цимблеру о невозможности реорганизации Регистрационного управления в Разведывательное ранее его переезда в новое помещение, где одна часть его будет находиться непосредственно в Штабе РККА, а другая — в близком соседстве с ним. После месячных хлопот, докладывал Зейбот, дело стало еще более запутанным. Вопрос был решен следующим образом: Управление РУ, отделы войсковой разведки и информационный переводились в помещения Штаба РККА, которые все еще занимал Революционный военный трибунал Республики, а для агентурного и радиоинформационного отделов предписывалось освободить дом на Знаменке, занятый общежитием курсантов Военно-хозяйственной академии.

Занимаемое тогда РУ здание на Большой Лубянке № 12 предназначалось Верховному трибуналу при ВЦИК, поглощавшему РВТР. С этим согласился Ф.Э. Дзержинский, чье ведомство, как известно, до сих пор проживает отчасти по этому адресу, но тут случайно выяснилось, что помещение для Верховного трибунала передали курсам ВЧК («будто бы потому, что Трибунал переезжает в Кремль»). Завершение реорганизации Регистрационного управления в Разведупр было назначено на 4 мая; Зейбот докладывал, что приказ о реорганизации не будет выполнен, «если дело вперед пойдет приблизительно таким же темпом, как до сих пор»[506].

20 мая 1921 г. военный комиссар Штаба РККА Степан Данилов констатировал: «Отвод помещения для Разведупра задерживается непредоставлением Комиссией по разгрузке соответствующего помещения для Реввоентрибунала Республики, за счет вывода которого претензия Разведупра частично разрешилась бы. Размещение… Агентурного отдела стоит в

---

503 Реформа в Красной армии. 1923–1928. М., 2007. Док. № 2п.

504 РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 132. Л. 121 об.

505 ГРУ Дела и люди. С. 34.

506 РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 132. Л. 121 об.

прямой зависимости от вывода Военно-хозяйственной академии в Петроград, что делает возможным, если удастся добиться согласия комиссии по разгрузке, передать Разведупру намеченный последним д. № 10 по Знаменке (дом особнякового типа). Основным же все-таки остается вопрос о предоставлении другого помещения Реввоентрибуналу. Моим представителем тов. [А.И.] Цимблером этот вопрос неоднократно поднимался в Комиссии [по разрузке] т. [М.Ф.] Владимирского, но до сих пор практического положительного разрешения его… добиться не удалось — в самом начале возникновения этого вопроса из-за вмешательства представителя ВЧК т. Берзина, совершенно неосведомленного по существу намечаемых перемещений, а затем ввиду отказа Комиссии по разгрузке предоставить Реввоентрибуналу дом № 9 на Воздвиженке, освобожденный Моркомом. Других удобных помещений поблизости к Реввоенсовету Республики и Штабу РККА, каковую близость Реввоентрибунал ставит обязательным условием при переезде, в расположении военного ведомства нет… 17 мая вопрос о помещении Разведупра решено поставить в ближайшем заседании Комиссии. Одновременно утверждаю, что никаких 20 освобожденных комнат, на которые указывает т. [А.Я.] Зейбот, в Штабе [РККА] нет. О том, что в доме, занимаемом теперь Разведупром по Лубянке 12 производятся ремонтные работы и что это сопряжено с неудобствами, мне стало известно только из прилагаемого при этом рапорта. Наконец, должен отметить, что т. Цимблер не возражает против оставления Разведупра в д. № 12 по Лубянке только потому, что Комиссия предполагала, благодаря неверной информации т. Берзина, принять решение о выводе Разведупра в одно из помещений военного ведомства; возражения… Цимблера… и разъяснения о специфическом содержании работ Разведупра Комиссией упорно не учитывались». Цимблер продолжал хлопоты[507]. Естественно, такая обстановка существенно осложняла работу центрального разведоргана Советской России. Ленцман в феврале 1921 г. просил о выделении РУ средств, необходимых для содержания агентов: при нем новые небольшие аппараты (в Литве, Латвии, Эстонии, Германии и Польше) стали давать ценную информацию[508]. Все хорошее, как известно, требует денег. В 1921 г. РУ действительно стало мощным информационным центром: оно издавало, в частности, ежемесячные политические обзоры основных событий в жизни иностранных государств. Из «Месячного политического обзора Региструпра РВСР по данным к 1 февраля 1921 г.» (М., 1921) следует, что РУ предоставляло высшему военно-политическому руководству данные о «Внешней политике» и «Внутренней жизни» следующих государств: Англия, Ирландия, Индия, Бельгия, Франция, Италия, Греция, Грузия, Турция Анатолия[11], Персия, Сирия, Месопотамия, Китай, Япония, США. Естественно, основное внимание уделялось потенциальным противникам Советской России[509].

Из аморфной структуры, объединившей разведку, военную контрразведку и военную цензуру, в 1918–1921 гг. Регистрационное управление эволюционировало в чисто разведывательный орган. Вместе с тем в результате ряда реорганизаций, чисток от «беспартийных военных специалистов» и недостаточного финансирования к концу Гражданской войны требовалось срочное «воскрешение» «мертвого трупа». Начало сокращения аппарата военного управления и волна реорганизаций, охвативших центральный военный аппарат в 1921 г., напрямую отразились и на отечественной военной разведке. В 1921 г. она была сосредоточена в Разведывательном управлении Штаба РККА, сокращенном в 1920 г. до отдела. Нами проанализированы кадры разведотдела Штаба РККА по состоянию на декабрь 1922 г. Всего в отделе служило 108 человек.

---

507 РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 179. Л. 252–252 об.

508 Они руководили ГРУ. С. 77.

509 См. подр.: РГВА. Ф. 6. Он. 3. Д. 157.

Руководящие кадры Разведывательного отдела Штаба РККА[510]

Из 108 сотрудников 16 *женщин* (14,8 %). Многочисленные декреты 1919 года о замене годных к службе в армии мужчин женщинами на второстепенных должностях центрального военного аппарата свелись к ненужной трате бумаги. Правда, среди указанных 16 женщин одна даже занимала должность старшего делопроизводителя.

Как и в среднем по центральному военному аппарату, наиболее полно была представлена *возрастная* группа до 30 лет. В возрасте от 21 до 30 находились 62 сотрудника (57,4 %), от 29 до 40 лет — 26 сотрудников (24 %), до 20 лет включительно — 12 (11,1 %), от 31 до 40 лет — 6 (5,6 %). Единственным служащим разведотдела, которому перевалило за 40, был печатник типографии Иван Александрович Жаров.

Национальность служащих выяснить точно не удается, зато мы имеем представление о том, где родились сотрудники советской военной разведки. Трое в Курляндии (помощник начальника информационно-статистической части Алексей Мартинович Витолин, сотрудник-литератор Альфред Гансович Штраус, зав. архивом Давид Карлович Зирнис); по двое в Австро-Венгрии (оба бывшие офицеры Австро-Венгерской армии — заведующие секторами агентурной части Вильгельм Вильгельмович Лобковиц и бывший военнопленный Ганс Гербертович Димма, причем Лобковиц родился на территории Чехословакии), Лифляндии (заведующий бюро прессы Владимир Алексеевич Дауман и хроникер Битц Эльза Яковлевна) и Польше (хроникер Адам Львович Шилов и помощник заведующего библиотекой Николай Федорович Пономарев); по одному в Риге (начальник 1-го отделения информационно-статистической части Евгений Иванович Рея), Ревеле (начальник 2-го отделения информационностатистической части Карл Густавович Тракман).

По социальному происхождению — 41 из крестьян (3 8 %), 26 из рабочих (24 %), 21 из мещан (19,4 %), 5 из «трудовых интеллигентов» (4,6 %), 13 из интеллигентов (12 %), один представитель «трудового казачества». Сведения об одном из служащих отсутствуют. Интеллигенция преимущественно находилась на должностях переводчиков.

Коммунистов и комсомольцев (подросло новое поколение) было по совокупности 44 из 108, т. е.: 40 коммунистов и один кандидат в члены РКП(б) и 3 комсомольца (все трое на должностях обслуживающего персонала). При этом коммунистов с ***дореволюционным стажем*** было немного: начальник отдела А.Я. Зейбот с 1912 г., для поручений при начальнике отдела Ян Янович Бренгман с 1907; *агентурной части* — помощник начальника Андрей Михайлович Петров и начальник 1- го отделения Ян Христианович Биркен с 1914 г., начальник 2- го отделения Борис Николаевич Мельников с 1916 г., начальник 3-го отделения Яков Мартынович Мартинсон с 1909; *информационно-статистической части* — начальник части Освальд Петрович Дзенис с 1915 г., заведующий бюро прессы Владимир Алексеевич Дауман с 1913 г., заведующий архивом Давид Карлович Зирнис с 1914 г. Итого — 9 человек. Под сомнением дореволюционный стаж еще пяти человек (указано, что вступили в партию большевиков в 1917 г., месяц неизвестен): у бухгалтера Мильды Адамовны Алкене, начальника 4-го отделения 4-го отделения агентурной части Вольдемара Яновича Закиса, для поручений при начальнике информационностатистической части Сергея Ивановича Тихонова и Петра Петровича Краузе, начальника 6-го отделения той же части Льва Константиновича Вологодцева. Сведения о членстве в РКП(б) одного из сотрудников отсутствуют.

Среди 108 сотрудников 22 *бывших офицера* (20,4 %), в том числе один выпускник ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии — известный советской разведчик А.И. Кук. Напомним, что 2 офицера разведотдела служили ранее в Австрийской

[510] РГВА. Ф. 7. Оп. 9. Д. 246. Л. 5—12 об. данные на 20 декабря 1922 г.

армии[511]. Советская Россия вступала в межвоенный период, и разведывательный аппарат сократили. На время…

Глава 4. «ПРОНИКАТЬ В НАМЕРЕНИЯ ПРОТИВНИКА»: РАДИОРАЗВЕДКА КРАСНОЙ АРМИИ

Радиоразведка в годы Первой мировой и Гражданской войн была, по авторитетному мнению Николая Батюшина, «единственным средством тайной разведки», которое позволяло «в смысле достоверности, обширности фронта и возможности проникать в намерения противника». При этом в годы Первой мировой войны радиоконтрразведка Российской империи расписалась в полной недееспособности. По свидетельству австро-венгерского разведчика Максимилиана Ронге, во время германского наступления в марте 1916 г. подслушивание оказало большую помощь войскам: были перехвачены приказы Русской армии о наступлении, причем до 3 августа «русские даже не подозревали о существовании подобного нового изобретения». Из перехваченной австро-венгерской радиоразведкой депеши генерала М.В. Алексеева выяснилось, что «русские сочли захваченную… (у противника. — *С.В.)* станцию подслушивания за германские подземные телефонные аппараты». Технику и методы подслушивания, если верить Ронге, Русской армии объяснил один из австро-венгерских дезертиров. «Радиоразведка обогатилась новым способом засечки (пеленгирования) неприятельских радиостанций при помощи наблюдения с нескольких точек, — пишет М. Ронге. — Впервые новый метод был испытан на русском фронте при участии трех пеленгаторных станций, расположенных в [городах] Броды, Коломыя и Черновицы. Первый опыт 18 февраля 1916 г. еще страдал от неопытности телеграфистов и начальников станций, вследствие чего при засечке уже нам известных станций ошибки доходили до 10 км. Все же при этом были обнаружены 4 новых, неизвестных нам до сих пор, [русских] радиостанций. Вскоре этот метод начал давать отличные результаты. В марте 1916 г. радиослужба на русском фронте получила стройную организацию, причем каждой станции подслушивания был нарезан определенный участок неприятельского фронта… Впрочем, как мы узнали из русских радиограмм, вскоре они (русские. — *С.В* .) тоже стали применять “радиокомпасные станции”, имевшие такие же задачи, как и наши радиопеленгаторные станции. Мы совершенно прекратили передачу по радио; германцы же от нее не отказались, хотя и знали о возможности засечки и установили наличие в Николаеве специальной школы радиоподслушивания»[512]. По свидетельству Вальтера Николаи, русские радио представляли собой «достоверный источник сведений… Все приказы были, конечно, шифрованные, но система шифра была проста и менялась редко. Легко удавалось поэтому расшифровать»[513].

Николай Батюшин признал позднее: «новое средство связи — радиография — принесло нам больше вреда, чем пользы, донельзя облегчив противникам проникновение в наши оперативные планы. Не имей мы радиотелеграфии, наши действия были бы несравнимо более успешными, доказательством чему могут служить разгром австрийцев в августе — сентябре 1914 г. и успех 1 — й армии генерала Ренненкампфа в августе… в Восточной Пруссии. Эти успешные наши действия совпали по времени с тем периодом, когда австрийцы не умели еще расшифровывать наши радиограммы, а у немцев дело это только еще налаживалось. Отсутствие у нас радиотелеграфии могло иметь последствием тактические неудачи, что несравнимо слабее отразилось бы на общем ходе кампании, чем

---

511 Подсчитано по: РГВА. Ф. 7. Оп. 9. Д. 245. Л. 6—13 об.; Д. 246. Л. 5—13 об.

512 Pome М. Указ. соч. С. 398.

513 Николаи В. Указ. соч. С. 134.

систематическое проникновение в сокровенные наши стратегические планы»[514]. К тому же «дело расшифровки неприятельских радиограмм на сухопутном флоте было организовано неудовлетворительно, а потому это новое могучее средство тайной разведки совершенно не играло никакой роли в деле осведомления об оперативных замыслах наших противников. Нельзя сказать, что не было сделано попыток в этом отношении. В конце 1915 г. на Северном фронте перехватывались неприятельские шифрованные радиограммы, которые отправлялись затем в Петроград в специальное бюро Главного управления Генерального штаба… Ощутительных, однако, результатов работа этого бюро не дала»[515].

Радиоразведка при этом была блестяще поставлена в Морском Генеральном штабе. По свидетельству старшего лейтенанта флота Стеблин-Каменского, расшифровка немецких морских радиограмм началась осенью 1914 г., после извлечения российскими водолазами секретных документов (в том числе радиотелеграфных шифров) с погибшего, не без участия нашей морской радиоконтрразведки, крейсера «Магдебург». Добытый морской шифр был вручен капитаном 1 — го ранга Кедровым и капитаном 2-го ранга Смирновым первому лорду Адмиралтейства (морскому министру) Уинстону Черчиллю в присутствии первого морского лорда (начальника Морского Генерального штаба) принца Людвига Баттенбергского и начальника штаба контр-адмирала Оливера. С этого времени расшифровка немецких радио на флоте проходила «в полном контакте с англичанами»[516].

В Военно-морском флоте радиоразведка весной 1918 г. фактически перестала существовать. На Балтийском флоте после знаменитого «Ледового похода» под руководством капитана 1 — го ранга А.М. Щастного в марте 1918 г. районы службы наблюдения и флота расформировали, оставив лишь самостоятельную станцию Кронштадт, радиостанцию Новая Голландия в Петрограде и телеграф Морского Генерального штаба — разведывательная деятельность свелась к радионаблюдению. На Черноморском флоте после затопления кораблей в Новороссийске радиоразведка также прекратила свое существование. Особое значение на флоте радиоразведка получила лишь в созданной в октябре 1918 г. Волжско-Каспийской военной флотилии: с белогвардейцами развернулась настоящая война за захват и уничтожение радиостанций[517].

В условиях измен большинства специалистов морской разведки большевикам не оставалось ничего иного, как положить, по крайней мере на первых порах, в основу «сухопутную» радиоразведку, показавшую абсолютную недееспособность еще до всеобщего развала 1917 г.

13 ноября 1918 г. в составе Регистрационного управления создали первое подразделение советской армейской радиоразведки — Приемно-контрольную радиостанцию, на которую возложили перехват радиообмена иностранных интервентов и Белой армии. Другие специальные формирования радиоразведки в Красной армии вследствие нехватки специалистов и техники (имелось всего 38 связных радиостанций) не предусматривались[518]. Но при этом, как выясняется,

Приемно-контрольную радиостанцию временно включили в состав военной контрразведки — Отдела военного контроля Регистрационного управления Полевого штаба РВСР. Таким образом, радиостанция должна была выполнять функции радиоконтрразведки:

---

[514] Батюшин Н.С. Указ. соч. С. 152.

[515] Там же. С. 152–153.

[516] Цит. по: Батюшин Н.С. Указ. соч. С. 153.

[517] См. подр.: Кикнадзе В.Г. Указ. соч. С. 159–161.

[518] Кикнадзе В.Г. Указ. соч. С. 160.

не исключено, что большевики попытались учесть ошибки царских спецслужб, полностью проигравших германской и австро-венгерской разведке борьбу за информацию. 21 января 1919 г. приказом по Полевому штабу временно приданную ОВК РУ Контрольно-приемную радиостанцию расформировали [519]; судьбу личного состава предоставлялось решить инспектору радиотелеграфа действующей армии[520]. Следует заметить, что ОВК на момент выхода приказа уже находился в структуре ВЧК под названием «Особый отдел»… Вскоре, однако, Приемно-контрольную радиостанцию восстановили, причем понять логику соответствующего приказа представляется делом весьма непростым. Цитирую приказ по Полевому штабу РВСР № 167 от 4 мая 1919 г.: «§ 1. Приступить к сформированию при вверенном мне штабе Приемно-контрольной радиостанции и содержать ее по штатам, объявленным в приказе Революционного военного совета Республики от 12 января сего года за № 143. По сформировании Приемно-контрольной радиостанции, Приемно-информационную радиостанцию именовать “Приемно-информационной”. *Основание* : приказ Революционного военного совета Республики от 8 декабря 1918 года за № 366. *Справка* : приказ по Управлению Инспектора радиотелеграфа действующих армий от 26 апреля сего года за № 86; § 2»[521]. Объяснение напрашивается самое простое: приказами намечалось создание, но фактически Приемно-контрольную радиостанцию сформировали только к маю 1919 г.[522] Первоначально радиостанцию возглавлял Николай Николаевич Венедиктов, 24 июля 1919 г. его откомандировали в распоряжение начальника базы телеграфных радиоформирований в г. Владимире и назначили вместо него в качестве временно исполняющего обязанности начальника 3-й неподвижной радиостанции Евгения Федоровича Иванова[523].

Радиоконтрразведка отсутствовала по определению. В декабре 1918 г. решался вопрос о политическом контроле в военном радиотелеграфе. Комиссар военного радиотелеграфа действующих армий Александр Федорович Боярский докладывал Аралову: «В то время, как политический контроль производится в высших органах управления частями военного радиотелеграфа, в мелких… единицах радиочасти таковой контроль отсутствует, а если есть, то постольку, поскольку позволяет бумажная переписка, а самая политическая жизнь и воспитание в духе времени и ее задач среди радиоработников остается в точке замерзания. До настоящего момента военными комиссарами радиотелеграфа лишь назначались лица в главные управления радиотелеграфа…: Инспрадиоарма, Испрадиофронтов, Начрадиобазы, радиоотдел ГВИУ; в ведении этих комиссаров находились и все остальные радиочасти, как-то радиошколы, радиомастерские, дивизионных формирований, мощные, полумощные, автомобильные, отдельные полевые радиостанции, а также и радиостанции незатухающих колебаний, которые, исполняя волю центра на местах, никакого политического контроля у себя не имели, а если и были случаи, так по принципу бывшего военного комиссара при бывшем управлении начальника (комиссара. — С.*В.)* военного радиотелеграфа [Алексея Георгиевича] Русакова, каковой контроль производился через органы или местных красноармейских частей, или советов, в ведении коих радиостанции находились. Такой принцип контроля в корне неправилен и отражает бездеятельность, т. к. подобное совместительство лиц крайне вредно отражалось на деле работы радиостанций. Из личного

---

[519] РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 74.

[520] РГВА. Ф. 6. Оп. 6. Д. 378. Л. 32.

[521] РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 144.

[522] РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 144.

[523] РГВА. Оп. 6. Д. 405. Л. 53–53 об. и сл.

моего наблюдения и донесения военного комиссара радиотелеграфа Северного фронта Кирьякова такие комиссары или совсем на радиостанцию не являлись, или [являлись] очень редко. Радиограммы подавались без подписи и просмотра комиссаром, входящие совсем не просматривались, и в довершение всего такие комиссары совершенно некомпетентны в работе военного радиотелеграфа, требуя подчас невозможного, как, например, комиссар в Череповце потребовал передачи радиограммы в Петроград непосредственно», притом что не имел на то никакого права»[524].

Ситуация в радиоразведке при наличие опытного военного специалиста таила в себе угрозу: по 2 комиссара имелись в радиотелеграфе действующий армии на фронтах, по одному на радиотелеграфной базе формирований в г. Владимире и в радиотелеграфном отделе ГВИУ; остальные части радиотелеграфа (докладывал Боярский): «радиошколы, радиомастерские, дивизионы формирований, радиостанции всех видов (мощные, полумощные, автомобильные, полевые и т. д.), разбросанные по территории Республики, в действующей армии и в тылу ее военных комиссаров не имеют»[525]. 8 декабря Боярский просил Аралова провести через Всероссийское бюро военных комиссаров приказ «об учреждении должности военного комиссара во всех отдельных частях радиотелеграфа РСФСР»[526]. При этом в тот же день комиссар радиотелеграфа действующих армий Н. Руссов получил даже большие полномочия, чем рассчитывал Боярский: ему предоставили право «не только назначать, но и утверждать комиссаров во всех частях и учреждениях радиотелеграфа и сообщать об этом для сведения Всебюрвоенкому». По итогам комиссар и Всебюрвоенком параллельно производили назначения военных комиссаров вплоть до февраля 1919 г.[527].

Как пишет В.Г. Кикнадзе, армейскую радиоразведку удалось наладить уже в 1918 г., но при этом формирование пеленгаторних и приемно-информационных радиостанций началось лишь в начале 1919 г. На них возлагались и задачи по контролю за радиопередачами Красной армии. В 1919 г. на Западном, Юго-Западном, Южном, Туркестанском, а к концу года и на Кавказском фронтах радиоразведку вели 24 приемочные и 6 радиопеленгаторных радиостанций[528].

Тем временем на Украине развлекался неугомонный нарком по военным делам Николай Подвойский: Александр Боярский, которого 26 апреля командировали инспектировать радиочасти Украинского Советского фронта, доложил, вернувшись, Семену Аралову: «Моя работа главным образом сводилась к тому, чтобы помочь военному комиссару радиотелеграфа Украинского фронта т. Алексееву организовать достаточно мощный политический контроль за работой радиостанций и других учреждений военного радиотелеграфа Украинского фронта». Провести ревизию всех радиостанций Боярскому не удалось: помешало восстание атамана Григорьева, а также декрет Совета обороны Украины, согласно которому техническое и политическое руководство на всех телеграфных станциях Украины вручалось радиотелеграфному отделу Наркомата почт и телеграфов Украинской ССР. Боярский обратился к Подвойскому «за соответствующими справками». Наплевав на мандат Боярского, выданный Полевым штабом и заместителем председателя РВСР Э.М. Склянским, Подвойский даже не удостоил Боярского аудиенции и «лишь по дороге

---

524 РГВА. Ф. 6. Оп. 6. Д. 378. Л. 15–15 об.

525 Там же. Л. 16.

526 Там же. Л. 16 об.

527 РГВА. Ф. 6. Оп. 6. Д. 378. Л. 28.

528 Кикнадзе В.Г. Указ. соч. С. 161, 164.

направил… за справками в… подчиненные ему учреждения. Направляясь по указанию, я не нашел сведений не только о политической стороне дела, но и о технической. После таких безрезультатных шатаний я обратился к члену Реввоенсовета т. [А.И.] Окулову и просил его совместно поехать к т. Подвойскому и, обстоятельно выяснивши положение радиотелеграфного дела в связи с военными требованиями, урегулировать, сообразуясь с распоряжениями и приказами Реввоенсовета Республики и Полевого штаба. Т[ов]. Подвойский был, очевидно, недоволен моей неотступностью и, прервав меня во время доклада в то время, когда я назвал — вполне обоснованно — радиоотделение Украинского ГВИУ (ГВИУ — Главное военно-инженерное управление. — *С.В.)* фикцией, пригрозил мне арестом за ложные сведения… Переходя к оценке политической работы и политического контроля — нашел, что, начиная с управления инспектора радиотелеграфа Украинского фронта, где комиссаром т. Алексеев, который великолепно поставил политическую работу… контроль за работой специалистов хороший. Из докладов т. Алексеева о комиссарах на радиостанциях Украинского фронта выяснилось, что нет достаточного числа партийных работников для замещения должностей комиссаров, поэтому он назначает на станции комиссарами радиоспециалистов тех станций, куда они назначаются из числа сочувствующих, если нет партийных. Я дал свое согласие и обещал при первой возможности дать ему пополнение. Теперь я это делаю и предложил т. Алексееву назначить комиссаром радиодивизиона в Белгороде т. Ковшарика — комиссара полумощной радиостанции при Полевом штабе Реввоенсовета Республики. Делая общий вывод политической работы в радиочастях Украинского фронта, [я] могу сказать, что работа налаживается правильно..»[529] Итак, в апреле 1919 г. на Украине только велась работа по обеспечению контроля над телеграфом.

21 января 1919 г. РВС Республики в составе председателя Льва Троцкого, членов Иоакима Вацетиса и Семена Аралова утвердил «Штат приемной радиостанции (Информационной и Контрольной)». По штату полагались: начальник, по 2 радиотелеграфиста 1-го и 2-го разрядов, по одному переписчику, переводчику и посыльному (всего — 8 чел.). В примечании оговаривалось, что радиостанции положен один усилитель с необходимым количеством запасных частей; «настоящий штат имеет силу для всех приемных радиостанций [Народного] Комиссариата почт и телеграфа, перечисленных в военное ведомство»[530].

15 февраля 1919 г. секретарь Склянского Иван Медянцев рапортовал своему шефу: «В настоящее время в моем ведении имеются шифры: 1) “военный” — напечатан в типографии Всероссийского главного штаба, разослан по центральным учреждениям военного ведомства, в штабы фронтов и армий, в действии с 20 января с[его] г[ода]; 2) составленный мною, известен мне и т. Шляпникову и 3) составленный мною, известен мне, моему помощнику т. Вельмеру и секретарю т. Троцкого. Довольно широкий круг лиц, знакомых с шифрами, составленными во Всероглавштабе, представляет слабую гарантию тайны, кроме того, неумелое пользование шифром ведет к быстрому нахождению ключа. Так, например, мною дешифрована для тов. Ленина телеграмма, зашифрованная ключом ВЧК, которого у меня не было, и дешифровано перехваченное радио, содержавшее разговор Киева с Одессой. Радио было зашифровано последовательно семью ключами и все же три из них были мною прочтены. В обоих случаях при шифровке не были соблюдены правила пользования шифрами. Вследствие этого, а также в целях наиболее полного сохранения тайны мною и были составлены упомянутые шифры. Таким образом, исключительной важности депеши т. Ленина, посылаемые т. Троцкому, недоступны для прочтения их при передаче моим шифром. Но т. Ленин посылает весьма важные депеши товарищам, командированным на тот

---

529 РГВА. Ф. 6. Оп. 6. Д. 378. Л. 34 с об. — 35.

530 РГВА. Ф. 6. Оп. 6. Д. 366. Л. 36.

или другой фронт с полномочиями из центра. В этом случае мне приходится шифровать общим ключом, действующим в данный момент по военному ведомству (шифр меняется через 2–3 месяца). Такой порядок для депеш, имеющих кроме военного и политическое значение, дает минимальную уверенность в сохранении тайны и потому мало пригоден и совершенно недопустим для особо важных депеш…» [531] Если военный шифр разрабатывался во Всероссийском главном штабе, он был точно известен военной организации контрреволюционного Всероссийского национального центра, из чего следует, что значительная часть военных сведений и переписки Ленина и Троцкого, а также ВЧК могла быть расшифрована, по крайней мере, белогвардейским подпольем.

В мае — июне 1919 г. советская радиоразведка добыла информацию о подготовке к участию в боевых действиях на стороне Антанты Польши[532]. Фактически о неизбежной войне в Польшей Советская России узнала задолго до ее начала.

27 сентября Сергей Гусев сделал на заседании РВСР доклад «О секретной информации». РВСР поручил помощнику начальника Полевого штаба Карлу Данишевскому «выяснить цель и порядок распространения перехватываемых Полевым штабом радиограмм, а равно и других сведений секретного характера, которые предполагает установить РОСТа»[533].

29 января 1920 г. состоящие при Полевом штабе РВСР приемные радиостанции (Информационная и Морская) РВСР приказал расформировать, а личный состав их обратить на пополнение «Приемно-информационной радиостанции при Полевом штабе РВСР». По штату в Приемно-информационной радиостанции служило 22 человека: начальник (радиотехник или радиотелеграфист с большим стажем), 12 телеграфистов (оговаривалось, что все они могут быть 1-го разряда «при условии приема иностранной прессы латинским шрифтом со скоростью не менее 110 букв»), 2 электромеханика 1-го разряда, по 2 переписчика, переводчика (обязанных знать 3 иностранных языка и имевших 10-й разряд оплаты труда против 8-го у начальника радиостанции) и посыльных, 1 уборщик. Радиостанция была рассчитана для работы одновременно на 2 приемника, для чего ей полагалось следующее имущество: «а) для приемника с диапазоном волн до 20 000 метров — со сложной схемой; б) один приемник для коротких волн; в) приемная антенна с принадлежностями; г) приемная рама с конденсатором; д) усилителей 10-кратных — 3; е) генераторов незатухающих колебаний с диапазоном до 20 000 метров с французской лампочкой — 2; ж) агрегат для зарядки аккумуляторов — 1; з).. инструмент и материалы для мелкого ремонта; и) пишущих машинок — 2». Хозяйственное обеспечение радиостанции возлагалось на Полевой штаб. Реорганизация была проведена к 6 февраля 1920 г.[534]

В начале 1920 г. началось восстановление радиоразведки на Балтийском и Черноморском флотах [535].

В августе 1920 г. начальник Полевого штаба поручил Регистрационному управлению при РВСР разработать новую организацию радиоразведки, поскольку из-за увольнения в

---

[531] РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 72. Л. 41–41 об. И.Ф. Медянцев добился введения в штат Секретариата при Управлении делами РВС Республики помощника по шифрованной корреспонденции и составления ключей особых шифров, которые курьерами доставлялись в Реввоенсоветы фронтов «товарищам, с которыми необходима совершенно секретная связь». Помощником 16 февраля назначили т. Скабарда.

[532] См. подр.: Кикнадзе В.Г. Указ. соч. С. 150–161.

[533] Сб. РВСР.Т. 1. С. 412.

[534] РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 56–56 об.

[535] Кикнадзе В.Г. Указ. соч. С. 160.

запас старых квалифицированных специалистов и нехватки техники ведение радиоразведки практически прекратилось[536].

Положение осложнялось тем, что приемно-информационные радиостанции, производившие перехват всех радио противника, находившиеся при штабах каждой армии и фронта, передавались в ведение Наркомата почт и телеграфов.

14 и 16 января 1921 г. состоялись совещания Комиссии по организации радиоразведки в составе: начальника разведывательной части Полевого штаба РВСР генштабиста К.Ю. Берендса (председатель), помощника начальника радиоотдела Управления связи Красной армии военного инженера электротехника В. Олейникова, флагманского радиотелеграфиста штаба Командующего всеми морскими силами Республики (штакоморси) радиотехника Престина с опытом работы в Балтийском флоте времен Первой мировой войны, Регистрационного управления О.П. Дзениса, дешифровальщика шифровального отдела Полевого штаба с 3-летним стажем Портнова; в качестве эксперта — сотрудник штакоморси и ученик известного дешифровальщика Фетерлейна, работавшего в 1921 г. в английской разведке, Орлов. В ходе работы комиссии ее члены четко отстаивали интересы своих ведомств.

Подводя итоги из опыта Первой мировой войны, комиссия брала за основу опыт радиоразведки Балтийского флота и военно-статистического отдела Морского Генерального штаба: в распоряжении советской военной разведки было двое учеников Фетерлейна из 20–25 подготовленных им (вероятно, остальные благополучно перешли на службу Антанте). В целом состояние радиоразведки комиссией признавалось неудовлетворительным: на фронтах имелись всего 6 пеленгаторных радиостанций (2 на Западном фронте, 3 на Украине и 1 на Кавказском фронте) вместо необходимых, по мнению комиссии, 22. Комиссия высказалась за предложение руководству Полевого штаба войти в сношение с Наркомпочтелем на предмет оставления в распоряжении военного ведомства «20 приемно-информационных радиостанций, которые должны быть полностью укомплектованы радиоспециалистами высшего качества», «для выполнения задач “особого назначения” — перехвата радио противника». Тем более что к весне 1921 г. морское ведомство было в состоянии поставить только радиостанции особого назначения, пеленгаторные станции в РСФСР вовсе отсутствовали. Решение взять за основу радиоразведку отечественного ВМФ было свидетельством положительных тенденций в развитии советской радиоразведки. Совещание наметило целый ряд мер по организации радиоразведки и дешифровального отдела, включая создание специального Радиоинформационного отдела. Работа комиссии усложнялась намечавшейся в это время реорганизацией Полевого штаба и Всероссийского главного штаба в единый Штаб РККА. Итоги этого преобразования фактически оставили вопрос открытым. Вопрос о реорганизации дешифровального аппарата оставался открытым вплоть до издания приказа РВС Республики № 1051/187, которым объявлялись штаты и положения о Центральном шифровальном отделе Штаба РККА. Отдел подчинялся комиссару Штаба РККА «через его 1-го помощника»[537].

Поворотным событием в истории советской радиоразведки стало ознакомление в январе 1921 г. с отдельными материалами о результатах работы радиоразведки в годы Первой мировой и Гражданской войн В.И. Ленина. Председатель СНК, отметив значение этой работы, поручил РВСР и ВЧК «заняться организацией специальной радиоразведки. Вопрос об организации радиоперехвата, шифрованной радиопереписки был решен путем создания станций особого назначения. Для этого использовались все имевшиеся в войсках приемные, приемоконтрольные и пеленгаторные радиостанции. Таким образом, была создана и начала функционировать служба специальной радиоразведки, работавшая в

---

[536] Востоков К. Указ. соч.

[537] РГВА. Ф. 4. Оп. 15А. Д. 83. Л. 390 и след.

интересах ВЧК»[538]. 5 мая 1921 г. СНК, рассмотрев вопрос о шифровальных отделах, постановил создать в структуре ВЧК Специальный отдел, который объединил все шифровальные органы РСФСР[539]. Это означало параллелизм в работе советской радиоразведки, которая теперь находилась как в структуре военного ведомства, так и органов государственной безопасности.

К концу 1921 г. отдел радиоразведки был изъят из РУ и передан в Управление связи Красной армии, созданное в 1919 г.[540].

Руководящие кадры Управления связи Красной армии

Нами уже приводились слова преподавателя Академии Генерального штаба РККА С. Савицкого (1920-е гг.): к концу Гражданской войны радиоразведка, находящаяся в структуре Управления связи Красной армии, фактически действовала недостаточно согласованно как с агентурной, так и с войсковой разведкой[541].

Раздел III. ВОЕННАЯ КОНТРРАЗВЕДКА

Глава 1. «ПЕРЕКРАСИВШИЙСЯ… ПОЛИЦЕЙСКИЙ ШПИК»: ВОЕННАЯ КОНТРРАЗВЕДКА ГЛАЗАМИ ЛЬВА ТРОЦКОГО

Задачу военной контрразведки в 1918 г. создатели Регистрационного управления (Семен Аралов, Георгий Теодори) видели в «изучении системы и методов действия органов иностранной военной разведки и в обнаружении, обследовании и пресечении деятельности иностранных военных шпионов, а также военных организаций и лиц, деятельность коих, преследуя военные интересы иностранных государств, направляется во вред военным интересам России и состоящих с нею в союзе держав»[542].

До революции деятельность военной контрразведки велась в основном в направлении борьбы со шпионажем, главным образом с немецким. Политический сыск (подавление

---

538 Востоков К. Указ. соч.

539 ги. шікіресііа. ог§Луікі/Радиозлектронная_разведка#cке_ref-6

540 Колпакиди А., Север А. Указ. соч. С. 123.
На заседаниях Совета Обороны от 10 и 17 сентября по докладу Э.М. Склянского Реввоенсовету Республики было поручено рассмотреть проект положения о центральном управлении полевой связи при РВСР. Склянский поручил подготовить приказ начальнику УПВОСО генералу Михаилу Аржанову. 19 октября РВСР утвердил представленный проект, объявленный 20 октября приказом № 1736/362. В составе Полевого штаба РВСР на базе почтово-телеграфного отдела ЦУПВОСО было образовано Управление связи Красной армии (УСКА); на фронтах и в армии создавались соответствующие управления, в дивизиях и бригадах — отделы связи, в войсковых частях вводились должности начальников отделов связи. 22 октября РВСР назначил начальником У СКА Артемия Моисеевича Л юбовича. 6 ноября РВСР, заслушав доклад начальника Полевого штаба Павла Павловича Лебедева, утвердил Положение и штаты У СКА. По Положению, объявленному приказом № 1885/396 от 12 ноября 1919 г., на УСКА возлагалось заведование и управление всеми средствами связи, приданными войскам, штабам, управлениям и учреждениям, с 1920 г. — инспектирование всех частей, учреждений и управлений связи РККА, снабжение их специальным имуществом связи, для чего в его состав передавались из ГВИУ телеграфно-телефонный и радиотелеграфный отделы и военный отдел Электротреста (Путеводитель по ЦГАСА. Т. 1. Миннеаполис, 1991. С. 83–84; Сб. РВСР. Т. 1. С. 442, 445, 466).

541 Они руководили ГРУ. С. 23.

542 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 6. Л. 180.

сопротивления, недовольства политической властью в военной среде) осуществляла жандармерия, ликвидированная Февральской революцией 1917 г.[543]

В первые месяцы советской власти борьбу с подрывной деятельностью против военных сил РСФСР вели Петроградский военно-революционный комитет (ПВРК — орган, руководивший Октябрьской революцией; организационный предшественник ВЧК), большевистское командование в лице комиссаров ПВРК, солдатские советы и комитеты[544]. После реорганизации ПВРК в ВЧК в декабре 1917 г. функции военной контрразведки перешли к Чрезвычайной комиссии Дзержинского[545].

Для политического контроля над военными контрразведчиками в старые органы контрразведки направлялись комиссары. Так, комиссаром контрразведывательного отделения штаба Петроградского ВО был назначен поручик Н.Н. Асмус — рабочий, участник Первой русской революции, офицер военного времени (окончил школу прапорщиков во время Первой мировой войны). После Февральской революции избран в полковой комитет, активно участвовал в Октябрьском перевороте. Помощником Асмуса назначили рабочего А.А. Самойлова. В ноябре 1917 г. ПВРК назначил комиссаром контрразведывательного бюро большевика А.А. Лиса. В отдельных органах военной контрразведки избирались исполнительные комитеты. Это было одной из форм контроля партии большевиков за военной контрразведкой[546].

В штабе МВО функции военной контрразведки взял на себя политический отдел, специально организованный большевиками во главе с известным партийным работником А.Я. Аросевым. Как пишет исследователь Ю.Б. Долгополов, одним из крупных успехов военной контрразведки штаба стало «раскрытие контрреволюционного заговора в польском корпусе легионеров, которым командовал генерал Довбор-Мусницкий. 27 декабря 1917 г. контрразведка отдела арестовала “исполнительный комитет” корпуса. По распоряжению командующего округом были произведены аресты заговорщиков в московском отделении штаба войск польского корпуса. Стало известно о тайной переписке заговорщиков, были обнаружены списки членов подпольной организации, в которую входило 762 человека. Сведения были настолько серьезными, что о них немедленно поставили в известность руководство Наркомвоена. Анализ ранее имевшихся и вновь полученных материалов неопровержимо свидетельствовал о начавшемся тайном передвижении и сосредоточении частей польского корпуса в районе Смоленска. Цель передислокации состояла в том, чтобы в случае возобновления Германией военных действий… предательски ударить с тыла по нашим войскам. Вероломный план был сорван. Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко приказом от 22 января 1918 г. объявил Ю. Довбор-Мусницкого врагом революции…»[547]

Переименованная в январе 1918 г. в Военный контроль военная контрразведка, как выяснил И.И. Васильев, «просуществовала столько же времени, сколько жила еще старая армия… в марте — апреле 1918 года прекратили свое существование все контрразведывательные учреждения старой армии», кроме центрального органа — контрразведки Генерального штаба, вошедшей в мае в состав Всероссийского главного

---

543 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 18–19.

544 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 23–24.

545 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 24.

546 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 19–20.

547 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 21.

штаба[548]. К марту число служащих военного контроля в округах сократилось на 75 %; коллегия Наркомвоена приняла решение и о сокращении Службы военного контроля при Главном управления Генерального штаба (ГУ ГШ). 4 марта Комитет служащих предложил сократить всех офицеров-контрразведчиков и часть солдат, оставив для обеспечения контрразведывательной работы 10 высших офицеров на правах вольнонаемных[549]. Несмотря на то что общее собрание Исполкома Службы ВК, собравшееся 18 марта, фактически дезавуировало это решение, конец военной контрразведки был очевиден. По образному выражению руководства Отделения военного контроля Оперода Наркомвоена, «вся система контрразведки, система борьбы со шпионажем рухнула». И это несмотря на взятый весной 1918 г. «новый курс» (выражение М.А. Молодцыгина) высшего военного руководства — на создание массовой регулярной Красной армии. Вместе с армией понадобилась и военная контрразведка.

К лету 1918 г. контрразведывательные службы были в 4-х органах военного ведомства и в ВЧК. На базе дореволюционных структур центрального военного аппарата и Ставки Верховного главнокомандующего действовали 3 Регистрационные службы.

РС Главного управления Генерального штаба

До революции за военную контрразведку отвечал отдел 2-го генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (огенквар). В управлении велись регистрационные карточки на лиц, заподозренных в шпионаже, проходивших по шпионским делам, лица, по разным причинам не принятые на работу в спецслужбы, а также «лица, проходившие в периодической печати по шпионским делам, хотя бы они и не относились к России». Регистрационные карточки из всех контрразведывательных отделений поступали в Центральное регистрационное бюро при ГУГШ. Это позволяло в ряде случаев «осветить шпионское дело совершенно с иной стороны и направить его в иное русло, а иногда соединить вместе разные поначалу шпионские дела, т. е. раскрыть целую… организацию». Разработку любого шпионского дела начинали с наведения справок в бюро[550].

Летописец Ставки Верховного главнокомандующего — социалист и шпион Михаил Лемке, долгое время водивший за нос военных контрразведчиков, по праву назвал огенквар «сумасшедшим домом»[551]. У «Наставления по контрразведке в военное время» от 6 июня 1915 г. был серьезнейший недостаток: отсутствие (цитируется Н.С. Батюшин) «органа для руководства всей контрразведкой вообще и на театре военных действий в частности, ибо Ставка [Верховного главнокомандующего] этим делом совсем не занималась», а ГУГШ «являлось лишь регистрационным и отчетным учреждением, а не руководящей инстанцией»[552]. В начале мая 1918 г. огенквар реорганизовали в Военно-статистический отдел (ВСО) Оперативного управления ВГШ[553], за военную контрразведку в которой отвечала Регистрационная служба. В составе Регистрационной службы ВГШ, докладывал и.д. начальника ВСО А.Л. Нолькен, находилось 3 отделения: Организационное, Особое,

---

[548] Васильев И.И. Указ. соч. С. 27.

[549] РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 33. Л. 2–3.

[550] Батюшин Н.С. Указ. соч. С. 204–205.

[551] Батюшин Н.С. Указ. соч. С. 188.

[552] Батюгиин Н.С. Указ. соч. С. 176.

[553] Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: Дела и люди. СПб., 2002. С. 10.

Регистрационное бюро (на правах отделения). На *Организационное отделение* возлагалось общее руководство центральными и местными учреждениями Регистрационной службы, вопросы организационного характера и ведение личным составом службы, ведение денежной отчетностью по Регистрационной службе ВГШ; на *Особое отделение* — борьба со шпионажем во всех учреждениях РСФСР, кроме морских, и за границей; на *Регистрационное бюро* — вся статистическая и справочная часть Регистрационной службы (сведения о лицах, организациях и системе иностранного шпионажа). Руководство деятельностью Регистрационных служб в пределах военных округов должно было осуществляться командующими войсками военных округов — через начальников мобилизационных управлений штабов военных округов. Предполагалось создание следующих органов: а) центральные — отдел Регистрационной службы ВГШ (изъятый из состава Оперативного управления ВГШ военностатистический отдел); б) местные — отделы Регистрационной службы штабов военных округов и отделения, открываемые в пределах военных округов «в различных пунктах по мере надобности».

6 июня 1918 г. руководство Всероссийского главного штаба просило Управляющего делами Наркомвоена генерала Н.М. Потапова о срочном внесении на утверждение составленных по согласованию с военным руководителем Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевичем проектов штатов отделов Регистрационных служб военно-окружных штабов и «Общего положения о Регистрационной службе»[554].

В июне 1918 г. сменивший Нолькена генштабист А.В. Станиславский (исполняющий должность начальника Регистрационной службы) подписал и разослал начальникам отделений ВСО «Распределение иностранных государств по отделениям Военностатистического отдела»: «1) *Германское отделение* — Германия, Эстляндия, Лифляндия и Курляндия, Литва; 2) *Романское отделение* — Франция, Италия, Испания, Португалия, Бельгия, Голландия, Швейцария; 3) *Австро-Венгерское отделение* — Австро-Венгрия, Польша, Украина, Белоруссия; 4) *Скандинавское отделение* — Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Англия; 5) *Отделение Ближнего и Дальнего Востока* —Турция, Болгария, Сербия, Черногория, Румыния, Афганистан, Персия; 6) *Дальневосточное отделение* — Япония, Китай, Северо-Американские Соединенные штаты»[555].

Деятельность Регистрационной службы вызывала заслуженное недоверие со стороны большевистских военных руководителей. Как выяснилось из добытого впоследствии советскими разведчиками доклада начальника штаба организации «Круг спасения Кубани» белому генералу М.В. Алексееву от 22 августа 1918 г., «одному члену штаба благодаря протекции Герасимова (начальника инструкторской школы) удалось устроиться адъютантом при военном руководителе — полковнике Сосницком, убитом на станции Тихорецк[ая] во время наступления Добровольческой армии, и уже при помощи [н] его в военную разведку Военного комиссариата [Советской] Республики вошли офицеры штаба Круга, и потому самые точные сведения о количестве большевистских частей, их расположении, предполагаемых боевых операциях передавались генералу Деникину почти безошибочно»[556].

Контрреволюционный характер работы ВСО иллюстрируют даже «Правила чтения газет и регистрации статей военностатистического отдела Всероссийского главного штаба».

---

[554] РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 25. Л. 345–348.

[555] РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 98. Л. 52.

[556] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 199 об. — 200. Доклад добыт в марте 1919 г. Кроме того, в докладе утверждалось, что в конце июля дело глубокой разведки Добровольческой армии было поставлено еще лучше, так как в разведку «Калнинскую» проникли» разведчики Круга.

Сотрудники отделения обязывались отмечать все статьи, имеющие значение для разведки и контрразведки, в следующих газетах: «Свобода России», «Наше слово» *(Романское отделение);* «Раннее утро» *(Австрийское),* «Жизнь» (*Дальневосточное*); «Заря России» и «Правда» (! — *С.В.),* «Известия ЦИК» *(Германское).* Как видим, в списке указаны официальные издания РКП(б) и ВЦИК Советов? [557] Судя по тому, что их анализировало германское отделение, руководство ВСО продолжало принимать большевиков за германских шпионов и даже не считало нужным особенно это скрывать. Надо полагать, уровень военных комиссаров, приставленных к Станиславскому и его сотрудникам, вполне позволял служащим ВСО водить большевиков за нос.

Наконец, властям стало известно, что перед выездом за границу начальник французской военной миссии в Москве выдал письменную рекомендацию А.В. Станиславскому. В документе сказано, что Станиславский «честно» снабжал миссию сведениями по разведке, «не считаясь с тем, что мог быть за это арестован». За шпионаж в пользу Антанты французы даже представили Станиславского к офицерскому кресту Почетного легиона[558].

РС Высшего военного совета — Отдел контрразведки Завесы

Генерал старой армии В.Н. Егорьев, ликвидировавший приказом от 5 марта 1918 г. контрразведку в штабе Западного фронта, принял впоследствии активное участие в создании контрразведки Завесы. Началось все с доклада военного руководителя войск Завесы на Смоленском направлении генерала А.А. Свечина Егорьеву о том, что в районе Смоленска, где формировались и сосредоточивались его отряды, действует много германских шпионов, которые ведут пораженческую агитацию среди местного населения и красноармейцев и подстрекают массы к выступлению против советской власти. Свечин и Егорьев в совместном докладе Высшему военному совету призвали спешить с воссозданием военной контрразведки, т. к. «агенты в обществе работают вовсю»[559].

11 июня для борьбы со шпионажем противника в Высшем военном совете был утвержден штат Регистрационной службы при Оперативном управлении Высшего военного совета (1 начальник, 2 старших помощника, 3 служащих, 12 наблюдателей, 4 технических сотрудника)[560]. Основной вектор деятельности РС задал военный руководитель Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевич, занимавшийся еще до революции борьбой с германским шпионажем (Николай II, вероятно, небезосновательно подозревал его в шпиономании). Работать на большевиков генерала заставила угроза германской оккупации, а назначение на видный пост в Красной армии, весьма тяготивший генерала, было связано лишь с высоким положением в партии брата. Не желая висеть на фонарном столбе в случае поражения большевиков на надвигавшейся Гражданской войне и симпатизируя Антанте, Бонч-Бруевич рьяно взялся за организацию борьбы с германским шпионажем, а параллельно сбором сведений о противнике (военной разведкой).

В сентябре 1918 г. временно исполняющий обязанности начальника разведотделения Оперативного управления Высшего военного совета Бранд докладывал помощнику начальника Оперативного управления Б.М. Шапошникову: «Из личного состава… отсутствуют по разным причинам 50 %. Вся работа отделения в настоящее время

---

557 РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 98. Л. 50.

558 Остряков С.З. Указ. соч. С. 25.

559 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 27.

560 Зайончковский В.А. Указ. соч.

исполняется мною и двумя моими помощниками, из них младший помощник Н.М. Хаймин ведает хозяйственной частью, газетным и регистрационным столами. Старший помощник П.К. Удалов, кроме своих прямых обязанностей по должности, исполняет еще должность отсутствующего делопроизводителя; вместе с тем он продолжает вести наряды на дежурство по оперативному телеграфу, во время которых он целые сутки должен безотлучно находиться в помещении телеграфа, а на другой день освобождается от занятий. Существо дела Регистрационной службы требует, чтобы старший помощник находился в отделении всегда, чтобы быть наготове исполнить то или иное поручение, связанное с отлучкой из помещения Штаба ВВС». Бранд просил освободить Удалова от нарядов на дежурства»[561]. Ходатайство говорит само за себя.

В *отрядах Завесы* и *штабах военных округов* фактически действовали старые органы контрразведки, правда, они должны были выстраивать свою работу заново. Известно, к примеру, что отделение по борьбе со шпионством штаба военного совета Западного участка отрядов Завесы просило начальника штаба отдать приказание «о взятии со всех вольнонаемных служащих штаба подписки о соблюдении военной тайны, с предупреждением: нарушение подписки влечет ответственность по закону о шпионстве и приказу 5 июля 1912 года. Мера наказания — от увольнения со службы до 15 лет каторжных работ в зависимости от важности проступка». Начальник штаба внял рапорту…[562]Сохранился текст «Подписки»: «Я, нижеподписавшийся, служащий в Штабе Западного участка отрядов Завесы, даю сию подписку в том, что содержание всех проходящих через меня переписок, а тем более секретных, я буду сохранять в полной тайне, точно так же, как и не разглашать все те сведения, которые будут известны мне по службе или случайно услышаны мной, памятуя, что оглашение какого бы то ни было служебного характера сведения, помимо предания суду Революционного трибунала, будет влечь за собой увольнение от службы»[563]. Вообще же атмосфера в штабе соответствовала времени: В.Н. Егорьев был вынужден 16 июля 1918 г. ходатайствовать перед епископом Калужским и Боровским Феофаном о разрешении на погребение застрелившегося сотрудника штаба Евгения Романовича Черненко «по христианскому обряду». В ходатайстве указано: «любимый и уважаемый сослуживец» застрелился «под влиянием аффекта». Надо полагать, что пессимистический настрой был характерен для значительной части попавших под власть товарищей военнослужащих, военных разведчиков и контрразведчиков в частности.

Будучи до июля 1918 г. лишены нормального финансирования, особых успехов отделения по борьбе со шпионством не достигли[564]. Положение изменилось после принятия и утверждения Львом Троцким в июле 1918 г. «Общего положения о разведывательной и контрразведывательной службе»[565]. Основной смысл совещания был в распределении средств между действовавшими на тот момент органами военной разведки и военной контрразведки.

Как пишет исследователь Ю.Б. Долгополов, «в целом количество органов военной контрразведки по сравнению с масштабом шпионско-подрывной деятельности против Красной армии в то время было явно недостаточным. Их насчитывалось по стране всего 5 отделов, 14 отделений и 32 пункта. Поэтому одновременно с реорганизацией и

---

561 РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 134. Л. 67.

562 РГВА. 488. Оп. 1. Д. 24. Л. 527.

563 Там же. Л. 528.

564 См., напр.: РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 24. Л. 527 и др.

565 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 5. Л. 103–103 об.

централизацией существующих органов создавались и новые органы военной контрразведки. Эта работа на фронтах, в армиях и округах проводилась под руководством и при непосредственном участии военных комиссаров и членов реввоенсоветов фронтов и армий. Большую помощь оказывали также политотделы фронтов и армий, губернские и другие местные комитеты партии [большевиков]. Суть всех организационных преобразований органов военной контрразведки заключалась в полной их централизации, усилении партийной прослойки в них, окончательном превращении их из штабных подразделений в военно-политические»[566].

Морская регистрационная служба

В очерке о работе Морского генерального штаба (МГШ) В.В. Случевского (1921 г.) утверждается, что в 1918 г. штаб был полностью развален, его работа во многом носила «никчемный академический характер». 25 сентября МГШ доложил коллегии Наркомата по морским делам о необходимости реорганизации системы ликвидационных органов морского ведомства, каковую и закончил к концу года. Иными словами, МГШ до конца 1918 г. видел свою задачу в демобилизации флота; лишь ряд его отделов (иностранный, оперативный и мобилизационный) работал так же, как и до революции, но при этом полученную информацию не использовал[567]. «Видимый эффект», по выражению В.В. Случевского, давала лишь работа организационнотактического отдела. Примечательно, что о Регистрационной службе МГШ, называемой также Морской регистрационной службой (МРС), в очерке нет ни слова. Объяснение можно найти в статье А.А. Здановича об организации и становлении спецслужб ВМФ: после Февральской революции МРС не только сохранилась, но и смогла активно продолжать свою деятельность. Считая большевиков опорной базой Германии и ее союзников, в апреле — мае 1918 г. МРС фактически начала работать против советской власти. В октябре 1918 г. в результате проведенной чекистами операции почти всех руководителей и ответственных работников службы арестовали[568].

Первым о контрреволюции в Морской регистрационной службе доложил направленный в МРС член ВЦИК В.Э. Кингисепп. Непонимание Кингисеппа вызывали многочисленные свидетельства ненужности и даже вредности МРС[569]: $^{2}/_{3}$ агентурных сводок были в лучшем случае бесполезны; МРС считала достойным предметом агентурной разработки партийную печать и деятельность Л.Д. Троцкого, в очернении которых превзошла подпольно издаваемые контрреволюционерами «информационные листки»; использовала для составления сводок достойные обывателей слухи. Естественно, Кингисепп яро отстаивал необходимость сосредоточения всей контрразведки в руках ВЧК, ликвидации военно-контрольных органов и Военно-морского контроля с передачей оперативно-розыскных функций «особым секретным отделам при президиумах чрезвычайных комиссий» и переводом «надежного» личного состава на положение обыкновенных стукачей — «осведомителей». Также примечательно, что в составленном осенью 1918 г. докладе нет ни слова об Отделении военного контроля Оперода Наркомвоена:

«Состоящий в распоряжении Президиума ВЧК член ВЦИК В.Э. Кингисепп — председателю СНК В.И. Ленину, председателю Президиума ВЦИК Я.М. Свердлову, председателю РВСР Л.Д. Троцкому и заместителю председателя ВЧК Я.Х. Петерсу

---

566 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 34–35.

567 См.: Органы управления отечественного военно-морского флота в 1917–1921 гг. / публ. Войтикова С.С., Кикнадзе В.Г. // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 65–66, 68–70.

568 Зданович А.А. Организация и становление спецслужб Российского флота.

569

Не позднее 3 ноября 1918 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА т. В.И. ЛЕНИНУ,

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ Всероссийского] ЦИК т. Я.М. СВЕРДЛОВУ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЫСШЕГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА т. Л.Д. ТРОЦКОМУ

ЗАМЕСТИТЕЛЮ] ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЧК т. ПЕТЕРСУ

Докладная записка о военно-морском контроле и Регистрационной службе Морского Генерального штаба[12]

В связи с некоторыми арестами в Петрограде [и] в Москве[13] были арестованы Всероссийской] чрезвычайной] комиссией начальник Регистрационной службы Генмора А.И. Левицкий, его помощник Сыробоярский[14]. Независимо от данных, послуживших основанием к аресту, ознакомление с делами морской контрразведки, допрос означенных лиц, допрос начальника морского контроля А.К. Абрамовича[570] обнаружили вопиюще бутафорский и явно предательский характер работы морской контрразведки Генмора.

Один из наиболее утонченных и радикальных приемов борьбы против контрразведки противной стороны — это обезвреживание противника не путем физического его изъятия, а подкидывания противнику своих людей в качестве сотрудников, которые, создавая видимость работы, однако, достоверных реальных сведений не дают.

В отношении нашей контрразведки Генмора этот эффект достигнут с избытком. Морская контрразведка за весь 1918 год не произвела ни одного ареста ни одного шпиона, не дала никаких сведений о противнике на Северном и Восточном наших фронтах, если не считать агентурных сведений, напр[имер], такого свойства:

1) От 16 сентября 1918 [г.]: “По агентурным сведениям, за последнее время в Архангельске высадилось до 40 000 американских войск, а германцы в количестве до 50 000 чел. двигаются на Повенец”.

2) От 23 сентября] и 3 окт[ября] 1918 [г.]: “Агенты” сообщают, будто союзнический десант обошел Котлас, а чехословаки соединились с ними. Этими сведениями исчерпывается информация морской контрразведкой Генмор о силах и продвижениях англо-французов и чехословаков.

Наряду с этой крайней скудостью данных об англо-французах, “агентурные” сведения о немцах и финской белой гвардии многочисленнее, что явно указывает на ориентацию этих господ. Достоверность этих сведений мною еще проверена быть не могла, однако Алармисткий[15] характер их порой несомненен.

Военно-морской контроль в течение всего 1918 года работал не на того хозяина, от которого получал кредиты по сметам Генмора. Для чего необходимым были Генмору, например, следующие сведения:

3) Агентурные сведения от 7 сен[тября] [1918 г.] сообщают: “Как сообщают официально из Саратова, в недалеком будущем штаб советских войск предполагает по стратегическим соображениям предпринять наступление на ст. Алтата (по жел[езно] дор[ожной] линии Саратов — Уральск), остановка лишь за оружием (необходимо до 10 000 винтовок), которое высылается.

По имеющимся сведениям, наркомвоен ТРОЦКИЙ 5 сентября выбыл на Казанский фронт[571]; в составе поезда 60 вагонов, эшелон составляет до 1000 чел. и следуют броневые автомобили, мотоциклеты, пулеметы, артиллерия, снаряды, моторы и проч[ее]”.

---

[570] Так в тексте. Правильно: Абрамович А.И.

[571] Информация верная, но из документа следует, что Л.Д. Троцкий воспринимался как противник, сведения о котором надо добывать — да еще агентурным путем!

4) От 22 августа [1918 г.]: “Из числа расположенных в Москве частей Красной армии выразил желание отправиться на фронт 1-й Образцовый советской полк[572].

В Москве вводятся чрезвычайные строгости, издан приказ немедленно арестовывать всех подозрительных лиц — в особенности в военном платье, просматривать документы и препровождать задержанных в ВЧК”.

5) От 7 сентября [1918 г.]: “В Костромской губ[ернии] белогвардейцами, переправившимися через Ветлугу в 10 вер[стах] ниже Варнавина и в 5 вер[стах] выше его, занят после схватки г. Варнавин. В Костроме произошло восстание против Советской власти;

для подавления мятежа из Нижнего [Новгорода], Ветлуги и г. Буя посланы артиллерия и пулеметы. Принявший на себя командование местный губернский комиссар расстрелян белогвардейцами.

В северной части Нижегородской губ[ернии] происходит также восстание деревень против Советской власти, сопровождаемое массовыми арестами советских деятелей; прибывшие отряды бессильны разоружить деревенские отряды”.

Сведения этого типа являются единственно серьезными по своей внешности и занимают приблизительно треть всех сводок. Абсолютно бутафорны сведения следующего типа:

6) От 26 августа 1918 года: “по полученным агентурным сведениям, находясь в течение нескольких дней на Казанском фронте в качестве руководителя всеми военными действиями, Троцкий лично будто бы командовал тремя полками при одном из наступлений отрядов Красной армии. Впоследствии он начал уклоняться от активного выступления с военными отрядами, ограничиваясь лишь словесным напутствием последних на бранное дело, чем вызывал якобы среди чинов Красной армии недоверие, перешедшее затем в сильное озлобление. Последнее выразилось будто бы в окружении мятежными красноармейцами поезда Троцкого, коему было предъявлено категорическое требование следовать вместе с ним в район боевых действий. Вынужденный подчиниться требованию толпы, Троцкий отправился сопровождать отряд на позицию, но вскоре после этого он скрылся и местопребывание его — равно как и дальнейшая судьба Троцкого — до сих пор неизвестно (до 25 августа [1918 г.] включительно). В целях розыска его из Москвы выехали некоторые члены ВЧК[16].

С целью предотвратить панику в Москве и особенно среди воинских частей, военный комиссар Склянский, заменяющий Троцкого, издает якобы приказы за подписью последнего.

---

572 16 апреля 1918 г. коллегия Наркомвоена в составе Л.Д. Троцкого, Н.И. Подвойского, К.А. Мехоношина и Э.М. Склянского постановила образовать Образцовый советский полк. Все краевые, губернские и уездные советы обязывались прислать в Москву «лучших, дисциплинированных и храбрейших солдат Красной Армии» — по 5 экипированных пехотинцев, 2 артиллеристов, 1 кавалериста, 2 пулеметчиков, 1 саперу и 1 телефонисту. Коллегия уточнила, что присылаемые красноармейцы должны быть снабжены мандатами и явиться в Москву к началу мая 1918 г. (РГВА. Ф. 1. Оп. 1.Д. 481. Л. 3. Отпуск — машинописный текст с автографами членов коллегии Наркомвоена).

Многие советы сразу отписали что-то вроде: «войск нет» (Там же. Л. 8), «войска не обучены» (Л. 9), «организованных частей [в] уезде нет» (Там же. Л. 10) к т. п. 26 апреля представитель Московского окружного военнохозяйственного управления по организации снабжения бывшим интендантским довольствием формируемого Образцового советского полка [П. Труле] докладывал Егорову: «Солдат в полку имеется 400 человек и ежедневно прибывает пополнение в 80—100 человек»; «продовольствием люди обеспечены скверно», т. к. «не видно интенсивной работы хозяйственных должностных лиц полка, отсутствуют перевозочные средства, нет канцелярии и печатей». 3 мая командир Образцового Советского полка Чебыкин докладывал: «Людей прибыло 450 человек, люди разбиты на 3 роты (артиллерийскую, кавалерийскую, пулеметную и команду связи, что сейчас находится в стадии формирования)». Командир отмечал: «Прибывшие на формирование полка люди из уездных совдепов в большинстве: не дисциплинированы, мало сознательны, на первое место ставят хорошее довольственное обеспечение, требуя чуть [ли] не по 3 фунта хлеба ежедневно и до 300 рублей жалования в месяц» (См. подр.: Там же. Л. 23–23 об. и след.). В приказе Наркомвоена № 407 (Москва, 29 мая 1918 года) указано: «Командиром Образцового советского полка назначается Карл Иванович Веркис с 10 мая 1918 года. Подлинный подписали: Народный комиссариат по военным делам Л. Троцкий и К. Мехоношин».

В партийных кругах, а также высших военных, по слухам, царит довольно удрученное настроение и проглядывает растерянность. Однако на партийном собрании, имевшем место на этих днях, высказалось мнение, что партия и без своего вождя Троцкого может и даже должна продолжать начатое им дело”.

Подобные слухи и ‘‘якобы” занимают добрую половину всех агентурных сводок. Сплетни самые разнообразные и далеко обгоняют по своей наглости, лживости и враждебности по отношению к Советской власти “Информационные листки”, подпольно издаваемые энэсами, эсерами и меньшевиками. Комиссар Генмора, по словам начальника Регистрационной службы Левицкого, как-то обратил внимание последнего на недопустимость тона агентурных сведений, однако это скромное начинание т. Лукашевича[17], очевидно, осталось безрезультатно.

Остальные 45 % агентурных сведений в сводках трактуют о предметах типа цитат 3, 4 и 5 — т. е. о белогвардейских восстаниях в ближайшем и глубоком тылу и т[ому] п[одобных] затруднениях, постигших Советскую власть. Для полноты характеристики необходимо привести цитату из агентурных сведений, опровергающих официальные источники:

7) От 5 сентября 1918 года: “Вообще помещаемые в официальных “Известиях” сообщения об успешных действиях советских войск на Казанско-Симбирском фронте, по-видимому, во многих случаях не соответствуют действительному положению дел на фронте, насколько таковое освещается получаемыми с фронта донесениями (официальными). В действительности же, как говорят, под влиянием получаемых с фронта известий, в партийных кругах царит беспокойство и уныние, которое возрастает, вследствие террора, объявленного руководителями Советской власти внутри страны[573]”.

Когда взяли Казань[574] — агентурные сведения рисуют это не как победу советских войск, а хитрый маневр чехословаков. В дни взятия Сызрани, Симбирска, накануне падения Самары эти же агентурные сведения усиленно доказывают, будто оперативные сводки и статьи советских газет о поражениях, нанесенных чехословакам, — большевистская утка.

Трудно сказать, кто кого информировал: Морской ли контроль обывателя с Плющихи или сей последний Морской контроль и Регистрационную службу Генмора. Все сводки этих чудовищно нелепых, отчасти явно шпионских агентурных сведений снабжены глубокомысленной надписью гражданину Левицкому: “осведомление на случай военной опасности”. При этом предусмотрительно не упомянуто, кому угрожает опасность и с чьей стороны. По своей похабности эти строки с успехом конкурируют с явно английскими сводками, как, напр[имер], известная августовская сводка английской контрразведки в России. Мимике авгуров из Генмора. читавших “докладные записки Военно-морского контроля Генмора” и принимавших оные к сведению “на случай военной опасности” — этой мимики я свидетелем не был.

Допрошенный мною начальник Военно-морского контроля гражданин Абрамович объяснил, что установленных штатов у Военно-морского контроля не было; что ему Левицким скупо отпускались авансы от 10–12 тысяч в мес[яц]; что на эти средства он содержал трех тайных сотрудников-агентов: Сидорова. Шведова. Троицкого; что остальные средства он расходовал на содержание штата служащих канцелярии, 2-х рассыльных, сторожа, шофера. В дальнейшем Абрамович признался, что в натуре существует лишь Сидоров и что Шведов и Троицкий это он сам; что таким образом он получал деньги за троих и писал реляции за двоих. Таким образом, Абрамовичу надлежит войти в историю русской контрразведки как начальник крайне скромный и лишенный большого размаха.

У контрразведчиков старой школы имеются свои почтенные традиции.

---

573 2 сентября 1918 г. по итогам заседания ВЦИК в ответ на попытку устранить В.И. Ленина был провозглашен массовый красный террор «против буржуазии и ее агентов».

574 Красная армия заняла Казань 10 сентября 1918 г.

“Нейтралитетом” и “невмешательством в политику” объясняют они описанный своеобразный характер результатов своей работы. Это — девизы, не требующие комментариев.

Ни одного ареста в течение всего 1918 года, ни одного допроса со времени эвакуации из Петрограда, покрывательство шпионажа, а не контрразведка. В лучшем случае “нейтральные” результаты, в худшем — работа на контрреволюцию. Убежден в последнем. Надеюсь в дальнейшем следствием доказать это неопровержимо.

Полагаю неотложным, необходимым постановление надлежащего органа о расформировании Военно-морского контроля и Регистрационной службы Генмора[18].

Пустое место русской Советской морской контрразведки в результате такого постановления ни на миллиметр не увеличилось бы.

Справка: Начальник Регистрационной службы Левицкий, его помощники Сыробоярский и [Дерфельден], начальник морского контроля Абрамович, начальник отдела иностранных сношений Дунин-Барковский — весь состав морской контрразведки Генмора в лице начальствующих — под следствием и арестом.

Предлагая уничтожение (Военно-морского контроля и МРС. — *С.В.),* [я] считаю себя обязанным хоть бегло начертить некоторые начала созидательные.

Контрреволюция и шпионаж, направленные против Советской республики, лежат в одной плоскости. Шпионаж алексеевца, дутовца, гражданина республики Краснова или Скоропадского, или Сибирской Директории, или Вильсона, или Пуанкаре, или же империй Вильгельма (Германии. — *С.В.)* и короля Георга (Великобритании. — *С.В.)* — все это орудие классовой борьбы против пролетарской республики. В вопросе о шпионаже признак подданства ныне должен быть заменен признаком классовой принадлежности и пролетарской или антипролетарской ориентации, как вспомогательным признаком. В построении органов борьбы с[о] шпионажем из этой неоспоримой истины до сего времени практических выводов не делалось. Только этим объясняется возможность открытия накануне годовщины Октябрьской революции такой америки, как Генморовская контрразведка.

Всякий алексеевец и савинковец, проникший в советское учреждение, является естественным и непременным шпионом, при той налаженности политической военной разведки со стороны этих последних, которая нами неоднократно устанавливалась. При таком положении вещей борьба против шпионажа есть отрасль борьбы с контрреволюцией вообще. Если это так, то чем же оправдывается существование специальных (никуда не годных) учреждений для борьбы со шпионажем.

Правда, военные специалисты, поставленные на советскую службу специальными бюро алексеевцев-деникинцев, савинковцев и пр. (даже незначительная группа Шульгина имеет такое бюро) по вербовке советских служащих, военные специалисты искренне — по традиции и энергии — и неискренне, с нарочитым умыслом настаивают на существовании специальных учреждений военного и военно-морского “контроля”. Но неужто надо пройти сквозь медные трубы Академии Генерального штаба, чтобы быть в состоянии руководить изъятием Икса как шпиона и надо пройти лишь каторжные мытарства подобно тов. Дзержинскому, чтобы быть в состоянии изъять того же Икса как белогвардейца.

Военная и военно-морская разведка — это дело специально военное, требующее некоторых специальных знаний (хотя и тут становится несколько жутко, когда последний канцелярист, а иногда и рассыльные — б[ывшие] офицеры). Военная же и военно-морская контрразведка — разновидность борьбы с контрреволюцией как отечественной, так и международной, и, как таковая, должна быть функцией Чрезвычайных комиссий. Лишь эти пролетарские боевые органы не загрязнут в тине “нейтральности”, “внеполитности”[19] и не станут в течение 9-ти месяцев высматривать, чья возьмет верх, как это делал Абрамович.

Единственная пролетаризованная контрразведка у нас — это военно-морской контроль в Петрограде с комиссаром Бушем и т. Преображенским во главе. Они недавно мне с гордостью сказали: мы докажем, что полуграмотный рабочий посадит шпионов с высшим

образованием. И сдержали слово: дали материалы о крупной шпионской организации, к услугам которых наша сильнейшая радиостанция в Царском Селе. Попутно они вскрыли осиное гнездо на КРЕЧЕТЕ [575] . И именно эти товарищи настойчиво заявляют о необходимости слиться с ЧК.

Всероссийская] чрезв[ычайная] комиссия за сентябрь [1918 г.] ликвидировала 16 англо-американо-французских шпионов, одного весьма крупного чехословацкого. А в это время пом[ощник] начальника] Морского контроля Генмора упрекал своего единственного агента в том, что тот будто бы “продал Всероссийской] чрезвычайной] к[оми] ссии Сиднея Рейли за 50 000 руб.” (это было в дни раскрытия английского заговора[576]).

Мое предложение:

1) при президиумах чрезвычайных комиссий учреждаются особые секретные отделы, к которым переходят функции по борьбе со шпионажем: политическим, военным и военноморским;

2) контроль Военный и Военно-морской расформировываются, сами учреждения из списков учреждений Советской республики вычеркиваются;

3) весь годный и надежный личный состав переходит в ВЧК, все “специалисты”, желающие честно работать, становятся в положение “осведомителей” (сами просятся: недавно один начальник В[оенно] — м[орского] контроля заявил мне — “Как начальник я никого не трону, как осведомитель готов к услугам — ликвидацию производите вы”. Это типично. Таких 3—4 [человека]).

Если мой взгляд в принципе приемлем, прошу дать мне возможность изложить в дальнейшем практическую сторону без реорганизации этого дела.

Состоящий в распоряжении Президиума ВЧК член Всероссийского] ЦИК»[577].

Итоговая докладная записка В.Э. Кингисеппа содержала следующие выводы: «Регистрационная служба в совокупности с Морским контролем Генмора является филиальным отделением Английского Морского Генштаба. В сводках Морского контроля совершенно отсутствуют данные, позволяющие предположить, что морская контрразведка была направлена против англо-французов и союзнического шпионства… главное внимание Морского контроля Генмора было обращено на действия и распоряжения наркомвоена Троцкого». Кингисепп предложил немедленно расформировать МРС, Военно-морской контроль и даже весь МГШ, а их руководителей привлечь к суду. По приговору Верховного трибунала в апреле 1919 г. Р.А. Окерлунда и начальника ВМК А.К. Абрамовича расстреляли

---

[575] «Кречет» — флагманский корабль Балтийского флота.

[576] Рейли Сидней Джордж — агент Британской разведки. Организатор заговоров в Москве и Петрограде против большевиков. В июне 1918 г. передал 5 млн рублей для финансирования Национального и Тактического центров. В июле 1918 г. координировал мятеж левых эсеров в Москве. Установил тесные контакты с красным командиром латышских стрелков, несших охрану Кремля, Э. Берзиным, которому передал 700 тыс. рублей (по данным коменданта Кремля П.Д. Малькова, официально 1200 тысяч; для сравнения: зарплата Ленина тогда была 500 рублей в месяц), а также сообщил Берзину явки и адреса известных ему белогвардейцев. Все деньги и явки были сразу же переданы Я.М. Свердлову и Ф.Э. Дзержинскому. Белогвардейцев расстреляли, а деньги пошли на постройку клуба для латышских стрелков и издание агитационной литературы. Рейли также вошёл в доверие к Савинкову и его боевикам и участвовал в «заговоре послов». В Москве Рейли легко и свободно вербовал советских служащих (в том числе и секретаршу ВЦИК Ольгу Стрижевскую) и получал от них нужные ему документы, в том числе свободный пропуск в Кремль по подлинному удостоверению сотрудника ВЧК на имя Сиднея Релинского. Все дела Рейли проваливались: попытка убить Ленина (не удалась из-за отмены митинга), восстание левых эсеров и организация мятежа петроградского гарнизона (подавлены). Удалось убийство левым эсером Я.Г. Блюмкиным немецкого посла В. фон Мирбаха и покушение на В.И. Ленина (30 августа 1918 г., Ленин ранен), которое чекисты объясняли «заговором послов». На заочном суде в ноябре 1918 г. в Москве Рейли приговорили к расстрелу и объявили вне закона.

[577] РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141. Л. 70–76. Подлинник — машинописный текст (экз. Л.Д. Троцкого).

за шпионаж в пользу союзников. Начальник Регистрационной службы А.И. Левицкий и его помощник А.М. Сыробоярский были заключены в концентрационный лагерь до окончания Гражданской войны. Понесли наказание и другие офицеры, работавшие в спецслужбах флота[578].

Отделение военного контроля Оперативного отдела Наркомвоена

В начале 1918 г. численность подпольных организаций по всей стране составляла около 16 тысяч человек[579], и при этом ни одному из названных выше органов военной контрразведки большевики не имели оснований доверять[580]. В этих условиях в мае 1918 г. большевик С.В. Чикколини приступил к формированию 4-го органа военной контрразведки — Отделения военной контрразведки Оперода как органа, направленного прежде всего на борьбу не со шпионажем противника, а на борьбу с внутренней контрреволюцией. Чикколини в Опероде появлялся «спорадически» (по свидетельству Георгия Теодори, пару раз «в сутки с огромным шумом и угрозами»), принимал на службу «массу лиц, преимущественно женщин», и создавал крайне тягостную для работы военных специалистов атмосферу[581]. В июле 1918 г. его сменил большевик эстонец Макс Густавович Тракман. Тракман родился 19 октября 1890 г. в деревне Тиртсу в Эстонии. Окончил Александровскую гимназию в г. Ревеле (современный Таллин), где состоял в нелегальных ученических кружках, затем в 1916 г. Московский университет. Некоторое время работал врачом. В январе 1917 г. призван на военную службу и стал вести активную пораженческую агитацию в войсках. После Октябрьской революции избран в Исполнительный комитет солдатских депутатов 12-й армии (Искосол), членом и секретарем, делегатом на IV Всероссийский съезд Советов[582]. Попав в Оперод Наркомвоена, Тракман укомплектовал костяк ОВК лично известными ему по работе в Искосоле большевиками — латышами по национальности[583] и взял курс на автономность от руководства Оперода, т. е. заведующего отделом Семена Аралова и тем более его консультантов, заявив: «Военный контроль весь заполнен коммунистами, под наблюдением фракции коих и идет вся работа». С этого момента руководство Оперода даже не информировалось о постановке работы и результативности деятельности ОВК[584].

Все указанные органы военной контрразведки — как большевистские, так и «военспецовские», — с разрушенным или неналаженным аппаратом, действующие без координации, по определению не могли работать эффективно.

5—7 июля 1918 г., как уже говорилось *(Раздел II, глава 1),* состоялись заседания Комиссии по организации разведывательного и контрразведывательного дела, или, по выражению руководства Оперода, «совещание представителей основных руководящих органов контрразведки». ОВК Оперода добивалось прежде всего постановки работы

---

578 Зданович А. А. Организация и становление спецслужб Российского флота.

579 Кирмель Н.С. Указ. соч. С. 195.

580 Васильев И.И. Указ. соч. С. 29.

581 Цитируется Г.И. Теодори. РГВА. Ф. 33221. Он. 2. Д. 216. Л. 9А об.

582 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 30.

583 Зданович А.А. Отечественная контрразведка. С. 105.

584 См.: РГВА. Ф. 33221. Он. 2. Д. 216. Л. 26 об.

Регистрационной службы ВГШ под контроль ОВК: руководство ОВК, равно как и руководство Оперативного отдела Наркомвоена (С.И. Аралов и Г.И. Теодори), относилось с недоверием к служившим во Всероссийском главном штабе военным специалистам[585].

Совещание разработало «Общее положение о разведывательной и контрразведывательной службе», вскоре утвержденное Л.Д. Троцким. Согласно документу, органами, ведающими «активной» контрразведкой, признавались: Регистрационная служба ВГШ, отделы и отделения регистрационной службы штабов военных округов; отделения Регистрационной службы при Высшем военном совете и штабах участков и районов Завесы; «Отделение военного контроля при Оперативном отделе Народного комиссариата по военным делам и могущие учреждаться последним особые подчиненные ему органы на местах».

Из «Общего положения…» следует, что Оперод проиграл. Если компетенция контрразведывательных органов Высшего военного совета (контрразведка в Завесе — иррегулярных частях, сдерживавших натиск германских войск после заключения Брестского мира) и Всероглавштаба (контрразведка заграницей, в Наркомвоене и НКИД, иностранных посольствах и иных официальных представительствах, «а также разработка отдельных шпионских дел на всем пространстве государства, по особым поручениям начальника Оперативного управления», что давало возможности для произвольного увеличения компетенции) очерчена четко, то Оперод, как в сказке Шарля Перро, получал только кота вместо мельницы и осла. ОВК, согласно статье 12-й «Особого положения…», «не имея ограниченной территории для своей деятельности… ведет по непосредственным указаниям Оперативного отдела активное противодействие разведке тех вооруженных сил, которые в данный момент угрожают Российской Советской Республике, ведает охраной от посягательств шпионов всех центральных советских учреждений, за исключением ведомств Военного, Морского и Иностранных дел, и выполняет особые поручения по непосредственным заданиям Народного комиссариата по военным делам». Таким образом, функции ОВК сводились к наблюдению за всеми центральными учреждениями РСФСР, кроме тех, которые в первую очередь должны были работать под наблюдением военной контрразведки (они находились в сфере влияния ВГШ), а также к выполнению экстраординарных поручений руководства военного ведомства. Последнее скорее подходит тайной полиции (т. е. ВЧК), но никак не органу военной контрразведки. Разграничение предметов ведения органов военной контрразведки в «Общем положении…» произведено крайне нечетко[586]. Все три органа не зависели друг от друга в финансовом отношении, хотя Высший военный совет обязывался сообщать сметы на контрразведку «Всероссийскому главному штабу для сведения». Оговаривалось, что «Кредиты на контрразведку… ассигнуются в размере 3-месячной потребности; отпуск денег… на иные сроки производится согласно особых указаний» коллегии Наркомвоена[587].

Летом 1918 г., как установил И.И. Васильев, «органы Военного контроля в центре и на местах выполняли ответственные политические задачи по защите Красной армии от подрывной работы внешней и внутренней контрреволюции. Они боролись с заговорщиками и предателями, шпионами и террористами, проникавшими в ряды Красной армии»[588]. Отделение военного контроля Оперода, как установил Ю.Б. Долгополов, «проверяло

---

585 Цит. по: Лурье В.М., КочикВ.Я. Указ. соч. С. 14; РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 5.Л. 103–103 об.

586 Об этом свидетельствуют оговорки об «особых сношениях» ОВК, ВГШ и Высшего военного совета «в случаях необходимости» (Там же. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 6. Л. 182–183).

587 Там же. Л. 184–185.

588 Васильев И.И. Указ. соч. С. 31.

состояние охраны на артиллерийских и пороховых складах, участвовало совместно с ВЧК в расследовании левоэсеровского мятежа в июле 1918 г. и убийства немецкого посла Мирбаха. Одно из крупных дел Военного контроля связано с пресечением шпионско-подрывной деятельности стран Антанты» и США: «Первые сигналы поступили из пункта Военного контроля в Вологде. Туда якобы в знак протеста против заключения… Брестского договора… а по существу чтобы уйти от наблюдения ВЧК и быть поближе к англо-американским войскам, высадившимся в Мурманске и Архангельске, выехали военные миссии и другие представительства некоторых стран Антанты. Вологда была в то время важным узловым пунктом связи Петрограда и Москвы с войсками, сдерживавшими наступление англичан и американцев вглубь страны и не позволявшими им объединиться с контрреволюционными силами. Это объединение представляло большую опасность для молодой Советской республики. На севере страны — в Мурманске и Архангельске — еще с довоенного времени были сосредоточены огромные запасы материально-технического имущества войск. На Востоке находились большие людские резервы. Слияние этих ресурсов… создало [бы] единый фронт международной и внутренней контрреволюции.

В Вологду одиночками и группами стали пробираться враждебные Советской власти элементы» и команды военнослужащих Антанты, прибывшие в Россию до заключения сепаратного мира с Германией. Члены американской и сербской военных миссий установили связь с внутренней контрреволюцией и собирали сведения о составе и численности красноармейских частей, дислоцировавшихся в этом районе, а также направлявшихся через Вологду на север и восток страны. Члены миссии вели вербовку иностранных военнослужащих в белые армии. Военные миссии отказались от предложения советских государственных органов переселиться в благоустроенные дома в городе, ссылаясь на временный характер своего пребывания в Вологде. Они могли, с одной стороны, успешно продолжать свою деятельность, с другой — трубить о «неудобствах», создаваемых большевиками для иностранных представительств. Вокруг миссий сгруппировались агенты белогвардейских разведок и другие контрреволюционные элементы. Военный контроль установил наблюдение за неким Кудрявцевым, оказавшимся посланником Главнокомандующего войсками Восточного фронта М.А. Муравьева. Кудрявцев вошел в контакт с иностранными военными миссиями и попытался создать в Вологде некое подобие отделения контрразведки, работавшего на Муравьева. Военный контроль арестовал Кудрявцева за шпионаж и доказал его вину[589]. В следственном отделении ОВК с августа по декабрь 1918 г. в производстве находилось много крупных дел по шпионажу, измене и другим военным преступлениям. ОВК установило, что заговорами в 3-й и 4-й армиях Восточного фронта руководят из одного центра, местонахождение которого военные контрразведчики также установили. «Правоэсеровская группировка, действовавшая в Приуралье и Сибири под флагом Учредительного собрания, разрабатывала и активно проводила в жизнь мероприятия по подрыву боевой мощи Красной армии изнутри». Заговорщики насаждали в красноармейских частях своих агентов, передавали замыслы и планы советского военного командований противника, вели активную антисоветскую агитацию среди красноармейцев, добиваясь перехода на сторону белогвардейцев целых воинских частей. Активно готовились теракты против военно-политического руководства, взрывы мостов и т. д. Заговор был довольно разветвленным (его нити тянулись из городов Поволжья в Москву и Петроград) и представлял серьезную угрозу; он был ликвидирован совместными действиями ВЧК и Военного[590].

Летом 1918 г. первые органы военной контрразведки появились в ВЧК. На это руководство Оперативного отдела Наркомвоена должно было отреагировать. И

---

[589] Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 31–32.

[590] Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 36.

действительно, уже в сентябре 1918 г. ОВК Оперода выработало и направило за подписями С.И. Аралова, Г.И. Теодори и М.Г. Тракмана на утверждение в РВС Республики проекты «Положения о контрразведывательной службе» и «Декрета о борьбе со шпионажем и о правах и обязанностях сотрудников Военного контроля».

Доклад руководства Оперативного отдела Наркомвоена и его отделения военного контроля Революционному военному совету Республики о необходимости утверждения проектов «Положения о контрразведывательной службе» и «Декрета о борьбе со шпионажем и о правах и обязанностях сотрудников Военного контроля»[20]

Не ранее 12 сентября 1918 г[21]

Совершенно] секретно

В Революционный военный совет [Республики]

После Октябрьской революции вся система контрразведки, система борьбы со шпионажем рухнула.

Главнейшей причиной развала было отсутствие доверия к лицам, руководящим и ведущим контрразведку.

Первым [советским] органом контрразведки, а ныне Военного контроля, возродившимся к жизни, было отделение военного контроля Оперативного отдела Московского военного округа, перешедшее впоследствии вместе с Оперодом к Наркомвоену[591]. Возможность функционирования этого отделения явилась только потому, что в состав его вошли партийные деятели, облеченные доверием.

Несколько позже при организации Всероссийского главного штаба возродилась Регистрационная служба этого штаба — органа, который должен был объединить всю деятельность по борьбе со шпионажем. Но отсутствие доверия к составу Регистрационной службы служило и служит тем тормозом, который до настоящего времени не подвинул деятельности Регистрационной службы Всероссийского главного штаба ни на один шаг вперед.

В начале июля с.г. (1918 г. — *С.В* .) было совещание представителей главнейших руководящих органов контрразведки, которое выработало положение о контрразведке[592], получившее вскоре утверждение наркомвоен Троцкого. Это обстоятельство, однако, не подвинуло работы Регистрационной службы Всероссийского] гл[авного] штаба по той же причине — отсутствия к нему доверия.

Между тем жизнь шла вперед и вопиющие события вызвали необходимость организации борьбы со шпионажем. Путем частной инициативы и усилиями Отвоконом Оперода были созданы отделения военного контроля Беломорского и Ярославского военных округов, развилась контрразведка в [зоне] оккупации на Восточном фронте.

За этот же период с июля [1918 г.] по сей день деятельность Отвокон возрастала, все более и более объединяя и централизуя работу новых органов военного контроля.

Хотя организация военно-контрольных органов и продвигается, однако отсутствие такого официального, жизнеспособного положения, которое могло бы обеспечит[ь] вполне нормальное развитие деятельности Отвокон, принудило выработать новое положение.

В основу этого положения принято, что вся деятельность по борьбе со шпионажем объединяет Отделение военного контроля Оперода Народного комиссариата по военным делам, как пользующегося наибольшим доверием, а потому наиболее жизнеспособное и фактически руководящее работой почти всех органов контрразведки.

---

591 Оперод МВО реорганизовывался в Оперод Наркомвоен на основании приказа Л.Д. Троцкого от 11 мая 1918 г. Если комментируемое предложение соответствует действительности, передача состоялась только летом 1918 г., т. к. по состоянию на 27 мая 1918 г. большевик С.В. Чикколини только планировал создание ОВК. Отделение было создано в конце мая 1918 г. (РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 1 и сл.).

592 «Общее положение о разведывательной и контрразведывательной службе» — см. док. Ля 3.1.3.

Представляя при сем проекты положений о контрразведывательной службе и декрета о правах сотрудников военного контроля, прошу подробно рассмотреть и утвердить.

Задержка в утверждении отразится самым нежелательным образом на дальнейшем развитии борьбы со шпионажем.

О последующем прошу телеграфно уведомить.

Заведыв[ающий] Оперативным отделом *Аралов*

Начальник штаба *генштаба ГИ. Теодоры*

Заведыв[ающий] Отделением] воен[ного] контроля

М. Тракман

РГВА.Ф. 4. Оп. 14. Д. 5. Л. 103–103 об.

Подлинник — машинописный текст с автографами.

«Приложение № 1

Утверждаю сентября 1918 г.

Председатель Революционного военного совета[22]

ПОЛОЖЕНИЕ

о Контрразведывательной службе[23]

1. Общая задача военной контрразведки состоит в изучении системы и методов действия органов иностранной разведки и в обнаружении, обследовании и пресечении деятельности иностранных военных шпионов, а также организаций и лиц, деятельность которых, преследуя военные интересы иностранных государств, направляется во вред военным интересам России и стоящих с нею в союзе держав.

2. Расследование всякого рода иной преступной деятельности в задачу военной контрразведки не входит. Если при производстве расследования по делам, указанным в статье I, обнаружатся данные, относящиеся к преступлениям иного рода — то все такие данные без дальнейшей их разработки чинами контрразведки немедленно передаются последними в распоряжение подлежащих судебных или административных органов.

3. Органом, руководящим всей контрразведкой — как сухопутной, так и морской, — на территории Советской республики и за ее пределами является Отделение военного контроля Оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам.

4. Органами, ведающими активной контрразведкой и подчиненными Отвокон Наркомвоен, являются: а) активная часть Отделения военного контроля Оперод Наркомвоен; б) отдел Регистрационной службы Всероссийского главного штаба с подчиненными ему органами Морской регистрационной службы; в) окружные отделения военного контроля с подчиненными им органами военного контроля; г) Отделение военного контроля при Военно-революционном совете [Республики][24] и подчиненные ему органы военного контроля.

5. Отделение военного контроля при Всероссийском главном штабе имеет задачей передавать задания начальнику] Всероссийского главного штаба и поддерживать связь между Всероссийским] гл[авным] шт[абом] и Отвокон.

6. Никакие другие учреждения не вправе вести военную контрразведку на территории Российской Республики и все могущие поступать в эти учреждения данные по шпионажу должны немедленно передаваться в распоряжение надлежащего органа военной контрразведки.

7. Отделение военного контроля Оперод Наркомвоен, руководя работой подведомственных ему органов, вместе с тем ведет активную контрразведку во всех иностранных посольствах, генеральных консульствах, миссиях и центральных комиссиях международного характера, во всех центральных советских учреждениях и организует активную контрразведку за пределами Советской республики.

8. Отдел Регистрационной службы Морского Генерального штаба организует и ведет морскую контрразведку как на территории Советской республики, так и за ее пределами, охраняя все учреждения и заведения морского ведомства.

9. Окружные отделения военного контроля организуют и ведут активную контрразведку в пределах своего военного округа. С указанной целью окружные отделения открывают подчиненные органы военного контроля на задания Отвокон Наркомвоен или по собственному плану, утвержденному Отвокон Наркомвоен.

10. Отделение военного контроля при Военно-революционном совете [Республики] организует и руководит контрразведкой на театре войны. Для чего открывает подчиненные органы военного контроля при штабах фронтов и армий по заданиям Отвокон Наркомвоен или по собственному плану, утвержденному Отвокон Наркомвоен.

11. Главное управление военного почтово-телеграфного контроля, подчиняясь непосредственно Отд[елу] воен[нош] контроля] Оперод Наркомвоен, выполняет задания последнего.

12. Все таможенные пропускные пункты находятся в непосредственной связи с окружным военно-контрольным отделением, действуя в части, касающейся шпионажа, по инструкции, выработанной Отд[елом] воен[ного] контроля Оперод Наркомвоен.

13. Существующие органы военной цензуры подчиняются местным органам военного контроля, руководствуясь инструкциями военно-цензурного отделения, подчиненного Отвокон Наркомвоен.

О КРЕДИТАХ

14. Отпуск кредитов на содержание военно-контрольных органов, на сухопутную контрразведку, на содержание военноцензурных отделений и на содержание Главного управления военного почтово-телеграфного контроля с подчиненными ему органами сосредоточивается в Отвокон Наркомвоен.

15. Во исполнение п[ункта] 14 каждое окружное отделение в[оенного] к[онтроля] и Главное управление в[оенного] почтово-телеграфного контроля предварительно составляют общую смету и одновременно с[о] сметами подчиненных органов и своей представляют в Отвокон Наркомвоен на заключение и для дальнейшего направления.

16. Сметы исчисляются в размере 3-месячной потребности и представляются в Отвокон Наркомвоен к 1 декабря, к 1 марта, [к] 1 июня и к 1 сентября соответственно на январскую, апрельскую, июльскую и октябрьскую четверти года.

17. Утвержденные по смете кредиты производятся на текущий счет местным отделением Народного банка [593] или казначейства на имя подлежащего органа и отпускаются по чековым требованиям по мере надобности.

18. Кредиты на морскую контрразведку, а равно и на содержание органов Морской регистрационной службы сосредоточиваются в Морском Генеральном штабе.

19. Все вопросы, связанные с проведением настоящего приказа, разрешаются Отделением военного контроля Оперода Народного комиссариата по военным делам»[594].

Итак, Реввоенсовету Республики предлагалось утвердить «Положение о контрразведывательной службе», по которому все руководство военной контрразведкой сосредоточивалось в ОВК Оперода, как органе, *во-первых* , «пользующемся наибольшим

---

[593] Государственный банк — Народный банк Российской Республики — Народный банк РСФСР. В 1918 г. Народный банк РСФСР осуществлял кредитование как национализированных, так и частных предприятий. Основной задачей кредитной работы Народного банка РСФСР была всемерная поддержка национализированных предприятий с целью закрепить проведенную национализацию и подготовить дальнейшую. В конце 1918 г. в Народном банке РСФСР была введена окружная система. В это время на территории Советской республики функционировало 187 филиалов банка. Окружные конторы должны были следить за тем, чтобы подведомственные им филиалы не нарушали общегосударственной политики в области кредитования и денежного обращения. Первый и последний отчет о деятельности Народного банка РСФСР был составлен в октябре 1918 г.

[594] РПЗД Ф 4 Оп 14 д 5 д юб с об. — 108. Подлинник — машинописный текст.

доверием» советского военно-политического руководства, *во-вторых* , фактически руководящим работой почти всех органов контрразведки. Первый аргумент полностью соответствует действительности, второй справедлив лишь в оговорке — «почти»: чекистские органы сами были нацелены на подавление возможных конкурентов. По проекту положения ОВК должен был стать органом, «руководящим всей контрразведкой — как сухопутной, так и морской — на территории Советской республики и за ее пределами». Подчеркивалось, что «расследование всякого рода иной преступной деятельности в задачу военной контрразведки не входит».

Явным недостатком проекта было то обстоятельство, что ОВК в ряде пунктов (№ 3, 7, 11–12, 19) именовался «Отделением военного контроля *Оперативного отдела* Народного комиссариата по военным делам», в ряде (№ 9—10,13–16) — «Отвоконом *Наркомвоен»,* Такое разночтение в тексте создавало возможность его неоднозначного толкования. Не исключено, что это свидетельствует о желании М.Г. Тракмана оформить в нормативном акте независимость ОВК от руководства Оперода.

В случае принятия проекта органами, ведающими «активной» контрразведкой (т. е. ведущими оперативно-розыскную деятельность) и подчиненными ОВК Наркомвоен, должны были стать: активная часть ОВК Оперод; отдел Регистрационной службы ВГШ, в подчинение которого переходила Морская регистрационная служба (в отношении последней военное ведомство должно было стать «руководителем без денег»: предусматривалось, что кредиты на морскую контрразведку и на содержание органов МРС будут отпускаться по смете Морского Генерального штаба); окружные отделения военного контроля с подчиненными им органами военной контрразведки. И главное — Отделение военного контроля при РВСР «и подчиненные ему органы военного контроля». Это — сенсация: принятие проекта означало бы создание подчиненного ОВК Оперода «Управления собственной безопасности» аппарата Реввоенсовета Республики! Включение в проект положения этого пункта было вполне в характере Макса Тракмана: по свидетельству Г.И. Теодори, при нем «продуктивность и порядок работ… отделения (военного контроля. — *С.В.)* не был известен… Оперод[у] Наркомвоен… Причина этого — в обособлении тов. Тракмана и заявлении, что *Военный контроль весь заполнен коммунистами, под наблюдением фракции коих и идет вся работа»*[595]. Справедливости ради — в 1919 г. выяснилось, что белые разведчики получали сведения и от сотрудников вспомогательного аппарата Реввоенсовета Республики, в том числе от помощника Управляющего делами РВСР Н.А. Бабикова[596]. В данном контексте идея создания «УСБ РВСР» представляется вполне целесообразной.

Для координации деятельности ОВК Оперода й Регистрационной службы Всероглавштаба предполагалось создать Отделение военного контроля при ВГШ.

В проекте Положения, кроме того, формулировались задачи ОВК: ведение «активной контрразведки во всех иностранных посольствах, при генеральных консульствах, миссиях и центральных комиссиях международного характера…; активной контрразведки за пределами Советской республики». Естественно, в случае утверждения этого положения Реввоенсоветом Республики пришлось бы всерьез заняться коренной реорганизацией ОВК Оперода: набранные М.Г. Тракманом латыши вряд ли обладали достаточной квалификацией для решения указанной задачи.

При этом логичным было предложение подчинить ОВК Оперода Главное управление военного почтово-телеграфного контроля[597]. В этом случае пришлось бы реорганизовать и

---

595 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 26.

596 Кирмель КС. Указ. соч. С. 197.

597 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 5. Л. 106 с об. — 108.

отделение военной цензуры Оперода Наркомвоена, в задачи которого на момент составления докладной записки входили перехват донесений противника и сообщений военных сведений его тайными агентами по телеграфу и почте; контроль за «утечкой информации» из ведомства Троцкого в печать; контроль за перепиской иностранцев между собой и с россиянами (как на территории Советской России, так и за ее пределами); составление еженедельных сводок сведений из печати[598]. В проекте предусматривалось подчинение органов военной цензуры органам военного контроля.

На вопрос о том, почему наряду с Тракманом докладную записку с ходатайством об утверждении проекта подписали Аралов и Теодори, отвечает последний пункт — «все вопросы, связанные с проведением настоящего приказа, разрешаются Отделением военного контроля Оперода..»[599]. Таким образом, заранее оговаривалось, что за проведение приказа руководство Оперода — Аралов и Теодори — ответственности не несло. А провести Положение в жизнь — в случае его утверждения — было практически невозможно. Аралов и Теодори прекрасно это понимали. Вероятно, их участие в подписании докладной связано с желанием любой ценой сохранить контрразведку в военном ведомстве, тем более что и чекисты готовы были ставить перед ней масштабные задачи, также не обладая в 1918 г. средствами их решения.

Проект Положения дополнял проект Декрета о борьбе со шпионажем и о правах и обязанностях сотрудников Военного контроля. В частности при его выработке составители, учтя аресты «военных контролеров» чекистами, имевшие место летом 1918 г., специально оговорили: о каждом аресте сотрудников ВК и МРС должны немедленно узнавать заведующие отделениями, от которых зависит дальнейшее содержание обвиняемых под стражей[600]. Военные контрразведчики, таким образом, получили бы формальную гарантию своей безопасности в случае неизбежного саботажа решения чекистами.

«ПРОЕКТ

декрета о борьбе со шпионажем и о правах и обязанностях сотрудников Военного контроля[25]

1. Всякий, кто, несмотря на его принадлежность к гражданству того или другого государства, тайно или под вымышленным предлогом собирает или сообщает сведения о вооруженных силах и других средствах, служащих для обороны Российской] Советской] Ф[едеративной] Социалистической] Республики, или тот, кто каким-либо другим способом наносит вред вооруженным силам и другим средствам обороны Республики с целью способствовать иностранным государствам или другим явным и тайным врагам Российской] С[оветской] Федеративной] Социалистической] Республики, а равно тот, кто, зная о совершающемся шпионаже, не сообщает [о нем] властям — называется шпионом.

2. Борьба со шпионажем возлагается на Отделение военного контроля при Наркомвоене, на отдел Регистрационной службы Морского Генерального штаба, а также на все подведомственные им органы Военного контроля и Регистрационной службы.

3. Предварительное следствие по делам о шпионаже ведется сотрудниками органов Военного контроля и Морской регистрационной службы под общим руководством заведывающих этими органами, для чего сотрудники имеют право: а) по ордерам, подписанным заведывающими отделениями или их помощниками, производить обыски и выемки у лиц, заподозренных в шпионаже, и подвергать их аресту; б) производить опросы лиц, как заподозренных в шпионаже, так и прочих, показания коих будут служить к

---

598 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 26–26 об.

599 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 5. Л. 106 с об. — 108.

600 Там же. Л. 104–105 об.

выяснению обстоятельств дела.

4. Основания, послужившие к производству обысков, выемок или арестов должны быть изложены в особом постановлении, каковые должны быть составляемы и о начале, и об окончании дела, с указанием тех мотивов начала и окончания дела и направления дела в суд.

5. Аресты лиц, подозреваемых в шпионаже, могут быть произведены сотрудниками отделения без ордеров отделений в случаях не терпящих отлагательства, как то: когда подозреваемый застигнут при совершении акта, характеризующего шпионство, или иное способствование или благоприятствование неприятелю, или вслед за совершением такового, когда очевидцы укажут на подозреваемое лицо, когда подозреваемый не имеет постоянного местожительства, когда сделал покушение на побег или пойман во время или после побега, когда имеются основательные данные, что подозреваемый может скрыться или скрыть следы преступления.

6. Арестованные числятся содержанием за подлежащим отделением Военного контроля и Морской Регистрационной службы, причем о каждом аресте сотрудников должны немедленно докладывать заведывающим отделениями, от коих зависит дальнейшее содержание обвиняемых под стражей.

7. Все правительственные и частные учреждения РСФСР, агенты милиции, железнодорожной и пограничной охраны и Красная армия должны оказывать беспрекословно и немедленно всяческое содействие сотрудникам Военного контроля и Морской Регистрационной службы при исполнении последними своих обязанностей; кроме того, все без исключения учреждения Советской республики должны незамедлительно представить органам Военного контроля и Морской Регистрационной службе для просмотра по их требованию все имеющиеся у них дела и документы, а также подлинное следственное производство.

8. Оконченное следствие по делам о шпионаже направляется в Революционный трибунал.

9. Рассмотрение в [Революционном] трибунале дел о шпионстве ограничивается установлением факта шпионажа и причастности к нему данного обвиняемого. Решение [Революционного] трибунала производится[26] в исполнение немедленно (не позже 24 часов). Апелляция и помилование не допускаются.

10. Сотрудники органов Военного контроля и Морской Регистрационной службы, которые подвергаются задержанию по тем или иным причинам, подлежат немедленному препровождению в распоряжение заведывающих соответствующих отделений, а задержанные в Москве — в распоряжение заведывающего Отделением военного контроля Оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам»[601].

Стоит заметить, что даже в руководстве военного ведомства не все были в курсе создания эмбриона еще одного органа — «военно-политической» контрразведки — в составе *Всероссийского бюро военных комиссаров* [602].

Координация работы органов военной контрразведки

Осенью противостояние органов военной контрразведки Оперода и Всероссийского главного штаба окончилось полным поражением последнего. 25 сентября было принято решение сосредоточить контрразведку в Опероде; Всероглавштаб обязывался предоставлять Опероду сведения о положении армии и сообщать Опероду обо всех заданиях, полученных помимо Оперода, после их исполнения.

3 октября решением РВС Республики военная контрразведка в военном ведомстве

---

601 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 5. Л. 104–105 об. Подлинник — машинописный текст.

602 Сб. приказов РВСР за 1918 г. Приказ РВСР № 49а.

формально объединялась под эгидой ОВК. РВСР назначил комиссию под председательством военного консультанта ОВК Ивана Чинтулова «для приема дел Регистрационной службы Всероссийского главного штаба и отдела по борьбе со шпионажем Высшего военного совета»[603]. Уже 6 октября Георгий Теодори в телеграмме начальникам Оперативных управлений Высшего военного совета и Всероглавштаба просил уведомить о решении РВС Республики «заинтересованных начальников»[604]. 1 1 октября руководство Оперативного управления Полевого штаба телеграфировало в штабы войск: «Согласно постановлению Революционного военного совета Республики от 3 октября, прошу по всем вопросам, касающимся организации и истребованию кредитов на агентуру и контрразведку обращаться в Управление Реввоенсовета к тов. Аралову»[605].

Произошедшая реорганизация Отделения военного контроля Оперода не во 2-й отдел Управления РВСР, как того требовал РВСР 3 октября, а в Отдел военного контроля Полевого штаба, как постановил РВСР 9 октября, имела следствием полный хаос — Аралов и его подчиненные были вынуждены направлять разъяснения. Так, в Оперативное управление Всероссийского главного штаба полетела телеграмма: «За последнее время отмечается, что Оперативное управление направляет поступающую переписку контрразведывательного характера в Штаб Революционного военного совета Республики. Во избежание замедления в исполнении и регистрации такого материала, Отдел военного контроля предлагает на будущее время всю переписку, ранее поступающую в Регистрационную службу Оперативного управления [Всероссийского] главного штаба, направлять непосредственно в отдел по адресу: М[алый] Знаменский пер., д. 3, к каковому отделу ныне перешли все функции бывшей Регистрационной службы». Начальник общего отделения передал копию документа «В Военно-статистический отдел для сведения». Собственно руководство ВСО принятием 25 ноября информации «к сведению» и ограничилось[606].

9 октября была ликвидирована военно-политическая контрразведка во Всероссийском бюро военных комиссаров[607]. Казалось бы, положение, по крайней мере, в военном ведомстве, налаживалось. Но 14 октября РВСР изменил свое решение о ликвидации контрразведки ВБВК и утвердил новые штаты и Положение о Всероссийском бюро военных комиссаров (ВБВК). Аралов и Теодори выяснили, что в составе ВБВК находится Отдел военно-полевой контрразведки. Более того — положение закрепляло, что ВБВК организует военно-политическую контрразведку в пределах военных округов РСФСР[608]. Таким образом, была предпринята попытка передать военный контроль (контрразведку) ответственному в то время за политический контроль органу — Всероссийскому бюро военных комиссаров. Начальник Штаба РВСР Н.И. Раттэль доложил тогда Л Д. Троцкому: «передача военного контроля и разведки [в] местных военно-административных органах (губернских и окружных) во Всебюрвоенком режет одно тело на две части», а потому «кроме вреда, едва ли что принесет». Раттэль убедительно заявил: «Органы и работа военного контроля могут дать ожидаемую от них пользу лишь в том случае, если они управляются одной волей из одного центра, иначе неминуемы переплет работы, взаимные аресты агентов

---

603 РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 134. Л. 113.

604 РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 134. Л. ИЗ.

605 РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 28. Л. 181.

606 РГВА. Ф. И. Оп. 4. Д. 98. Л. 48–48 об.

607 Сб. приказов РВСР за 1918 г. Приказ РВСР № 49а.

608 РГВА. Ф. 8. Историческая справка.

и т. п.». Полевой штаб ходатайствовал перед председателем РВСР об утверждении положения, при котором разведка и военная контрразведка будут сосредоточены в едином органе — Полевом штабе[609]. Ходатайство Раттэля было услышано.

Постановление РВС Республики об объединении военной контрразведки под эгидой ОВК по непонятной причине не затронуло Морскую регистрационную службу. Только на основании статьи 18-й «Положения о Военном контроле» от 21 октября 1918 г. было отдано распоряжение о принятии дел и сумм, принадлежащих МРС[610].

К 10 ноября 1918 г., как мы знаем, Г.И. Теодори по заданию высшего военного руководства организовал Полевой штаб Реввоенсовета Республики. В составе Полевого штаба нас интересует Отдел военного контроля Регистрационного управления (ОВК РУ), который представлял собой сменившее название Отделение военного контроля Оперативного отдела Наркомвоена. ОВК РУ не находился под полным контролем руководства РУ, но все же существовал не настолько автономно, как его предшественник от руководства Оперода.

На ОВК РУ возлагались следующие задачи: борьба со шпионажем противника, его провокациями и дезинформацией; охрана советской агентурной разведки (особенно при переходе ею границы); предохранение советской агентурной разведки «от сбивания ее на ложные пути противником»; слежка за агентами, подозреваемыми в двойном шпионаже и «всеми малоустойчивыми элементами (обнаруженными по ходу работ)»; «контроль и извлечение вредных элементов из советских военных учреждений»; «периодическое составление схем и показательных сводок работы (легче изучать пути и способы новых работ и организаций)»; тщательные обучение, подбор и расстановка агентов [611].

5 сентября 1918 г. ОВК, согласно проведенному через Склянского постановлению Высшего военного совета, провело регистрацию генштабистов. По мнению вдохновителя регистрации Георгия Теодори, она остановила *«незаметную* (в пылу огромной работы и тяжелых наших испытаний), *но огромную утечку* генштабистов в лагерь контрреволюции. Что генералы бежали — полбеды…, но с ними уходила и весьма ценная боевая молодежь выпусков 13, 14, 15, 16 г[одов] и гвардейская часть 1917 года. Часть последних выпусков и часть профессуры мы уже успели задержать, и теперь они отлично работают»[612].

В начале осени 1918 г. (еще до создания Полевого штаба и его РУ) на плечи ОВК легло исполнение приказа наркома Л.Д. Троцкого о заложниках в армии, напрямую зависевшее от регистрации *всех* военных специалистов. Регистрация стала важнейшим направлением деятельности ОВК. В его составе создали специальное регистрационное отделение (врид начальника Я.П. Роцен — как и Тракман, партийный работник, прибалт). Функции отделения — собирание, регистрация и систематизация материалов, поступающих из органов военного контроля. 31 сентября по приказу Троцкого ОВК затребовал телеграммой от всех штабов, учреждений и заведений военного ведомства и частей войск «списки бывших офицеров, занимающих штабные, командные, инструкторские и другие должности с указанием…: места службы, имени, отчества, фамилии, занимаемой ныне должности, места и время поступления [на службу], где служил ранее в старой армии, бывшего чина,

---

609 РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 89. Л. 53. Телеграмма Н.И. Раттеля и В.Г. Шар-манова Л.Д. Троцкому № 129. Датируется по упоминанию предшествующего аналогичного ходатайства от 12 октября 1918 г.

610 Постановлением от 21 октября 1918 г. МРС перешла в ведение ОВК, а затем и Особого отдела. (Доклад заведующего Особым отделом Михаила Кедрова и его военного консультанта Ивана Чинтулова Семену Аралову от 29 января 1919 г.).

611 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 80 и сл.

612 См.: РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 25 и сл.

специальности и точного адреса семьи». 6 декабря Полевой штаб напомнил необходимость предоставления списков штабам фронтов и армий. Но при этом даже за 2 месяца «некоторые части и учреждения» (констатировал ОВК 20 декабря) не представили списки.

ОВК РУ не смог обеспечить тотальную регистрацию военных специалистов, и в начале декабря 1918 г. Л.Д. Троцкий снова констатировал в специальном приказании: «Мною отдан был приказ установить семейное положение командного состава и сохранить на ответственных постах только тех из них, семьи которых находятся в пределах Советской Республики, и сообщить каждому под личную расписку, что его измена и предательство повлечет за собой арест семьи его и что, следовательно, он сам берет на себя, таким образом, ответственность за судьбу своей семьи. С того времени произошел ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, занимающих командные посты, но ни в одном из этих случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по-видимому, регистрация бывших офицеров вовсе не была произведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо. Предлагаю Вам в кратчайший срок заняться выполнением возложенной на Вас в свое время задачи, используя для этого аппарат Всебюркомвоен (Всероссийского бюро военных комиссаров. — С.5.), с одной стороны, и аппарат Военного контроля — с другой». Даже о служащих Полевого штаба ОВК получил данные из Административно-учетного управления только к 14 декабря. Оговорку в докладах, что ОВК приняло меры к проведению в отношении сотрудников Полевого штаба резолюции наркомвоена «в полном объеме», если бы не настрой документов и понятное желание отчитаться хоть в каких-то успехах, можно было бы счесть за самоиронию.

20 декабря ОВК РУ телеграфировал руководству фронтов, начальникам штабов военных округов и их комиссарам, в Полевой штаб и руководству центральных военных округов повторное обращение, в котором предложил вновь подтвердить «всем подведомственным частям и лицам о безотлагательном составлении требуемых списков в двух экземплярах по прилагаемой форме, и, по мере поступления их в штабы, препровождать их в Отдел военного контроля… но не позднее 1 января 1919 г.; на вновь назначенных лиц и на переведенных… посылать дополнительные списки». Первые экземпляры списков должны были направляться в ОВК РУ, вторые — в его местные органы (фронтовые и окружные отделы и отделения военного контроля, которым были даны Отделом военного контроля РУ «на сей предмет… указания»).

Все начальники обязывались «всегда иметь адреса своих подчиненных, бывших офицеров и адреса их семей. В случае измены или предательства… кого-либо из этих подчиненных, должны быть немедленно приняты меры к аресту членов его семьи, для чего безотлагательно необходимо телеграфировать в Отдел военного контроля (в Москву) с указанием должности, имени, отчества и фамилии изменника или предателя и адрес его семьи, сообщая также по телеграфу эти сведения и ближайшему органу военного контроля». Таким образом, ОВК попытался хотя бы частично переложить ответственность за своевременность предоставления военной контрразведке сведений об изменниках на руководителей-военспецов. Это не свидетельствует о его дееспособности.

Для устрашения возможных саботажников ОВК РУ по сути напомнило, что неисполнение приказания председателя Реввоенсовета Республики — прямой путь к трибуналу: «Вся ответственность… падет на начальников соответствующих управлений, учреждений, заведений и частей войск Красной армии и, в случае неприсылки какой-либо частью или учреждением списков к указанному сроку, о виновных будет докладываться для привлечения за неисполнение приказа по законам военного времени»[613].

Не очень высоко оценивал работу ОВК даже начальник Регистрационного управления Аралов. 29 ноября он наложил на недельную сводку ОВК резолюцию: «Агент, бывший в Крыму, не дал по существу никаких ценных сведений для Полевого штаба. Его показания —

[613] Там же. Ф. 6. Оп. 10. Д. И. Л. 68–69 об.

полный нуль. Полевому штабу нужно иметь сведения: о белогвардейских силах (Краснова, добровольцев), их точное расположение, организация (полки, дивизии, корпуса…) с точным указанием состава, как формируются, а также пополняются, их передвижение, настроение, командный состав, номера полков, кавалерия, численный состав. Здесь — наобум фразы и реального ничего, из чего Полевой штаб мог бы делать выводы, расчеты и пр. Немедленно прошу дать соответствующие указания агентам, а этого агента послать обратно и в будущем, если будут даваться такие сведения, увольнять». 1 декабря Теодори направил резолюцию Аралова М.Г. Тракману[614]. Макс Густавович выявил свою абсолютную неподготовленность к работе в военной контрразведке — 8 декабря он передал свои полномочия бывшему военному комиссару Московского военного округа большевику В.Х. Штейнгарду[615], а с марта 1919 г. представлял в РСФСР Эстляндскую трудовую коммуну, а в сентябре 1919-го и вовсе оказался на руководящей работе в Главном военно-санитарном управлении[616].

3 декабря 1918 г. на совещании по вопросу о реорганизации военного контроля присутствовали члены РВСР Семен Аралов и Аркадий Розенгольц[617] (председатель совещания), чекисты Феликс Дзержинский и Асмус. По итогам было принято решение о чистке ВК и привлечении к организации контрразведки впредь исключительно партийных работников: «1) Существующий в настоящее время военный контроль реорганизуется] на основе удаления из него продажных элементов и привлечения к делу исключительно партийных работников; 2) Задачами военного контроля (особых отделов) является агентурная разведка в тылу противника и выявление контрреволюционных элементов в армии; 3) Соответствующие работы во фронтовых и армейских ВЧК переходят в реорганизованные отделы военного контроля (особые отделы), а также по возможности и часть личного состава этих комиссий; 4) Армейские отделы военного контроля (особые отделы) подчиняются непосредственно армейским политическим комиссарам и работают под контролем фронтовых органов военного контроля (особые отделы); 5) Заведующий] отделом военного контроля назначается арм[ейским] политическим комиссаром и утверждается заведующим] фронтовым отделом военного контроля при отсутствии у армейских политкомов кандидатов на должность заведующих] отдел[ами] военного контроля (особых отделов); таковая кандидатура выдвигается фронтовым отделом; 6) Для чистки отделов военного контроля нынешнего состава и для реорганизации ее (военной контрразведки. — *С.В.)* на вышеизложенных началах образовать комиссию из трех лиц. Окончательный состав комиссии наметить по соглашению со Свердловым»[618]. К протоколу прилагалось «добавочное пожелание» за подписью члена РВСР А.П. Розенгольца: «1. Существующие отделы военного контроля реорганизуются в особые отделы, подчиняются непосредственно армейским политкомам, по оперативным же вопросам получаю[т] задания от командарма и заведующего] оперативным отделом; 2. Особые отделы обязаны создать и связаться с базами партийными ячейками в тылу противника; 3. Особые отделы распадаются на 2 отделения: агентурной разведки в тылу противника и контрразведки и борьбы с контрреволюционными элементами в армии; 4. Работа особых отделов ведется строго и

---

[614] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 47.

[615] РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1. Л.4.

[616] Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 30.

[617] Розенгольц Аркадий Павлович — член Реввоенсовета Кавказского фронта (с августа 1920); член коллегии НКПС, нач. Главполит-пути; временно откомандирован на Западный фронт в качестве члена Реввоенсовета 15-й армии (с 9 июня 1920).

[618] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 101.

конспиративно, в частности сотрудники этого отдела должны не знать друг друга»[619].

3 декабря 1918 г. «Общее положение о Военном контроле» от 21 октября утвердил лично Л.Д. Троцкий[620]. Проблемы с подчиненностью контрразведки внутри военного ведомства были окончательно решены. Оставалось выяснить отношения с Военным отделом ВЧК. А это была крайне сложная задача.

Глава 2. «НИКОМУ НЕ ПОДЧИНЯЮЩИЙСЯ…»: ИЗ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА В ВЧК

В конце 1918 — начале 1919 г. решался вопрос о ведомственной подчиненности военной контрразведки. Аралов вспоминал впоследствии: в первый период военного строительства (бывший зав. Оперативного отдела МВО — Наркомвоена датировал этот период январем — летом 1918 г.) «функции Оперод были обширны и касались многих вопросов военной работы. Эти функции впоследствии отходили к другим, вновь создаваемым военным учреждениям (Особый отдел, Военный трибунал и т. д.)»[621]. Все в принципе правильно, только вот функции отходили не совсем безболезненно…

Военный отдел ВЧК, фронтовые, флотские и армейские ЧК

Еще 31 марта 1918 г. коллегия ВЧК признала «необходимым, чтобы борьба со шпионажем и контрразведка проводились под наблюдением ВЧК»[622], т. е. ВЧК изначально была настроена на подавление возможных конкурентов. 9 апреля Президиум ВЧК постановил взять работу по военной контрразведке в свое ведение. В ВЧК было создано соответствующее отделение[623].

Летом 1918 г. положение на Восточном фронте, на котором, по выражению Владимира Ленина, «решалась судьба Революции», усугублялось и преступлениями первого начальника фронтового Военного контроля Фраермана, ранее находившегося под следствием в ПВРК по обвинению во взяточничестве и расхищении народного имущества. После подавления 13 июля 1918 г. попытки военного переворота, предпринятой М.А. Муравьевым, Фраерман сбежал с казенными деньгами. Два сотрудника Фраермана оказались контрреволюционерами. Но это мелочи в сравнении с бегством его преемника и нескольких сотрудников ВК перед захватом Казани Чехословацким корпусом. Белогвардейская контрразведка получила все документы Военного контроля Восточного фронта и, естественно, арестовала и уничтожила агентов, оставленных в тылу белых.

Уже 16 июля постановлением Совнаркома была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте во главе с Мартыном Лацисом — до революции бывшего участника латвийского революционного подполья.

Ленин поручил Лацису докладывать «о положении дел и о состоянии нашего государственного аппарата и военном положении». Создание комиссии положило начало существованию чекистских органов в РККА. Первый успех был достигнут практически

---

619 Там же. Л. 102.

620 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 316. Сведения взяты из докладной записке Теодори Аралову от 29 декабря 1918 г.

621 Аралов С.И. Указ. соч. С. 40.

622 Левые эсеры и ВЧК. С. 57.

623 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 27.

сразу: фронтовые контрразведчики раскрыли шпионско-заговорщическую группу в военном руководстве Северо-Кавказского военного округа — буквально за несколько дней до вооруженного выступления[624].

Центральный орган военной контрразведки в ВЧК формально появился уже 29 июля — в составе отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией создали военный подотдел, реорганизованный позднее в Военный отдел ВЧК. Возглавил отдел Михаил Сергеевич Кедров.

31 августа — на следующий день после ранения В.И. Ленина — военные чекисты начали ликвидацию заговора, организованного руководителем английской дипломатической миссии Робертом Брюсом Локкартом (этот сюжет обстоятельно проанализирован в исследовании С.З. Острякова и дополнен разделом сборника документов «Архив ВЧК»[625]). После заключения сепаратного Брестского мира представители военных миссий Антанты финансировали антибольшевистские силы в расчете на переворот. Локкарт и его сотрудники предприняли безуспешную попытку путем подкупа и провокации заставить арестовать большевистское правительство латышских стрелков. Первые сведения о заговоре предоставили бывшие офицеры — молодые чекисты Ян Буйкис и Ян Спрогис. Руководство ВЧК отправило их в Петроград под видом контрреволюционеров для установления связи с антибольшевистским подпольем. На удочку клюнул английский военно-морской атташе Кроуми, рекомендовавший чекистов Локкарту. Последний попросил Буйкиса представить его кому-либо из своих друзей — командиров латышских стрелков для вовлечения в заговор. Таким «другом» стал командир латышского дивизиона Э. Берзинь, ведавший охраной Кремля. В августе он несколько раз встречался не только с Локкартом, но и с главным резидентом английской разведки в России Сиднеем Рейли. Ранение Ленина ускорило события. Чекисты арестовали более 60 шпионов, активных участников и главарей заговора, среди которых — Локкарт, скрывшийся под фиктивными документами руководитель шпионского центра заговорщиков Каламантино, сотрудник Управления военных сообщений А. Фриде, сотрудник Главного управления военно-учебных заведений Е. Голицын. Около 40 участников заговора арестовали в Петрограде. При этом главари заговора Локкарт и французский консул Тренер отделались высылкой. Рейли бежал[626].

Естественно, ликвидация масштабного заговора способствовала укреплению авторитета военных чекистов и повышала их вес в предстоящей борьбе с Военным контролем.

Военный отдел ВЧК versus Военный контроль

К осени 1918 г. началось строительство фронтовых и армейских (особенно сильных на Восточном фронте, где «решалась судьба революции»), а также местных органов военного контроля (отделения ВК Беломорского и Ярославского военных округов) [627]. При этом известен ряд случаев перехода работников Военного контроля на сторону белых на Восточном и Южном фронтах, в Москве, Петрограде, Казани, Вологде, Тамбове, Брянске и др. городах[628].

---

[624] См. подр.: Остряков С.З. Указ. соч. С. 27–28.

[625] См.: Архив ВЧК. С. 489–592.

[626] См. подр.: Остряков С.З. Указ. соч. С. 29–32.

[627] РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 5. Л. 103–103 об.

[628] Остряков С.З. Указ. соч. С. Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 59.

Военный контроль на Южном фронте оказался «засорен» агентами белых, которые сдали агентов советской разведки, направленных для разведовательной и диверсионной работы в тылу противника. В начале ноября создали ЧК на Южном фронте, разоблачившую шпионскую группу штаба фронта.

К концу 1918 г. фронтовые, флоткие и армейские ЧК были созданы почти во всей действующей армии[629].

19 декабря, обсудив вопрос об объединении деятельности Военного отдела ВЧК и ОВК РУ, ЦК РКП(б) назначил заведующим Военным контролем М.С. Кедрова, оговорив — «если не встретится возражений» со стороны РВСР. Вопрос о ведомственной принадлежности создаваемого объединенного органа остался нерешенным. В постановлении Бюро ЦК читается согласие с выработанным при Реввоенсовете положением. Однако положений было два — выработанное чекистами (М.Я. Лацисом) и Военным контролем (В.Х. Штейнгардом и его консультантом генштабистом И.Д. Чинтуловым). На заседании Бюро ЦК партии 19 декабря предпринималась попытка синтезировать оба варианта, но в основу лег проект ОВК. ОВК не был признан бесполезной, а тем более наносящей вред Красной армии организацией, чего добивался Лацис. Но об Особом или другом отделе ВЧК в постановлении нет ни слова; Кедров, представитель ВЧК, рекомендовался на должность заведующего именно Военным контролем[630]. Но при этом Кедров не хотел работать под руководством Троцкого — человека, которого старые соратники Ленина считали меньшевиком, «вчера только вступившим в партию».

Начальник 1-го отделения Агентурного отдела РУ В.А. Срывалин доложил руководству РУ, что в Петрограде военком Петроградского ВО С.П. Нацаренус рассказал ему и военному комиссару Е.В. Гиршфельду о своих переговорах с М.С. Кедровым. Тот сообщил якобы: «Военный контроль и агентура переходят в ведение Всероссийской чрезвычайной комиссии. Официального приказа об этом еще не было, но, насколько понял он, т. Нацаренус, вопрос этот уже предрешен и, по всей вероятности, на днях пройдет в жизнь. Причины подобного соединения заключаются якобы во вреде “специалистов”, близко стоящих к контролю и агентуре». 29 декабря однокурсник Срывалина Теодори, получивший информацию о планах Кедрова, пометил: «Т. Аралову. Итак, я был прав, когда докладывал, как на местах поймут “реформы” и *как сам Кедров к этому относится.* Снять, конечно, для отправки Троцкому и Свердлову»[631].

29 декабря 1918 г. Теодори подал рапорт Аралову (в копиях Л.Д. Троцкому и Я.М. Свердлову) с обоснованием необходимости добиться оставления контрразведывательной службы в ведении РВСР и просьбой доложить вопрос лично В.И. Ленину. Кедров отреагировал незамедлительно. Не позднее 31 декабря он имел длительную беседу с Теодори, Штейнгардом и Чинтуловым, в ходе которой назвал утвержденное РВСР «Положение об Особом отделе» (незначительно измененное Положение о Военном контроле) условным и подлежащим изменению односторонним решением Коллегии ВЧК; местные органы Особого отдела, по мнению Кедрова, следовало полностью подчинить чрезвычайным комиссиям. Присутствовавшие на встрече, естественно, не согласились с Кедровым и для окончательного решения телеграфировали 31 декабря Аралову о необходимости прибытия из Серпухова (место дислокации Полевого штаба) в Москву на совместное совещание. В тот же день Аралов получил приглашение и от Дзержинского. Текст телеграммы подтвердил, что вопрос о ведомственной принадлежности Особого отдела

---

629 Остряков С.З. Указ. соч. С. 28.

630 См.: Как Л.Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку. № 3, 5.

631 РГВА. Ф. 6. Он. 10. Д. 3. Л. 117.

окончательно к этому дню не был решен[632]. 2 января 1919 г. состоялось совместное заседание руководства Регистрационного управления (С.И. Аралов и Г.И. Теодори) и ОВК (В.Х. Штейнгард), с одной стороны, и ВЧК (Ф.Э. Дзержинский и М.С. Кедров), с другой. Председательствовал, естественно, Дзержинский. Обсуждался вопрос об объединении двух органов военной контрразведки. ОВК подвергся мощной критике Кедрова[633], но по итогам вопрос о принадлежности Особых отделов к системе РВСР или ВЧК остался открытым. Это предопределило продолжение межведомственной драки за военную контрразведку.

30 декабря 1918 г. Президиум ВЧК, заслушав вопрос о Военном контроле, ему не подчиненном (!), поручил М.Я. Лацису, В.В. Фомину и М.С. Кедрову «выяснить, какова инструкция на местах; вопрос… обсудить специально»[634].

Кедров не терял времени даром. 4 января 1919 г. он телеграфировал предписание о порядке слияния органов военной контрразведки на местах, даже не отправив копии Реввоенсовету Республики (Президиум ВЧК при этом значился в списке адресатов). В телеграмме указано, что в Регистрационном управлении остается руководство разведкой и военной цензурой, а ОВК выделялся из состава РУ. На первый взгляд, телеграммой предусматривался наименее острый порядок объединения — во главе Особых отделов *на фронте* временно ставились начальники военно-контрольных органов, хотя слово «временно» настораживает; в тыловом аппарате начальники Особых отделов избирались по соглашению местных ЧК и партийных комитетов с утверждением «Особотделами Республики» (вероятно, имелся в виду Особый отдел при РВСР, но текст телеграммы должен был вызвать путаницу на местах — он допускает возможность толкования), причем в исполнение обязанностей избранные начальники вступали не дожидаясь утверждения в Центре. Однако все объяснял 6-й пункт: начальники вновь создаваемых органов — «полноправные члены ЧК». Подбору кадров в особые отделы посвящен 11-й пункт, в начале которого декларировано, что на работу в 00 должны привлекаться «лучшие силы» коммунистов и военных специалистов (т. е. сотрудников и ЧК, и ОВК), однако оговорка «с особой осторожностью привлекая непартийных» отражает установку автора предписания. При Особых отделах приказывалось не создавать самостоятельной следственной части, а передавать все дела в следственные части ЧК после производства предварительного опроса; опрос задержанных возложить на начальников активных отделений и их помощников. На фронтах производство следствий передавалось Реввоентрибуналам. Таким образом, фактически Особые отделы на фронте в большей степени подчинялись военным органам, в тылу — чекистским. Сроком окончания реорганизации Кедров поставил 15 января 1919 г. — на исполнение и доклад об этом отводилось всего 11 дней. Очевидно, для слияния фронтовых органов военной контрразведки этого было вполне достаточно, но, принимая во внимание противостояние местных ЧК с партийными организациями, для проведения предписания в военных округах времени было явно недостаточно. В телеграмме четко прописывалась система местных органов военной контрразведки[635].

Однако нерешенность вопроса, по крайней мере, на уровне ведомств (военного и государственной безопасности), имела крайне негативные последствия. В докладной записке С.И. Аралову от 31 января 1919 г. консультант Особого отдела И.Д. Чинтулов констатировал «полное отсутствие положения, утвержденного и обязательного для Реввоенсоветов фронтов и армий и других органов государственного управления, приводит к постоянным

---

632 Зданович А.А. Отечественная контрразведка. С. 132–133.

633 РГВА. Ф. 33221. Он. 2. Д. 216. Л. 27.

634 Архив ВЧК. М., 2007. С. 311.

635 РГВА. Ф. 6. Он. 10. Д. 11. Л. 84–88.

недоразумениям», которые «в большинстве своем сводятся к стремлению местных Реввоенсоветов подчинить себе Особые отделы». «Отсутствие положения или, по крайней мере, плана (хотя бы плохого, но твердо проводимого), — подытожил Чинтулов, — способствует полному крушению работы, выпавшей на долю Особых отделов». Теодори, естественно, присоединился к мнению своего однокурсника, пометив: «И в Латвии (где я недавно был), и в 3-й армии (официальное] донесение]) уже создались затруднения, выразившиеся в захватах и арестах наших агентов разведки. Начались недоразумения на этой почве и в 9-й армии»[636].

6 января 1919 г. В.Х. Штейнгард сложил с себя исполнение обязанностей начальника Военного контроля, передав дальнейшее руководство отделом М.С. Кедрову[637]. Вероятно, в этот день ОВК и был изъят из ведомства Льва Троцкого. 17 января в ответ на запрос Троцкого о причинах прокола военной цензуры Теодори доложил: «Военного контроля нет, а есть никому не подчиняющийся Особый отдел»[638].

18 или 19 января руководство ВЧК, рассмотрев вопрос «Об Особом отделе при ВЧК», поручило Кедрову и Лацису в 3-дневный срок разработать проект об организации особых отделов и представить его на рассмотрение и утверждение ВЧК[639].

К концу января даже РВСР согласился уступить военную контрразведку ВЧК: соответствующее постановление было подписано правой рукой Троцкого Эфраимом Склянским, Араловым и Дзержинским и направлено во ВЦИК на утверждение (Троцкий был на Южном фронте и не смог вовремя вмешаться), которое и состоялось 6 февраля. Формально, как установил А.А. Зданович, влияние РВСР на армейские контрразведывательные органы теперь ограничивалось «лишь контролем за исполнением особистами его заданий»[640]. 3 февраля Троцкий, Аралов и Дзержинский подписали постановление, по которому Особый отдел закреплялся за ВЧК, с оговоркой — он будет выполнять все задания РВСР и работать под его непосредственным контролем[641]. Возникает вопрос — с чем связано согласие главы военного ведомства? Ведь речь шла о получении информации, которая, как известно, «правит миром». Уже после решения ЦК о создании Особого отдела — пока при РВСР — 22 января 1919 г. Троцкий характеризовал работу ОВК как «в высшей степени малосодержательную, чтобы не сказать — никуда не годную»:

Л.Д. Троцкий — Полевому штабу РВСР
22 января 1919 г.
[В] ПОЛЕВОЙ ШТАБ[642], СЕРПУХОВ

---

636 РГВА. Ф. 6. Он. 10. Д. 11. Л. 134–134 об.

637 РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1. Л. 6. Приказ по РУ от 10 января 1919 г.

638 РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 87. Л. 21.

639 Архив ВЧК. С. 383.

640 Как Л.Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку. № 5. С. 79.

641 См.: Большевики против военспецов-разведчиков… С. 32; РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 27 и сл.;

642 Полевой штаб Реввоенсовета Республики — высший оперативный орган главного командования Красной армии в годы Гражданской войны. Образован 6 сентября 1918 вместо расформированного штаба Высшего военного совета. Первоначально назывался Штабом РВСР, 8 ноября 1918 переименован в Полевой штаб РВСР, 10 февраля 1921 слит с Всероссийским главным штабом в единый Штаб РККА.

Работа Военного контроля представляется мне в высшей степени малосодержательной, чтобы не сказать — никуда не годной. Недельные сводки поражают своим убожеством. Возьмем для примера № 654 [от] 31 декабря [1918 г.].

Прежде всего, поражает полная безграмотность этого документа. Почти каждая фраза так искажена, что трудно добраться до ее смысла. Вина ли это составителя, или переписчика, или их обоих — не знаю, но ясно, что нужно прежде всего удалить редактора недельных сводок с опубликованием в печати причин увольнения, дабы другим неряхам, ротозеям, бездельникам неповадно было.

Если от формы перейти к существу, то дело представится еще плачевнее. На первом месте читаю о расколе партии меньшевиков: «По полученным агентурным сведениям среди меньшевиков раскол. Часть (Мартов, Дан, т. е. интернационалисты и центр) вошли в Центральный] исполнительный] комит[ет] и соединились с большевиками. Остальные, более правые (Потресов, Розанов, т. е. плехановцы, оборонцы) образовали новую партию «активистов», т. е. сторонников…» Очевидно, весь этот обзор мог писать только полицейский шпик, перекрасившийся в советского разведчика. ЦИК кажется этому разведчику подпольной организацией, у которой нужно справку наводить агентурным путем, тогда как из списка членов он мог бы узнать, вошли или не вошли туда Мартов и Дан. О меньшевиках-активистах Советская власть сообщала уже несколько месяцев тому назад, и от агентуры военного контроля надлежало бы требовать не безграмотного пересказа общеизвестных фактов, а справки о том, где и когда Потресов, Розанов и др. вели и ведут агитацию среди призванных.

Еще лучше в своем роде сведения о международном положении. «Из собеседования сотрудника отдела с одним из представителей находящейся в Петрограде миссии, — так повествует сводка, — выяснилось, что современное международное положение в настоящее время (слушайте, слушайте, слушайте) всецело определяется решениями правительства держав Согласия, почему приходится считаться лишь с фактами, исходящими со стороны противогерманской коалиции». Поразительное дело! Неслыханное разоблачение! Потрясающая разведка! Собственный сотрудник отдела из беседы с дипломатом выяснил, наконец, что союзники победили и что они играют решающую международную роль.

Далее говорится о том, что совещания союзников имеют большое значение, ибо на этих совещаниях «как принципиальные, так и второстепенные вопросы получили то или иное решение» (принципиальные, так и второстепенные вопросы получили то или иное решение). Разведка сообщает нам, что союзники совещаются, что на этих совещаниях они обсуждают разные вопросы и что эти разные вопросы получают то или иное решение. В какую сумму обходятся нам эти откровения?

Далее мы узнаем, что в беседе со шведским дипломатом сотрудником отдела выяснено, что Швеция претендует на Аландские острова. Остается только дать сотруднику отдела поручение разузнать строго-агентурным путем, как называется главный город Швеции.

Предлагаю установить, кто этот сотрудник. С каким дипломатом какой миссии он беседовал. Существует ли он вообще в природе. Если существует и беседовал, то прогнать его, как глупца или шарлатана.

На последнем месте находим справку о пожаре на фабрике изделий военного обмундирования в Петрограде. Здесь тот же самый торжественный жреческий тон: «По полученным агентурным сведениям произошел пожар фабрики изделий военного обмундирования на углу Коломенской и Разъезжей улиц». Контроль агентурным путем узнает о том, что возвещают с пожарной каланчи. Далее сообщается о слухах, что фабрика была подожжена с целью скрыть растрату сукна, а по другой версии — поджог был произведен «партией эсеров» и все. Казалось, тут-то и должна начаться работа разведки. Сообщать нужно не о пожарах и действительных и мнимых слухах, а о результатах своего расследования, кто произвел пожар.

Предлагаю установить, кто этот глубокомысленный агент, и удалить его за глупость и неспособность.

Совершенно ясно, что оставлять дело в таком положении далее нет возможности. Действительные или мнимые агенты пытаются дурачить нас совершенно так, как дурачили своих доверителей при старом режиме сказками про большевиков, с той только разницей, что в старых сказках было больше изобретательности.

Предлагаю тов. Окулову расследовать хотя бы только указанные в данном письме обстоятельства, чтобы таким путем начать перетряску и упорядочение Военного контроля. О результатах расследования и принятых мерах прошу уведомить меня в недельный срок.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ[643].

Проведение приказа о регистрации семей военных специалистов показало Троцкому работу ОВК, что называется «во всей красе». Однако о том, что военную контрразведку чекисты изъяли из военного ведомства, Льва Давидовича Кедров даже не проинформировал:

«Г.И. Теодори — Л.Д. Троцкому

№ 774/РУ на № 145, г. Москва, 17 января 1919 г.

Секретно, В собственные] руки

ПРЕДРЕВВОЕНСОВЕТА ТОВ. ТРОЦКОМУ

ДОКЛАД

Военный контроль превращен в Особый отдел и изъят из моего ведения. Справка о сводке, указанной в № 145, наводится, но тов. КЕДРОВ считает себя самостоятельным и подчиненным лишь ВЧК, почему никаким воздействием с нашей стороны не подлежит. Тов. КЕДРОВУ только на днях Реввоенсовет телеграммой от 13 января за № 0119 разрешил пользоваться всеми проводами. Вообще через меня никакие сводки Контроля не проходили.

Телеграфно Вами сообщено в [Полевой] штаб, что “цензура чудит”, не пропуская сообщений о Перми. Виновата не цензура, а Полевой штаб, не сказавший ни слова о взятии Перми. Иначе говоря, ни в одной сводке, данной штабом в печать, о взятии Перми не было. Цензура сама добавлять права не имеет, тем более она не запрещает того, что отдается в печать штабом.

Тов. АРАЛОВУ все это известно; и известно также, что Военного контроля нет, а есть никому не подчиняющийся Особый отдел.

Прошу не отказать в распоряжении прислать указанные телеграммой № 145 сводки, дабы узнать, о каких сводках с чьей подписью идет речь.

Прилагая единственную с упоминанием Перми сводку, отпечатанную 27 декабря, докладываю, что коммунист ГРЕЙЕР ничего не запрещал.

Этот доклад подал, дабы снять тяжелое, ничем не заслуженное обвинение, прошедшее через Ваш приказ от 9 января сего года[644]. Это происходит от того, что на бумаге

---

643 РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 13–14 об. Отпуск — машинописный экз.

644 26 февраля 1919 г. Троцкий писал Аралову: «Мне прислана для сведения копия циркуляра всем окружным военно-цензурным отделениям за подписью [Я.А.] Грейера. Из этого циркуляра я снова вижу, что постановка нашей военной цензуры из рук вон плоха. Грейер пишет: “Военная цензура помогает печати в том отношении, что дает ей указания, необходимые в целях целесообразного освещения событий, фактов текущей жизни, делая их бесполезными в руках противника и достигая своего назначения в интересах всей Республики”. Во-первых, это совершенно и всесторонне безграмотно и поэтому никак не может достигнуть своего назначения в интересах республики. Во-вторых, это смахивает на николаевских голубых жандармов, утирающих слезы всем вдовам и сиротам. Цензура служит не для целесообразного освещения событий, а для того чтобы препятствовать печати оглашать определенный круг сведений — больше ничего. Никаких иных задач по отношению к печати к отношению к цензуре давать нельзя.

Я с Грейером разговаривал целый час. Из его циркуляра вижу, что он ничего не понял. Считаю абсолютно необходимым Грейера сместить за полную его непригодность. Думаю, что цензуру необходимо наладить более ответственному лицу. Предложил бы тов. Акулову временно заняться цензурой, проверить ее личный состав, ее распоряжения, устранить кого надо, подыскать подходящее лицо в качестве начальника и, главное, свести к необходимому минимуму задачи и функции цензуры. Сообщите о[бо] всех принятых Вами в этом отношении шагах». Семен Аралов пометил на телеграмме: «Переговорить с [главой Бюро печати А.А.] Антоновым» (РГВА. Ф. 6. On. 10. Д. 14. Л. 78–79. Подлинник — машинописный текст на бланке председателя РВСР и

Регистрационное управление с отделами подчинено одному лицу, а на деле в него все вмешиваются и даже неверно Вам докладывают. […]

Консультант Генштаба *ГИ. Теодоры»*[645].

С докладом Теодори Троцкий ознакомился, поставив на нем синим карандашом жирную помету…

Старейший чекист России Борис Игнатьевич Гудзь уточнил впоследствии: «Аппарат военного контроля подчинялся наркому Троцкому. Это было подобие царской контрразведки, тем более что ее сотрудники не разбежались, а перешли туда. Возглавил Военный контроль Михаил Сергеевич Кедров. Вместе со своими помощниками он должен был ознакомиться с работой аппарата, его сотрудниками и сделать соответствующее представление наркому (Троцкому. — С. *В.)* как он себе мыслит дальнейшую деятельность этого органа»[646]. Вероятно, именно так были поданы рядовым сотрудникам Особого отдела ВЧК изменения в руководстве военной контрразведки.

13 февраля Троцкий телеграммой в РВСР поручил Семену Аралову «наблюдение над работой Особого отдела»[647]. Причем распоряжение председателя РВСР подтвердило уже сложившийся порядок. Более того, Аралов уже давал прямые указания Кедрову[648]. Даже назначения в местные органы согласовывались — вернее, РВСР использовал право отвода[649]. В ряде случаев ВЧК сама предлагала поставить во главе Особых отделов на фронте представителей военного ведомства: 26 мая 1919 г. Кедров телеграфировал в РВСР Аралову: «Особый отдел ВЧК считает желательным утверждение подчинения Особых отделов: 3-й армии — товарищу Муралову, 10-й армии — Сомову, 13-й армии — Александрин, также не возражает: Восточного фронта — Юреневу, Южфронта — Сокольникову»[650].

К весне 1919 г. новый глава Особого отдела уже твердо проводил свою линию. Приход Кедрова неизбежно влек за собой смену кадров военных контрразведчиков. По наблюдениям сотрудника Военного контроля И. Зорина, все старые работники выжимались из Особого отдела, насаждались новые — «со взглядами ВЧК»; результат — «полная дезорганизация». Партийные работники, сохранившиеся со времен Военного контроля, высказывали недовольство поведением нового председателя Особого отдела и работой его ближайших сотрудников. Так, И. Зорин в марте 1919 г. характеризовал начальника активной части А.Х. Фраучи как человека «малоспособного»[651]. Стоит заметить, что Фраучи — настоящая фамилия легенды советской военной разведки Артура Христиановича Артузова. Родился 18

наркома по военным и морским делам с автографом).

[645] РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 87. Л. 21–21 об. Подлинник — машинописный текст с автографом синими чернилами.

[646] И больше века длится жизнь…: Интервью Б.И. Гудзя (беседу вел А. Бондаренко) // Красная звезда. 2002. 16 дек.

[647] Там же. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 69.

[648] Например, 7 февраля по делу инженера Теплова (Там же. Д. 11. Л. 133, 196).

[649] Там же. Л. 248.

[650] Там же. Л. 281.

[651] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 147 и след.

февраля 1891 г. в селе Устиново Кашинского уезда Тверской губернии в семье сыровара. По окончании Кашинской гимназии поступил на металлургический факультет Петербургского политехнического института, принял участие в студенческом движении. По завершении учебы в институте с дипломом инженера-металлурга отправился работать на Урал. В 1917 г. А.Х. Артузов вступает в ряды РСДРП(б) и посвящает себя революционной деятельности. В 1918 г. работает в комиссии под руководством М.С. Кедрова, занимавшейся установлением советской власти на севере России. По официальной информации с сайта Службы внешней разведки, «в мае 1919 г. направляется на работу в ВЧК». Как видим, это не так. В 1920 г. А.Х. Артузов назначается заместителем начальника Особого отдела, затем — начальником Контрразведывательного отдела, заместителем начальника Секретно-оперативного управления ОПТУ С августа 1931 по май 1935 г. — начальник ИНО ОГПУ — НКВД (внешней разведки); одновременно — член коллегии ОГПУ и по совместительству — заместитель начальника Разведывательного управления РККА (военной разведки). «За время работы в органах государственной безопасности А.Х. Артузов руководил и принимал активное участие в проведении многих операций по борьбе с белогвардейским движением и шпионажем, в том числе по ликвидации заговора великого князя Николая Николаевича, по делам “Трест”, “Синдикат” и др. По воспоминаниям разведчиков, работавших вместе с А.Х. Артузовым позднее, он был мягким в общении, весьма интеллигентным человеком, заботливым товарищем; очень скромным в быту и в работе. За заслуги перед государством А.Х. Артузов, много сделавший для становления внешней разведки, был награжден ордером Красного Знамени и двумя знаками “Почетный чекист”. В 1937 г. в связи с т. н. “заговором генералов” А.Х. Артузова вместе с Тухачевским, Уборевичем и другими военачальниками репрессировали. Реабилитировали посмертно»[652]. Это официальная информация. В документах отделения военного контроля Оперативного отдела Военного комиссариата Петроградской трудовой коммуны — другие сведения. В феврале — апреле 1918 г. петроградская военная контрразведка проводила, невзирая на недостаток финансирования и кадровый голод, отнюдь не безуспешно агентурно-наблюдательную разработку «Дела военнопленных». Организацию, имевшую как шпионские, так и заговорщические цели, покрывала Королевская швейцарская миссия, в только известных (шести из двадцати восьми) «военным контролерам» убежищах которой содержалось в то время 612 человек[653]. Более того, по информации военных контрразведчиков, «ввиду секретной службы в Шведском посольстве все служащие негерманского происхождения уволены и вместо них приняты на службу военнопленные немцы. Шведы, проживающие в Петрограде и его окрестностях, помогают военнопленным деньгами, продуктами и пр.»[654] И в данном контексте отнюдь не безынтересны документы о лицах, посещавших шведскую миссию на Мойке, 94: «27 марта 1918 г. ФРАУЧЕ Августа Августовна, швейцарская гражданка, 60 лет, состоит на службе экономкой при столовой Комиссариата по демобилизации армии. По виду удостоверение от 31 декабря 1917 года, подписанное народным комиссаром по военным делам ПОДВОЙСКИМ. 12 марта выбыла в Москву. Сын ее Артур Христианович ФРАУЧЕ, швейцарский гражданин, 27 лет, состоит на службе секретарем при Комиссаре по демобилизации Михаиле Сергеевиче КЕДРОВЕ. По виду паспорт-книжка за № 11/208 из швейцарской миссии от 4/17 сентября 1917 года. В настоящее время находится в Петрограде. Антания Христиановна ФРАУЧЕ, швейцарская гражданка, 21 года, девица, служила в Комиссариате по демобилизации армии. По виду паспорт-книжка за № 255, выданная Ярославским губернским комиссариатом от 4 августа 1917 года. 12 марта 1918 года выбыла

---

[652] Официальный сайт СВР // svr.gov.ru/history/ar.html.

[653] РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 25. Л. 425 об. — 426.

[654] Там же. Л. 439.

в Москву. Сделан запрос швейцарскому посланнику, кому выдан паспорт от 4/17 сентября 1917 года за № 11/208»[655]. Дальше — больше: 29 марта «по дополнительному выяснению личности женщины, посетившей проживающую в “Европейской гостинице” германскую делегацию и назвавшуюся “Товарищ ФРАУЧЕ” установлено, что, действительно, в доме № 10 по Адмиралтейской набережной проживала швейцарская гражданка Августа Августовна ФРАУЧЕ, выбывшая 12 марта, вместе с дочерью, в город Москву, как о том имеется отметка в домовой книге. Имея в виду несомненность посещения германской делегации одной из выбывших в Москву женщин ФРАУЧЕ, можно прийти к выводу, что отъезд этот в действительности места не имел, а по каким-то соображениям женщины эти сказались выбывшими и переехали неизвестно по какому адресу, где и проживают под другой, вымышленной фамилией. Меры к розыску посетившей делегацию женщины и выяснению ее места жительства и фамилии, под которой она проживает, приняты. Заведующий агентурой военного контроля»[656]. 30 марта, в «Сведениях о лицах, посещавших делегацию Германского Красного Креста, остановившуюся в “Европейской гостинице”», находим: «Августа Фрауче, экономка Комиссариата по демобилизации, родная сестра жены [народного] комиссара Подвойского, значащаяся выбывшей 12 марта в Москву. По-видимому, проживает в Петрограде под чужой фамилией»[657]. Таким образом, по данным старой военной контрразведки, Артур Христианович был агентом шведской (германской?) разведки. Правда, о влиянии дореволюционной биографии Артузова на его деятельность в Особом отделе ВЧК данных нет, и сам Дзержинский говорил о нем: «Тов. Артузов (Фраучи) — партийный товарищ, и я не могу ему не верить, как себе»[658]. В особисты Кедров и Артузов подбирали соратников по революционному движению (та же установка проводилась и в ВЧК Дзержинским). По воспоминаниям Б.И. Гудзя, «не все люди были у нас такого уровня, но во всяком случае около Феликса Эдмундовича Дзержинского был круг очень интеллектуальных, грамотных людей с большим стажем профессиональной подпольной партийной работы. Они прекрасно знали условия политической борьбы, понимали, какие классы, какие конкретно личности из этих классов могут быть замешаны в антисоветской деятельности. Богатый опыт своей революционной работы и борьбы, сведения о возможных противниках и методах их работы они передавали основной массе чекистов, среди которых были солдаты, крестьяне, рабочие…»[659].

На работу в военную контрразведку, по воспоминаниям Б.И. Гудзя, Артузов пришел еще в 1918 г.; он «хотел пригласить [Б.И. Гудзя] к себе на работу, когда мне было еще 16 [лет] (отец Гудзя был соратником Артузова по революционной работе, сам Борис Игнатьевич имел стаж в революционном движении с весны 1917 г. — *С.В.).* Тогда существовала такая служба — “Военный контроль” — нечто вроде контрразведки при Реввоенсовете Республики. Была она в ведении Троцкого. Но соратник Ленина Михаил Сергеевич Кедров, начальник “Военного контроля”, сказал, что мне надо “потереться” в этой жизни, набраться жизненного опыта. И вскоре я добровольно вступил в Красную армию»[660]. Любопытный штрих кадровой политики М.С. Кедрова.

---

655 Там же. Л. 482.

656 Там же. Л. 481.

657 Там же. Л. 459.

658 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 87.

659 И больше века длится жизнь…

660 Гудзь Б.И. Я видел, как Дзержинский целовал даме руку // Труд. 2000. 12 дек.

Надо сказать, что и работа служащих центрального аппарата военной контрразведки была окутана ореолом чекистской «романтики»: Кедров носил кожаную куртку, Артузов — суконную черную гимнастерку, сапоги, маузер сбоку[661].

17 марта Феликс Дзержинский лично вмешался в дела Михаила Кедрова, затребовав от Артура Артузова «доклад об организации Ос[обого] от[дела] ВЧК»[662]. Но из переписки Дзержинского складывается впечатление, что до осени 1919 г. он считал ВЧК и ее Особый отдел совершенно разными организациями: подписывая, к примеру, рекомендацию «в ВЧК» Вениамину Герсону, Железный Феликс указал — «знаю его по совместной работе в ВЧК с конца 1919 года на должности секретаря Ос[обого] от[дела] ВЧК и проявившего себя как работника очень хорошего»[663]. Герсон Вениамин Леонардович (1891–1940) был одним из немногих видных работников ВЧК, начавших свою деятельность еще в Военном контроле — секретарем. Майор ГБ (1935). Родился в г. Тууркум Курляндской губернии — что характерно для отдела Макса Тракмана — прибалт. Член партии с1917 г. В1918 г. секретарь Отдела военного контроля РВС Республики. С 1919 г. — секретарь Особого отдела (Управления особого отдела) ВЧК. С февраля 1920 по июль 1926 г. — секретарь Ф.Э. *Дзержинского* (впоследствии много сделал для сбора документов для биографии Феликса Эдмундовича, работая в Комиссии по увековечению его памяти); одновременно с 1922 г. — помощник управляющего делами ГПУ — ОГПУ, с 1936 г. — помощник начальника секретариата НКВД СССР. С 1938 г. начальник управления Центрального совета спортивного общества «Динамо». Награжден 2 знаками «Почетный работник ВЧК — ГПУ». Арестован 3 марта 1938 г. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда 26 января 1940 г. Реабилитирован в 1955 г.[664]

К весне 1919 г. закончилось слияние фронтовых и армейских ЧК с местными органами Военного контроля. Как заметил Ю.Б. Долгополов, «с образованием особых отделов чрезвычайные комиссии в армии и органы Военного контроля свое существование прекратили. Они выполнили свою функцию и сошли с исторической сцены. Им на смену пришли качественно новые органы военной контрразведки». При этом из фронтовых и армейских ЧК и органов Военного контроля в особые отделы пришло большое количество коммунистов[665].

VIII Съезд РКП(б) нанес чувствительный удар по амбициям Михаила Кедрова: военные делегаты поставили вопрос о подчинении особых отделов Реввоенсоветам фронтов и армий через одного из членов РВС. По итогам в постановлениях съезда появился пункт: «Признать необходимым подчинение особых отделов армий и фронтов соответственно комиссарам армий и фронтов, оставив Особым отделам Республики функции общего руководства и контроля за их деятельностью». Среди военных делегатов не было ни одного чекиста и тем более особиста, а потому их интересы просто-напросто некому было отстаивать[666].

24 апреля Аралов предложил Кедрову утвердить для представления в Совет Обороны следующую редакцию о взаимоотношениях органов военной контрразведки на фронте: «В развитие резолюции Восьмого съезда РКП(б) по военному вопросу (пункт 11 об Особых

---

661 И больше века длится жизнь…

662 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 112.

663 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 114.

664 www.hrono.info/biograf/bio_g/gerson.html.

665 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 62.

666 Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 148.

отделах) и во изменение "Положения об Особых отделах", принятого в заседании ВЦИК 1 февраля 1919 года, Совет Обороны постановил: 1) Пункт 8-й… "Положения" изменить следующим образом: Особые отделы фронтов и армий непосредственно подчинить одному из членов соответствующего Реввоенсовета; 2).. пункт 9-й "Положения" дополнить следующим: Реввоенсоветам фронтов и армий предоставляется право отвода соответствующего заведующего Особым отделом. Во исполнение означенного постановления Реввоенсоветам фронтов и армий надлежит срочно назначить одного из своих членов для несения указанных в пункте 8-м обязанностей, известив немедленно о назначении в Особый отдел ВЧК и Реввоенсовет Республики». Это позволит, по заявлению Аралова, избежать «коренной ломки в деле организации Особых отделов фронтов и армий»[667]. 17 мая Совет Обороны в развитие «Положения об Особых отделах ВЧК» постановил: «1) Особый отдел фронта или армии непосредственно подчиняется одному из членов соответствующего Реввоенсовета по назначению последнего. Примечание: Указанное назначение сообщается Особотделу ВЧК и Реввоенсовету Республики на утверждение; 2) Особому отделу ВЧК принадлежит общее руководство работой особых отделов фронтов и армий и контроля над деятельностью их; 3) Настоящее постановление ввести в действие по телеграфу»[668].

В мае 1919 г. остро встал вопрос о руководителе военной контрразведки на Южном фронте. Первоначально заведующим ОО фронта назначили члена РВС Южного фронта А.Г. Калегаева. Кедров его кандидатуру отвел, опасаясь вверять судьбу фронтовой спецслужбы человеку, в недавнем прошлом бывшему одним из лидеров Партии левых социалистов-революционеров. 25 мая Калегаев сообщил Аралову и в копии Кедрову: в отсутствие члена РВС Г.Я. Сокольникова Особый отдел фронта «фактически никому не будет подчинен». Аралов предложил Кедрову согласовать вопрос о подчинении особых отделов членам Реввоенсоветов и оформить договор обеих сторон постановлением Реввоенсовета Республики. 29 мая Аралов запросил Кедрова, достигнуто ли соглашение с Реввоенсоветами фронтов и армий и, в частности, удалось ли договориться с РВС Южфронта. Аралов также запросил согласия Кедрова на подчинение особых отделов армий: 7-й — члену РВС И.И. Лепсе, 2-й — А.К. Сафонову и 13-й. — С.В. Косиору[669]. Путем взаимных уступок вопрос о назначении руководителей военной контрразведки на фронтах был улажен.

Лев Троцкий и вовсе обвинял Особый отдел в том, что он не считается с Реввоенсоветом Республики — 23 июня 1919 г. Троцкий, критикуя Особый отдел Южного фронта, «приложил» Кедрова. Председатель РВСР обратил внимание ЦК через своего заместителя Э.М. Склянского (тот должен был передать сообщение членам ЦК В.И. Ленину, Л.П. Серебрякову и Е.Д. Стасовой) «на полную и безусловную негодность и даже вредность особ[ых] отделов в нынешнем составе. Во главе их стоят лица безусловно непригодные. В качестве агентов фигурируют сомнительные элементы, карьеристы, бездельники, невежи. Поскольку *Особый отдел считает себя независимым от столь авторитетных органов, как Реввоенсоветы* (курсив мой. — С.В.), особые отделы впадают в оппозицию, занимаются мелким интриганством. Мне неизвестны случаи раскрытия изменников, шпионов, заговорщиков особыми отделами, зато они занимаются усиленной слежкой за членами Реввоенсовета, старыми партийными работниками»[670].

Единственная линия, по которой Особый отдел работал совершенно независимо от

---

667 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. И. Л. 217–217 об.

668 Там же. Л. 382.

669 Там же. Л. 290–290 об.

670 РГАСПИ. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 116.

Реввоенсовета Республики (в силу персональных качеств Михаила Кедрова и от руководства ВЧК), была «активная». В 1919 г. из «никуда не годного», но в целом подконтрольного военному ведомству ОВК получился грозный Особый отдел ВЧК, не только боровшийся со шпионажем в армии, но и следивший за Троцким и его соратниками.

Глава 3. «МЕТОДЫ ДЕЙСТВИЙ В БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ДРУГИЕ»: ОСОБЫЙ ОТДЕЛ ВЧК К КОНЦУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Между Троцким и Дзержинским

Особые отделы изначально стали самостоятельной, строго централизованной структурой, вошедшей — при Михаиле Кедрове номинально — в общую систему органов ВЧК. На практике предстоял длительный процесс включения военной контрразведки в общую структуру органов государственной безопасности.

В мае 1919 г. было объединено командование вооруженными силами Российской, Украинской и Белорусской национальных республик. С июня руководство всей деятельностью особых отделов трех республик стало осуществляться из единого центра — РВС Республики и Особого отдела ВЧК[671].

Для максимального обеспечения безопасности РККА 3 мая 1919 г. Оргбюро ЦК приняло предложение Дзержинского, чтобы представитель Особого отдела ВЧК «еженедельно делал доклады чл[ену] ЦК Сталину для доклада Оргбюро или непосредственно Оргбюро». О состоявшемся решении поставили в известность М.С. Кедрова[672]: Сталин был человеком жестким, и Дзержинский, очевидно, надеялся с его помощью расправиться с самостоятельностью заведующего Особого отдела, упорно именовавшего себя председателем Управления 00 ВЧК. Сталин и Дзержинский сработались еще в январе 1919 г., когда их вместе направили для ликвидации «Пермской катастрофы», в результате которой пострадал престиж Троцкого и его аппарата.

13 мая Совет Обороны одобрил подготовленное в РВСР постановление о переподчинении особых отделов. Военные добились на совместном заседании Политического и Организационного бюро ЦК прав для Реввоенсоветов назначения и смещения с должностей соответствующих начальников Особых отделов. Более того, Оргбюро и лично Феликсу Дзержинскому поручили «найти ответственных руководителей для Особого отдела ВЧК». Фактически военные получили согласие на замену Кедрова на посту руководителя ОО при ВЧК, хотя допустить к руководству военной контрразведкой человека Троцкого партийное руководство ни за что бы не согласилось[673].

В условиях лета 1919 г., когда одно контрреволюционное выступление в армии следовало за другим, а в центре — в Москве — агентурные сводки курировавшего центральный военный аппарат и отчасти Полевой штаб Особого отдела при МЧК фиксировали рост градуса напряженности, обособленность аппарата ОО ВЧК стала недопустимой. К тому же случались и откровенные курьезы. 25 июля, получив требование Дзержинского об аресте двух очередных «заговорщиков» (командующего 12-й армией генштабиста Г.Я. Кутырева и члена РВС большевика Н.А. Семашко), Троцкий, не удостоив председателя ВЧК личным ответом, передал своему заместителю для доклада в ЦК:

---

671 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 65.

672 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 117.

673 Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 148.

«Принимая во внимание ряд произвольных арестов, которые несут жесткую дезорганизацию», дальнейшие аресты проводить «только по прямому постановлению Цека». Склянский направил телеграмму Троцкого Ленину, Стасовой и Смилге[674]. Кутырев и Семашко были арестованы: первый за требование подчинения 7-й армии (как известно, руководимой членом Политбюро Г.Е. Зиновьевым), а второй — за хорошее отношение к военным специалистам. Из документов можно сделать предположение, что это были козни Зиновьева. Косвенно это подтверждается длительным отсутствием реакции на телеграммы Троцкого по этому поводу в ЦК РКП(б)[675], результатом был состоявшийся, вопреки заверения Троцкого, арест Кутырева и Семашко. Тогда председатель РВСР через Склянского отписал в Центральный комитет партии: «Прошу сообщить, почему арестован Семашко. Напоминаю, что это партийный работник с серьезными заслугами по части организации формирований. Его преступление на Запфронте состояло в том, что он требовал подчинения 7-й армии Запфронту. Он был арестован против состоявшегося соглашения Лациса и Раковского, против моего заявления, что без санкции ЦК он арестован не будет. От ЦК никакого ответа я не получил на свой запрос. Между тем Семашко арестован. Жду ответа. Жабин — политком 11 — й дивизии — его характеризует с лучшей стороны. Дивизию он привел в хорошее состояние. Из доклада вытекает совершенно недопустимое и прямо преступное отношение к русским частям на Латышском фронте. Доклад препровождается с курьером»[676].

6 августа 1919 г. Полит- и Оргбюро на совместном заседании рассмотрело вопрос об аресте ГЯ. Кутырева, по итогам чего приняло решение «запросить Павлуновского»[677]. 13 августа 1-й заместитель Особого отдела отписал Склянскому для Троцкого: «Передаю 2 документа, из которых первый представлен по моему требованию: [I.] “Товарищу Склянскому. По делу об аресте члена Реввоенсовета Семашко и генштаба Кутырева могу дать следующие объяснения: 1) В следствии о Зап[адном] фронте имеются материалы о Семашко и Кутыреве, материалы вполне достаточные для возбуждения против них следственного процесса, но ни в коем случае недостаточные для ареста указанных лиц; 2) Примерно месяц тому назад в Москве был заместитель т. Лациса, которому я и передал все фактические данные о Семашко и Кутыреве, с тем чтобы УкрЧК провела дальнейшее по данным Особого отдела следствие, сама сделал[а] определенные выводы; 3) Категорически утверждаю, что никаких распоряжений ни в письменной, ни в устной форме об аресте Семашко и Кутыреве не отдавал и отдавать не мог. Я неоднократно советовался с т. Гусевым и Данишевским о том, как удобнее вызвать их для допроса по делу, причем если и предусматривалась возможность ареста Семашко, то только в связи с его показаниями по делу; 4) Арест и доставление в Москву Семашко и Кутырева явились для меня полной неожиданностью, сорвавшей дело. С товарищеским приветом Павлуновский”; II. Удостоверение… члену Реввоенсовета Семашко, генштабу Кутыреву и делопроизводителю Рогозину, с тем что они освобождены из-под ареста без предъявления обвинения»[678]. Словом, я не я и лошадь не моя. А в дураках в очередной раз оказался Великий и Могучий Лев Давидович. Только Троцкий был не тем человеком, который мог стерпеть издевательства бывшего матроса. 15 августа председатель РВСР выразил в телеграмме

---

674 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 130.

675 РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 305. Машинописный текст.

676 РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 305 и след.

677 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 18. Л. 2.

678 РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 145. Л. 949.

«крайнее сожаление» по поводу состоявшегося-таки неправомерного ареста Кутырева и Семашко из 12-й армии («безобразия»)[679]. Из приказа по Полевому штабу следует, что 16 августа ГЯ. Кутырев отправился к себе в 12-й армию[680]. Вероятно, требования Троцкого на этот раз не были проигнорированы. Но особисты уже не могли остановиться. Узнав о замыслах очередных арестов (на этот раз командира бригады Афонского), Троцкий 14 августа 1919 г. назвал заместителя Кедрова И.П. Павлуновского «человеком психически неустойчивым», которому «невозможно» «выдавать… заслуженных работников на основе его подозрений». Председатель РВСР предложил Политбюро ЦК телеграммой заменить руководителя 00 ВЧК на «ответственное лицо, внушающее доверие к способности разобраться в деле и в людях»[681]. Обвинение Афонского было основано на фабрикации 4-месячной давности «удостоверений с подложными печатями» (15 августа Троцкому доложил об этом Склянский)[682]. Троцкий 18 августа возложил на Склянского решение вопроса по сношению с 00 ВЧК[683]. В тот же день Политбюро, рассмотрев телеграмму Троцкого, отказало в освобождении Афонского: «Из представленных Особым отделом документов выяснилось, что Афонский привлекается Ревтрибуналом 6-й армии и что против него имеются весьма серьезные обвинения». К сложившейся ситуации Политбюро отнеслось со всей серьезностью: «Постановлено поручить разбор этого дела комиссии в составе: тт. [Х.Г.] Раковского, [Г.Л.] Пятакова и [Я.Х.] Петерса. ЦК придает этому делу особое значение ввиду серьезности улик, просит срочно рассмотреть дело и представить на заключение в ЦК»[684]. Относительно Павлуновского «ЦК находит, что никаких данных для присоединения к мнению Троцкого нет». Возможно, на вердикт повлияло присутствие на заседании Феликса Дзержинского: военное ведомство представлял Эфраим Склянский, не имевший в партии никакого веса[685]. Да и член Коллегии ВЧК Петерс обязан был отстаивать позиции Павлуновского. По сути решение Политбюро представляло собой негласную легализацию политики Особого отдела в отношении сотрудников ведомства Троцкого. Однако и оставлять неуправляемого Кедрова у руководства военной контрразведкой было недопустимо. 18 августа 1919 г. Особый отдел ВЧК возглавил председатель ВЧК Дзержинский; 1-м заместителем председателя ОО стал И.П. Павлуновский[686].

28 июля 1919 г. на заседании Оргбюро ЦК Дзержинский поставил вопрос о переводе члена коллегии ВЧК Варлаама Аванесова из Наркомата госконтроля на работу в ОО ВЧК вследствие важности работы Особого отдела. ОБ высказалось за перевод Аванесова, но окончательное решение оставили до согласования с наркомом госконтроля Иосифом Сталиным. Исследователь О.И. Капчинский в этой связи отметил, что Аванесов к тому времени уже входил в коллегию ВЧК как представитель ВЦИК и Наркомата госконтроля и

---

679 РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 153.

680 РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 391.

681 РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 318.

682 Там же. Л. 330.

683 Там же. Л. 330.

684 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 21. Л. 1. Сохранена пунктуация подлинника.

685 Там же. Л. 2. На заседании присутствовали Ленин, Дзержинский, Калинин, Каменев, Белобородов, Стасова, Петерс, Склянский, Чичерин.

686 Лубянка. С. 18.

хорошо знал контрразведывательную работу[687]. В.А. Аванесов стал 2-м заместителем председателя ОО[688].

При этом осенью 1919 г. Особый отдел ВЧК по требованию Троцкого смещал начальников особых отделов на фронте[689].

До Политбюро не дошел другой скандал, связанный с Мартыном Лацисом. 20 ноября 1919 г. во Всероссийский главный штаб и РВСР обратился с рапортом военный комиссар Западного военного округа, который был на ножах с Особым отделом Западного фронта: Лацис арестовал военного руководителя ЗапВО Александра Николаевича Де-Лазари, по мнению военкома, необоснованно. После освобождения Де-Лазари из-под ареста и амнистирования, о чем член РВС Западного фронта И.И. Юренев сообщил в Москву, притеснения Лацисом других руководителей окружного военкомата продолжались. Военком просил пресечь деятельность ревизионной комиссии под председательством Лациса, назначить новую комиссию из центра для ревизии деятельности комиссариата, немедленно отстранить Лациса от занимаемой должности и предать его суду, прекратить дело Де-Лазари. Естественно, последнее пожелание РВСР оставил без последствий, но уже 21 ноября поставил убрать Лациса из военной контрразведки Западного фронта, изменить состав ревизионной комиссии, для чего направить туда представителя и комиссара от Военно-морской инспекции[690].

Оформление организационной структуры и кадрового состава (1919 г.)

В структуре ОО ВЧК в 1919 г. осталось наследство Отдела военного контроля — Регистрационное отделение во главе с Я.П. Роценом, который 25 июля 1919 г. возглавил Регистрационный отдел ВЧК, переименованный 25 мая 1920 г. в Регистрационно-статистический[691]. В задачи Регистрационного отделения в 1919 г. входили сбор и анализ материалов о шпионских и контрреволюционных организациях, применяемых ими приемах преступной деятельности. В составе отделения наметили создание так называемых «столов» архивариусов и делопроизводителей. «Столы» фактически приступили к формированию «текущего архива» Особого отдела. Регистрационный отдел состоял из трех отделений: учета преступного элемента, состоящего из столов политпартий и духовенства, контрреволюционных, шпионских и белогвардейских элементов, уголовного элемента, а также арестованных лиц; 2) учета комсостава Красной армии; 3) учета советских служащих, а также стола регистрации иностранных подданных, карточного бюро и архива ВЧК[692]. 12 декабря 1919 г. Президиум ВЧК, рассмотрев вопрос «О правильной регистрации

---

687 Капчинский О.И. Указ. соч. С. 147.

688 Лубянка. С. 18.

689 РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 189. Л. 147. Так, 16 сентября 1919 г. Троцкий отписал Склянскому и Дзержинскому: «9-я армия по всей обстановке нуждается в военном особом отделе. Начальник Особого отдела Шумный совершенно не пригоден, по отзыву местных партийных работников». 24 сентября заведующий Общим отделом 00 В.Л. Герсон сообщил начальнику Полевой канцелярии РВСР для доклада Л.Д. Троцкому о замене на посту начальника 00 9-й армии т. Шумнова на т. Боброва, бывшего председателя Реввоентрибунала, который, выражалась уверенность, «сумеет поставить работу Осо-ботдела на нужную высоту».

690 Сб. РВСР. Т. 1. С. 484–485.

691 При этом 1 июня 1920 г. ВЧК постановила назначить заведующим Регистрационным отделом ВЧК М.Я. Лациса (Архив ВЧК. С. 382).

692 Виноградов В.К. Указ. соч. С. 7–8; Зданович А.А. Отечественная контрразведка. С. 162; Капчинский О.И. Указ. соч. С. 96; РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 68 и след.

дел, находящихся в подведомстенных учреждениях ВЧК в регистрационном отделе ВЧК», вменил в обязанность комендантам ВЧК, Особого отдела ВЧК, МЧК, Особого отдела при МЧК, Транспортного отдела ВЧК, РТЧК центра, всех УТЧК Московского узла ежедневно доставлять к 11 часам утра списки арестованных и освобожденных за истекшие сутки[693]. Более того, заведующий Регистрационным отделом (Роцен) лично обязывался «ежедневно» докладывать Президиуму о правильности поступающих в Регистрационный отдел сведений. Не зря 21 ноября 1920 г. Дзержинский писал: «Самое важное — это организация справок, собирание материалов однородных в одно и прозрачность дел заключенных»[694].

На апрель 1919 г. структура Управления Особого отдела ВЧК выглядела следующим образом: председатель (М.С. Кедров), 1-й заместитель председателя и одновременно заведующий Секретно-оперативным отделом (А.В. Эйдук), 2-й заместитель председателя (И.П. Павлуновский), Общее отделение (по сути секретариат, Ф.И. Эйхманс), Активное отделение (агентурная работа, наблюдение, аресты и обыски, А.Х. Артузов), Следственное отделение (врид В.Д. Фельдман), Организационно-инструкторское отделение (врид И. Зорин), Регистрационное отделение (Я.П. Роцен), Комендантское отделение (Крумин), Казначейское отделение (В.И. Гайлит), Бюро по выдаче пропусков (Барда)[695]. В.И. Гайлит работал еще в Опероде Наркомвоена — бухгалтером Контрольной комиссии; таким образом, только двое из девяти начальников структурных подразделений Особого отдела ВЧК были бывшими сотрудниками Аралова[696].

Высшее большевистское руководство придавало большое значение подбору и расстановке кадров особых отделов. 10 июня 1919 г. Политбюро и Оргбюро ЦК поручили Оргбюро выделить для работы в особом отделе оборонявшей Петроград 7-й армии нескольких коммунистов, обладавших соответствующим опытом. Через некоторое время большевистский ЦК «рекомендовал» Оргбюро усилить Особый отдел ВЧК ответственными работниками[697].

В условиях летнего наступления белогвардейцев 1919 г. ЦК РКП(б) 15 июня обязал все партийные учреждения и их работников сообщать в особые отделы обо всех фактах измены, дезертирства и шпионажа[698]; руководство ОО ВЧК впоследствии подчеркивало значение этого решения ЦК, «распространяющегося и на комиссарский состав» Красной армии[699]. А 22 июня вышло постановление ВЦИК, возложившее (разъясняло в приказе ВЧК) «на ЧК… более чем когда-либо тяжелые задачи — очистки Советской республики от всех врагов рабоче-крестьянской России… Внутри страны белогвардейцы, пользуясь *частичными* (курсив мой. — *С.В.)* нашими неудачами, подымают головы и стараются связаться с заклятыми врагами пролетариата — Колчаками, Деникиными, финскими, польскими и иными белогвардейцами. В самом тылу нашей армии происходят взрывы мостов, складов,

---

693 Архив ВЧК. С. 356. Предупреждалось: «Неисполнение влечет ответственность».

694 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 217.

695 Капчинский О.И. Указ. соч. С. 147.

696 РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 86.

697 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 62.

698 Леонов С.В. Государственная безопасность Советской республики в пору Октябрьской революции и Гражданской войны // Государственная безопасность России: История и современность. М., 2004. С. 355.

699 Архив ВЧК. С. 133.

кражи и сокрытие столь необходимого армии оружия и пр. и пр.»[700].

13 июля объединенное заседание Политбюро и Оргбюро ЦК выработало требования к качествам, которыми должны обладать работники особых отделов. Коммунисты, направленные на работу в органы военной контрразведки, должны были знать военную обстановку и армейскую среду, владеть методами конспиративной работы и иметь стаж практической деятельности в советских контрразведывательных органах[701]. Таким образом, предполагалось, что военными контрразведчиками станут коммунисты, уже получившие опыт работы в ВЧК и ее органах.

В сентябре 1919 г. были введены должности особоуполномоченных ОО ВЧК, ими стали В.Р. Менжинский[702], К.И. Ландер, А.Х. Артузов, Я.С. Агранов, В.Д. Фельдман. 3 ноября создано Управление делами Особого отдела во главе с аппаратным гением Г.Г. Ягодой[703], бывшим управляющим делами у свояка Кедрова Н.И. Подвойского[704].29 июля В.А. Аванесов, Г.Г. Ягода были кооптированы в Коллегию ВЧК[705]. Примечательно, что в коллегию не вошел И.П. Павлуновский.

Сменивший Артузова на посту начальника Активной части ОО ВЧК Нагорный так ответил в Управление делами РВСР на срочный запрос, «по какому делу арестован 19… октября [1919 г.] сотрудник Центрального управления военных сообщений при РВСР Николай Николаевич Крюгер, в чем таковой обвиняется и не представляется ли возможным освободить его в скорейшем времени». Нагорный заявил: «Особый отдел ВЧК не может сообщить до окончания следствия, в чем обвиняется т. Крюгер. Вообще же Особый отдел до окончания следствия никому справки подобного рода не дает. Все дела об арестованных

---

700 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 127–128.

701 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 62.

702 Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) — советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП — РСДРП(б) с 1902. Из семьи учителя. Образование: юридический факультет Петербургского университета (1898). В революционном движении с 1895. Партийную работу вёл в Ярославле и Петербурге. В 1905 член военной организации при Петербургском комитете РСДРП, член редколлегии большевистской газеты «Казарма». В 1906 арестован, бежал, эмигрировал. Жил в Бельгии, Швейцарии, Франции, Америке; работал в заграничных организациях РСДРП, сотрудничал в большевистской газете «Пролетарий». Летом 1917 вернулся в Россию; член Бюро военной организации при ЦК РСДРП(б), член редколлегии газеты «Солдат» и «Правда», комиссар ВРК в Госбанке. После Октябрьской революции — первый нарком финансов. В 1918–1919 генеральный консул РСФСР в Берлине. В 1919 нарком Рабоче-крестьянской инспекции Украины. В органах ВЧК — ОГПУ — НКВД с конца 1919 — член Президиума ВЧК и начальник Особого отдела (с 1921), заместитель председателя Объединённого государственного политического управления (ОГПУ) с 1923, председатель ОГПУ с 1926. Награды: орден Красного Знамени.

703 Ягода Генрих Григорьевич (1891–1937) — ефрейтор, Генеральный комиссар Госбезопасности (1935). Еврей (родился в г. Рыбинск). Социальное происхождение: Из мещан. Революционная деятельность началась в 1904 (наборщик в подпольной типографии). Членство в партиях: Анархист с 1907 (?), РСДРП(б) с 1911. Образование: 8 классов Нижегородской гимназии. В ссылке (1912–1914). Участник Первой мировой войны (ефрейтор 20-го стр. полка 5-го армейского корпуса, ранен). Во время революции: член военной организации при ПК РСДРП(б), член Петросовета (до октября 1917); участник издания газеты «Солдатская правда», Октябрьских событий в Москве; отв. редактор газеты «Крестьянская беднота» (ноябрь 1917 — апрель 1918). В советском военном ведомстве: Управляющий делами Высшей военной инспекции (апрель 1918 — сентябрь 1919). В органах ВЧК — ОГПУ— НКВД— на руководящей работе (с ноября 1919). Репрессирован, расстрелян. Не реабилитирован.

704 Лубянка. С. 18.

705 См.: Там же. С. 19.

находятся у следователей»[706]. Комментарии, что называется, излишни…

На декабрь 1919 г. в составе ОО находились Управление делами; 4 отдела (Информационный, Следственный, Агентурный и Административный[707]); кроме того, при Особом отделе существовала специальная Внутренняя тюрьма[708].

Органами, непосредственно ведающими «активной» борьбой с контрреволюцией и шпионажем на фронте, являлись фронтовые и армейские особые отделы, в тылу — губернские особые отделы; особые отделы формировались и при военных округах. Районы действия особых отделов определялись инструкцией. Подчинялись они ОО ВЧК, но при этом по вопросам подчиненности особых отделов фронтов и армий неоднократно высказывались различные мнения — и не только в кровно заинтересованных в решении вопроса военных органах, но и в самих особых отделах. Чекисты старались переиграть постановление VIII съезда РКП(б) о подчиненности фронтовых и армейских особых отделов. Впоследствии вопрос неоднократно обсуждался на самом верху большевистского Олимпа — в Политбюро ЦК РКП(б)[709]. Имели место случаи маленьких, но, несомненно, приятных Дзержинскому побед над Троцким. Так, 18 сентября, обсудив заявления Троцкого и Л.П. Серебрякова «о том, что отозвание завособотделом Южфронта т. Хинценберга и назначение его на место т. Бреслава произошло без соглашения с Реввоенсоветом Южного фронта», Политбюро ограничилось предложением «Дзержинскому сговориться по этому вопросу с тов. Серебряковым»[710].

Подведение первых итогов

Лето и начало осени 1919 г., помимо выполнения ленинского «спецзаказа» по аресту Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики и его ближайших сотрудников, рассмотренного нами на страницах книги «Троцкий и заговор в Красной Ставке», было ознаменовано ликвидацией в сентябре 1919 г. военной организации Всероссийского национального центра (ВО ВНЦ), первый глава которой — генерал Владимир Иванович Соколов — был арестован еще в феврале 1919 г. и допрашивался председателем Особого отдела ВЧК Михаилом Кедровым в марте. Кедрову Соколов изрядно запудрил мозги. Несмотря на то что 16 марта Феликс Дзержинский поручил ответственному работнику Особого отдела ВЧК Артуру Артузову вместе с заведующим Особым отделом при МЧК Тимофеем Самсоновым и др. подготовить «материал о гуляющих на свободе кадетах, соприкосновенных с Национальным] и Тактич[еским] центрами, бывших помещиках, черносотенцах и другой дряни для ликвидации», ликвидация ВО ВНЦ затянулась[711].

Первые итоги деятельности Особого отдела подвел доклад 1-го заместителя председателя 00 Ивана Павлуновского 22 декабря 1919 г. на съезде особых отделов. Объект

---

706 РГВА. Ф. 4. Оп. 8. Д. 74. Л. 11,12 и 13 об. Крюгера вызвали повесткой в ОО «для дачи показаний». Когда он явился, его задержали.

707 См.: Архив ВЧК. С. 131; Лубянка. С. 19.

708 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 1.

709 См.: Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 64.

710 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3 (ПБ). Д. 27. Л. 2.

711 Подр. рассмотрено в статье С.С. Войтикова «Накрыть главарей… и ликвидировать» военную организацию Всероссийского национального центра: Первый крупный успех Особого отдела ВЧК» (выйдет в журнале «Военно-исторический архив. 2010, ориентировочно в № 4).

разработки особистов обозначен сразу: «Точно устанавливается тот факт, что во все периоды революции нам приходится иметь дело все с одной и той же объединенной офицерской организацией, которая в борьбе с Советской властью приспосабливается к формам строительства Советской власти». Таким образом, речь идет о борьбе прежде всего не со шпионажем, а с внутренней контрреволюцией. По словам И.П. Павлуновского, «для правильной постановки работы особого отдела как в центре, так и на местах необходимо иметь в виду, что форма борьбы с контрреволюцией находится в тесной и непрерывной связи с развитием самой контрреволюции, что методы и действия контрреволюции в разные периоды различны». Павлуновский выделил 3 таких периода:

1) *«Красногвардейский»* (здесь и далее названия даны мной. — *С.В* .) — от Октябрьской революции до формирования Красной армии. Фактически И.П. Павлуновский анализирует успехи Отдела военного контроля, т. е. военной контрразведки 1918 г. На данном этапе «контрреволюционные организации… носят чисто боевой характер уличной борьбы с Советской властью и строятся… как тройки, пятерки и т. д.». Главной особенностью первого периода Павлуновский назвал его «партизанский… характер: эти десятки, тройки и пятерки… не объединены единым центром»; контрреволюция развивается «не в организме Красной армии», а вне его; даже такие выступление, как Ярославский и Рыбинский мятеж, происходят независимо друг от друга. Основной задачей военной контрразведки во время формирования фронтов стало «не дать Каледину или Деникину кадрового состава», т. е. препятствие офицерам перейти на сторону Каледина или Деникина. ВЧК (поправим Павлуновского — Отделение военного контроля Оперода и ВЧК) «блестяще» справилась с поставленной задачей и сохранила «громадный процент» военных специалистов в рядах Красной армии. Разгром существовавших офицерских ячеек совпал «с моментом строительства… армии, с регулярным пополнением».

2) *Технической измены* — подготовительный период формирования контрреволюционных сил в армии. На данном этапе, по мнению И.П. Павлуновского, «прекращается персональное предательство». Контрреволюция в армии развивается по двум направлениям: «С одной стороны, складывались кадры уличных бойцов для свержения Советской власти, с другой стороны, они действовали с помощью тех элементов, которые проникли в ряды Красной армии. Из документов [Н.Н.] Щепкина (последний глава московской организации ВНЦ. — *С.В.)* …известно, что создавались кадры генштабистов, которые рассовывали по органам управления и объединяли в своих руках. Таким образом, мы встречаемся с подготовкой технического захвата наших аппаратов»; «контрреволюции удалось захватить некоторые наши аппараты, главным образом укажу на пример Ханской ставки, которая формировалась так, чтобы туда попали белогвардейские элементы, которых мы имели и на Красной горке. Все органы управления в Кронштадте, начиная от базы морского флота, кончая управлениями Кронштадта и Красной горки и сухопутной обороны, были не чем иным, как концентрированным белогвардейским аппаратом…» [712] Контрреволюция на втором этапе закончила подготовку генштабистов и смогла захватить «целый ряд» аппаратов управления армии; в ее руках оказалась «система Красной армии и… кадр полков, дивизий до корпуса включительно». Действия ВЧК (теперь действительно ВЧК!) на данном этапе оцениваются И.П. Павлуновским так же высоко.

3) *Технического использования аппарата управления армии* — «Благодаря тому, что почти во всех органах [военного] управления сидели белогвардейцы, наш аппарат работал для них лучше, чем для нас. В момент подготовки выступления, когда белогвардейской организации понадобились снаряды, они выписывают их из Артиллерийской школы, которая по штату пушек иметь не должна, и проделывают это очень легко, посылают в Калугу и через несколько дней получают снаряды…Технические школы были поставлены так, чтобы

---

[712] Восстание на фортах Кронштадта — Красной Горке, Серой Лошади и Обручеве — имело место в мае 1919 г., подавлено под руководством И.В. Сталина.

в любой момент быть использованными против Советской власти, чего они не могли бы поделать, если бы не имели возможности использовать советский аппарат. Миллер… подбирает, с одной стороны, [начальника Оперативного управления Всероглавштаба] [С. А.] Кузнецова, расстрелянного, а с другой — называть не буду, и передает им школы».

В связи с разгромом контрреволюционных организаций в Москве и Петрограде белогвардейская разведка, указал И.П. Павлуновский, лишилась источников информации в центре, и потому контрреволюция будет «концентрироваться на фронтах»: «Шпионаж… до разгрома этих организаций был весьма слаб»: Всероссийский национальный центр «имел мощную организацию разведки» и передавал противнику «все необходимые сведения», а потому существование параллельной ВНЦ организации «со стороны Деникина было бы нецелесообразным»; «шпионаж фронта, который создается у Деникина, должен усилиться потому, что противник должен там создать свои организации» и забрасывать своих агентов для сбора сведений. Особому отделу поручалось «обратить на это самое серьезное внимание».

Павлуновский фиксировал изменение вектора работы Особого отдела вследствие успехов на фронтах: «Если до сих пор борьба со шпионажем сводилась к тому, что наша задача была путем кордонов ловить публику, которая едет оттуда сюда, то теперь она должна сводиться к тому, чтобы фильтровать тех, которые едут отсюда туда. При оставлении городов противник имел возможность насаждать своих агентов на советской территории». Перебежчиков из белого лагеря Павлуновский предлагать «арестовывать, фильтровать и направлять… для распыления на фронтах». Речь шла о перетасовке кадров.

1-й заместитель председателя ОО ВЧК обрушился с резкой критикой на Политическое управление РВСР и аппарат военных комиссаров в целом. По его словам, «деятельность каждого белогвардейца в организации управления объединяется техническими и исполнительными органами, а деятельность наших комиссаров ничем не объясняется». Из текста следует, что вся преамбула была призвана обосновать логику следующего предложения: сделать военкомов агентурой Особого отдела ВЧК. В принципе идея находилась в русле июньского решения ЦК.

Основные выводы недвусмысленны, и имеет смысл ограничиться цитированием заключительного фрагмента:

«Очередные задачи, которые стоят перед особыми отделами фронтов и армий, следующие.

Борьба с фронтовой контрреволюцией, борьба с технической контрреволюцией, как одним из последних средств… в руках белогвардейцев, и борьба со шпионажем, который приобретает новые, еще неизвестные формы, создавая по ту сторону органы и перебрасывая их сюда. Ясно, что методы действий в борьбе с контрреволюцией должны быть другие.

Мы не раз учитывали то обстоятельство, что, несмотря на то, что контрреволюция в своем развитии переходит от этапа к этапу, наши особые отделы остаются. Методы их действия целиком соответствуют первым методам развития и основаны на слежке и на секретной агентуре в то время, когда они используют наши аппараты как техники-специалисты. Здесь можно действовать только правильно поставленной информацией». Для ликвидации технической измены военспецов предполагалось максимальное усиление Информационного отдела, для пресечения фронтовой контрреволюции — «реорганизация на новых началах как розыскных, так и следственных органов»[713].

Доклад был обсужден съездом особых отделов 25 декабря. По итогам дискуссии была принята резолюция, в целом соответствующая предложениям Павлуновского. Как отметили составители сборника «Архив ВЧК», «в числе необходимых мер предполагалось: обращать больше внимания на факты “технический измены”, усовершенствовать аппарат оперативной

---

713 Павлуновский И.П. Текущий момент в розыскной работе и задачи особых отделов // Архив ВЧК. С. 131.

информации, включая возможности *института военных комиссаров* (курсив мой. — *С.В* .), делегировать в особые отделы “наиболее ответственных, испытанных и старых партийных работников”, участвовать в заседаниях фронтовых реввоенсоветов с правом совещательного голоса; провести новую регистрацию армейского командного состава и усилить собственные аппараты. Кроме того, следовало организовать зафронтовую и закордонную работу в местностях, занятых белыми армиями, и в некоторых странах Западной Европы, где имелись “белогвардейские центры”. Были приняты решения о дополнениях к нормативным документам, которые касались деятельности ЧК и Особых отделов». По результатам работы съезда в последующие 2 дня Павлуновский и Г.Г. Ягода утвердили «штаты особых отделов-отделений фронта, армии и дивизии»[714].

Вероятно, под давлением иностранных представительств около 13 января Дзержинский подписал приказ ВЧК, в котором обязал ОО ВЧК и ОО МЧК, Коллегию по делам заложников при ВЧК, Отдел принудительных работ, всех заведующих лагерями, членов коллегий, ведающих делами иностранных подданных, во все провинциальные ЧК и особые отделы армии — в 3-дневный срок со дня получения приказа представить в Президиум ВЧК (копию в НКИД) «все списки, которые должны были вестись специально на этот предмет, всех иностранных граждан, числящихся… в качестве заложников, уголовных, политических осужденных или подследственных, или вообще содержащихся по какому-либо поводу, а если таковых списков нет, то немедленно их составить. В списках должно быть указано основание ареста, с какого времени содержится и какой национальности иностранец. Списки… впредь неукоснительно вести… а также сообщать об аресте каждого иностранца в Наркоминдел. Неисполнение… повлечет самую строгую ответственность лиц, стоящих во главе отделов, в производстве которых находятся дела иностранных подданных»[715].

31 января 1920 г. самостийности Особого отдела ВЧК был нанесен смертельный удар. Коллегия ВЧК, на заседании которой из руководящих работников военной контрразведки был только Дзержинский, рассмотрев, казалось бы, безобидный вопрос «Об Особых отделах в губерниях», вынесла постановление, состоявшее из двух частей. Первая часть — по сути вопроса: «Особый отдел является отделом губЧК. Бухгалтерия, Казначейство и Хозяйственная часть — общая с губЧК, где таковые невозможны по техническим [условиям], доносить в ВЧК». Во второй части постановления коллегии есть место об ОО ВЧК: «Смета Особого отдела в центре и на местах объединяется со сметой ВЧК»[716]. Таким образом, руководство ОО становилось начальством без денег.

Вчерашний матрос Павлуновский, вероятно, раздражал Дзержинского в роли 1-го помощника по военной контрразведке. «Ввиду оставления всего тыла и командного состава Колчака в Сибири» Сибревком просил Дзержинского направить к ним «для организации ЧК и борьбы с контрреволюцией» члена коллегии ВЧК Я.Х. Петерса, которого сам председатель ВЧК ненавидел и неоднократно предлагал перевести на другую работу. Казалось бы, представился отличный шанс избавиться от человека, который уже занимал его пост после левоэсеровского мятежа. Однако Дзержинский предложил Сибревкому кандидатуру Павлуновского. В результате после переговоров члена коллегии ВЧК В.А. Аванесова с В.И. Лениным именно Павлуновский и отправился «для руководства всеми сибирскими ЧК» уполномоченным ВЧК в Омск[717]. 1 февраля 1920 г. заместителем председателя Особого

---

[714] Архив ВЧК. С. 123. Комментарий составителей.

[715] Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 155.

[716] Архив ВЧК. С. 366.

[717] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12425. Л. 1, 2–2 об., 3.

отдела был назначен В.Р. Менжинский[718].

7 марта 1920 г. Дзержинский как глава ВЧК и ее Особого отдела предоставил особым отделам фронтов и армий право на приговор к расстрелам — «если встречается необходимость предоставления прав полевого трибунала особотделу, для этой цели необходимо образовать коллегию из трех лиц при особотделе во главе начособотдела, которая представляется на утверждение Президиума ВЧК и Особотдел ВЧК»[719]. Дело в том, что на ТВД право расстрела предоставили, помимо революционных военных трибуналов, коллегиям губЧК и гражданским трибуналам.

1920 г. был связан с переходом к трудовым армиям: Троцкому нужно было оставить как можно большее число красноармейцев под ружьем для обеспечения собственной власти. В связи с этим 3 февраля 1920 г. на открытии IV конференции губернских ЧК Феликс Дзержинский озвучил смену приоритетов и в деятельности ВЧК: «На наших фронтах положение коренным образом видоизменилось таким образом, что мы в состоянии нашу боевую Красную армию превратить в армию труда… В настоящее время центр тяжести переносится на экономическую жизнь»[720], т. е. из Особого отдела в Транспортный отдел ВЧК. Перейдя к вопросу об особых отделах губернских ЧК, Дзержинский добавил: «Мы знаем, что не удалось наладить взаимоотношения между губернскими ЧК и особыми отделами. Таким образом, с одной стороны, необходимо наладить эти взаимоотношения, с другой стороны, сами задачи, которые имел Особый отдел…видоизменяются, в связи с тем, что у нас не предстоит дальнейшей мобилизации для Красной армии, которая и сужается, превращаясь в трудовые армии. Поэтому задача и организация Особого отдела требуют видоизменения, приспособления, приноровления к новым условиям»[721]. 27 июня в том же духе Дзержинский высказался в письме В.Р. Менжинскому о необходимости совершенствования структуры и деятельности ВЧК: «Надо поднять ТО ВЧК на должную высоту. Не жалеть ему людей ответственных и материальных средств. Может быть, этот отдел сейчас даже важнее, чем Особый отдел. Вопрос победы на фронте и с продовольственной разрухой — это вопрос победы на транспорте с контрреволюцией и спекуляцией, пользующейся железными дорогами…»[722]

В начале советско-польской войны в составе ОО было создано Иностранное отделение, занимавшееся созданием резидентур как на оккупированной польскими войсками территории, так и в отдельных случаях за пределами Советской Республики. Только иностранное отделение имело право направлять агентов за границу (на РУ правило не распространялось). Иностранное отделение работало неэффективно, что поставило вопрос о необходимости его выделения в самостоятельный отдел. Сказалось и желание руководства ВЧК ликвидировать параллелизм работы отделения с Отделением иностранной регистрации Оперода (заведующий отделением — Т.К. Крицман). Иностранный отдел ВЧК (ИНО) с функцией внешнеполитической разведки был создан на базе иностранного отделения 20 декабря 1920 г.[723] В конце декабря 1920 г. Дзержинский поручил

В.Р. Менжинскому сосредоточить закордонную работу в ИНО, для чего созвать

---

718 Лубянка. С. 276.

719 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 171.

720 Там же. С. 161.

721 Там же. С. 162.

722 Там же. С. 195.

723 Капчинский О.И. Указ. соч. С. 114; Лубянка. С. 19–20; Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 224, 227.

специальное совещание ВЧК и РУ. Совещание должно было решить вопрос «о едином начальнике всех агентов» ВЧК и РУ[724].

Военная контрразведка против спецслужб Добровольческой армии и ВСЮР[725]

Разведчик Николай Батюшин с горечью вспоминал: «Образцом отрицательной работы контрразведки является ее работа в Добровольческой армии. Причиной тому было нежелание использовать опыт сведущих лиц императорского режима в лице хотя бы уцелевших чинов жандармского корпуса, т. е. введение в это специальное дело узкой партийности. Это обстоятельство в связи с отсутствием каких-либо инструкций по контрразведке и ставило борьбу с неприятельскими шпионами в безнадежное положение. Между тем в Гражданской войне контрразведке должно быть отведено более даже важное место, чем в войне с внешним противником», из-за «легкости проникновения шпионов…Неразборчивость в деле привлечения лиц для занятия контрразведкой привела к целому ряду своевольных их деяний, дискредитировавших самую идею Белого движения. В конечном результате эта трагичность положения заставила штаб Добровольческой армии приняться за упорядочение этого важного дела, начав с разработки “Положения о контрразведке”. Для рассмотрения проекта была создана комиссия из военных и гражданских лиц под председательством управляющего военным отделом (военным министерством) генерала Вязмитинова. В нее был приглашен и я, хотя начиная со 2 января 1918 г. мне не находилось в Добровольческой армии места по партийным, конечно, соображениям. Открыв заседание комиссии, генерал Вязмитинов передал председательствование в ней мне. Комиссия эта рассмотрела проект Положения о контрразведке, который и представила затем на утверждение главнокомандующему генералу Деникину. Положение о контрразведке мало улучшило ведение ее в Добровольческой армии, т. к. ее верхам не удалось побороть разъедавшую партийность и привлечь к работе сведущих в этом деле лиц»[726]. Впоследствии положение изменилось.

Особый отдел ВЧК в момент своего создания и становления был лишен возможности вести разведывательно-подрывную работу в белогвардейском тылу. Ситуация стала меняться с лета 1919 г., когда большевистские спецслужбы стали действовать двумя методами: засылкой в белогвардейские штабы разведчиков-одиночек для сбора информации военного характера; массовой заброской агентуры для проведения разведывательно-подрывных мероприятий в тылу белых, нередко во взаимодействии с подпольными организациями. При этом белые достигли больших результатов в разоблачении советских разведывательных организаций, но зато не смогли обеспечить сохранность сведений в собственных штабах[727]. Пожалуй, самым известным эпизодом противостояния красных и белых спецслужб стал арест «адъютанта его превосходительства»: красный разведчик и подпольщик П.В. Макаров, действовавший под прикрытием адъютанта командующего Добровольческой армии генерала В.З. Май-Маевского, без колебаний прошел обычное испытание на «верность» — принял активное участие в боевых действиях на передовой. После принятия на работу в штаб, неплохо владея шифровальным делом, Макаров получил доступ к секретной информации. По сохранившейся в совершеннейшей неприкосновенности со времен царизма традиции он воспользовался служебным положением и пристроил в штаб своего брата — руководителя

---

724 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 228.

725 Подр. вопрос рассмотрен в монографии Н.С. Кирмеля.

726 Батюшин Н.С. Указ. соч. С. 177–178.

727 Кирмель Н.С. Указ. соч. С. 279, 282.

подпольной организации В.В. Макарова, что позволило получать дополнительную информацию. Разоблачение «адъютанта его превосходительства» было связано именно с провалом подпольной большевистской организации. Морская контрразведка белых арестовала членов организации, занимавшихся подготовкой восстания в Севастополе. В числе арестованных оказался и В.В. Макаров[728].

Военный контрразведчик Алексей Андреевич Дидрик во время штурма Ростова захватил с группой бойцов ряд важных штабных материалов[729].

Особый отдел ВЧК в 1920 г. обладал достаточно полной информацией о системе разведывательных и контрразведывательных органов Русской армии генерала П.Н. Врангеля[730]. Успешно работали и фронтовые особые отделы. В октябре особый отдел Кавказского фронта составил обзор сведений о деятельности антибольшевистских подпольных формирований на Кубани[731]. Особисты давали высокую оценку своим противникам. Начальник оперативной части Особого отдела Кавказского фронта Р. Хаскин еще в июле докладывал: «Имея контрреволюционные организации по всей России и на Украине, которые работают в определенном направлении, Врангель подготавливает себе подходящую почву»[732]. Кстати, не единичная оценка дееспособности спецслужб белых.

3 декабря Коллегия ВЧК постановила организовать Центральное управление ЧК и 00 на Кавказе. Член коллегии Иван Ксенофонтов обязывался обсудить с 00 Кавказского фронта «на месте» вопрос об организации Особого отдела Пограничной охраны[733]. 7 января 1921 г. пленум Кавказского бюро ЦК РКП(б) предложил И.П. Бакаеву «слить чека и ос[обые] отделы армий, действующих на Кавказе, за исключением 11-й армии». Вопрос о слиянии чека и особых отделов на Кубани оставался открытым до согласования с особоуполномоченным ОО ВЧК. 8 января 1921 г. Дзержинский поручил Особому отделу ВЧК «разработать план работы на Кавказе по поимке агентов и шпионов Грузии и Антанты»[734].

Борьба с бандитизмом и Повстанческой армией батьки Махно

Важным направлением деятельности особых отделов на местах была борьба с бандитизмом, в том числе с кулацкими бандами и Повстанческой армией батьки Махно. В принципе ее должны были вести войска ВЧК, но из-за их малочисленности командование войсками Красной армии было вынуждено снимать с фронта боевые части и направлять их на ликвидацию банд. Как пишет Ю.Б. Долгополов, бандиты смогли наладить собственную разведку, с аппаратом агентов в Красной армии, «которые в случае малейшей опасности тотчас ставили о ней в известность главарей банд». Члены банд в ряде случаев устраивались на работу в советские учреждения, в том числе в местные военные комиссариаты. Тогда

---

[728] Кирмелъ Н.С. Указ. соч. С. 283.

[729] См. подр.: Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 88 и след.

[730] 29 октября 1920 г. 00 подробно докладывал об организации работы Врангелевской разведки и контрразведки (наблюдательных пунктов). (Русская военная эмиграция 20-х—40-х годов. Т. 1. С. 194.)

[731] Русская военная эмиграции 20-х—40-х годов. Т. 1. С. 198.

[732] Там же. С. 14.

[733] Архив ВЧК. С. 414.

[734] Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 237.

банда «знала не только о численности, движении и других действиях красноармейских частей, но и о намерениях их командования, его планах. В этих условиях успех борьбы в значительной степени зависел не только от наличия красноармейских частей и их готовности быстро выступить на ликвидацию банды, но и от предварительной работы по установлению ее местонахождения, численности и вооружения, выявления сети осведомителей и пособников. Данные войсковой разведки не всегда давали желаемые результаты. Основная тяжесть предварительной работы по обеспечению успеха в деятельности войсковых частей Красной армии лежала на особых отделах. Деятельность особых отделов по борьбе с политическим бандитизмом протекала в двух основных направлениях. Во-первых, в обнаружении и ликвидации организованного бандитского подполья. Оно либо координировало действия нескольких банд, руководило ими, определяя объекты и момент нападения, либо выполняло функцию разведки, сообщая ее главарю о военной силе советской власти в данной местности и других ее возможностях противостоять нападению банды. Во-вторых, особые отделы собирали наиболее полные данные о политическом лице банды, ее численности, составе, вооружении и настроении. На этой основе проводили разъяснительную работу среди членов банды, склоняя их к прекращению преступной деятельности, изоляции руководителей от рядовой массы, выдаче главарей, явке с повинной и т. д.[735]

Особый отдел Украинского фронта в начале 1919 г. наладил получение информации о бандах анархистов Гуляй-Поля. Кроме того, в «апрельские иды» 1919 г. Особый отдел арестовал ряд анархистов, имевших фальшивую печать бригады Нестора Махно[736].

В июне 1920 г. непосредственно Ф.Э. Дзержинским была организована сплоченная «особая военная группа для борьбы с Махно»[737].

В ноябре 1920 г. заместитель начальника управления особых отделов Южного и Юго-Западного фронтов (бывший заведующий активным отделением Особого отдела при МЧК) К. Зонов докладывал заместителю председателя ВЧК В.Р. Менжинскому, что работа управления ведется по следующим направлениям: 1) разработка петлюровско-махновского повстанческого движения; 2) разработка польских организаций *(см. ниже);* 3) чистка Крыма; 4) фильтрация и опрос военнопленных; 5) чистка Красной армии от белогвардейского элемента; 6) ревизия работы Юго-Западного фронта; 7) изъятие анархистов на Украине в связи с предполагавшейся в этот период ликвидацией махновщины.

По пункту первому : петлюровским организациям нанесли серьезные удары на Полтавщине и Харьковщине, причем на Полтавщине провели чистку примерно 40 учреждений от членов организации «Возволения Украины»; выявили связи петлюровских организаций «Губернский повстанческий комитет», «Областной повстанческий комитет», «Старое громадянство», «Наша думка», «Комитет визволення Украины» в Александровске и Павлограде с подпольем в Киеве и Одессе.

По второму пункту — арестовали и отправили в Особый отдел ВЧК большинство руководителей польских агентурных сетей в Харькове, Полтаве, Павлограде и Александровске, а также подрывную команду; разрабатывали в районе г. Киева «ПОВ», причем большую часть членов организации выявили (намечался ряд операций по ликвидации). *По пунктам первому и второму* «центр тяжести» переносился в г. Киев.

По пункту третьему намечались массовые операции по очистке Крыма, для чего туда выехала группа из «очень хороших» оперативников и агентов под руководством начальника

---

735 См.: Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 78 и след.

736 Телеграфное сообщение начальника Особого отдела Украинского фронта Расудовского наркомвоену Украины Н.И. Подвойскому от 24 апреля 1919 г.// Нестор Махно. С. 126.

737 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 192.

Особого отдела Юго-Западного фронта Ефима Георгиевича Евдокимова (начальника К. Зонова) и известного чекиста Василия Николаевича Манцева.

По пункту четвертому был налажен аппарат фильтрации и допроса военнопленных, пропускавший свыше тысячи человек в день. Военнопленные делились на 4 группы: офицерство, добровольцы, рядовые врангелевцы и бывшие красноармейцы. Первые и вторые направлялись в следственную часть Особого отдела фронта, третьи — (согласно указаниям ОО ВЧК) — в тыловые губернии, четвертых (в зависимости от сроков пребывания в плену) — «или в Запасную армию, или [в] тыловые губернии вместе с врангелевцами». Всего военнопленных насчитывалось 23 тысячи человек.

По пункту пятому только намечалось изъятие бывших белых офицеров из 4-й, 12-й, 14-й и прежде всего 1-й Конной армии, в которой «масса шкуровцев и деникинцев, особенно в тыловых учреждениях» (не позднее 19 декабря 1920 г. заведующий особым отделом 1-й Конной армии и его заместитель были утверждены Ф.Э. Дзержинским. — С.5.[738]).

По пункту шестому была выделена специальная группа для обеспечения безопасности штаба Юго-Западного фронта. На фронте имело место противостояние между Я.К. Берзиным и начальником Особого отдела фронта Авотиным. Межведомственные трения продолжались.

По пункту седьмому положение признавалось наиболее тяжелым «в связи с легализацией Махно и анархистов». В Мелитополе Е.Г. Евдокимов и В.Н. Манцев «оставили агентурную группу по наблюдению за махновским движением».

Предполагалось следующее разделение работы между особыми отделами Южного и Юго-Западного фронтов: 1) ликвидацию петлюровцев в районах Полтавы, Харькова, Павлограда и Александровска (а затем и в других местностях Украины) передать особому отделу при Цупчрезкоме; 2) дела по ликвидации петлюровских организаций и польских резидентур, а также по чистке армии от «белогвардейского элемента» передать особому отделу Юго-Западного фронта. Чистку Крыма и ликвидацию махновщины Управление особых отделов Южного и Юго-Западного фронтов оставило за собой, и не ошиблось в выборе[739]. При этом активизация крестьянского движения под руководством батьки Махно привела к тому, что 18 ноября 1920 г. Политбюро специальным постановлением «О борьбе с махновщиной» поручило Ф.Э. Дзержинскому «как особо важную задачу принять экстренные меры для полного обезвреживания отряда Махно и махновщины». Разумеется, все действия должны были согласоваться с Л.Д. Троцким[740]. 27 ноября Дзержинский передал по прямому проводу на Украину: «Анархо-махновцы на территории Украины должны быть немедленно арестованы. Главари препровождены секретно [в] Москву. Должны быть привлечены все силы ВНУС, Чека, Особотделов и фронта для разоружения и ликвидации банд *одним коротким ударом* (курсив мой. — С.5.), как это было сделано в Москве в 18 году, сломав самым беспощадным образом всякое сопротивление»[741]. [В апреле 1918 г. стараниями Дзержинского сотня чекистов при одном броневике за ночь ликвидировала банды «анархистов», в которых насчитывалось несколько тысяч человек. Этот сюжет мог бы переплюнуть «Крестного отца» М. Пьюзо.]

28 декабря 1920 г. РВСР, рассмотрев на заседании с участием Ф.Э. Дзержинского

---

738 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 205.

739 См. подр.: Нестор Махно. С. 538–541.30 ноября Управляющий делами ОО ВЧК Г.Г. Ягода, ознакомившись с докладом, распорядился срочно ознакомить с его копиями Ф.Э. Дзержинского и Т.П. Самсонова.

740 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 215.

741 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 220.

вопрос о бандитизме на Украине, постановил: «Войска Особого отдела и ВЧК выделить из состава войск внутренней службы РСФСР и свести их в самостоятельные единицы». Причем эти меры военное ведомство обязывалось согласовывать с НКВД[742].

3 февраля 1921 г. заместитель командующего всеми вооруженными силами на Украине К.А. Авксентьевский издал приказ «в целях извлечения из Красной армии случайно, а иногда и намеренно попавшего в нее вредного элемента распоряжением командующих войсками округов и армий образовать комиссии под председательством военных комиссаров соответствующих частей и штабов при участии представителей в ней политических управлений и особых отделов»[743].

Военная контрразведка против Антоновщины

27 декабря 1920 г. оперативная пятерка ВЧК (Дзержинский, Менжинский, Ягода, Самсонов, Г.И. Благонравов) предложила Тимофею Самсонову, известному своим «героическим» прошлым (организация банды, проведение эксов на Украине), «разработать план борьбы (агентурнй) по материалам для взрыва банд изнутри»[744]. Через 2 дня на совместном заседании Дзержинского с военными было принято решение: «Обратить особое внимание на методы партизанской борьбы, а равно применения методов, употребляемых бандитами для борьбы с ними же»[745]. Наиболее крупным достижением особистов было, вероятно, «имитирование кубано-донской повстанческой бригады Фролова в районе села Кобылинка, что привело к уничтожению главарей бандитизма» (цитируется приказ М.Н. Тухачевского о награждении орденом Красного знамени начальника особого отдела бригады Г.И. Котовского Николая Алексеевича Гажалова). Гажалов и чекисты Тамбовщины в результате тщательно разработанной и осуществленной операции через внедренных в банды агентов свели главарей нескольких банд для встречи с якобы прорвавшимися с ним с Дона и Кубани белоказаками. Роль атамана сыграл сам Котовский, а казаков — его конники. Почти все главари банд были захвачены, оказавшие сопротивление уничтожены[746].

Военная контрразведка на Восточном фронте

На Восточном фронте военными контрразведчиками был проведен ряд успешных операций: так, Николай Михайлович Быстрых ликвидировал колчаковскую агентуру в штабе 3-й армии; Петр Васильевич Гусаков установил связь с подпольными организациями большевиков на захваченных войсками Колчака территориях; Александр Афанасьевич Косухин доставил в Казань по приказу В.И. Ленина золотой запас страны, отбитый у колчаковцев в Иркутске, разоблачил нескольких колчаковских агентов и одного резидента[747].

После разгрома войск А.В. Колчака Особый отдел Восточного фронта чуть было не ликвидировали. 12 января 1920 г. член РВС Восточного фронта И.Н. Смирнов жаловался в

---

[742] Сб. РВСР. Т. 2. С. 162.

[743] Нестор Махно. С. 584.

[744] Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 231.

[745] Там же. С. 232.

[746] См. подр.: Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 88–94.

[747] См. подр.: Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 88–94.

телеграмме Ленину (в копии Н.Н. Крестинскому и Ф.Э. Дзержинскому): «Всероссийское ЧК приказало Особому отделу Востфронта выезжать [в] Москву. Сообщаю, что у них около 7000 пленных офицеров, столько же поляков, сейчас забираем у Канска чехов. Все государственные учреждения Колчака остались здесь, вся буржуазия тоже. Надо все это прикончить до весны, работников ЧК сейчас здесь совсем нет, единственная надежда была на Особый отдел фронта. Отмените распоряжение Павлуновскому, иначе мы не переварим остатков колчаковщины, и пошлите сюда Павлуновского». Ленин запросил заключение Павлуновского и получил ответ: «Постановление о раскасировании Особого отдела Востфронта отменено: телегр[амма] Смирнова запоздала»[748]. Действительно, 17 января Павлуновский и Герсон направили Ленину «для сведения» копию своей телеграммы от 11 января в Особый отдел Восточного фронта с распоряжением «приостановить» выполнение приказа о приезде в Москву[749].

Весьма интересен доклад начальника информационного отдела Восточного фронта Э. Кадомцева секретарю ЦК РКП(б) Е.А. Преображенскому (25 апреля 1920 г.): «Тов. Артем, будучи в Уфе, определенно…, именем ВЧК, предложил не распускать мой разведывательный аппарат, а приспособить его к работе, Вам известной. *Я* передал т. Артему смету и некоторые соображения, но ни Артема, ни сметы не вернулось в Уфу. Между тем, полмиллиона денег из средств Региступра [я] задержал на расходы и теперь [нахожусь] в полном недоумении. Прошу Вас или восстановить нити содеянного т. Артемом, или переговорить с т. Дзержинским специально по следующему. Я, работая в Особом отделе Туркармии и информотделе Восточного фронта, на основании опыта заявляю, что: 1) Разведка и тайная агентура военно-стратегически-политическая здесь необходима, и ее нужно поставить так же, как [и] в Региструпе, т. е. как у меня было — это активное шпионство, приспособленное на случай восстаний и противодействий наших ближайших соседей — МЫ ШПИОНИМ; 2) Контрразведка — это вылавливание шпионов — это работа Особого отдела ЧК. То и другое можно объединить», распространив аппарат Кадомцева на 5 губерний, если бы в каждой из них разведывательные аппараты слили с губЧК и предоставили Кадомцеву соответствующие материалы, «как необходимые в масштабе 5 губерний». Однако этого сделано не было, и губернские ЧК не справлялись со своей работой. Кадомцев обязывался «при некоторых условиях на основании опыта и в контрразведке, и в разведке через полгода-год… организовать контрразведку в своих частях (особотдел армии) в соседнем государстве и буду по возможности предотвращать восстания, а не подавлять их, что гораздо дешевле. Прошу мне дать ответ настолько определенный, чтобы не идти под суд за неразрешенную трату денег»[750].

Евгений Преображенский, получив доклад примерно через месяц после отправления, запросил мнение РУ. Владимир Ауссем резонно ответил 29 мая: «Организация агентурного аппарата, план которого представляет тов. Кадомцев, нежелательна ввиду того, что все, о чем говорит тов. Кадомцев, уже делается в ВЧК и его Особым отделом. Если же эта работа ими производится неудовлетворительно, то из этого следует, что нужно усилить их информационные аппараты персональным составом и другими средствами, но отнюдь не создавать параллельной, притом дорогостоящей организации. Совершенно непонятно, о каком «соседнем государстве», в котором нужно вести агентурную разведку, говорит тов. Кадомцев. Для обслуживания государству соприкасающихся с границами Западной и Восточной Сибири, у нас имеются регистрационные] отделения при Западном и Восточном окр[ужных] воен[ных] комиссариатах. Ничего не возражая против опыта и познаний тов.

---

748 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12505. Л. 1.

749 См.: Там же. Д. 12597. Л. 1–1 об.

750 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 64. Л. 8–8 об.

Кадомцева в агентурной работе, я нахожу, что присланное им «Руководство» представляет собою общее место тех сведений, которые можно найти в любом учебнике военной географии, топографии, тактики и т. д. Кроме изложенного, нахожу необходимым указать на незаконность расходования 500 000 р., которые тов. Кадомцев задержал у себя при сдаче дел регистротделению ЗападноСибирского] воен[ного] округа, которое осталось без достаточного количества денег» [751] . Большевикам было позволено все — видного партийного работника Артема (Ф.И.Сергеева) мало интересовало, что разведка не должна мешать Особому отделу. Как видно, сами руководители разведки также не до конца осознали, что их инициативы не встречают энтузиазма в центре.

Военная контрразведка и советско-польская война

Особому отделу ВЧК приходилось активно противостоять разведывательно-подрывной деятельности «дружественных стран», и прежде всего Польши. 23 августа 1919 г. Иван Павлуновский телеграфировал в секретариат Льва Троцкого: «В связи с открытым заговором белогвардейской польской и шпионской организаций во всех советских учреждениях проведены аресты белогвардейских и польских элементов и [арестованные] эвакуированы из прифронтовой полосы и заключены в лагери. Эта мера явилась необходимой для очистки прифронтовой полосы и невозможности произвести следствие в боевой обстановке с соблюдением максимума гарантии. В течение ближайшей] недели будет закончено все. Лица, не причастные прямо или косвенно к белогвардейской шпионской организации, будут освобождены, состоящие на учете Военного комиссариата будут переданы в распоряжение комиссариата для направления в другие фронты»[752].

Осенью 1919 г., как показал на допросе в ВЧК проходивший по делу Всероссийского национального центра С.А. Котляревский, даже наиболее непримиримые к советской власти слои населения разделились по вопросу об отношении к польской агрессии: «когда в Москве… стали ходить слухи о возможности войны с Польшей», только «некоторые радовались польскому наступлению как шансу освобождения от большевиков». В основной же массе считалось, что «в случае войны с поляками надо самим идти в Красную армию»[753].

Начало широкого польского наступления на Украине и захват Киева в апреле — мае 1920 г. привели к подлинно национальному сплочению в расколотой Гражданской войной стране. Уже 1 мая генерал старой армии А.А. Брусилов обратился к советскому руководству с предложением о поддержке Красной армии в боях с Польшей, для чего, как он считал, «первою мерою должно быть возбуждение народного патриотизма, без которого крепкой боеспособности армии не будет». 2 мая РВСР постановил создать при Главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики «особое совещание по вопросам увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польской контрреволюции» во главе с Брусиловым. 4 мая Политбюро ЦК в составе Ленина, Троцкого, Сталина, Л.Б. Каменева, М.П. Томского и Е.А. Преображенского, рассмотрев вопрос о письме генерала, постановило: «Напечать письмо Брусилова целиком. Коротенький комментарий к письму написать Троцкому и поручить редакциям строго сообразоваться в редакционных примечаниях с его смыслом»[754]. 7 мая особое совещание при Главкоме опубликовало знаменитое «Воззвание ко всем бывшим офицерам, где бы они не находились», в котором, в частности, говорилось:

---

751 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 64. Л. 17.

752 РГВА. Ф. 33987. On. 1. Д. 196. Л. 175.

753 Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 314.

754 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 74. Л. 1 об.

«В этот критический, исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся с чувством любви и преданности к Родине и взываем к Вам с настоятельной просьбой забыть старые обиды, кто бы и где бы их вам не нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской… России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть». С другой стороны, несмотря на ожесточенные сражения Красной армии в Северной Таврии, офицеры барона Врангеля, оценивая советско-польские бои, произносили тосты за взятие Красной армией Варшавы [755] . Призыв Брусилова и патриотический подъем имели большое значение, в частности, заключающееся в том, что уже находившиеся в рядах армии офицеры перестали создавать иллюзию работы и плести интриги против большевиков. Естественно, это существенно облегчало работу органов Особого отдела ВЧК и его подчиненных органов по борьбе с контрреволюцией в армии.

Подъем патриотических чувств, особенно в военной среде, вошел в противоречие с большевистской идеологией[756]. Скандал имел место даже в официальной военной печати. 30 июня 1920 г. приказом РВСР за подписью Л.Д. Троцкого было приостановлено «впредь до радикального изменения состава редакции» издание журнала «Военное дело». Дело в том, что в № 13 журнала вышла статья «Первые боевые шаги маршала Пилсудского», проникнутая, по мнению наркома, «насквозь духом грубого шовинизма». Говорилось, в частности, о «природном иезуитстве ляхов» в противовес «честному и открытому духу великоросского племени». Это, дескать, противоречит «духу братства» рабочих Советской России и Польши. Виновных в напечатании шовинистической статьи должны были «навсегда отстранить» от работы по просвещению и воспитанию Красной армии. Крайним оказался Борис Михайлович Шапошников. От военной работы его не отстранили, но объясняться будущему Маршалу Советского Союза пришлось в Революционном военном трибунале Республики [757] . Своеобразным компромиссом, как выяснил д.и.н. М.И. Мельтюхов, стала следующая оценка советско-польской войны: «Польша этой войной лишь содействует возрождению России. Пусть эта война для одних будет “гражданской” с точки зрения идеалов социализма, для других она “война за неприкосновенность, за цельность России”, война за честь “русского флага”, т. е. в чистом виде *оборона от внешних врагов.* Здесь Россия найдет путь к единению: беспартийный и коммунист, патриот и искренний член Интернационала от сердца могут подать руку друг другу для совместных усилий в грядущей борьбе». В том же духе был составлен «Обзор боевых действий Красной армии в мае… 1920 г.». Аналогичные тенденции наблюдались и в ВЧК: 26 июня Дзержинский был вынужден писать члену коллегии ВЧК И.К. Ксенофонтову, что губернские ЧК не должны заключать в лагеря поляков в качестве заложников — это давало полякам повод для серьезной антисоветской агитации[758]; 19 августа — для В.Р. Менжинского: «огульное выселение поляков [из] пределов Запфронта следует приостановить, следует выселять только заподозренных»[759].

5 июня 1920 г. ВЧК, рассмотрев доклад 2-го заместителя председателя Особого отдела В.А. Аванесова «О мерах в связи с проведением военного положения», постановила принять ряд практический мер и снестись по этому вопросу с Политбюро ЦК РКП(б), МК РКП(б),

---

755 Мелътюхов М.И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М.: Вече, 2009. С. 98.

756 См. подр.: Мелътюхов М.И. Указ. соч. С. 50–51.

757 Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 51–52; РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 59. Л. 334.

758 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 193.

759 Там же. 205–206.

НКВД, МЧК и ее Особым отделом[760].

Фронтовые спецслужбы действовали с переменным успехом. Во время первого наступления польских войск в тылу войск нашего Юго-Западного фронта (командующий А.И. Егоров, член РВС Р.И. Берзин) активно действовала польская агентура, стремившаяся ослабить боеспособность советских частей. Утром 23 апреля 2-я и 3-я галицийские бригады, занимавшие оборону на участке 14-й армии, подняли антисоветский мятеж, для ликвидации которого советское командование было вынуждено использовать все резервы 14-й и часть резервов 12-й армии. Кроме того, в тылу Юго-Западного фронта действовали различные повстанческие отряды от сельской самообороны до формирований, выступавших под политическими или националистическими лозунгами. Для ликвидации этих отрядов приходилось выделять значительные силы. Например, только из 12-й армии на подавление восстаний направили 8 экспедиционных отрядов по 150–200 человек в каждом[761]. Поляки сумели наладить крупные резидентуры в Москве и Петрограде, но в мае — июне 1920 г. они были разгромлены, а их руководители перевербованы[762].

В марте 1920 г. особый отдел Западного фронта разрабатывал дело «польских легионеров». Дзержинский распорядился выяснить следующие вопросы: «1. Связь с Варшавой (характер, организация и работа связи); 2. Объединение польских контрреволюционных элементов в военных и гражданских учреждениях; 3. Работу среди поляков-красноармейцев». Все полученные сведения Дзержинский приказывал сообщать в центр, Особому отделу ВЧК[763].

В мае 1920 г. началось наступление Западного фронта (командующий М.Н. Тухачевский, член РВС И.С. Уншлихт), план которого был рассчитан на ведение безостановочного наступления без каких-либо резервов. Польское командование через войсковую и агентурную разведку своевременно узнало о подготовке наступления и подготовило контрудар силами трех пехотных дивизий. Расчеты польского командования провалились лишь вследствие наступления Красной армии в Белоруссии, начавшегося 14 мая[764]. Для очищения тыла Юго-Западного фронта от различных повстанческих отрядов и банд на пост начальника тыла фронта был назначен Ф.Э. Дзержинский. Председателем Особого отдела ВЧК назначили В.Р. Менжинского (не позднее 21 июля 1920 г.). Феликс Эдмундович подробно расписал, кто оставался «на делах» в Москве[765]. 23 июля Президиум ВЧК отпустил ему 1 млн рублей авансом для вновь организованной ЧК в занятых Красной армией «областях в Западном крае» [766] .13 августа Дзержинский предложил В.Р. Менжинскому мобилизовать всех поляков-особистов «для работы в армиях Польфронта»[767]. Прибывшие вместе с Дзержинским 1400 чекистов и бойцов войск внутренней охраны вместе

---

760 Архив ВЧК. С. 383.

761 Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 45.

762 Зданович А.А. Отечественная контрразведка. С. 190.

763 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 172.

764 Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 55–56.

765 См.: Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 198, 200.

766 Архив ВЧК. С. 394.

767 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 202.

с партийными организациями и местным населением весной и летом 1920 г. смогли ликвидировать немало вражеской агентуры на территории Украинской Советской Республики. Это позволило обеспечить безопасность тыла Юго-Западного фронта, что явилось одним из важных условий успешного решения поставленных перед ним задач[768]. В начале сентября должность начальника тыла была ликвидирована, 20 сентября Пленум ЦК РКП(б) постановил демобилизовать Ф.Э. Дзержинского и возвратить его на работу в ВЧК, «обязав отбыть отпуск для лечения»[769].

В работе особистов, впрочем, имели место и очевидные случаи бездействия и преступной халатности. Диверсия противника на артиллерийской базе военного городка в г. Вязьме, в результате которой были уничтожены находившиеся там военные склады, вызвала разбирательство дела на месте выездной сессией Революционного военного трибунула Республики, что случалось в исключительных случаях. 29 августа 1920 г. РВС Республики объявил в приказе итоги следствия и судебного разбирательства: целый ряд должностных лиц был расстрелян. Первым в списке приговоренных стоял начальник особого отделения[770], который нес ответственность, конечно, не только за бегство во время пожара, но и за процветание халатности в военном городке Западного фронта.

Не исключено, что следствием именно данного инцидента стало командирование в сентябре 1920 г. особоуполномоченным Особого отдела ВЧК на Западный и Юго-Западный фронты «для ознакомления с деятельностью особых отделов фронтов и их органов» Артура Артузова. В мандате сказано: «При обнаружении каких-либо злоупотреблений со стороны должностных лиц тов. Артузов имеет право немедленного ареста и предания суду виновных с немедленным доведением об этом до сведения начальников особых отделов фронтов и Особого отдела ВЧК. Тов. Артузову предоставляется право свободного посещения всех мест заключения, допроса арестованных, пересмотра дел и перечисления по своему усмотрению за собой всех дел и арестованных лиц, не исключая лиц, о которых уже вынесены приговоры и исполнение каковых тов. Артузов имеет право приостанавливать. Тов. Артузову предоставляется право внеочередного пользования всеми средствами сообщения, а также разговоров по прямому проводу и отправки телеграмм военных вне очереди без печати за счет Особого отдела ВЧК. Для успешного выполнения данных тов. Артузову поручений все гражданские, военные и железнодорожные учреждения, а также губЧК и РТЧК обязаны оказывать т. Артузову немедленное содействие»[771].

Польша продолжала вести «активную» деятельность и после выигранной ею советско-польской войны. Любопытен случай с арестом агентами Особого отдела 16-й армии двух католических священников Могилевской римско-католической кафедральной церкви в ночь на 3 января 1921 г. 250 прихожан по этому поводу апеллировали к «Великому вождю социалистической республики» Ленину: их «хлопоты в местных учреждениях» оказались тщетны: в особый отдел прихожан не пустили, а другие государственные учреждения

---

768 Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 60–61. К счастью, войсковая разведка поляков допускала и очевидные промахи: когда 3 июня РВС Юго-Западного фронта поставил задачу прорвать фронт и разгромить киевскую группу войск противника, был подготовлен рейд 1-й Конной армии. Ее командование, обеспечивая быстроту передвижения частей, приказало на следующий день разгрузить конные части от малоподвижных обозов и направить их в тыл. Это движение обозов было воспринято польской разведкой как отвод в тыл всей 1-й Конной армии (Там же. С. 66–67).

769 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 207.

770 РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 261–261 об. Приказ подписал Э.М. Склянский.

771 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 212.

«подобными делами» не занимались[772]. Вероятно, объяснение можно найти в записке Дзержинского И.К. Ксенофонтову от 1 июля 1920 г.: «ксендзы в деле организации шпионажа и заговоров играют крупную роль». Получение агентурных сведений Дзержинский предлагал добывать путем направления сотрудниц особых отделов на исповедь к «святым отцам» (те активно «фанатизировали» католиков)[773]. Естественно, Особый отдел ВЧК проводил фильтрационно-проверочные работы возвращавшихся из плена красноармейцев[774].

В конце мая 1921 г. ВЧК раскрыла и ликвидировала крупную террористическую организацию Бориса Викторовича Савинкова, центр которой — Западный областной комитет савинковского «Народного Союза защиты Родины и свободы» (НСЗРиС) — находился в г. Гомеле. Цель организации — подготовка вооруженного восстания с целью свержения советской власти. Организация была разветвленной, финансировалась Вторым отделом Польского Генштаба и французской военной миссией в Польше; подчинялась Всероссийскому комитету НСЗРС, расположенному в Варшаве. 30 июня помощник начальника Особого отдела А.Х. Артузов направил военкому Штаба РККА С.С. Данилову «Информацию о деятельности раскрытых организаций Б.В. Савинкова»[775]. Тот направил в РВС Республики «информацию» со своими комментариями, свидетельствующими о масштабе раскрытой особистами организации. Несмотря на некоторое охлаждение Польского Генштаба к организации Б.В. Савинкова после окончания советско-польской войны, опасность со стороны банд, якобы интернированных, но в действительности направляемых в Советскую Россию с территории Польши, оставалась абсолютно реальной[776].

Новые функции Особого отдела ВЧК (1920 г.)

Осенью 1919 г. на Особый отдел ВЧК возложили охрану прифронтовой полосы. Постановления 00 об установлении полосы телеграфно сообщались в Полевой штаб, а в ряде случаев печатались в «Известиях ВЦИК». Так, 2 октября 1919 г. в газете объявлялась «для всеобщего сведения и руководства» фронтовая полоса. 4 февраля 1920 г. Полевой штаб получил телефонограмму о ее изменении. Из документа: «Ст. Званка Мурманск, ж.д. — прямая условная линия; Вытегра-Каргополь — ст. Няньдон, Северная ж.д.

---

[772] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2792. Л. 3 и след.

[773] Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 197.

[774] Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 264.

[775] См.: РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 202. Л. 104–104 об.; Архив ВЧК. С. 599–605.

[776] 18 марта 1922 г. РВСР, заслушав доклад Главкома Павла Лебедева «О бандитизме на Западном фронте», постановил: «Так как ввиду усиливающихся слухов о предстоящих весной бандитских набегах и рейдах со стороны Румынии и Галиции, в приграничном населении усиливается тревога и выражается, в частности, стремление собственными силами дать отпор бандитам и наказать их организаторов, т. е. румынские и польские власти» — «обратить внимание НКИД с целью предупреждения тем или другим способом румынских и польских властей о том, что петлюровские и савинковские банды со стороны Румынии и Польши неизбежно вызовут однородный отпор со стороны приграничного населения». РВСР предлагал дать гарантию, что в случае, если границы РСФСР останутся неприкосновенными, никаких банд со стороны Советской России на территории Польши и Румынии отправлено не будет. Руководство Польши и Румынии должны были предупредить: «В случае… повторных бандитских набегов на нашу территорию местные власти заявляют о полной невозможности для них взять на себя ответственность за ограждение неприкосновенности румынской и польской границ, не говоря уже о том, что слишком решительная политика с нашей стороны в этом отношении совершенно не будет понята местным населением» (Сб. РВСР. Т. 2. С. 287–288). Как говорится, коротко и ясно.

Котлас-Чердынь-река от до Ново-Николаевская — по железной дороге Барнаул прямая условная линия Акмолинск — Оренбург — Уральск —

Александров — Гайст. Джанебек — Царес — Царицын — Миллерово — Купянск — по железной дороге; Харьков — Люботин — Полтава — Ромодан — Бахмач — условная прямая линия. Новозыбков — Смоленск — Великие Луки — по ж.д. Дно — условная прямая линия; Луга — по ж.д. Гатчино. Для въезда в пределы объявленной полосы требуется разрешение соответствующего Особого отдела губчека фронта или армии, кроме линии Мая Вишегра — Петроград включительно, куда разрешения на въезд не требуется. Всякая попытка проникнуть в пределы указанной полосы без надлежащего разрешения Особого отдела будет караться как за неприятельский шпионаж по законам военного времени»[777].

Победы в Гражданской войне и переход тысяч белых офицеров на службу в Красную армию прибавил особистам хлопот. 7 августа 1920 г. РВСР приказал провести регистрацию бывших белых офицеров, и это потребовало дополнительных усилий не только от органов военного ведомства, но и от военных контрразведчиков[778].

10 ноября 1920 г. Ф.Э. Дзержинский должен был выступить на заседании Президиума ВЧК с вопросом «Об организации пограничных особых отделов», но рассмотрение вопроса отложили[779].

24 ноября 1920 г. постановлением Совета рабочей и крестьянской обороны на Особый отдел ВЧК возлагалась охрана всех границ (напомним, что недавно пограничников вернули в систему органов ФСБ России). Как пишет Ю.Б. Долгополов, «в этих условиях специально создается система особых отделов по охране границы. Это помогает усилить борьбу с контрреволюцией, шпионажем и контрабандой»[780]. Основное внимание Особый отдел и сформированное в его структуре пограничное отделение сосредоточили на закордонной работе, принятии мер по недопущению проникновения в страну разведчиков и диверсантов противника, борьбе с контрабандой. Охрана государственных границ органами государственной безопасности на практике начала налаживаться в Советской России лишь с января — февраля 1921 г.

15 января 1921 г. на Совещании по пограничным войскам, в котором приняли участие руководящие работники ВЧК и военного ведомства, а также комиссар финляндской границы, было принято следующее постановление: «1. Определить для охраны границ общее число войск в 100 000 человек, в том числе до 7_6 конницы; 2. Определение точного числа этих войск и какие части в этот счет передаются, возложить на РВС Запфронта, Кавфронта, Туркфронта, Комвойск на Украине, помглавкома по Сибири и командующих войсками Петроградского и Беломорского округов совместно с соответствующими особыми отделами. ЭТИ РЕШЕНИЯ УТВЕРЖДАЮТСЯ РВСР СОВМЕСТНО С ВЧК. Фронты и округа свои соображения представляют в 2-недельный срок; 3. Полевому штабу совместно с Особым отделом ВЧК выработать инструкцию, определяющую принципы охраны границ и расчетов пограничных военных сил; 4. Организация связи в пограничной полосе в общем возлагается на военное ведомство; 5. Между пограничными войсками и военным ведомством должна быть установлена тесная органическая связь; 6. В состав пограничных войск должно быть включено необходимое число морских и речных судов с командами. Количество судов определить совещанию из Полевого штаба, Коморси и Особого отдела ВЧК»[781].

---

777 РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 56 об.

778 См. подр.: РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 7. Л. 19 с об. — 23 и след.

779 Архив ВЧК. С. 409.

780 Долгополов Ю.Б. Указ. соч. С. 66.

781 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 248.

О ходе создания Пограничных войск дают представления документы Петроградского ВО[782]. По словам командующего войсками округа Д.Н. Аврова (участника совещания), «1) Особый отдел по охране Северных границ всю находящуюся в его ведении территорию разделяет на 3 района и районных на 12 участков, выставляющие в узлах путей, ведущих вглубь нашей территории, посты и заставы. По расчетам Особого отдела, для охраны границ потребуется 2900 человек и батальон связи. Сверх того, для поддержания связи между постами, выставляемыми на побережье, потребуется 30 моторных лодок и для охраны территориальных вод Республики и прикрытия морского пути в Кольскую губу, а также для глубоких морских разведок требуется 2 тральщика с годовым запасом угля 3000 тонн. Относительно какого-либо организационного соединения войсковых частей, охраняющих границу, Особый отдел пожеланий не высказывает; 2) Особый отдел по охране Финграниц Республики считает нужным для охраны иметь в своем распоряжении минимум 2 пехотных бригады и 10 эскадронов конницы (содержимых по штатам, объявленным в приказе ПВО № 592). Части эти выделяют из себя людей, а в виде целых батальонов и рот, а в коннице взводов, для обслуживания особотделений и особопунктов. Все расположенные по границе войска должны быть объединены под общим командованием и управлением одного штаба; 3) Особый отдел по охране Эстоно-Латвийской границы находит необходимым иметь для охраны границы 5 полков пехоты, по числу 5 участков, на которых распределяется подведомственный ему район, один полк в качестве резерва и один кавалерийский полк 3-дивизионного состава, предназначенный для поверки и несения службы пограничными постами и на случай быстрой переброски боевой силы… Для удобства управления пехотные полки соединить в 2 бригады, под общим управлением Штаба командующего войсками охраны, по штату стрелковой дивизии…» Подытожив требования особистов, командующий Петроградского ВО вывел следующие цифры:

Вместе с тем Авров проделал собственные расчеты, основанные на следующих соображениях: «1) Охране подлежат лишь направления, наиболее опасные в смысле проникновения всех видов контрабанды. Это положение позволяет значительно сократить число поджогов, особенно в Мурманском районе; 2) Охрану берегов [Северного] Ледовитого океана и Белого моря возложить на дозорные суда, тем более что на громадном протяжении всего побережья почти нет никаких путей сообщения материка с берегом и единственный путь, связывающий прибрежные становища, — морской; 3) К охране берегов Ладожского озера и Финского залива, как более доступных для проникновения контрабанды, чем берега [Северного] Ледовитого океана и Белого моря, следует привлечь, кроме дозорных судов, еще и сухопутные войска, но в самом необходимом количестве; 4) Конницу, представляющую большую ценность, давать лишь в самом ограниченном и необходимом количестве, главным образом для связи и быстрой переброски в нужный пункт; поэтому конные части должны быть сосредоточены при штабах участков и районов, а не распылены по постам»[783].

Наконец, не позднее 30 ноября 1920 г. Ф.Э. Дзержинский предложил Особому отделу… «почистить аппарат Коминтерна»[784].

---

[782] См.: РГВА. Ф. 25888. Оп. 15. Д. 99. Л. 28 и след. Доклад начальника Особого отдела охраны Финляндской границы командующему войсками Петроградского ВО от 28 января 1921 г.

[783] Там же. Л. 29–30 об.

[784] Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 221. О проведении данного распоряжения Ф.Э. Дзержинского у автора данных нет.

Особый отдел ВЧК в 1920—начале 1921 г

Как установил О.И. Капчинский, результатом советскопольской войны стало, в том числе, «увеличение в центральном аппарате ВЧК числа этнических поляков, прибывших с Западного фронта как с чекистской, так и с военной и партийной работы. Как правило, они становились сотрудниками подразделений, занимавшихся разведывательной и контрразведывательной деятельностью. Кроме того, на службу в ВЧК был принят ряд польских офицеров-перебежчиков из армии Пилсудского. Так, поручик разведотдела Генштаба Польской армии И.И. Добржинский, социалист по убеждениям, являвшийся резидентом в Москве, был в июне 1920 г. арестован ВЧК. После вербовки его Дзержинским в августе 1920 г. он был освобожден и направлен в Петроград, где ему, в свою очередь, удалось перевербовать другого резидента, В.С. Стецкевича. С 1 января 1921 г. под псевдонимом Сосновский Добржинский стал работать в Особом отделе ВЧК, сначала в качестве сотрудника для поручений, затем — уполномоченного по важнейшим делам. Также в Особом отделе стал работать В.С. Стецкевич (под фамилией Кияковский) и еще ряд поляков, завербованных Добржинским»[785]. В июне 1920 г. начальник Оперативного отдела Особого отдела В.И. Плятт и заведующий Секретной частью Особого отдела МЧК Н.А. Рославец просили Секретариат ЦК РКП(б) дать списки всех национальных коммунистических групп с указанием их бюро. В результате Особый отдел стал, наряду с Информационным, наиболее «интернациональным» подразделением ВЧК (оба отдела занимались зарубежной разведывательной и контрразведывательной деятельностью. Национальный состав партийной ячейки 00: из 77 чел. русские — 30 чел. (38,5 %), латыши — 13 чел. (16,7 %), евреи — 12 чел. (15,4 %), литовцы — 4 чел. (5,1 %), немцы — 2 чел. (2,6 %), представители других народностей — 2 чел. (2,6 %), не установлено— 13 чел. (16,8 %). О.И. Капчинский объясняет высокий процент поляков, а также литовцев и евреев — выходцев из Польши — двумя факторами: 1) во внешней контрразведке 1920-х гг. польское направление было главным; 2) евреи широко участвовали в коммунистическом движении, и было много политэмигрантов, преимущественно из стран Восточной Европы; 3) латыши знали немецкий язык, а немецкое направление внешней контрразведки 1920-х гг. было крайне важным[786]. Если мы сравним данные о национальном составе ОО ВЧК и места рождения и службы сотрудников Разведывательного управления Штаба РККА в 1922 г. *(Раздел II, глава 3),* то увидим значительное сходство общих тенденций в кадрах двух отечественных спецслужб.

Осенью 1920 г. участились случаи ходатайств коммунистов — сотрудников губЧК и особых отделов, уроженцев «государств, заключивших мир с Советской Россией», о выезде их на родину. Дзержинский лично решил вопрос — отпускать разрешалось только по требованию компартии той страны, уроженцем которой являлись чекисты и особисты. Все ходатайства следовало «направлять в ВЧК для запросов ЦК соответствующей национальной коммунистической партии» для решения вопроса в каждом отдельном случае. Ходатаев до получения решения предписывалось «незаметно устранить от активных дел»[787].

1 декабря 1920 г. приказом ВЧК № 149 Управления делами, существовавшие в составе Особого и Транспортного отделов, были выделены в Управление делами ВЧК; Административные отделы Особого и Транспортного отделов были слиты в единое для всего аппарата ВЧК Административноорганизационное управление (АОУ) [788]. При этом, как

[785] Капчинский О.И. Указ. соч. С. 296.

[786] Там же. С. 299–300.

[787] Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 223.

[788] Лубянка. С. 19.

установили А.И. Кокурин и Н.В. Петров, «функции по организации внутренней жизни аппарата ВЧК и кадров между УД и АОУ распределялись следующим образом. Управление делами ведало: распределением и направлением по управлениям и отделам поступающей в ВЧК переписки, рассылкой исходящей корреспонденции, личным составом ВЧК и его снабжением, всеми видами внешней и внутренней связи ВЧК, хозяйственным снабжением центральных учреждений ВЧК, внутренней тюрьмой и охраной зданий. В УД были следующие отделы и подразделения: общий, личного состава, комендатуры, учетно-регистрационный, внутренняя тюрьма, снабжения вещественным довольствием сотрудников, службы связи, санитарный, хозяйственный, казначейский, типография, заведование домами ВЧК, инженерная рота, казначейская часть»[789].

Реорганизация встретила противодействие особистов. 25 декабря 1920 г. Дзержинский информировал И.П. Павлуновского: «Сейчас идет объединение ВЧК и Ос[обого] от[дела], хотя несколько болезненно, но думаю, что преодолеем; различие методов и построения вызвали разную психологию в товарищах и патриотизм к учреждению, отсюда трения»[790].

К концу 1920 г. у руководства ВЧК родилась идея организации специального органа для работы на Востоке. 31 декабря Дзержинский на заседании Политбюро предложил «учредить при Особом отделе ВЧК специальный подотдел по борьбе с контрреволюцией на Востоке и поставить во главе его Вадима Лукашева (партийца, находившегося на работе в Киргизском крае — современном Казахстане). ПБ отказало, предложив Дзержинскому, «не создавая особого подотдела и вообще руководимого из Москвы специального аппарата по борьбе с контрреволюционным движением среди мусульман, ограничиться сосредоточением в Особом отделе всех сведений, собираемых ЧК в населенных мусульманами губерниях, и дачей этим губчека общих руководящих указаний». Лукашева отправили на партийную и советскую работу в Петроград, подсластив пилюлю небольшим отпуском[791].

В 1920 г. утвердили Инструкцию по регистрации документов общей канцелярии Особого отдела ВЧК, которой запрещалось в заголовках оконченных дел употреблять такие, как «разная переписка», «общая переписка» и иные, не раскрывающие содержания документальных материалов[792]. Впоследствии это позволило особистам (а теперь и ведомственным историкам) находить необходимые сведения оперативно. Как пишет исследователь В.К. Виноградов, «в 1921 г. типографией при ВЧК изданы 3 сборника приказов, как указано, за 1917–1918—1919 гг. и отдельно — за первую половину и вторую половину 1920 г., и к ним 3 предметных и алфавитных указателя. Ко всему 1920 г. был подготовлен отдельный указатель приказов и распоряжений по Особому отделу ВЧК, что, скорее всего, объяснялось особым положением подразделения военной контрразведки в данное время и удобством пользования его разделами по конкретным направлениям оперативно-розыскной деятельности. По существу это подборки нормативных документов»[793]. Кроме того, в составе регистрационного отделения создали фотолабораторию[794].

---

[789] Лубянка. С. 24.

[790] Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 229.

[791] Чекисты Сталина / В.Н. Степанков, А.В. Киселев, Э.П. Шарапов. СПб., 2006. С. 491.

[792] Виноградов В.К. Указ. соч. С. 8.

[793] Виноградов В.К. Указ. соч. С. 11.

[794] Зданович А.А. Отечественная контрразведка. С. 162.

Еще в июне 1920 г. М.Я. Лацис настаивал на включении Особого отдела в структуру Секретно-оперативного отдела ВЧК[795]. Принятие предложения означало окончательное слияние Особого отдела с аппаратом ВЧК. 10 ноября на заседании Коллегии ВЧК Генрих Ягода доложил вопрос «3. О слиянии параллельных отделов ВЧК и 00 ВЧК: *а) Секретно-оперативного отдела ВЧК с Оперативным отделом ОО ВЧК (доклад Ягоды); б) Административных отделов Управления делами».* Вердикт: «Объединить Административные отделы и Управления делами; слияние Секретно-оперативного отдела ВЧК и Оперативного отдела ОО ВЧК временно не производить. Образовать комиссию для детального обсуждения указанного проекта на предмет изыскания способов постепенного слияния указанных органов. Данной же комиссии поручить слить те отделения особых отделов, которые могут быть слиты немедленно». Комиссии поручалось также обсуждение всех оперативных вопросов, связанных с обоими отделами». Состав комиссии: заместитель председателя 00 В.Р. Менжинский, заведующий Секретнооперативного отдела Т.П. Самсонов, заместитель председателя 00 А.Х. Артузов[796]. Через 2 месяца вопрос был решен.

14 января 1921 г. состоялась последняя реорганизация центрального аппарата военной контрразведки — Секретнооперативный отдел выделен в самостоятельное управление, в составе которого отныне находился Особый отдел ВЧК.

Как установили А.И. Кокурин и Н.В. Петров, штат и расстановка кадров Секретно-оперативного управления (СОУ) выглядели в январе 1921 г. следующим образом:

Председатель СОУ (он же начальник 00) (В.Р. Менжинский)

1) Оперативный отдел (начальник — Б.М. Футорян, помощник начальника Н.Н. Алексеев):

— Комиссар для особых поручений (Дмитриев)

— Сотрудник для особых поручений (М.И. Зайцев)

— Секретариат (секретарь С.Б. Иоффе)

— Оперативное отделение (Гольдсгейм)

— Техническое отделение (вакансия)

— Активная часть Оперода (Грикман)

— Отделение обработки материалов (Шкляр)

— Бюро обработки (Собин-Злобин)

— Бюро печати (В.Г. Вешнев)

— Регистрационно-статистическое отделение (Я.П. Роцен)

— Справочное бюро (вакансия)

— Бюро розыска (врид Ежова)

— Бюро статистики (Смиттен)

— Архив (Хржонц)

2) Особый отдел (В.Р. Менжинский, заместитель начальника — Г.Г. Ягода, помощник начальника — А.Х. Артузов):

Сотрудники для поручений (В.С. Кияковский, И.И. Сосновский, К.Ф. Роллер)

— 13-е спецотделение (нумерация отделений начиналась с 13-го; контрразведывательная работа против Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии) (Эйдукевич)

— 14-е спецотделение (контрразведывательная работа против стран Востока) (Калужский)

— 15-е спецотделение (контрразведывательная работа против стран «Большой Антанты») (Щепкин)

— 16-е спецотделение (контрразведывательная работа в Красной армии) (Я.С. Агранов)

---

795 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 195.

796 Архив ВЧК. С. 407–408.

— 17-е спецотделение (контрразведывательная работа против «офицеров») (врид Калинин)

3) Секретный отдел (Т.П. Самсонов, заместитель начальника И.З. Сурта):

Сотрудники для поручений (Рутковский, Орлов, Малахов, Лукин, Мавричев)

Секретарь СО (С.Б. Иоффе)

1- е отделение (работа против анархистов) (М.В. Бреннер)

2- е отделение (работа против меньшевиков) (А.Ю. Рамишевский)

3- е отделение (работа против правых эсеров) (Кожевников)

4- е отделение (работа против правых партий) (Я.М. Генкин)

5- е отделение (работа против левых эсеров) (У.И. Пюкинен)

6- е отделение (работа против духовенства) (П.Л. Валейчик)

7- е отделение (работа против разных партий) (И. А. Шпицберг)

8- е отделение (осведомительское) (вакансия)

9- е отделение (работа против еврейских «противосоветских партий») (Л.И. Юргенс)[797].

На места были отправлены специальные разъяснения: «работа ОО не уничтожается, а изменяется только организационно»[798].

Таким образом, в конце 1920 г. Особый отдел был разбит на 5 спецотделений уже не по методам работы (следствие, агентура и т. д.), а по направлениям работы — внешней и военной контрразведки. В Особом отделе остались лишь подразделения, отвечающие за направления работы. При этом все они, за исключением спецотделения по Красной армии, испытывали кадровый голод. К примеру, в 14-м (восточном) отделении в наличии были лишь начальник отделения М.М. Великовский и один из восьми полагавшихся сотрудников для поручений (всего по штату полагалось 16 сотрудников). Для работы по внешней контрразведке кадров было явно недостаточно, притом что война с Польшей и взаимоотношения с приграничными государствами — странами Прибалтики и Финляндией — остро ставили вопрос обеспечения руководства страны информацией о состоянии дел в других странах[799].

25 февраля 1921 г. Дзержинский просил В.Р. Менжинского дать циркулярное разъяснение всем особым отделам, что они «не имеют права заводить агентурные дела против чекистов без согласия председателя ЧК, а равно и против более или менее ответственных коммунистов без согласия парткома. В случае, если возникают серьезные подозрения, о которых по местным условиям нельзя доложить предчека и парткому, дело препровождать в Центр для дальнейшего направления». И вообще — предписать особым отделам сосредоточиться на ведении военной контрразведки, не отвлекаясь на другие вопросы[800].

По подсчетам О.И. Капчинского, в начале марта 1921 г. численность сотрудников Особого отдела составила по штату 133 человека, по списку 76 (из них руководящих работников и специалистов 76 и 57 соответственно) [801].

По состоянию на 12 февраля 1921 г. общая численность сотрудников особых органов (без учета личного состава 00 губернских ЧК) составляла 9745 человек. Основываясь на

---

797 Лубянка. С. 20–21.

798 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 242.

799 Капчинский О.И. Указ. соч. С. 113.

800 Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 261.

801 Это в 2,5 раза меньше, чем в апреле 1920 г.

сведениях от 29 особых органов, А.А. Зданович установил, что:

1. Общее число членов РКП(б) — 4449 (45,7 %). Из них с дореволюционным стажем 575 сотрудников (12,9 %), большинство (66,5 %, или 2959 чел.) вступили в партию в годы Гражданской войны. Кроме того, имелось 593 кандидата в члены РКП(б) (13,3 %) и 118 комсомольцев (2,6 %);

2. Из общего числа сотрудников 404 особиста пришли на работу в ВЧК в 1918 г., 1236 (27,7 %) — в 1919 г., при этом подавляющее большинство сотрудников (77,7 %, или 7576 чел.) имела чекистский стаж 1–2 года. Как видим, только 9 % коммунистов-особистов «досталось» ВЧК от Отдела военного контроля Регистрационного управления Полевого штаба РВСР;

3. По образовательному уровню: высшее образование — 174 (1,9 %); среднее 2262 (24,5 %), начальное — 6104 (66,2 %), домашнее — 564 (6,1 %); неграмотных насчитывалось 112 человек (1,2 %).

По оценке А.А. Здановича, показатели выше, чем у сотрудников губернских чрезвычайных комиссий[802].

Решение Политбюро и Оргбюро 1919 г. о направлении на работу в военную контрразведку лучших коммунистов, по крайней мере, в центре и на фронте, как кажется, были выполнены. В отдаленных уголках имели место исключения. 23 апреля 1921 г. Дзержинский получил заявление коммунистов-сотрудников Кушкинского отделения Особого отдела Туркестанского фронта в большевистский ЦК от 18 марта о «неправильных расстрелах коммунистов, находящихся на службе в особых отделах и чека, которые в последнее время участились в Туркреспублике». Особисты писали, что расстрелы чекистов вместо оздоровления аппарата приводят лишь к разложению сотрудников. Более того, «коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в движение механически…» Вследствие «однообразной, черствой, механической работы, которая только [и] заключается в искании преступников и в [их] уничтожении, то они постепенно против своей воли становятся индивидами, живущими обособленной жизнью. В них развиваются…высокомерие, честолюие, жестокость, черствый эгоизм и т. д., и они постепенно, для себя незаметно, откалываются от нашей партийной семьи, образовывая свою, особенную касту, которая страшно напоминает касту прежних жандармов. Партийные организации на них смотрят как на бывшую охранку, с боязнью и презрением. Это вполне естественно при современной постановке работы, а также структуре карательных органов, которые абсолютно не имеют живой, так необходимой связи с парторганизациями»[803]. Авторы послания предлагали применять расстрелы для буржуазии, а для своих, пролетарских и крестьянских кадров, в качестве меры воздействия — «товарищеское исправление». Кроме того, предлагалось «почаще производить смену коммунистов, находящихся в пролетарских карательных органах» (тогда, по мнению особистов, коммунисты, проработавшие в ЧК, научатся уважать чекистов «как действительных мучеников революции), уделять больше внимания их работе и наладить материальное положение чекистов и, в частности, особистов[804]. Дзержинский предложил Центральному комитету РКП(б) послать известному чекисту Якову Христиановичу Петерсу обращение особистов «для ознакомления и принятия мер, если действительно расстрелы чекистов слишком широко и необдуманно применяются. На такое письмо следует откликнуться — производят впечатление письма людей с наболевшей душой. Нельзя, в

---

802 Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 197–198.

803 Правда для служебного пользования: Из документов личного архива Ф. Дзержинского / публ. Г.А. Бордюгова // Неизвестная Россия. Т. 1.С. 43–45.

804 Там же. С. 46.

самом деле, всегда всех провинившихся так наказывать… И если много преступлений, надо на них смотреть как на жандармов — это значит, они все погибнут. Тут надо врачевать ЧК не расстрелами, а, действительно, более частой сменой, обновлением состава, сближением с партией и заинтересованием самой партии. Если товарищи смотрят на них как на жандармов — это смерть ЧК. С этом надо бороться внутри самой партии и посылать в ЧК не "жандармов", а товарищей, которых партия на каждом шагу поддержит и окажет партийное доверие»[805].

Петерс в это время был полномочным представителем ВЧК и членом Туркестанского бюро ЦК РКП(б)[806]. Поручение формально было логичным. Правда, бороться с незаконными расстрелами должен был «Кошмар революционной Москвы», как прозвал Петерса познакомившийся с ним в заключении у большевиков генерал А.А. Брусилов…

В 1921 г. высшее военное руководство продолжало отстаивать идею о необходимости сохранения армии в полнейшей неприкосновенности. 1 января совещание Реввоенсовета Республики с членами и командующими Реввоенсоветов фронтов и армий, заслушав доклад начальника Полевого штаба Павла Лебедева о реорганизации армии, признало «безусловно необходимым организовать борьбу с теми тенденциями», которые наблюдались «в смысле ослабления роли и значения Красной армии»[807]. Если в РСФСР взгляды на вопрос о численности и составе армии расходились, то в отношении армии на Украине все было предельно ясно. 19 марта 1921 г., заслушав доклад М.В. Фрунзе «Об организации вооруженных сил на Украине», РВСР постановил: «Так как в ближайший период украинский военный аппарат имеет по-прежнему своей основной задачей содействие общеправительственному аппарату на Украине в деле установления прочного государственного режима и полную ликвидацию бандитской и всякой иной анархии на Украине — существование не только политического, но и объединенного военно-политического аппарата (в тех или других пределах) имеет за себя веские основания, почему упразднение в ближайший период объединенного военно-политического аппарата на Украине до установления твердого режима представляется невозможным»[808]. Наконец, 21 сентября РВСР под председательством Троцкого срочно передал телефонограммой в Политбюро ЦК предложение: вследствие польского ультиматума и «необходимости держать армию наготове, что совершенно несовместимо с демобилизацией, реорганизацией и вызываемыми этим демобилизационными настроениями», — приостановить «действие всех постановлений и приказов об увольнении в бессрочные отпуска, расформировании частей и учреждений до уяснения создавшегося положения». СТО согласился с аргументами высшего военного органа Советской России[809]. Работы у Особого отдела меньше не становилось.

В результате январской реорганизации 1921 г. начался новый период истории отечественной военной контрразведки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отечественные спецслужбы формировались в условиях рождения и первых шагов

---

805 Там же. С. 47.

806 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1474. Л. 5.

807 См. подр.: Сб. РВСР. Т. 2. С. 163 и след.

808 Сб. РВСР. Т. 2. С. 181–182.

809 См. подр.: Сб. РВСР. Т. 2. С. 233–236.

Красной армии, недоверия большевиков и левых эсеров к военным специалистам, и притом далеко не всегда неоправданного. Процесс поиска оптимальной структуры органов военной разведки и военной контрразведки усиленно шел весь 1918-й и начало 1919 г., однако он не завершился даже в 1919 г., когда Красная армия уже вовсю одерживала победы на фронтах Гражданской войны.

Первым органом, который взял на себя непосильную ношу отвечать за все аспекты военного строительства одновременно, а именно: руководство частями Красной армии, ее снабжение, разведывательное и контрразведывательное обеспечение ее деятельности — стал Оперативный отдел Наркомвоена. Фактически Оперод превратился в альтернативный Штабу Высшего военного совета и центральному военному аппарату орган военной власти. Лидирующую роль в Опероде, под покровительством московского большевика из меньшевиков-интернационалистов Семена Аралова, заняла талантливая и амбициозная группа фронтовых офицеров — выпускников ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии, во главе со своим лидером и идеологом Георгием Теодори. При этом практически сразу эту группу отстранили от ведения военной контрразведки, оказавшейся в руках партийных работников-прибалтов со значительным опытом подпольной работы.

После создания в сентябре 1918 г. принципиально нового органа высшего военного руководства — Реввоенсовета Республики — руководство Оперода ждали резкие перемены. На основе Штаба Высшего военного совета и Оперода к 11 ноября 1918 г. организовали Полевой штаб РВСР, в частности, на базе двух отделений Оперода (Разведывательного и Военного контроля) были созданы Агентурный отдел и Отдел военного контроля Регистрационного управления Полевого штаба — предшественники современных Главного разведывательного управления Генерального штаба Министерства обороны РФ и Департамента военной контрразведки ФСБ России. Дореволюционные органы военных разведки и контрразведки не были взяты за основу при формировании центрального аппарата советских спецслужб. Костяк Регистрационного (развед) управления — центрального органа советских военной разведки, военной контрразведки и военной цензуры — составили бывшие сотрудники Оперода. По сути военную разведку и военную контрразведку РСФСР формировали вчерашние фронтовики, без опыта работы в спецслужбах.

Для подготовки к работе в спецслужбах партийных работников Георгий Теодори организовал осенью 1918 г. Курсы разведки и военного контроля (впоследствии подчеркивал, что эти Курсы были «уникальными в Европе»). Однако «товарищам» было трудно освоить специальные предметы, и прошло немало времени для отлаживания новой системы подготовки кадров.

В конце 1918 — начале 1919 г. ВЧК перетянуло военную контрразведку из военного ведомства, что объясняется целым рядом факторов: стремлением ВЧК к гегемонии в области борьбы с контрреволюцией, недовольством главы Реввоенсовета Республики Троцкого деятельностью Отдела военного контроля РУ, недоверием партийных руководителей ОВК к Теодори сотоварищи и крайней амбициозностью первого председателя Особого отдела ВЧК — старого большевика и соратника Ленина по эмиграции Михаила Кедрова. Для ликвидации «группы давления» из лелеявших идею Большого Генерального штаба выпускников Николаевской Императорской военной академии 1917 г., в Полевом штабе и в штабах фронтов и армий в марте 1919 г. арестовали лидера генштабистов и одного из членов «коллегии выпуска» Георгия Теодори. Таким образом, в заключении оказался один из основателей ГРУ. Весьма показательный в истории взаимоотношений ГРУ и ДВК эпизод. История советских военных разведки и контрразведки разошлась до июля 1922 г., когда руководство разведки ввело «за правило не принимать ни одного нового сотрудника без согласия на то ГПУ». А фактический ультиматум однокурсников Теодори В.И. Ленину привел, наряду с рядом других факторов, к их арестам летом 1919 г. Кедров, лично занявшийся генштабистами 1917 г., показал себя как талантливый военный контрразведчик.

Принадлежа к элите по происхождению, пройдя путь революционера, имея опыт работы за границей в эмиграции, он сумел на аудиенции, которой добились в связи с делом Теодори генштабисты, обвести их всех вокруг пальца: ценных сведений не дал, а интересующий его вопрос о способах связи выпуска выведал. «Группу давления» уничтожил. Если бы Кедров и в остальных случаях действовал столь же ловко, он, несомненно, надолго бы задержался в руководстве Особого отдела.

Работа с агентурой никогда не была сильной стороной царских офицеров, но генштабисты ускоренных курсов в данном вопросе разбирались еще меньше. Регистрационное управление сохраняло их в своем составе вплоть до лета 1919 г., когда поставленный во главе РУ анархист Тимофей Самсонов (Бабий), некогда отчисленный Теодори с Курсов военного контроля, очистил советскую военную разведку от офицеров-«золотопогонников». Эта чистка, как это ни парадоксально, имела и положительные результаты: Самсонов изменил порядок работы с агентурой, при нем получила значительно большее распространение совершенно необходимая в деле агентурной разведки конспирация. Основную ставку Самсонов, в отличие от прежних руководителей РУ, сделал на зарубежные партийные организации, и не ошибся в выборе, хотя постоянный недостаток выделяемых центральному органу советской военной разведки средств привел к ситуации, когда сотрудники стали именовать Регистрационное управление «мертвым трупом». К тому же РУ полностью сосредоточилось на агентурной разведке и не уделяло должное внимание войсковой разведке и радиоразведке, а потому, по выражению одного из преподавателей Академии Генерального штаба РККА С. Савицкого, «в то время когда Гражданская война придавала большое значение агентуре, последняя, будучи несогласованна с войсковой в едином аппарате, не смогла дать соответствующих удовлетворительных результатов».

Разведотделы Полевого штаба и фронтовых штабов при этом работали более эффективно, чем центральный орган военной разведки. Ежедневные разведсводки Полевого штаба, обобщавшие самые важные и достоверные сведения по всем фронтам и территориям противника, осуществляли информирование высшего военно-политического руководства Советской республики.

При этом Регистрационным управлением в конце 1919–1921 гг. были созданы агентурные сети в Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Германии, дававшие крайне ценную информацию о потенциальных врагах Советской России. В 1921 г. в итоге реорганизации РУ появилось Разведывательное управление Штаба РККА с разветвленной структурой, издававшее подробные сводки о положении в иностранных государствах.

В органах военной контрразведки Михаил Кедров начал проводить жесткую селекцию кадров. Это была необходимость, но критерии, по которым проводилась чистка, не ясны, а методы крайне жестки: старые кадры под различными предлогами выжимались, а насаждались «новые со взглядами ВЧК», но и они не держались за работу в Особом отделе. Кедров твердо взял курс на автономность Особого отдела как от руководства РВСР, так и от руководства ВЧК, что вызывало крайнее раздражение и Льва Троцкого, и Феликса Дзержинского. Вряд ли это заставило бы Ленина изменить ситуацию, если бы не деятельность «никому не подконтрольного» ОО ВЧК не вредила бы делу борьбы с контрреволюцией и шпионажем в армии. 18 августа 1919 г. Особый отдел возглавил сам Дзержинский.

До конца 1918 г. ВЧК и фактически неподконтрольные ей местные органы по борьбе с контрреволюцией действовали по принципу «схватил, посадил, продержал, вызвал из тюрьмы, посмотрел, допросил, отпустил»: следователей не хватало, тюрьмы переполнены, при подозрениях военных специалистов хватали, но грамотно допросить и получить основания для расстрела или отправки в концлагеря чекисты в силу неопытности не могли. Будущие легенды органов государственной безопасности (Артузов) характеризовались в марте 1919 как люди «малоспособные». Одним словом — «вверхновщина» (выражение военного контрразведчика И. Зорина). '

В сентябре 1919 г. первый крупный успех ВЧК и ее Особого отдела, связанный с ликвидацией организаций Всероссийского национального центра в Москве и Петрограде, «окрылил» военных контрразведчиков. В 1919–1921 гг. аппарат 00 стремительно развивался, а функции усложнялись. Это привело, в частности, к тому, что в 1920–1921 гг. военная контрразведка вскрыла агентурные сети иностранных государств и финансируемых ими белогвардейских организаций (прежде всего савинковской организации «Народного союза защиты родины и свободы» с центром управления в Варшаве). К концу Гражданской войны наладились в целом и взаимоотношения Особого отдела ВЧК с военным ведомством.

Военная контрразведка справлялась со своими все более разнообразными функциями. Ее аппарат неуклонно креп, методы работы совершенствовались. В исторической ретроспективе это, возможно, позволяет признать правоту М.Я. Лациса, М.С. Кедрова, Р.С. Землячки и других чекистов, изначально настаивавших на создании военной контрразведки в составе органов государственной безопасности.

Характеризуя двух первых высших руководителей агентурной разведки и военной контрразведки — Аралова и Гусева, Кедрова и Дзержинского, я бы хотел отметить следующее обстоятельство. Всё в их деятельности определял не профессионализм (которого не было), *а место* каждого руководителя *в партийной иерархии.* Все четверо действовали как *политики.* Практическими вопросами организации аппарата они по определению не стали бы заниматься — не царское это было дело. Подобную работу передоверили другим людям — соответственно, Теодори и Самсонову, Артузову и Ягоде. Эта четверка определила в конечном итоге «лицо» центрального аппарата военных разведки и контрразведки. Теодори фронтовик, без опыта организации агентурной работы, результат — громоздкое Регистрационное управление и провалы агентуры; Самсонов, старый подпольщик и экспроприатор, оказался на высоте положения. Артузов, будучи плохим организатором (за это его перевели впоследствии на ежедневный доклад — высшая форма недоверия со стороны руководства), ничего не смог сделать для создания на базе ОВК дееспособного Особого отдела. Ягода, с опытом организационной работы в Высшей военной инспекции, проявил себя как аппаратный гений, сделав военную контрразведку достаточно органичной частью общей системы органов государственной безопасности. На эффективности работы РУ и 00 сказалось то обстоятельство, что единственной сменой высшего руководителя в последнем случае была замена Кедрова на Дзержинского в августе 1919 г.: «чехарда» руководителей РУ, наряду с отсутствием должного финансирования, чуть было не привела к ситуации «мертного трупа».

В эпоху Гражданской войны в результате мучительных организационных поисков была создана действенная система органов отечественных военной разведки и военной контрразведки. «В связи с прекращением борьбы на внешних фронтах и переходом к мирному строительству вооруженных сил», как выразились составители официальной Справки Управления делами НКВМ, началось сокращение центрального военного аппарата, а также (добавим от себя) реорганизация аппарата военной контрразведки. Разведка с января 1921 г. была сосредоточена в Разведывательном управлении (с 1922 г. — Разведывательном отделе) Штаба РККА; военная контрразведка — в Особом отделе Секретно-Оперативного управления ВЧК.

Иллюстрации

В. И. Ленин

Прибытие в Брест-Литовск российской делегации для подписания мира с Германией

Л.Д. Троцкий выступает перед красноармейцами

Ф.Э. Дзержинский

Красногвардейцы у бронеавтомобиля, захваченного у юнкеров

Группа командиров Красной Армии

М.И. Лацис Л.М. Карахан

Г. В. Чичерин Н.И. Муролов

Л.Д. Троцкий и И. И. Вацетис на параде

И. И. Вацетис в своем штабе

Комментарии

1

Так в тексте. Возможно, вместо двух последних фамилий — Б.Ф. Черниговский-Сокол.

2

Вписано ручкой.

3

В тексте ошибочно: «использовывать».

4

Приложения в деле отсутствуют.

5

Так в тексте.

6

Так в тексте. Правильно: «его».

7

Так в тексте. Правильно: «обывательских».

8

Предложение вписано красными чернилами.

9

Так в тексте. Имелась в виду Чехословакия.

10

Первоначально стояло: «заканчивает». Исправлено красной ручкой.

11

Так в тексте.

12

Заголовок документа.

13

Вписано ручкой поверх строки.

14

Здесь и далее выделенные подчеркиванием слова в документе подчеркнул Л.Д. Троцкий.

15

Так в тексте.

16

Напротив данного абзаца карандашное выделение его «героя» — Л.Д. Троцкого.

17

Л.Д. Троцкий подчеркнул дважды, напротив предложения слева пометил: «+».

18

Л.Д. Троцкий выделил абзац слева сбоку двойной линией.

19

Так в тексте. Правильно: «аполитичны».

20

Документ на бланке «РСФСР. Отделение военного контроля. Оперативного отдела НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА по военным делам. Сентября дня 1918 г. № 03089. г. Москва. 415. Почт[овый] ящ[ик] 926».

21

Из расположения материалов в деле следует, что документ был составлен не ранее 12 сентября — не позднее 4 октября 1918 г.

22

Гриф указан на бланке. Свидетельств об утверждении документа не имеется.

23

Заголовок документа.

24

РВС Республики.

25

Заголовок документа.

26

Так в тексте. Следует: «проводится».